

Ministry of Culture of the Russian Federation
Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
“Ekaterinburg State Theatre Institute”

LITERARY EXERCISES

2020

Drama, Poetry, Prose

Ekaterinburg
TXT
2020

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Екатеринбургский государственный театральный институт»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ 2020

Драматургия, поэзия, проза

Екатеринбург
ТХТ
2020

ББК 94.3
Л 64

Л 64 **Литературные опыты 2020**: драматургия, поэзия, проза. — Екатеринбург : ТХТ, 2020. — 420 с.

ISBN 978-5-7584-0580-2

В сборник вошли драматургические, поэтические и прозаические произведения, созданные студентами и выпускниками отделения «Литературное творчество» Екатеринбургского государственного театрального института (руководители отделения — Николай Коляда и Юрий Казарин).

Адресовано всем, кто интересуется современной литературой и драматургией.

ББК 94.3

ISBN 978-5-7584-0580-2

© Екатеринбургский государственный
театральный институт, 2020
© ТХТ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТУРГИЯ

<i>Сергей Ермолин</i> Нефритка	12
<i>Роман Козырчиков</i> Русская сказка	46
Хорошая девочка Лида.....	76
<i>Денис Орлов</i> Сказки об Италии	88
<i>Алексей Синяев</i> Плохая изоляция	119
<i>Анастасия Чернятьева</i> Край земли русской — конечная	160

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА

<i>Никита Акиншин</i>	186
<i>Елена Алексеева</i>	189
<i>Ксения Бирюкова</i>	195
<i>Надежда Болтачева</i>	198
<i>Анастасия Волкова</i>	207
<i>Лидия Волкова</i>	214
<i>Наталья Дедюхина</i>	218
<i>Ольга Кручинина</i>	221
<i>Надежда Лаевская</i>	225
<i>Лариса Лебедева</i>	299
<i>Артем Лебедь</i>	302
<i>Анастасия Лыхенко</i>	326
<i>Ольга Маршрутова</i>	329
<i>Сергей Мигаль</i>	331
<i>Анастасия Низами</i>	334
<i>Карина Низамова</i>	337

<i>Софья Оршатник</i>	341
<i>Светлана Панина</i>	350
<i>Алиса Парамонова</i>	353
<i>Иван Плотников</i>	356
<i>Анастасия Попова</i>	360
<i>Дарья Пухова</i>	362
<i>Александр Пятков</i>	364
<i>Тамара Сальникова</i>	374
<i>Максим Томилов</i>	378
<i>Ольга Фадеева</i>	401
<i>Зоя Фролкова</i>	406
<i>Елена Шадрина</i>	412
<i>Татьяна Шорохова</i>	416

ДРАМАТУРГИЯ

Пьесы и рассказы, опубликованные в этом сборнике, созданы совсем молодыми, начинающими свой творческий путь литераторами. Кто-то из них недавно закончил отделение «Драматургия» в ЕГТИ, а кто-то еще только постигает азы литературного творчества, азы драматургии.

Меня очень радует, что в Екатеринбургском государственном театральном институте возникла новая традиция: каждый год издавать лучшее из того, что создано студентами или недавними выпускниками отделения «Литературное творчество».

Пусть эти сборники издаются небольшим тиражом, но — книга есть книга, никакая публикация в интернете не заменит то, что напечатано на бумаге, в настоящей книге. И пусть книга эта попадет в руки тех, кому она будет нужна, кому она станет интересной.

Знаю точно, сколько радости приносит молодым авторам такая публикация и как это поддерживает их, какие крылья вырастают, как им хочется писать еще и еще и быть лучше.

Ведь каждый из них воспринимает такую публикацию как аванс, как похвалу, как внимание к тому, что он делает.

А это так важно в сегодняшнем мире, где все порознь и где каждый занят только собой и не очень радуется, когда у другого дела идут в гору.

Что ж. Мир мы не переделаем, но сделать его чуточку лучше — в наших силах.

А для этого молодые литераторы учатся смотреть на человека внимательно, пытаются рассказывать о нем в пьесах или в прозе с любовью и состраданием — в традициях великой русской литературы. Этому мы, педагоги, учим их в институте.

Для меня важно, чтобы в конце обучения студенты могли бы писать не только пьесы, но свободно заниматься любым литературным делом.

Я никогда никого не ограничивал: всегда моим студентам говорил, что писать надо то, что хочется. Пишите стихи, прозу, пьесы, да хоть либретто для оперетт и опер.

Главное, чтобы вам было интересно и доставляло удовольствие, главное, чтобы вы говорили о том, что вас тревожит, о чем хотите сказать людям.

Я уверен, что у всех, кто публикуется в этом сборнике, большое будущее, и хочется им всем пожелать доброго пути и удачи!

Николай Коляда
*художественный руководитель
специальности «Литературное
творчество» (направление
«Драматургия»), драматург,
режиссер, Заслуженный деятель
искусств России, лауреат
премии К. С. Станиславского*

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА

Молодым уральским литераторам повезло: во-первых, времена нынче наступили особенные — странные, трудные и не совсем обычные; во-вторых, преодолению такого времени способствует прежде всего слово, изящная словесность, художественная литература, а также традиции уральского текстотворчества, которые наиболее ярко и прочно утвердились в прозе П. П. Бажова, в драматургии Н. В. Коляды и О. А. Богаева, в поэзии А. Решетова и М. Никулиной. В-третьих, руководство Екатеринбургского театрального института постоянно поощряет молодых авторов и вниманием, и публикациями. Настоящее издание литературных опытов молодых авторов — явление в России уникальное, помнится, такие издания много лет назад выпускал только московский Литературный институт. И вот спустя три десятка лет по инициативе ректора ЕГТИ А. А. Глуханюк выходит новый том весьма своеобразной и необходимой прежде всего российской культуре художественного слова антологии (ежегодной!) молодых драматургов, прозаиков и стихотворцев. Уверен, что все, причастные к этому изданию, создают большое и альтруистическое литературное явление, подобных которому я не встречал давно ни в России, ни за рубежом. Желаю всем участникам коллективного сборника трудной, настоящей судьбы.

Юрий Казарин
*художественный руководитель
специальности «Литературное
творчество» (направление
«Поэзия, проза, литературная
критика»), доктор филологических
наук, профессор, член Союза
писателей России, лауреат многих
литературных премий, обладатель
ряда литературных наград*

ДРАМАТУРГИЯ

НЕФРИТКА

Действующие лица

Виктор, отец, 50 лет.

Наталья, мать, 49 лет.

Рома, их сын.

Машка-Ромашка, сестра Ромы.

Оксана, сестра Виктора, 52 года.

Мужской голос.

Женский голос.

Марк Аврелий, дворовый шахматист.

Дедушка, отец Виктора.

Бабушка, мать Виктора.

Барон.

Мальчик.

1

Рома. Приехал... Соседи по купе... Мужики. Притащили ящик пива. Пили, орали. Что-то смеялись. И так все отвратно это... Так невыносимо. В итоге я к ним присоединился, конечно. Кто-то, что-то, куда-то едут. Работают. Носятся. Так интересно, наверное... А когда зашел кондуктор. Моя станция. А я только влился, и пиво только ударило. Уже выходить. Раскланялся. Пока, мужики. Удачи вам там. Всегда, когда желаю удачи, все наоборот выходит. И всем пока. Вышел.

На перроне подошла цыганка, протянула руку. Я сунул ей в ладонь бумажку, пятьдесят. А что? Им и меньше дают. Она спрятала ее куда-то за юбку, опять протянула. Что? Сигаретку, — говорит, — у меня ребенок... Пальцем показывает, там бегают, черный, лохматенький. Лет восемь, может... Не разбираюсь. Я смотрю на нее, затягиваюсь... Красивым вырастет... И так же просить

---

* Студент ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Н. В. Коляды, 3 курс). Живет и работает в Екатеринбурге.

будет? Она за ним бегаёт, ухаживает. Совсем ещё маленький. Может, и хорошо? Он бегаёт, и она бегаёт. А потом он будет ходить и просить. Смеется пока. Мне грустно было... Когда я как он. Пожалуйста... ребенок... Что? Тянет все еще руку. Тянусь за пачкой. Поделюсь сигаретой ради ребенка. Идиотка. Стоит, цыганка, даже в школе не училась, книжек не видела. Это, видимо, что-то женское. Потому что ребенок. У женщины без мозгов только ребенок. А у мужчины? Раньше сила. Сейчас эволюция, скелет вытягивается туда, вверх... Кости тоньше. Наверное, грубость. Без мозгов в голове все нужное остается... у кого-то грубость, у кого-то ребенок...

Протянул ей. Отхожу. Останавливает. Что? Прикурить. Даю. Ухожу. И сразу же. Видимо, видел. Парень смуглый. Салам алейкум. Здравствуйте. И улыбаюсь. Протянул ему руку пожать. Он схватился обеими и не отпускает. Попал... Только говорит и качает. У нас с женой ребенок. Мы только приехали. Нам лекарства. Смотрю на него. Там за спиной жена его бегаёт и людей так же ловит на выходе со Сбера. Знают, где просить. Я — студент... А! У вас на карте. Нет — я студент, денег мало. Ааа... И мою руку отбросил. Отвернулся. Да сам иди туда... Ухожу.

Ташу сумку. Хорошо, что лето. Снега нет. Обычно волочу по льду, по каше. А сейчас асфальт, земля, жара. Люди. За сорок — накинут на себя какие-то плащи. Спасибо, что не шубы. Преют, потеют, воняют. Какая-то тетка в коротком розовом платье, на каблуках, блондинка. Крашенная, взъерошенная. Рядом, видимо, ее муж, полненький, смазливый, с собачкой на руках. Стоим на светофоре. От него пахнет потом и каким-то одеколоном. Вкусным. От нее — виноградом и ослиной мочой. Типично. И идем все.

Перед входом в метро остановился. Перекурить. Там старушка во всем поношенном. Ходит с книжками. Покупайте — хорошие книжки. И тихо так. Как будто гиря на язык подвешена. К ней полный мужик подошел. Посмотрел на книжки. Перекинулись парой слов, и дальше двинул. Она их положила на скамейку, лежат. Что-то в сумке медленно перебирает. Стою. Терплю. Не терплю. Здравствуйте. Здравствуйте. Покупайте... А что за книги? Вот, Мамин-Сибиряк. Сто. Вот это приключенческое что-то — не помню. Тоже сто. Эта вот про Гитлера. Она — двести. Хорошие книжки, покупайте. Вот эта вот двести? Да. Давайте. Даю двести. Меня вот из больницы выписали... А мне лекарства... Она говорит

это. Знаю я... Стою. Стою. И ухожу молча. Сигарет не куплю. А она продолжает перебирать на скамейке. Какие двести рублей на лекарства? Счастья вам, что ли...

В метро остановили движение. Нашли бесхозную сумку. Спускался по лестнице. Стоят два полицейских. Говорят, ржут. Иду дальше. Бежит женщина. Сотрудница. Полиция где?! На все метро кричит. Хоть кто-то беспокоится. Они подскочили. Побежали. Меня обогнали. Прохожу КПП. Писк. Спускаюсь по эскалатору. Интернет пропал. Они какой-то чемодан с антеннами притащили — глушилка, видимо.

Сложили, собрали, ушли.

А если бомба? Правда. Террористы, радикалы и так далее... Ц... Видимо, и вместе взорвемся в метро. Минус двести человек. Вон та женщина с ребенком. Вон та дама с алкашом. Мне сорок два, три ребенка. Сын и две дочери. Работа. Тридцать девять тысяч. Сын уже взрослый. Подарки дарит. Вот такая вот я — завидная мамашка. Мамашка... Идиотка. Голову наискосок держит. И улыбка наискосок. Ухо, что ли, тяжелое? Улыбаюсь. Стоит еще какой-то. Жирный. В обнимку с пакетом из КФС. Грустный. Недоедает или о чем-то думает? Какая увлекательная жизнь у людей. Мне говорить? Сидим, и какой-то парень с длинными ресницами. Садится. Напротив, через проход. Смотрю. Поворачивает голову на меня, я отворачиваюсь. Волосы длинные, он их резинкой на макушке. Стою. Поворачиваюсь. Смотрит. Я так — как будто мимо... Ц... Глаза большие. Специально их широко раскрывает. Знаю. Едем. Я чувствую. Смотрит. Едем. Смотрит. Расстегиваю толстовку. Едем. Смотрит. Снимаю толстовку. Душно. Едем. Смотрит. Снимаю часы. Сейчас бы взорвались бы тут все. И ресницы бы эти оплавилась. Наверное, моложе меня. И шея сгорела, и пальцы оторвало... Мои. А я сегодня неба не видел... Что? Выходит. Я дальше. Трогаемся. Идет, сквозь окна смотрит. Едь уже.

Эскалатор. Люди, которые едут вниз, едут на нас, которые едут вверх. И наоборот. Забавно. Забавно... Запах какой-то... Спертый. Душно. Фу. Нормально. Фу. Передо мной жирный с пакетом. Уже по лестнице. От него? Пристраиваюсь. Вдыхаю. Блюю. Замечательно. Он ко мне. А меня свернуло. Он мне руку жирную протягивает. От него несет. Блюю. Он с глазами добрыми. Зачем я в поезде пил? Он: помогу. Воздуха! У него глаза добрые, простые. Но несет невозможно. Как два идиота. Меня... Да-да-да, спасибо. Дальше я один. Желудок слабый. Как его?.. Спасибо.

Вверху все серое. Дождь, видимо. Забегу в магаз. Фарш по акции. Восемьдесят девять. Кило картошки. Двадцать восемь. Ужин на всю семью. Соль, укроп найдем. А, может, взять еще лука. Тридцать девять — кило. У кассы. Ц... По дороге картошку с луком можно подешевле купить. В киоске. Там обычно женщина. За каждую покупку спасибо. Опять у кассы. Можно фарш в мешочек? Цыкает. Идиотка. Хотя бы поздоровалась. Тому мужику передо мной товары по акции предлагала. Мне — нет. Я юродивый, что ли? — Спасибо. Улыбаюсь. Выхожу. Вверху все бежит. В поезде ехал. Стояло. Сейчас бежит. Хоть что-то...

Зашел. Купил. Дороже. Но: здравствуйте, спасибо и до свидания. Еще: сейчас трудности просто. Да я понимаю. Все вверху бежит куда-то. Машу. До скорой! И мне, до скорой... До скорой. Встретимся.

Вверху все серое. Внизу цветное, но серое... На уроках физики вертели цветовой круг, и все цвета становились одним белым. А в жизни все серое, если только не светит солнце. Гремит. Точно дождь будет. Сильно гремит. В восемь лет видел шаровую молнию. Огромную, над больницей. Мы на машине ехали. Капли — быстро по стеклам. И я в окне. Смотрю. Красиво. А потом мне объяснили, что это страшно. Но впервые я запомнил, что красиво. И это красиво. Интересно, а если черненькому цыганенку показать. С его... с его... какими-то глазами... каким-то носом... А был ли?.. Подъезд.

2

Квартира.

Ключ в дверях. Наталья в дверях.

Виктор. Наташ, представляешь?! (*Ударяет по газете.*) В который раз убеждаюсь: жизнь — такая шутница. Или просто я смеюсь? (*Смеется.*) Дорогая, что ты так хмуришься? Морщинки будут. (*Смеется.*) Проходи давай, садись. Я тебе тут табуреточку занял.

Встает, усаживает ее за стол на табуретку. Возвращается в кресло.

Наталья (*смотрит на мужа в кресле*). Очень мило с твоей стороны... (*Садится.*)

Виктор (*читает газету*). «В Екатеринбурге мужчина избил пожарного, пытавшегося спасти его из задымленной квартиры. Житель одной из квартир в доме по улице Рассветная, 8/2

в Екатеринбурге напал на пожарного, который пытался проникнуть в его жилище из-за задымления. Как сообщают очевидцы, в квартире пригорела еда, из-за чего произошло задымление и сработала сигнализация. Тревожный сигнал разбудил соседей, которые вызвали пожарных. Хозяин квартиры спал, будучи в нетрезвом состоянии...»

Наталья прячет лицо в ладонях, тяжело вздыхает.

Виктор. Да, я тоже думал, что будет что-то новенькое... Кошмарики. Ну, чего ты? Давай рассказывай. Как нынче живете директорам художественных учреждений?

Наталья. А я уже не знаю.

Виктор. Что случилось?

Наталья. Ушла... Оставила это все. Господи! *(Снимает кольцо с безымянного пальца.)* Разве об этом я мечтала? Разве этого хотела? Студенткой сидишь, думаешь: вот это работа! Занимаешься любимым делом, и вся жизнь так! Только еще и другим свою любовь отдаешь. *(Снимает два кольца со среднего пальца.)* Учишься, потом других учишь. История искусств, живопись, графика. Получаешь нормально, через восемь лет — копейки. Думаешь: «Ну, все! Хватит!» Но муж в один вечер смотрит тебе прямо в глаза, и по глазам — «Я тебя люблю. Я тебе опора». И ты вся окрыленная, вдохновленная, на одних только вдохах...

Виктор. Дорогая, ну, не стоит...

Наталья. Я имею в виду — первый муж...

И продолжаешь вертеться во всем этом. Тратишь деньги, тратишь годы, тратишь здоровье. *(Снимает перстень с указательного пальца.)* Тамара Васильевна, моя предшественница, когда передавала пост в семьдесят три, с такой грустью смотрела мне в глаза: «Чувствуешь, что пора уходить — уходи сразу», — она мне сказала. А я не послушалась. А я даже не понимала — как это? Я ведь уже давно почувствовала, что пора. Хотела. Новое время... Технологии, наука, компьютеры... А я печатаю двумя руками, двумя пальцами... Стыдно же, смешно... Да домой тогда пришла, а там глаза эти: «Ты лучшее, что есть в моей жизни». И ты несешься, полная сил, обратно...

Виктор. Спасибо, мне приятно, очень...

Наталья. Я про своего второго...

...И вся в работе. Как робот вырисовываешь эти подписи на бумажках, а потом несешься в класс — рисовать, учить. А потом

опять в кабинет, как робот, и тонешь в макулатуре. *(Снимает кольцо с указательного пальца второй руки.)* И пытаешься сдерживать весь этот мирок, где люди занимаются тем, чем хотят, чем хотели бы. Ведь все, что на бумаге, — это что? Это ведь мечта все. А потом тебе из городского совета извещения. Другие бумаги. Оказывается, мы вели какую-то коммерческую деятельность в школе, в бюджетном учреждении. Лишают нас денег. *(Снимает двойное кольцо со среднего и безымянного пальца.)* Устраивали ярмарки, продавали детский труд. Правда, потом на эти деньги покупали материалы, на которые нам не могли почему-то выделить деньги. Еще бумажки. Выигрываем конкурсы, гранты, занимаем места на международных выставках, а нам берут и обрезают все. И ты думаешь, что все! Уже не сможешь. А потом приходишь домой, сына исключили со второго института, дочь занимается непонятно чем, и дома сидит ОН — весь из себя слабый, юродивый, чуть ли не в синий выкрашенный...

Пауза.

Наталья. Не благодари.

...И тянешь... Получаешь зарплату как директор и как учитель высшей категории. Знаешь, какая минимальная зарплата у учителя высшей категории? Который постоянно ездит на повышения квалификации, которые он оплачивает из своего кармана. Знаешь? Такая же, как у дворника. Учить детей и подметать дворы. При всем моем уважении... Да и не виноваты они... Ну, это же ужас! Прости, случайно обручальное сняла. *(Надевает.)* И так полтора года уже. Я не могу. Мы собираемся в учительской, решаем вопросы. Они все молчат. А я не могу. Я на их лица смотрю, вижу все. Простите меня. Простите. У Екатерины Сергеевны щеки впали. Кажется, ну как? Как?! Невозможно же такое. Это просто как издевка, комедия. Ну, не может быть такого в современном мире. Не должно быть. Мы ведь все дуры, Вить. Мы деньги — на кисти, на краску, глину, ткани, шерсть, бумагу. Все деньги. Полоумные... Мы столько лет строили этот коллектив, создавали эту семью, этот мир, эту мечту. А теперь? Сегодня было совещание. Я в конце не выдержала. Все сказала. А они на меня смотрели, улыбались. Грустно. Они ведь понимают все. Я решила передать пост. Нашла женщину. Она вернет деньги. Никак с искусством не связана, но деятельная. А я ушла. Я не могу. Ужас. *(Пауза.)* Что ты мне в глаза смотришь?

Виктор. Не окрыляет?

Наталья. Паршивец... (*Молчит.*) А, может, правда... Развес-
тись и окрыляющего найти?

Виктор. Вот так новость! Таких еще не передавали. (*Пока-
зывает на газету.*)

Наталья. Очень смешно...

Виктор. Все для тебя. Я просто хотел сказать (*подходит
к ней*): к чему вся эта твоя шумность? Я знал одну женщи-
ну, которая со своим постоянно сходилась и расходил-
лась. И вот поссорились они: слезы, битая посуда, крики.
Ну, по классике. Выгнала из квартиры. Сама пошла гото-
вить — пар она так выпускала. И так сильно картошку рубила,
что ударила ножом по руке, истекла кровью и померла. Так ка-
тафалк, пока с трупом ехал, заглох посреди моста. Приехал
муж — стали с толкача. Он к катафалку-то приложился и сам
пополам переломился. Два трупа везли. Так и не разошлись.
А знаешь, почему, Наташ?

Наталья. Ну, и почему?

Виктор. Любовь потому что. Не трать зря время. Тем более,
как я — весь синий — без тебя? А по поводу работы... Стоит ли
переживать?

Наталья. Что, прости?!

Виктор. Ну, ты ведь уже нашла замену. Дельная женщина,
канцелярочка. Исправит все, что ты там натворила. Прости,
прости. Все, что ты там насоздавала с коллективом. Исправит,
наведет порядок, разложит по полочкам. И деньги у вас будут,
и ты теперь свободна для творчества. Для своего искусства.

Наталья. А деньги?

Виктор. Деньги... Милая моя, мне ли тебе говорить
про деньги? Ну, если уж так тебе их хочется, то у вас в шко-
ле наверняка нехватка кадров или что-то типа того, устройся
учителем. Будешь и в коллективе, в своей этой второй семье,
и копейка будет, и времени больше.

Наталья. А, может, и ты пойдешь работать?

Виктор. Я? Бедный и больной инвалид? Зачем?

Наталья. За деньгами.

Виктор. Милая моя, так это тебе нужны деньги. Не мне.

Наталья. А я тебе не нужна?

Виктор. Нужна.

Наталья. Так, может, ты задумаешься о...

Виктор. Я и так каждый день сижу, думаю. Окс приносит мне по газетке. Вот. Читаю. У людей проблемы. Куда-то все рвутся, когда-то все умираются. Интересно...

Наталья. А если я буду умирать с голоду?

Виктор. Так ты же не умираешь.

Наталья. Потому что деньги есть.

Виктор. А зачем мне работать, если деньги есть.

Наталья. Вить, мы разводимся.

Виктор. Зря тратишь время.

Наталья. Ужас. За что мне все это? Неужели заслужила?

Виктор. Ну, не отчаивайся. Будет и на твоей несчастной улице светить солнце.

Наталья. Когда, Вить? Когда светить?! Мы уже полжизни прожили!

Виктор. Ну, я готов подождать.

Наталья. Да и какое солнце?! Вся природа против нас! Все в тучах! Ни просвета. Ни единого! Сейчас еще хлынет. Слякоть, грязь...

Виктор. Не понимаю, о чем ты. В прогнозе — никакого дождя.

Наталья. В окно выгляни, читатель.

Виктор подходит к окну. Раздвигает шторы. Чертит молния. Ливень.

Виктор. Черная магия.

Наталья. Да какая магия? Нечего дома сидеть. Вышел бы на улицу...

Виктор. А чего я там не видел?

Виктор смотрит в окно. Улыбается.

Наталья. А чего ты дома не видел?

Виктор. Все видел. Но дома — тихо, спокойно, посидеть можно. Никто милостыни не попросит, сигаретку не стрельнет...

Наталья. У меня чего-то не стреляют.

Виктор. Дорогая, у тебя максимум можно стрельнуть место на кладбище.

Наталья. Это еще почему?!

Виктор. Наташ, ну, милая, так уж сложилось исторически. Идешь по улице, видишь — сидит какой-то старик, грустит. Ну, обычно... Думаешь: вот как у человека жизнь сложилась, кем он стал, кем он был, что вообще сделал? Хочется к нему

подсесть, поговорить, выкурить по сигаретке. И так же идешь по улице, видишь старушку и думаешь: «Где дети, где внуки? Огурцы закатала?..» Все.

Наталья. Паршивец...

Виктор. Конечно же, бывают свои исключения. Вот даже если вспомнить моего любимого Горького Алексея Максимовича... Он однажды подошел к одной старухе, так она ему на шесть тысяч девятьсот шестнадцать слов рассказ надиктовала. Я считал, я знаю. Сказки, легенды... Красиво все так. Правда? Но — исключения.

Наталья. Убила бы...

Виктор. Хорошо дома. Не понимаю, что вас всех так туда тянет?

Наталья. Ужас. Ну что ты за человек? Паршивец. И Ромочка весь в тебя. Слабый, зависимый, совершенно несамостоятельный.

Пауза.

Наталья. Что ты там все высматриваешь? Занавесь. Глаза режет.

Виктор (*занавешивает*). Зря ты так про нашего Рому. Хорошего сына ты вырастила...

Наталья. Конечно, хорошего. Только против ваших гендов не пойдешь... Пока в школе учился, все нормально было. Со Славой вон какие хорошие друзья были. А как Слава уехал в Лондон, так он и стал носиться. Надо было, наверное, тоже за границу послать...

Виктор. Пустая трата денег.

Наталья. А так не пустая! Сколько он уже сменил?! Мы его уже как будто в Америку отправили...

Виктор. Пустая. Билет домой дороже стоил бы.

Наталья. Не говори так...

Стук в дверь.

Наталья (*накидывает кольца на пальцы*). Кто это?! Ты кого-то ждешь?

Виктор. Кого я могу ждать?

Наталья. Может, это Оксана?

Виктор. У Окс ключи есть.

Наталья. Машка?

Виктор. У Ромашки тоже есть.

Наталья. Соседи?

Виктор. Дорогая, я не всевидящий. Когда ты стала бояться гостей?

Наталья. А, может, это с работы? Екатерина Сергеевна? Может...

Виктор. Идем уже. Вместе откроем.

Наталья. Иди один.

Виктор. Ну, как я гостей в халате буду встречать?

Наталья. Когда тебя это беспокоило?

Стук.

Наталья. Паршивец... Ты ведь знаешь, кто там?

Виктор. Это сюрприз, милая моя.

Наталья идет в коридор, за ней — Виктор. Щелкает замок.

Открывается дверь.

3

Ромашка. У подъезда на скамейке лежал Марк Аврелий. Наш дворовый шахматист. Бывший писатель-сказочник. Писал, писал. Изданиям давал. Отказывали. А он продолжал. Химиком еще был. Ему отказывали. Продолжал. Детям читал. Смешные сказки. Я читал. Как будто ребенок писал... Ребенок для детей. Его один раз напечатали. Забыли, забылось. И издания больше не брали. И журналы не брали. И с работы уволили. Сокращения шли. От всех стариков избавились. И дети как будто вымерли все. Мода такая. А он писал и рассказывал. В основном мне. А сейчас просто — шахматы и пенсия... Дремлет. Обнимает шахматную доску. Под скамейкой — пальто. Бежевое, с розовым пятном. Свернутое. В прошлом году мы с ним подрались. Поспорили, у кого преимущество. Белых, черных? Я тогда выдернул клоч рыжей бороды. А он схватил свернутое пальто и с криком: «Белого-о-й акации гроздь душистые», — мне по голове. Красное, сухое...

Гремит. Спит. Молния. Прошел мимо. Дождь. Замычал. Я уже поднимался по лестнице.

Наша дверь. Стучусь. Как в том году. Как в позатом. Как в позапозатом. Сюрприз. Мама... За ней — папа. Стоит, на трость

опирается. Хромоногий. У нее вся тушь растеклась по щекам. Знала? Смотрим. Папа улыбается. Она начинает плакать.

Каждый раз я возвращался. Папа со второго раза стал как-то подгадывать. И каждый раз со второго, стучась в двери, я слышу: «Сюрприз».

Моя мама — последняя из сентиментальных людей на планете. Бедная мама. Вздыхала, кричала, ходила.

Папа стоял сзади, в халате, и мягко улыбался. Мы оба знали, что нужно мне сказать, чтобы мама еще сильнее расплакалась и отпустила.

Она все говорила и говорила. Трясла всеми кольцами на руках. И вены на кистях надувались. Я посмотрел на свои. Рано еще...

Наталья. Ну как?! За что мне такое? Почему? Мы же тебе все дали. Все! Такая свобода, которую мало кто получает из детей. Такую свободу! Захотел — пошел в пед, не получилось. Пошел в мед. Ушел. Пошел в архитектурный. Нет. Ты все говоришь, постоянно возвращаешься... Там плохо, там душно. Поступил в художественный. Ну, ты же прекрасный художник. А ты знаешь, что с этой точки зрения я к тебе максимально строга. Поступил. А теперь? Опять! Господи, да где еще может быть лучше? Где? Я не понимаю. Ладно, ты в поисках. Это для человека нормально — искать. Но у нас если и надо, то сразу в яблочко.

Роман. Посмотрел на папу. Он кивнул. Знак. Значит, можно говорить.

Наталья. За что ты так со мной?! Почему?

Роман. Мама... Я тебя люблю.

Молчим. Подбежала, обняла. Плачем. Бедная мама. Папа покачал головой, ушел в комнату.

Роман. Я тут картошки купил... Фарш. У вас есть соль?

Наталья. Иди в ванну. С дороги...

Роман. Мама, у тебя...

Показываю, что тушь. Она на руки, потом лицо потрогала. Кожа легко тянется, медленно возвращается.

Наталья. Иди после меня в ванну.

Роман. Ушла. Закинул продукты на кухню. Иду в комнату. В свою. В коридоре мамины работы. Краски, шерсть, нитки, керамика. Вычеркнула половину. Выбросит. Не торопится. Полюбила уже. По полу еще так лениво тряпкой пройдено. Мама убиралась. Открываю дверь. На окнах шторы.

А зачем шторы повесили?

Виктор. Это мама!

Рома. Подхожу к окну. Пытаюсь снять. Там какие-то замки к гардине.

Наталья. Ну, зачем снимаешь? Я сама шила. Шелк.

Рома. Трогаю. Правда — шелк. По пальцам скользит... Продолжаю снимать.

Наталья. Ну, ну! Иди в ванну. Я сама. Вешала, для тебя ведь. Вдруг придешь... Ждала как будто.

Рома. Не надо больше...

Захожу в ванну. Мамино мыло, шампуни, крема. Мед. Облепиха. Пар на зеркале. Стираю. Четыре царапины на бедре. Хочу зубы почистить. Щетки нет. Только их. В прошлый раз обещала купить для меня. На всякий случай... Ждала как будто...

Наталья (*через ширму*). Я тебе вещи принесла. Чистые. Надеешь.

Рома. Надену. Ты шторы сняла?

Наталья. Красивые шторы. Давай оставим.

Рома. Нет. Есть щетка?

Наталья. Нет.

Рома. Хлопнула дверью. Бедная мама... Вышел. Уже вечер. Поздний.

Виктор. ...Девочка уже взрослая, что ты так переживаешь? Кроме того, в интеллигентном обществе.

Наталья. Интеллигентном? Ты с ума сошел?! Она с поэтами! В парке! В литквартале! Это же ужас!

Рома. Вы чего кричите?

Виктор. Да мама твоя, за Ромашку переживает.

Наталья. Я думала, что все. Закончились ее гуляния. Уже двадцать четыре года. А она... Это же ужас! Убила бы.

Виктор. Ты-то — точно...

Наталья. Не язви.

Виктор. Втрескалась девочка. Как будто что-то новое.

Наталья. «Что-то новое»! Да вот с ней именно — постоянно что-то новое. Вспомни. Год назад. Встречалась с каким-то музыкантом. Я постоянно в ее комнате бутылки из-под пива находила. Полгода назад кто у нее появился?! Какой-то ученый, химик. Я чуть с ума не сошла от запаха травы! А этот... археолог?! Помнишь, как ее искали? По ямам, канавам. Нашли тогда в пещере, которую какой-то умник догадался назвать студенческим общением!

Виктор. Дорогая, скажи спасибо, что еще все студенты, все ее возраста.

Наталья. Господи, спасибо! Спасибо! Убила бы.

Роман. Ма, зачем так? Она взрослая, ее жизнь. Хочет — пусть веселится, ищет приключений.

Наталья. Так искала бы! Искала! Но она ведь находит!

Виктор. Просто она совсем еще человечек. Надо побегать, повеселиться. Ясно же все.

Роман. Как будто у тебя молодости не было.

Повисла неловкая пауза.

Наталья. Да, мой любимый и единственный сын, такой молодости у меня не было. Какие приключения, о чем речь? Жизнь должна быть, как у людей. Все должно быть в какой-то деятельности, в саморазвитии, во взрослении. По-человечески.

Виктор. Так-с, так-с, так-с! Я перебыю... перебыю.

Наталья. Ты что? Хочешь со мной поспорить?

Виктор. Между прочим, раньше существовали же люди, которые, ну, совершенно не люди. Особенности, находчивые, умные, странные, в общем — в тандеме с жизнью. С какой-то особой магией. *(Показывает на голову.)* Например, мой дед...

Он был настоящий барон, только на ядрах не летал. Человек с большой буквы. Удивительный человек. Жил в деревне. Все его в округе знали. Все. Наверное, просто потому что он всегда запоминался. Навсегда помнился.

Любил охоту, любил природу, любил жену — что для нашего времени удивительно. Да, милая?

И все вокруг жило по его законам. Все вещи, явления вокруг он мог называть по-своему. Все дела у него совершались по-своему. Он мог каждый день открывать одно и то же, одно и то же, но все новое и новое. Даже волосы на лице. Бородка сама вырастала в эспаньолку, а усы постоянно осыпались, и была у него кожа над губой гладкая, как у ребенка.

Меня привезли в деревню, на лето. Мне лет десять, ему сто. Дед решил сделать подарок бабушке. Беличью шубу. Сам шил, сам охотился, брал меня.

После охоты мы возвращались домой. Прятали шкуры в мешке, говорили «секрет». Бабушка, моя любимая бабушка! Завтракаешь ягодами, ужинаешь пирогами. Она встречала нас. У нее был смешной такой речевой дефект. Лениво говорила «в». Возвращаемся мы, она обнимает меня, улыбается ласково, говорит.

Бабушка. Иди от, покушай пирожочко.

Деда она кушать не приглашала. Для него бабушка насыпала в рыжую ванну земли, заливала водой.

Бабушка. Ты, дед, иди от — к земле привыкай. Быстрее, а то оды не будет. Дыра днище.

Одним утром я выбежал из дома, побежал в поле, где меня ждал дед, чтобы пойти охотиться. Он стоял там. Дул ветер. Рубаха на его теле раздувалась в парус. На голову он закинул таз, чтобы не напекло. Встретились. Поле, ручеек, лесок, бережок, речка...

Мальчик. Дедушка, а как называется речка?

Барон. Я называю Нефритка.

Он ее по-разному звал всегда. Нефритка — это последнее... Сели в лодку, плывем.

Мальчик. Деда, а почему беличья шуба?

Барон. Так-то бы можно бы и из оленя бы. Старый я. Тяжело тащить. А так — белок настрелял две штучки и по кармашкам.

Мальчик. Так подстрелил оленя и по кускам дотащил.

Барон. Знаешь, красивше звучит беличья шуба, чем оленичья.

Мальчик. Оленевая?

Барон. Тьфу.

Мальчик. Деда, а почему ты шубу шьешь, а кости не вынимаешь?

Барон. Чтобы трещали, и слышно. Как у коровы, у Ромашки нашей колокольчик. Гулена страшная. Любит природу, птичек, травку.

Мальчик. Так, а лето? Жарко же. Она ее снимать будет.

Барон. Кого снимать?! Куда снимать?! Единственная шуба на деревню. Ее в ней хоронить будут.

Мальчик. Деда, я кушать хочу.

Барон. В мешке тарелка.

Достал.

Мальчик. А еда?

Барон. Приготовься ловить.

Барон взял ружье, опустил в воду. Выстрел. Брызги.

Что-то подлетело вверх.

Барон. Лови.

Поймал. Карп. Поджаристый.

М а л ь ч и к. Деда, а как?

Б а р о н. Тут рецепт очень прост. Перец, соль. Главное — дуло маслом смазать.

Поднялись волны. Начался град. Дед схватил весла. А градины размером с мою голову. Пльвем. Лавируем. Одна прямо по центру лодки. Треск. Вода.

О к с а н а. Ну, здравствуйте, родственнички!

В и к т о р. Окс! Я думал, ты сыграла в ВОХ!

О к с а н а. И я рада тебя видеть. Рома, приехал! Как в институте?

Р о м а. Исключили.

Молчим. Смотрим.

Оксана. Я тут кое-кого встретила.

Вдверной проем, держась за стену, завалилась М а ш к а с бутылкой дешевого портвейна и пятью кубометрами перегара.

М а ш к а. Привет, мамá! Привет, папá! Ого! Ромá! Я тут, в общем... в душ пошла... (*Уходит.*) «Не обещайте деве юной любви вечной на земле!»

Н а т а л ь я. Господи, ужас! (*Пошла за Машкой.*)

В и к т о р. Я тут рассказывал про деда нашего...

О к с а н а. Опять сказки сочиняешь? Угомониться не можешь.

М а ш к а (*из ванной, срывая голос*). Но я люблю его! Мамочка! Я!..

Н а т а л ь я. У тебя синяки-то откуда?!

О к с а н а. Держи. Свежая. (*Подает газету.*) А ты чего смотришь? За что исключили? Опять.

Молчим.

О к с а н а. Чего молчишь? Ты с кого пример берешь? С этого полоумного? Хотя бы на мать свою посмотрел. Получает копейки, но хоть работает.

В и к т о р. Она уволилась.

Молчим.

О к с а н а. Вы... А вы на что жить собрались? Что кушать будете? Я открываю второй магазин. Сейчас траты. Все из кармана — деньги, деньги...

Р о м а. Я там принес... Картошку, фарш...

Оксана. Лучше бы ты диплом принес. *(Пауза.)* Ну, иди, готовь. Там есть яйца, мука. Умеешь котлеты стряпать? В интернете посмотришь. Мне надо поработать. Все. Всех рада видеть. Рома? *(Пауза.)* Потом...

4

Кухня. На столе стоит кастрюля с пюре, присыпанным зеленым луком, кастрюля с котлетами. Из носика чайника тянется струйка пара.

Машка *(ее слышно, наверное, на всю квартиру)*. Мама, ну, вообще это пипец какой не выход! Ты что, думаешь, запретила — и все?! Все — по твоей команде. Я сразу солдатиком встала и: «Есть, сэр!» Сухой закон... Еще чего придумаешь? Не нравлюсь я тебя такая, да, мам? Не нравлюсь? Надо было, чтобы я как тетя Оксана была? Старая дева с двумя стариками на шее?!

Оксана. Я сейчас как выйду!

Машка. Бизнесуман? Я?! Я дочь-то чья? Теть Оксанина? Твоя же! Так и нечего! Чего молчишь? Мама... Ну, не плачь. Но я все равно права, мама. Так лучше... Сухой закон... Придумаешь же. Молчи. Спи. Спи, папа. Спокойной ночи. *(Заглядывает на кухню.)* Ромочка, милый мой! Чаёк пьет! Зайчик, братик! *(Подбегает, обнимает, целует.)* Муа! Муа! Муа! Ой, как ты вырос! Как вырос! А-а-а! *(Сжимает.)*

Рома. Мы год не виделись...

Машка. Ой, а что, за год вырасти нельзя? А?! Незя?! *(Дергает за щеки.)*

Рома. Маш, ну...

Машка. Какой вредный! Какой вредный мальчик стал! А тут что? О! Пюрешечка? О! Котлетки! *(Берет котлету, макает в пюре, кусает.)* М-м-м-м! Меня, представляешь, вчера могли убить!

Рома. Маш, нас каждый день могут убить.

Машка *(смеется)*. Ворчи, ворчи, ты и над моей могилой ворчать будешь. А мы вчера сидели в литквартале с поэтами. Жгли там глаголами и так далее... Идут какие-то армяне. Компашка такая, человек восемь. Просят закурить. Мы говорим, что нечего. И чет там говорили, говорили с ними. Вдруг у одного из нас полная пачка сигарет вывалилась. Армяне нам: «Вы че!» Мы такие: «Не ЧТО!» И тут понеслось. Кони. Люди. Милый мой! Страшно же. Там такие бугаи! Мама! Идет драка. Один идет на меня. Идет, лыбится обезьянкой. Подходит. И там такая

пауза. Мне аж неловко стало. Стоим. Ниче не делаем. И я такая подумала, что моих пацанов бьют, а я тут такая ничего. Короче, я на него прыгнула и по лицу бью. *(Бьет.)*

Р о м а. Маша! Маша! Ты мне прямо в глаз пюре...

М а ш к а. Прости, зайчик. *(Макает.)* Короче, приехали мен-ты. Разбежались все. Я так смешно бежала. Улица, улица, магаз, и уже с бутылкой бежала. Они там думали, что я вообще ни о чем. А я вон какая! Несокрушимая.

Р о м а. Скорее, Непотопляемая.

М а ш к а *(смеется)*. Смейся, смейся, зайчик, ты и над моей могилой смеяться будешь. Я, между прочим, про тебя поэтам рассказывала, какой ты у меня хороший братик.

Р о м а. И что рассказывала?

М а ш к а. Я, думаешь, помню? Я же пьяная была.

Пауза. Машка ест. Чашка пустеет.

М а ш к а. Опять любовь?

Р о м а. Угу...

М а ш к а. В этот раз что?

Р о м а. Нет.

М а ш к а. Что «нет»?

Р о м а. Просто «нет». Ничего. Я даже не понял, почему... Странно все это.

М а ш к а. Ой! Чего странного? Чего странного?! Бывает и такое. У меня много раз было. Но я Несокрушимая, а не Отчаянная. Ну да, я тогда начинала пить чуть больше, чем надо, пропадала, но это нормально. Молодость. Муа! Весна-весенка!

Р о м а. Ну почему, Маш? Невозможно же так...

М а ш к а. Ну почему невозможно?! Смотри. *(Ныряет под кухонную тумбу с раковиной, копается, достает коньяк.)* Много чего в нашем мире возможно. Это даже не магия.

Чашка наполняется.

М а ш к а. Держи. *(Подает котлету.)* За любовь и молодость. *(Пьют.)* Кусай.

Р о м а. Я уже наперед знаю, что все пройдет, все забуду.

М а ш к а. Ага! Как тогда. Пед.

Р о м а *(пьет, закусывает)*. Представляешь, ни лица, ни глаз, ни волос — ничего не помню. И имя... Вот как это? Лица не помню. А только улыбку. Мягкие губы... А давно было?

Машка. Не удивительно. Столько времени прошло. Если бы я всех своих помнила. Недавно в магазине, в очереди. Стою. Мне молодой человек: «Привет!» Я: «Привет! Маша» — «Эмм, Маш, мы с тобой две недели встречались». (*Смеются, пьют, закусывают.*) Ты котлеткой ныряй! Вкусно готовишь.

Рома. А в меде? Это же просто... Это же просто дурдом был. Эти трясущиеся руки, истерики, глаза в тебя, сквозь, в тебя, сквозь. Ванна, слезы.

Машка. Ну, так всегда с такими людьми. Знаешь, сумасшедшие по-своему очень притягательные. И у них обычно такие длинные руки, которые так крепко обвиваются вокруг твоей шеи. (*Пьют, ныряют, закусывают.*) Если, конечно, это не тупые малолетки. У них сразу по пятьсот психических заболеваний в день. Придурки.

Рома. Машка... Машка... Это же ужас! А архитектурный?! Какая я дрянь, Маша! Маша?

Машка. А?

Рома. Чашка пустая. Полная. Спасибо. (*Пьют, ныряют, закусывают.*) Я же сам бросил. Сам разлюбил. И страдал. Оба. Не один... Сходились, расходились... Сходились, расходились... Сходились...

Машка. Да-да-да... Зайчик. Такое тоже бывает. Любовь-нелюбовь. И мотает тебя. А когда-то иначе, что ли? А?

Рома. А?

Машка. Не-а? (*Пьют, ныряют, закусывают.*)

Рома. А... А в этот... В этот раз! Ну это же!.. А-а-а. За что?! Маш?

Машка. Ну, мы уже говорили. Люди мучают. Люди мучаются. Бывает.

Рома. Не могу я потом так. Руки вниз... (*На ладонь.*) Откуда у меня родинка?

Машка. Это котлета. (*Пьют, ныряют, закусывают.*)

Рома. Все опускается. Какая учеба? О чем я должен думать? А о себе?.. Когда? Когда?! Да? Да!

Машка. Да.

Рома. Правильно, что... (*Пьют, ныряют, закусывают.*) Правильно, что... Что?! А? А может, правда, все вот это вот... Да? Надо как-то жизнь... кушать... Да. Жизнь надо... Куда?..

Машка тянется за новой котлетой. На пол падает пустая кастрюля из-под котлет. На пол падает пьяная Машка. На пол падает вторая кастрюля и чашка.

5

Заходим домой. Полные пакеты.

Наталья. Но согласишься, что это, по крайней мере, смешно.

Рома. Конечно, смешно, мам, обхохочешься.

Виктор (*вышел из комнаты*). Что за шутки? Что за юмор?

Рома. Да мама...

Наталья. Представляешь, заходим в магазин — шерсти купить. Там продавщица говорит мне: «Ой! Муж какой у вас красивый, заботливый».

Рома. Это она меня.

Наталья. Это она его. Я удивилась, посмеялась.

Рома. Теперь только непонятно, это маме комплимент сделали или меня оскорбили.

Наталья. Что за глупости? Конечно, комплимент. Давай, носи в комнату.

Виктор (*поставил трость, упал в кресло, ударил по газете*). Представляете, новость. Повышают минимальную цену на алкогольную продукцию. Вот это молодцы. Меньше пьяных будет.

Рома. Скорее, больше бедных. Нам еще продавщица из продуктового все время тыкала.

Наталья. Эта... Галина. Которой хочется казаться своей для всех. Ну, пусть кажется.

Рома. Надо было в киоск идти.

Наталья. Какой киоск? Который на перекрестке? Закрыли его. (*Пауза.*) Ром, а ты точно исключен?

Молчим.

Наталья. Может, можно восстановиться?

Рома. Мама.

Наталья. Прости. Я люблю тебя. Хочется просто, чтобы ты не пропадал здесь с нами...

Молчим.

Наталья. Я прибиралась в шкафах, в кладовках. Подожди... (*Уходит.*) Смотри что нашла. (*Возвращается с картиной в руках.*) Дом. Окно. Свет. Красивая. Твоя ведь?

Рома. Что?

Наталья. Твоя?

Рома. Да...

Наталья. Она валялась в старых вещах. Цвет красивый. Правда, вот тут на небе краска содралась, до бумаги. Композиция простенькая. А цвет... Это же дом напротив, да? Очень похоже. Почему я не помню?

Рома. Я не показывал.

Наталья. А что не показывал?

Рома. Думал, что выкинул ее.

Наталья. Зачем выкидывать? Так красиво все.

Рома. Помните моего одноклассника, Славу?

Наталья. Да, помню. Умный такой мальчик был. Только какой-то совсем холодный.

Рома. Ну, да. Похоже на него...

Наталья. Так и что Слава?

Рома. Ничего...

Скинул пакеты у стола. Поставил чайник. Сели.

Я приехал. На кухонных полках пусто вато все. Как будто только чаем питались. Сейчас хотя бы сыр, макароны вместо одной папки ватмана.

Оксана. Вернулись...

Наталья. Чай будете, Оксана Дмитриевна?

Виктор *(из комнаты)*. Я буду!

Оксана. Он будет. *(Села.)* И что у нас сегодня? *(Заглядывает в пакеты.)*

Рома. Там краски и... Ну, наше с мамой.

Оксана. Понятно.

Рома. Вы что-то хотели?

Оксана. Да, кстати, хотела. Скажи, надолго к нам?

Рома. В каком смысле?

Оксана. В прямом, Ромочка. В прямом. Ты у нас уже сколько? Месяц? Решил, что делать будешь?

Рома. Да я как-то даже не думал...

Оксана. Грустно, Рома. Это очень грустно. А на что ты рассчитываешь?

Рома. Я не понимаю.

Наталья. Действительно, вы о чем, Оксана Дмитриевна?

Оксана. А тут не надо ничего понимать. Ты же у нас большой мальчик. Двадцать один год. Отец — безработный. Мать — учительница в художественной школе, то есть — копейки. Сестра — алкоголичка, гулена — безработная. Ты — бывший, бывший,

бывший и еще раз бывший студент — безработный. На что вы живете, Рома? За счет кого?

Н а т а л ь я. Я попрошу...

О к с а н а. А вы не просите.

Р о м а. Тетя Оксана, я...

О к с а н а. Помолчи. Ты же умный мальчик. И я вижу. Прости уж, сколько мне лет? Мы не будем вспоминать. И, может, твои родители не объяснили, но человек должен в жизни найти себе призвание. Определиться с работой, с трудом. Так правильно. Так нужно. Очень хорошо, когда призвание еще и приносит деньги. Правда?

Р о м а. Правда.

О к с а н а. То, что ты делаешь, делает тебя независимым от других, Ромочка. От родителей, от знакомых и друзей, от родственников — в материальном плане. Всем вокруг становится легко. Понимаешь? Когда кто-то становится независимым, выбивается из всей этой группы людей. Если от хлеба отрезать кусок, хлеб же станет легче?

Р о м а. Да.

О к с а н а. Так вот тебе понятный пример. На хлебе. Тебе понятно же, да?

Р о м а. Понятно.

О к с а н а. И все очень легко! Только объясни мне, почему получается так, что ты не имеешь этого призвания?

Р о м а. Я ищу.

О к с а н а. Точно. Я вижу. И я хочу тебе помочь. Мы же семья, Ром. Мы должны друг другу помогать!

Р о м а. Тетя Оксана, знаете, я все-таки сам решу.

О к с а н а. Ромочка, это очень хорошо, что ты самостоятельный, что ты гордый. Это правильно. Это так по-мужски. Но самостоятельный не значит независимый. Понимаешь?

Р о м а. Вроде того.

О к с а н а. Так я тебе объясню, чтобы совершенно все стало понятно. Сегодня вы с мамой по магазинам ходили?

Р о м а. Ну да.

О к с а н а. Ходили. Всякие продукты, шмоточки, ниточки, иголки, что вы там еще?

Р о м а. Шерсть.

О к с а н а. Шерсть. Поразительно. Сами по городу топали, сами все самостоятельно покупали. Молодцы. Только деньги чьи были?

Наталья. Мои. Мои деньги.

Оксана. Заработала копейку и побежала ее тратить на всякий мусор. А как же квартира, как же еда? Как же все это? Как?

Наталья. Зарабатываю я, конечно, мало, но без вас бы смогла прожить.

Оксана. Вы на нынешнюю зарплату, без меня, на завтрак только доширак и туалетную бумагу купите.

Рома. Тетьа Оксана, спасибо вам, что заботитесь...

Наталья (*встала из-за стола*). Нет уж. Хватит. Вы, Оксана Дмитриевна, сволочь редкостная...

Смотрят друг на друга. А у мамы руки дрожат и глаза мокнуть стали.

Виктор (*заходит в кухню*). Вы чего тут? Наташ? Ну?

Наталья. Ничего уже...

Виктор. Раз ничего, то чего плакать? У меня был друг с грустными глазами. Все время плакал. Что-то вот ударило ему в голову, и слезы брызгали. И как вы думаете, что с ним стало?

Оксана. Неужели умер?

Виктор. Высох. Только соль осталась. Смейтесь чаще. От улыбки глаза закрываются, и вода не течет. (*Пауза.*) Пойдем что ли, Наташ? Я тебе накапаю...

Вышли. Чайник закипел.

Оксана. Я продолжу. Вот ваша шерсть откуда берется?

Рома. Стригут овец. Я не...

Оксана. А бумага?

Рома. Валят лес. Перерабатывают...

Оксана. Почему сейчас светит лампа?

Рома. Электричество...

Оксана. Почему работает телевизор?

Молчим.

Оксана. Вот, Ромочка, ты правда умный мальчик. Знаешь, откуда все берется. Где у всего истоки и так далее. Но ты говоришь, как владелец. Как будто все это у тебя есть. Все достается без всяких посредников. Но. Я вынуждена, просто обязана объяснить всю вот эту науку. Шерсть в нашем, конкретно в нашем доме, берется от денег, бумага от денег, лампа светит из-за денег, телевизор показывает из-за денег. Все же легко. Все просто. Деньги, Ром. Так уж сложилось в нашем мире. Мы же не должны

всех этих овец поименно знать? М? Деньги — это независимость. Рома, деньги — это свобода. Ты домой приходишь и думаешь, что ключами в замке поворачиваешь. Ты купюру вертишь. Что ты смотришь на меня так? Шары по семь копеек.

Р о м а. Как?

О к с а н а. Шары по семь копеек. Не знаешь? Значит, удивлен очень. Не существует в мире семикопеечной монеты. И глаза, значит, так широко от удивления раскрыты, что невозможно сказать, как широко. Это от мамы моей. Моей и Витиной. Но мою мать тяжело в пример брать. Она была поразительной женщиной, но в то же время и ведьмой. У нас дома раньше была специально отведена комната под ее парики. Сколько их было! Ты не представляешь. Она постоянно надевала все новые и новые, на каждый день. На походы в магазин, в театр, в ресторан и, конечно же, в казино. Ну, как казино — у нас по всей стране раньше стояли эти однорукие бандиты. Сейчас это вроде как запрещено. И она вечно ходила в тот клуб, где сейчас храм построили. Даже иногда и меня брала. Она была вот такого роста. Я всего на голову ниже. Маленькая я. И она там играла. Уходила на день с пятью тысячами, приносила десять. Как она это делала? Как она не проигрывала? Я не понимаю. Это можно объяснить только какой-то черной магией. Мама брала деньги из воздуха. Она нигде не работала. Она ничем, никем кроме себя не увлекалась. У нее не было никакого призвания. Но у нее были деньги. У нее была независимость. Никогда она не уходила в минус. Жизнь как будто взяла, отдала ей всю возможную человеческую удачу, а взамен взяла только здоровье. *(Пауза.)* Вот она однажды пошла, сорвала джекпот и умерла. Совсем плохо стало. Увезли ее. Она умерла и оставила нам с Витей гору париков и джекпот. Вот так. Внезапно. Я думала, может, мне от мамы досталась хоть часть той удачи. Пробовала. Брала дома две, возвращалась ни с чем. Не вместились. На голову ниже. Маленькая я. Ну, пришлось просто немного потрудиться сверх головы. Что-то я разговорилась. *(Пауза.)* Я хочу помочь.

Р о м а. Я, может, вернусь в художественный...

О к с а н а. А-а-а! В художественный. Ромочка, я совсем забыла. Ты же, как мама, человек творческий. Как там у творческих со свободой?

Р о м а. Ну, можно продавать работы.

О к с а н а. Как мило! Продавать работы. Как Наталья Александровна? Только что-то слишком много у нее непроданного.

Рома. Мама продает?

Оксана. Конечно, продает. Продает и плачет. Говорит, лучшее отдает. Как иначе? Я дала ей совет. Она решилась. Послушалась. Денег стало больше, на тубик с краской. Я люблю вас всех, Ромочка. Правда. Я вам всем пытаюсь помочь.

Рома. Я, может, предприимчивее буду.

Оксана. Ну, так среди молодых водится. Знаешь про ее творцов и ремесленников?

Рома. Нет.

Оксана. Потом у нее спросишь. А я спрошу. Рома, ты хороший художник?

Рома. Я...

Оксана. Ромочка, ты же не бездарность?

Рома. Не...

Оксана. Ты же умный мальчик? Всегда найдешь выход? Все будут любить и уважать тебя, как художника? Твои картины же будут покупать? Ты же не будешь голодным? Ты же не окажешься на улице? Ты же талантливый?

Молчим.

Оксана. Маме сорок восемь было... Смешно мне... Все эти люди, которые говорят, что уже полжизни прожили... А сколько это — полжизни? Откуда?.. *(Пауза.)* Незамужняя, бездетная. Поздно уже. Я одна, и вы одни... Умру — а магазин? Из вас никто не сможет ведь. Частный бизнес. Независимый. Лучше же, чтобы родным. А то — меня нет. Денег нет. Свободы нет. Шерсти нет. Света нет. Красок нет. *(Пауза.)* Это хорошо, когда творчество, когда молодость, когда все красиво. Это же потом память и все такое... В то же время твоему отцу и так хорошо — полдетства отшибло. В десять чуть не утонул. Спасли. А вот деда нашего, который с ним был, так и не нашли. Как будто растворился. *(Пауза.)* Я хочу устроить тебя. Взять в помощники. Раз с институтом так.

Рома. Я подумаю.

Оксана. Конечно, подумай. Я не принуждаю. Я вас всех люблю. Давай, Ром. Доброй ночи.

6

Рома. Подумал... Задержался в магазине. Заполнял бумажки. Подписи. Литр кофе. А на улице осень. Все что-то мрачно было. А сегодня солнце появилось. И ветер теплый. В теть

Оксаниных бумагах приказ подписанный... В конце удачи мне желает. Ну, хорошо... Ко входу подъехало такси. За рулем таксист, старичок низенький.

Здравствуйте.

Таксист. Здравствуйте.

Тронулись. Развернул машину, и солнце ударило по глазам.

Таксист. Поедем навстречу солнцу, на юг. На юг, на юг, на юг... За снегирями.

Рома. Разве они на юг?

Таксист. Да кто их знает... Тепла, наверное, всякий хочет.

И поехали.

Таксист. Что-то вы без шапки...

Рома. Тепло сегодня.

Таксист. Тепло. А ветер все равно. Надо беречь себя, пока молодой. А то потом самый вкусный плов — не плов. Берегите себя.

Рома. Спасибо...

И стал что-то мычать, петь.

Рома. Это что за песня?

Таксист. Эта? Молдавская. Ей уже лет пятьдесят. Не слышали?

Рома. А где бы я услышал?

Таксист. Это верно. Такие сейчас только старики помнят. «Когда загораются звезды, над садом стоит тишина...»

На светофоре машина сзади начала сигналить.

Таксист. Да что ты говоришь?! Сигнал у него, оказывается, есть. «Поспели вишни в саду у дяди Вани...» *(На перекрестке нас обогнали.)* Все равно объедут. Сколько вас на земле таких? Проклятье. Вы с учебы?

Рома. С работы. Домой еду.

Таксист. А кем работаете?

Рома. Я что-то вроде помощника директора.

Таксист. Ого! А как так? Вы молодой такой.

Рома. У меня тетя...

Таксист. А-а-а... «Тот, кто рожден был у моря...» У меня при-емник сломан, вот и приходится петь.

Р о м а. Пойте...

Т а к с и с т. «В тумане скрылась милая Одесса...» Вы были в Одессе?

Р о м а. Нет.

Т а к с и с т. Побудьте там как-нибудь. Вода там хорошая. Вода хорошая — это важно. У нас вон в городе совсем с этим плохо. Ладони чешутся. В огороде у меня то же самое. Поливать картошку стыдно. «Соловей зараня...» Украинская... Как я этим летом на огороде выезживался... Варенье с косточкой, без косточки, заморозка, пироги... А ехать еще долго... О! *(Достаёт телефон.)* Забыл совсем. Але! Але! С праздником! С праздником... Желая мужика хорошего. Такого, как я. Какие комплименты?! Я что, уже похвалиться не могу, если правда? Милая моя. У меня всего три тетеньки в друзьях — ты, Саша и Оля. Какая молодая девочка? Этой молодой девочке шестьдесят один год. Какие комплименты? А ты что, меня приревновала? Вчера только баня, пиво, картошка. Да ты че, обиделась, что ли? С днем рождения! Приезжай. Мы тебя ждем. *(Повесил.)* Что это она так навязчиво. Я мужик холостой, мне кто указывать будет? «Как-то летом на рассвете загляну в соседний сад...» Вы у меня последний сегодня. Да?

Р о м а. Не знаю.

Т а к с и с т. Скольких я отвез? Семерых сегодня. Вы седьмой. А, домой поеду. Сяду за пианино, поиграю, зажгу камин.

Р о м а. А у вас есть?

Т а к с и с т. Конечно, есть. Мало кому должен, что ли? Рас-топлю камин, в кресле покачаюсь. Я в детстве музыкантом хотел стать. На пианино играть. Но у меня пальцы короткие. Не получилось. Видите?

Р о м а. Держите руль, пожалуйста...

Т а к с и с т. Не бойтесь... Хотел пианистом... Сейчас только дома играю. Прихожу и играю. Но только когда я один дома. Хочу только для себя играть. Тем более, я иногда фальшивлю. Иногда красиво фальшивлю... Не хочу сразу пальцы в кровь разбивать. Постепенно все. Тогда и музыка... Ой! Кто это там?

На асфальте лежал Марк Аврелий. Сбило. Лужа красного вина. Из магазина шел. Грудью вверх. Еще скорая не приехала. Над грудью лисья рыжие. И ветер. Поравнялись с автобусом, а из него дети... Носами в окна уперлись. Мать их отгоняет. Не может. Автобус забит.

Четыре любопытных глаза на две руки.

Таксист. Жалко...

Рома. Жалко...

Таксист. «Ничто на земле не проходит бесследно...»

Рома. Эту знаю...

7

Ранний вечер. Кухня.

Виктор. Знал я одну семью. Мать, дочь. Мать ее воспитывала и вместо кукол книги давала. Знаете, какие книги? Толстого, Достоевского. Ну, классика. И та читала. От безделья и Донцову читать будешь. Выросла. Отличница, с музыкальным образованием, великолепный сотрудник. Но заболела.

Наталья. Умерла?

Виктор. Что вы все о смерти?! Ветрянка. Заходит мать в комнату. На подносе вода, таблетки. А дочь седая и в пятнах. И плачут две старухи...

Наталья. Чушь какая...

Виктор. В общем, болейте ветрянкой в детстве, чтобы в тридцать не сесть.

Наталья. Где Оксана Дмитриевна? Что она нас собрала?

Рома. Объявление хочет сделать.

Оксана. Внимание, семья! Мне нужно сейчас бежать. Хочу сделать объявление. Маша? *(Молчим.)* Понятно. Пусть гуляет. Я решила, приказ уже подписан. С завтрашнего дня на пост директора моего нового магазина назначается наш Рома. Он успешно поработал, показал себя с наилучшей стороны и готов взять на себя управляющую должность. Поздравляю!

Молчим.

Оксана. Ты рад?

Рома. Да. Просто я видел приказ.

Оксана. Ну, сам себе сюрприз испортил. Ну, все, можете праздновать, веселиться, у меня встреча. *(Уходит.)*

Наталья. Поздравляем, Ром...

Рома. Спасибо...

Наталья. Ты правда рад?

Пауза.

Рома. Да.

Наталья. Хорошо, раз рад...

Молчим.

Наталья. Самостоятельный теперь... *(Пауза.)* Работа...

Роман. Спасибо тете Оксане...

Наталья. Спасибо тете Оксане... *(Пауза.)* Далеко магазин?

Роман. Окраина Москвы... Буду квартиру снимать. Чтобы рядом...

Наталья. Москвы?.. Ну, теперь деньги есть... *(Пауза.)* Значит, уедешь?

Роман. Значит... Уже завтра.

Наталья. А вещи твои?..

Роман. Оставляю...

Молчим.

Наталья. Надо придумать тебе какие-нибудь коробочки для красок, пастели... Чтобы легче перевозить было.

Роман. Я не думаю, что время будет.

Наталья. Как?! На это-то всегда время найдешь... Ром, а ты уверен? *(Молчим.)* Может, лучше...

Роман. Не лучше...

Наталья. Но все-таки... Ты же можешь восстановиться. Стать художником, рисовать. Тебе же нравится...

Роман. Не нравится...

Молчим.

Наталья. Ты счастлив?

Молчу.

Наталья. Спасибо тете Оксане...

Роман. Хватит! *(Пауза.)* Это все вы виноваты. Все вы! Как так можно было?! С кого я должен был брать пример? С кого?!

Наталья. В чем мы виноваты, Ром? Мы дали тебе такую свободу...

Роман. Какую свободу?! Где я сейчас?! Почему я возвращаюсь?! Зачем вы так со мной? Теперь я уеду. Завтра уеду.

Наталья. Мы тебя проводим...

Роман. Столько лет потерял. Все зря было!

Виктор. Я ничего не понимаю. Чего ты хочешь?

Рома. Зачем ты оставила пост? Ты же была директором. Что тебе не нравилось?

Наталья. Рома... Я... Я не могла... Стыдно мне...

Рома. Стыдно ей было! Чего ты хотела добиться, что доказать?!

Наталья. Я спасти хотела... Школу сохранить.

Рома. Ну, и как? Спасла? Спасла?! От директора к простой училке.

Наталья (*плачет, роняет кольца с пальцев*). Ничего не вышло. Господи... Денег как не было... Все развалилось... Все... Половина коллектива ушла... Никого практически не осталось... Только самые отчаявшиеся. Ничего не изменилось. Только работы больше стало. Все разрушилось. Они по улице... Встречаемся — улыбаются... Страшно мне, стыдно мне... Больно мне... Я все в семью хотела нести. Денег нести... Восполнить за зарплату директора... Продавать пыталась, рисовать пыталась... Нет, нет, нет! Я оказалась простым ремесленником, который только и умеет учить, делиться, бумагу мариновать... Бесталанная я. Бездарность я. Не хотела я так... Ужас! Господи, если ты есть, отвернись от меня... Пожалуйста, просто отвернись от меня... Оставь меня, как есть... Не надо больше... Я не могу... Я устала... Хотя бы на секунду отвернись, пока я бегу до балкона... Пожалуйста!..

Рома. Мама...

Виктор. Ты чего такое говоришь? (*Рома.*) А ты что говоришь? (*Наталье.*) Наташ, тише-тише... (*Обнимает, гладит по голове.*) Все хорошо. Все хорошо. Жизнь у нас — такая шутница. Сидели бы на месте — все хорошо бы было. А мы чего-то встаем, идем, спотыкаемся. А ей лишь бы посмеяться. Смешно же — человек упал. Тише-тише... Какая ты у меня все-таки... Помнишь: «А-а-а! Мужчина, мужчина! Пойдите, пожалуйста! У нас пленэр, модель заболела. Не могли бы вы попозировать? Я вам заплачу. Только нет денег. Но я вам картину свою задаром отдам. Я красиво рисую. У вас память будет. Навсегда будет. До конца жизни. Пожалуйста! Мы там, компанией...»? Вся такая дерганая, вся на иголках. И такой жар от тебя, из тебя молнии стреляют. Откуда все это? Тише-тише...

Наталья поднимает голову, смотрит в глаза.

Виктор. Иди. Я поговорю. Все хорошо. Правда. Люблю тебя. Люблю.

Наталья встает, уходит.

Р о м а. Я... Я не хотел так...

В и к т о р. Рома, я все вижу... Я все услышал. Как будто в первый раз. Вот ты думаешь — большие люди. Живут где-то там у себя, в своем мире. Ведь все это ненастоящее, все это нереальная жизнь, бред. А потом открываешь окно (*открывает*).

Крики с улицы.

Мужской голос. А, может, у меня как у жирафа?!

Женский голос. Да мне хоть как у кита! Мужик мне нормальный нужен, а не жирафий...

Закрывает.

В и к т о р. Вот она — жизнь. Все хорошо у них. Трезвый взгляд. Вот он. Появятся у этих людей дети, и они убьют их. Отец будет бить, мать — кричать. Захотят, чтобы ребенок стал умным. Что они сделают? Будет тот человечек: «Работа, деньги, свобода». И я не просто так говорю, я уже встретил такое. Только родители были людьми другого расклада. У человека должна быть мечта, Рома. Ты знаешь, что такое мечта? Какая она? Откуда берется, рождается? И мне тяжело ответить. Я только знаю, что о ней надо заботиться, как о грудничке. Пинается, рвется, толкается, болит. А ты храни. Хрупкое все. Но это, наверное, самое настоящее, что вообще есть у человека.

Мечта — настоящая. И жизнь должна быть настоящей. Вся. Полностью. Потому что потом... Страшно... Темно все...

Молчим.

В и к т о р. Пойду я. Мать проверю.

Уходит.

8

Чужая комната. Кровать.

Р о м а. Здорово я придумал? А, Слав?

С л а в а. Ты о чем?

Р о м а. Ну, чтобы ты мне светом моргал.

С л а в а. Да, круто...

Р о м а. Я дома лежу, у меня окна без штор. Боюсь, что мама придет, занавесит. Я лежу и смотрю прямо в окно. Жду.

С л а в а. Только не практично. Я мог бы просто звонить или по интернету писать.

Р о м а. Ну, это типа не интересно. Вдруг я усну и пропущу момент. Такое приключение же!

С л а в а. Точно. Приключение же...

Р о м а. Твои надолго уехали?

С л а в а. Не помню. Дня на два.

Р о м а. Я сегодня читал про «Колумбайн». Представляешь, так страшно. Просто ворвались и стали стрелять по детям. Шестнадцать, семнадцать лет.

С л а в а. Детям?

Р о м а. Ну, подросткам. Так лучше? Я просто сидел и думал: убить ребенка. Кто на такое способен?

С л а в а. Ребенок?

Р о м а. Просто расстрел. Массовое убийство детей. Выстрел. Смерть. Выстрел. Смерть. Вот ты просто ходил. Веселился, бегал, прыгал, ел, пил, спал. Выстрел и смерть. А что дальше?

С л а в а. Все равно.

Р о м а. Как ты думаешь, душа существует?

С л а в а. Что, прости?

Р о м а. Ну, есть у человека душа?

С л а в а. Я не верю в это.

Р о м а. Но мы же как-то чувствуем. Любим, поем, пишем, рисуем...

С л а в а. Все — мозг.

Р о м а. Я вчера ночью проснулся, смотрю в окно, а там твое окно. Свет горит. Я жду... Вдруг мигать начнет... Жду, жду, а потом подумал — пусть горит. И так красиво все...

Взял — нарисовал. Прямо так. В темноте. Твой дом с окном. Пусть горит. Так дышать легче стало... Прохлада во всем теле. Что это?

С л а в а. Эмоциональное возбуждение.

Р о м а. Как у тебя все просто. Не задумываешься, не мечтаешь.

С л а в а. О чем думать? О чем мечтать? Человек — это, по сути, животное, только с разумом, развитым речевым аппаратом. И много чего в мире, на самом деле, доказано, и смерть доказана. Я знаю, что я к тебе и ты ко мне — это просто нервная система, первичное эмоциональное проявление потребности, мозговая активность.

Р о м а. И все?

С л а в а. У тебя еще волосы на голове нежные, приятные на ощупь...

Р о м а. У меня в детстве были кудри белые. Я ходил как одуванчик.

С л а в а. Надо просто давать организму то, что он хочет. В конечном итоге не мы управляем мозгом, а он нами. Выполнять потребности, и так пока не умрешь.

Р о м а. А когда умрешь?

С л а в а. А что — когда умрешь? Тебе уже все равно будет. Сердце остановится, мозг отключится. *(Складывает из пальцев пистолет, направляет в голову.)* Пф! И тебе по фиг на все. Пф! И тебе по фиг на то, что тебе по фиг на все. Такая вот она — смерть. Тем детям уже все равно.

Р о м а. Ты правда уедешь?

С л а в а. Угу.

Р о м а. А может останешься? Так хорошо. Нет? Не хорошо?

С л а в а. Спи давай. Я устал уже.

Р о м а. Небо сегодня красивое. Закат поздний. Все небо в фиолете. Вон там особенно. Какая-то полоса тянется, тянется из-за дома в облака. Вон она. Идет. Мимо того белого пятна... *(Пауза.)* Слава, а что это такое? Откуда пятно? Ты спишь? Слав? Где ты? Слава? Нет. Мне же страшно... Слава...

Проснулся. Схватил картину. Выбросил в окно.

9

Ночь. Кухня. Слышится ключ в дверях. Это М а ш к а.

М а ш к а.

Я нашла на дне бутылки,

Стол, бумагу, стопку рифмы...

Хэй, Ромочка. Чего грустишь, зайчик?! Муа! Муа! Ой, какой-то ты совсем хмурый. Ругались, да?

Р о м а. Маш, тебе не кажется, что ты много пьешь?

М а ш к а. Мне?! Пф-ф! Зайчик мой, я же не просто так пью! Когда я пью, я возвожу все в состояние космоса. Знал, что в космосе нет звука? А, значит, никто плохого не скажет, не соврет. Вот ты слышал, чтобы я врала?

Р о м а. Нет.

М а ш к а. Ага! Вот именно. Машка тебе всю правду расскажет. Я как гадалка-хиромантка. Только хиромантия как была, так и остается хиромантией. А Машка все правду говорит.

Р о м а. Маш, почему ты в институт не пошла?

М а ш к а. Деньги-деньги-деньги! Просыпаешься: «Доброе утро, Мария» — «Доброе утро, Сбербанк». Ну, или ночь, день... Это, конечно, приятно. Но это все неправда.

Р о м а. А что правда?

М а ш к а (*улыбнулась от уха до уха*). Слушаешь человека. Он рассказывает что-то, ну пипец фантастическое, нереальное. И он это наматывает (*крутит пальцем вокруг уха*) и наматывает. Ты слушаешь и ждешь, что еще он выдумает. Смеешься над ним. Над этим бредом. Через два дня просыпаешься, чешешь репу: «Ну, да — было и там что-то реальное». А спустя месяц вспоминаешь и понимаешь: все реальное. Все было правдой.

Молчим.

Р о м а. Ты бы когда-нибудь выстрелила в ребенка?

М а ш к а. Ничего себе у тебя вопросы! Нет, конечно же.

Р о м а. Даже если бы ребенком был Гитлер?

М а ш к а. Если бы ребенком был Гитлер, я бы украла его... Воспитала бы... Подружила бы его со своим вторым краденьем.

Была бы я мать с двумя сыновьями,

Одного люди звали б Гитлер,

Другого — Сталин.

«Адал, благородный волк»,

Другой — «божья награда».

Но я б, как мать, говорила:

Мой маленький Дольфи,

Мой миленький Ёсип.

Р о м а. Ты столько с поэтами общалась, а стихи у тебя — лютый мусор, конечно.

М а ш к а. Это верлибр. (*Смеется.*) Я домой возвращалась. И сверху летит. Чуть мне по голове не... Картина. Я же помню, что твоя. В комнате у тебя как-то стояла... И вот... (*Достает сверток.*) Рама — вдребезги... Держи. (*Вкладывает в руки.*) Не выбрасывай. Красиво же... Как память... Ты же еще школьником рисовал. Или не из окна хотя бы. Убьешь... Люблю тебя, братик... (*Целует в макушку.*) Правда красивая... Цветная... Не выкидывай. (*Ушла.*)

10

Утро. Квартира.

Оксана. Давайте-давайте... Собираемся. Надо проводить. Мальчик, считайте, на пороге новой жизни.

Виктор. Да собираемся мы.

Оксана. Правильно делаете. Наталья Александровна, вы готовы?

Наталья. Готова.

Оксана. Маша? Не слышит.

Виктор. Ромашка, ты готова?!

Машка. Да!

Оксана. Так, а виновник готов? *(Пауза.)* А?

Наталья. Не знаю.

Оксана. Рома!

Машка. Он вроде в душе был. Все утро занято было.

Наталья. Так туда всей семьей постоянно бегали.

Машка. Нет. Не в душе. Рома?!

Наталья. Рома, ты где?!

Виктор. Рома?!

Оксана. Как так?! Где он?

Машка. Ушел?

11

Рома. Лодка. Речка. Вода вся зеленая. Сверху бьет солнце и под поверхностью все переливается. Тихо. Выстрел! Брызги. Нет... Ружье. Насыпаю. Соль, перец, опускаю в воду. Выстрел! Брызги.

Смотрю вверх, а там небо. Все вверху движется, бежит. Протягиваю красные руки. Нет...

Насыпаю. Стреляю. Нет. Насыпаю. Стреляю. Нет. Насыпаю. Стреляю. Нет. Нет. Нет!

Насыпаю, направляю в голову, закрываю глаза. Сейчас взорвется, ресницы оплавятся, кудри белые почернеют. Лодка ударяется о берег. Открываю глаза. Там парень с тазиком на голове. Разбегается, толкает лодку, запрыгивает.

«Надо еще маслом...» Смеется. Смазываю, насыпаю, опускаю в воду... Выстрел! Брызги. Детский смех...

Конец

РУССКАЯ СКАЗКА

Действующие лица

Коля, 14 лет.

Сергей, 60 лет.

Надежда, 55 лет.

Мария, 89 лет.

Ваня, 15 лет.

Мужик.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сны

Спит на обочине русский мужик. И сны видит волшебные. Пусто на земле, и метель метет. Ни зги не видно, вьюжит. Из таежного леса зверь выходит. «Медведи спят зимами», — думает мужик. А зверь идет и идет через метель. Глаза его горят и на мужика смотрят. Кто ты, зверь? Мужик кричит, а слова его ветром уносятся и летят над землей. Кто ты, зверь, что тебе нужно от меня? Я такой же, как ты, зверь. Стоят два зверя и в глаза друг другу смотрят. И стекленеют глаза звериные в стужу.

Коля просыпается. Видит Надежду и Сергея, не двигается. Большая комната деревенского дома. В одном углу печь, в другом — красный угол, все как полагается. Потолки низкие, окна приземистые, на стеклах снег налип, света мало и пахнет сыростью. Мария сидит на кровати неподвижно, с бледным лицом, смотрит в окно. Надежда, вспотевшая, с красным лицом, но в куртке и спортивной шапке стоит посреди комнаты, напротив Сергея. Коля наблюдает за ними с кровати.

Надежда. Скотина такая, последний раз спрашиваю: где, е* твою мать, мой «Блэйзер»?

---

* Студент ЕГТИ (мастерская Н. В. Коляды, 5 курс). Публиковался в сборниках современной драматургии и журнале «Урал».

Сергей. Да какой еще «Блэйзер», Надежда? Не видывал я такого в жизни.

Надежда. Не видывал? А пахнет чем от тебя? Где моя полторашка?

Сергей (*крестится*). Вот тебе крест, Надежда, нет полторашки.

Надежда. Дыхни, скотина.

Сергей. Ты пива всосала три литра. Мало тебе?

Надежда. Умыкнул мою полторашечку, паразит.

Сергей. Не брал, бабку вон спроси.

Надежда. Дыхни, я сказала, е* твою мать!

Сергей осторожно подходит, дышит, отскакивает.

Надежда. Вот скотина!

Она хватает полотенце, хлещет им Сергея, тот укрывается.

Надежда. Приговорил мои запасы. В дом чужой спрятала. Как нашел, скотина?

Сергей. Побойся бога, Надя. Икон святых побойся!

Надежда останавливается, снимает шапку, вытирает ей красное лицо, крестится на красный угол.

Сергей. Из-за пошла своего грех на душу брать такой!

Надежда смотрит на Сергея, на иконы, снова на Сергея.

Надежда. Грех, да, говоришь?

Хлещет со всей дури Сергея полотенцем. Коля, наконец, садится на кровати. Надежда замечает Колю, кричит.

Надежда. Ты кто? Откуда взялся?

Коля (*пожимает плечами*). Коля.

Сергей. Вот те раз. Я Сергей.

Надежда. Нет, я не поняла, ты кто?

Коля. Я тут водку нашел. Вот. Хотите?

Коля протягивает бутылку, Надежда недоверчиво смотрит, берет бутылку, прячет ее в куртку.

Надежда (*Сергею*). Только притронься, скотина. Я тебе так навешаю. Медпункт-то закрыт, учти, хрен к тебе скорая поедет. Не знаю даже, как сейчас газель к нам приедет продуктовая. Яма такая на дороге, еще больше стала. Даже бананы возят. А вот «Блэйзер Утонченная вишня» через раз! (*Хлещет Сергея*). Понюхай-ка, Коля, вишней ведь пахнет от него?

Сергей. Дали же бутылку тебе уже, что ты причитаешь-то опять?

Надежда (*хлещет Сергея*). А я бы сейчас запивала «Блэйзером», скотина! (*Коля*.) Мы уж и жаловаться ездили на яму. Депутат какой-то приехал, булыжниками завалили ее. Вроде лучше стало, так мужики потом булыжники по домам растащили. А потом еще навешали депутату этому. Крепких п****юлей получил слуга народа. Он подарки обещал, чтоб проголосовали или че. Обещал по триста рублей каждому, а давал по двести. Не выдержали мы такой обиды.

Сергей. Мы хоть и деревня, а цену себе знаем. У нас медпункт как закрыли, мы в райцентр сразу к главе.

Надежда. Глава у нас женщина, такая ухоженная, важная шишка, сразу видно. Так она нас так отчитала. Говорит: как вам не стыдно? Вас пятьдесят человек в деревне, а в России, говорит, сто пятьдесят миллионов. Только о себе, мол, думаете. Представьте, какие проблемы серьезные перед страной? А вы, говорит, с медпунктом вашим. А нам и правда стыдно даже стало. Постояли красные от стыда, в пол потупились. Поехали обратно. Что уж мы, ради родины не потерпим, что ли?

Сергей. Мы хоть и деревня, а родина — на первом плане всегда.

Надежда (*садится на табуретку к столу*). Может, откроем бутылку? Еще пожаловаться захотелось.

Коля. Да че вы мне свою чернуху гоните? Идите домой уже.

Надежда. Нет уж, погоди-ка. Ты кто, я не поняла?

Коля. Я спать хочу.

Надежда. Здравсьте! Пришел, спать улегся. Ты кто?

Коля. А вы кто?

Надежда. Меня-то все тут знают! Я тут главная! Прокурорша! Из той вон половинки дома. За Марией вот хожу. (*Подходит к Марии, целует*.) Любим мы ее очень! (*Целует*.) Вот как любим, очень любим!

Коля. Мать умерла. (*Показывает на Марию*.) Это бабка моя.

Надежда охнула, замерла.

Надежда. Ты сын, что ли? Отец твой выходит сегодня? Сын, что ли?

Коля молчит.

Надежда. Не помнишь нас, что ли? Ты че?

Коля. Помню. Алкаши какие-то.

Надежда. Вот те раз! Паразит какой вырос!

Коля. Мне восемь было, мы уехали, а сейчас пятнадцать.

Откуда я помнить-то?

Сергей. Забыл уж! Не так ты, наверно, себе село-то наше представлял?

Коля. Нет, именно так и представлял. Село Чернушка.

Молчат.

Надежда. А ты только одну бутылку нашел?

Сергей. Печку затопи, околеешь, как кошатина.

Молчат.

Надежда. Так у тебя ведь брат тут получается, что ли?

Сергей. Ваня. Он болеет, правда, лет пятнадцать ему, наверно, не помню, как ты вот. Надя, что там у него? Какая болячка?

Надежда. Да откуда я знаю? Больной и больной.

Сергей. Говорили же врачи — алкашка. Он еще плюс с придурью немного. Ну, в школу не ходил, неразвитый. С нами только да с бабкой. А она че? Молится только.

Надежда. Ты зато какой у нас развитый!

Мария. Бесы в нем.

Коля испугался, вскрикнул.

Надежда. Помалкивайте, Маша, не несите, не сидите.

Коля. Она разговаривает?

Надежда. Лучше б уж совсем молчала. Бредит уже лет десять.

Мария. Проклятый род.

Коля. Ты с кем разговариваешь?

Мария. Антихристов род.

Надежда. Помалкивайте, говорю. Как кликуша стала. Ванькина мать такая же под конец сделалась, с ума съехала. Потом и вовсе померла, как посадили отца твоего.

Коля. За что посадили-то?

Сергей. Не померла, а сама она, на березе.

Надежда. На березе, так ведь померла же. Не живая же на березе.

Сергей. Еще вот что. Как стемнеет — ходи в горшок. Это важно. Вы возле леса. А у нас тут зверь ходит по ночам. Не понять, что именно за зверь. Может, и волк. Но ночью лучше в горшок.

Молчат.

Надежда. Ты один, что ли?

Коля. Сюда направили. Службы какие-то. К бабке вон.

Надежда. Странная была дама, мать твоя. Померла, значит?

Молчат.

Коля. Идите уже.

Надежда. А где жили-то вы?

Коля. Домой иди, марамошка опойная.

Надежда. Че ты сказал?

Коля. Пошли отсюда, алкаши.

Надежда (*заплакала*). Приехал хам такой, на нас кричит. Сам-то задохлик такой. Че вот орет он? Что мы виноваты-то?

Сергей. Ой, все, запричитала — трезвеет. Стопори, Надежда.

Надежда. Обзывает меня, нахал такой. Как не стыдно? Бессовестный. Бутылку украли, матом накричали. За что мне? Что я сделала-то?

Сергей. Заканчивай, Надежда. Говорю тебе: закругляйся.

Надежда. Как не стыдно, паразит такой?

Сергей и Надежда уходят, скрипят половицами. Коля один, осматривается. Высокая кровать, маленькая электрическая плита. Много посуды. Коля подходит к красному углу. Там стоит три иконы: большая икона Спасителя, слева — икона Богородицы, справа — Николай Чудотворец. Коля внимательно рассматривает их. Подумал, не стал креститься. Просто разглядывает. Садится за стол напротив Марии, смотрит на нее.

Коля. Ты помнишь меня?

Мария будто не слышит. Коля водит рукой перед ее лицом.

Коля. Ты глухая? Але! За что сын твой в тюрьме сидел? Не знаешь?

Мария переводит взгляд куда-то на печку, бледнеет еще больше, крестится.

Коля. Ты че? Че ты увидела? Дичь какая-то.

Мария отворачивается снова в окно.

Коля. Че ты смотришь туда сидишь?

Коля тоже смотрит в окно.

Вдалеке мужик из леса санки тащит. На санках ветки лежат еловые, бревнышки. Впереди собака бежит, оглядывается, дожидается мужика, прыгает на него, потом снова бежит впереди. Они идут к сгоревшему черному дому: крыша дыровая, окон нет, пакетами заклеены. Только печка стоит целая. Мужик подходит к пепелищу, кидает ветки в печку. Печная труба дает дым. Сидит погорелец, смотрит на дымок. А собака к печи прижимается и на мужика поглядывает.

Коля задергивает перед Марией занавеску.

Коля. Короче, я спать.

Коля ложится на кровать, рассматривает беленый потолок, засыпает. Просыпается — и темень уже. Тихий лунный свет в комнате только. Коля смотрит по сторонам, бабка тоже лежит на кровати уже в углу, белым лунным светом как саваном укрыта.

Коля. Эй, спишь? Рано тут темнеет так?

Бабка смотрит в черный потолок.

Коля. Че молчишь? Померла, что ли?

Бабка не отвечает.

Коля. Такая дичь тут снится. Тебе хоть что-нибудь еще снится?

Дверь скрипит, открывается, темно. Коля садится на кровати.

Коля (*шепотом*). Папа, это ты?

Тень поворачивается к нему, и горят два желтых звериных глаза. Коля кричит, просыпается. Еще светло, бабка также у стола сидит, смотрит на Колю. У дверей стоит Ваня, длинный и худой подросток, улыбается.

Коля. Это кто?

Ваня. Бабка — молчальница, ей не допросишься. Божий человек.

Коля. Че потерял?

Ваня. Что во сне видал?

Коля. Тебя видал. Че надо?

Ваня. Я бабке хлеба принес. Она же только хлеб и воду. Больше ничего. Постница бабка наша.

Коля. Ты Ваня? Антихристов род?

Ваня. У нас тут церковь есть. Из нее, правда, потом культурный дворец сделали. Там картинка висит. Сейчас вспомню. Искусство должно принадлежать народу. Сейчас там свиньи живут с поросятами. И козочки с козлятками.

Ваня снимает большие ботинки, куртку, идет к столу. Кладет перед Марией порезанный ломтями черный хлеб, подает ей кусок, та ест.
Молчат.

Коля. Отец твой не приходил? Не видел его?

Ваня. А ты зверя не видел? Я видел. Большущий такой, бежит по лесам, глазками сверкает. В шерсти. И клыки большущие. *(Думает.)* И рога на башке длиннющие.

Коля. Под кайфом, что ли?

Ваня. А глаза — желтым горят. Правда.

Молчат. Ваня садится у стола, ближе к кровати Коли, смотрит на него, улыбается.

Коля. За что отец сидел?

Ваня. А мамочка моя любила папу. Так сильно любила. И меня тоже. Но его еще сильнее. Так, что на березке потом и удавилась с горя. Говорит мне такая: езжай, Ваня, с Надюхой в поселок штанов купить. Говорит, смотри, какие дырявые. Мы и погнались. Купили вот. *(Гладит свои ноги.)* Приезжаем, а она все уж. Болтается. Вот тут вот. *(Показывает на окно.)*

Молчат.

Ваня. А твоя мамочка?

Коля не отвечает.

Ваня. Я рисунки рисую. Хочешь, тебя нарисую?

Коля ложится на кровать, отворачивается к стене, смотрит на беленую стену комнаты, слышит, как Ваня скребет карандашом по бумаге. Коля просыпается, а Вани нет уже. Темнота настала. У икон в углу свеча горит. Коля подходит к иконам, всматривается в них, в тени от свечки. Тень трогает лики святых, они будто живые и дышат. Коля слышит стук в окно. Вздрагивает. Стук ритмично повторяется, стучит, стучит. Он долго всматривается в темноту окна после света свечи. Видит, что это ноги женские стучат, о стекло бьются. Коля кричит беззвучно, закрывает руками рот.

Ваня. Мамочка моя! Кликушка!

Коля оборачивается на Ваню, в углу два желтых звериных глаза смотрят на него. Коля поворачивается к иконам и быстро крестится. Свечка гаснет, Коля просыпается. Ваня сидит за столом, смотрит на него.

Ваня. Ты че орешь? Напугал тебя?

Коля встает с кровати, садится к Ване за стол. Молчат.

Коля. Почему у зверя глаза желтые?

Ваня задумался.

Ваня. Я печку затопил.

Коля. Я тут оставаться не собираюсь, понятно?

Ваня. Не любил отца? Колотил он тебя?

Залаяли собаки. Коля вздрогнул.

Ваня. Собак боишься, что ли?

Коля (*смотрит в окно.*) Отец идет?

Ваня. Отца боишься?

Коля. Нет. Нет никого.

Коля возвращается обратно за стол. Молчат.

Ваня. У меня свой ребенок будет. Скоро-скоро уже. (*Гладит свой живот.*) Это же не быстро все. Не червячок же.

Коля. Ты че несешь опять?

Ваня. Не несу еще, в том и дело. Жду только ребенка. Три года уже.

Коля. Ты дебил?

Ваня пожимает плечами, потом плачет.

Ваня. Сам ты дебил. Я слышу же, он стучится в животе. Дебил, дебил... Не любите никто ребенка моего.

Мария. Проклятый род. Убей дитя свое. Убей, пока не вышел зверь.

Коля. Че за треш тут?

Мария. Падут семь печатей, вострубят ангелы, прольются чаши гнева Божия на землю.

Коля. Жесть какая.

Мария. Выйдет из моря зверь с семью головами и десятью рогами...

Заходит Надежда. Волны морозного пара заполняют комнату.

Надежда. «Час суда» идет, не глядите с Марией?

Коля. Тут страшный суд походу намечается.

Надежда. Не видала такой. Метель начнется. Вон завывает уже. Ваня, иди дров натащи, пока не поздно.

Ваня. У меня живот же. Нельзя.

Надежда. Иди, кому сказала. Отдубашу сейчас. Живот у него. Три года уже беременный ходит. Ты кого там носишь-то?

Ваня. Не жалко никому даже. Ребеночка не жалко.

Ваня сидит, не двигается, потом вскакивает, демонстративно надевает ботинки и уходит.

Надежда. Отец придет если, Ване не говорите пока. *(Садится на табуретку, отряхивает снег с шапки и куртки.)* Проспалась маленько, башка трещит. *(Молчит.)* Снилось сейчас, будто за Ваней в лес бегу, а на него зверь бросается. Терзает его. Я бегу и проваливаюсь по горло в снегу, двинуться не могу, а зверь и меня заметил. Смотрит на меня. Сейчас вон про зверя-то все рассказывают, так че только не приснится. *(Молчит.)* Этот еще возвращается. Отец твой. Лучше б не возвращался. Ванька как с ума сошел, когда узнал, что отец выходит. *(Молчит.)* Ой, тяжело трезветь. Ты как приехал-то?

Коля. Заставили. Привезли сюда.

Надежда. Государство заставило? Оно знает, че делать.

Коля. Ну.

Надежда. Ниче, восемнадцать стукнет, че хочешь делать будешь.

Молчат.

Надежда. Мать твоя странная была, хорошо помню. Скорбная головой. Вы уж лет семь как уехали? Заходишь к ей иной раз, она сидит, в стенку смотрит. Руки на колени сложит и сидит. Там на плите кипит, ты орешь маленький, она сидит. Спрашиваю: чё сидишь? Она говорит: я стихотворение придумываю. Странная была. Тетрадок у ей толстых было стопка целая, всё — стихотворения ее.

Молчат.

Коля. Че я тут делать буду?

Надежда. Ты че, плакать собрался, что ли?

Коля. Отвали, дура тупая.

Надежда. Да нужен ты мне больно!

Коля. Вот и вали отсюда.

Надежда сидит какое-то время, затем встает, уходит. Коля подходит к иконам, долго смотрит на них. Говорит шепотом.

Коля. Я хочу уйти отсюда. Сделай так, чтобы я вернулся обратно. *(Молчит.)* Сделай просто, чтобы я исчез. Вообще чтобы. *(Молчит, смотрит.)* Я тебе не верю все равно.

Он долго смотрит на иконы, потом отворачивается, идет и ложится на кровать. Коля просыпается, на кровати рядом мама его лежит, руки на груди сложила, в потолок смотрит. — Мам, ну ты че, а? — Молчит мама. — Мам, вставай, а? Молчит мама. — Мам, пошли пожрем? — Душно мне, Коля, душно, не могу. — Давай форточку открою, мам? — Жарко, Коля, жарко не могу. — Сейчас, мама, сквозняк сделаю. — Не хочу, Коля, помереть хочу. — Мам, ты че, а? — Ой, Коля, тяжело мне, печку потуши, а? — Мам, ну ты че? — Коля, не могу я. — Мам, не умирай, а?

Мария. Ешь иди.

Коля просыпается, вытирает покрывалом мокрое лицо.

Мария. Картошка там, иди.

Коля не встает, молчит. Смотрит на пар картошки.

Мария. Студеную есть будешь.

Коля. Я домой хочу.

Мария. Мне недолго уже. Я одна хочу. Ешь и не мешай.

Коля отворачивается к стене. В окно заколошматил кто-то. Сумерки уже, метель воеет. Коля вскакивает с кровати, подбегает, вглядывается в окно. Там женщина стоит, в тулуп укутана и шаль. Коля надевает куртку, выходит за дверь. Там белым-бело, он выходит за ворота — там поле белое, ничего из-за метели не видно. Коля видит смутный силуэт женщины у дома.

Коля. Идите в дом.

Не слышно ничего, Коля кричит.

Коля. Вы кто еще? Иди сюда.

Женщина стоит, слезы варежкой вытирает.

Коля. Я не слышу, вы че говорите?

Женщина *(тоже кричит)*. Я так виновата перед ним! Так виновата!

Коля. Че, говорю?

Женщина. Я ведь промолчала тогда, не сказала правду. Такой грех теперь на мне висит.

Коля. Вы к бабке пришли, что ли?

Женщина. Я потому-то и сделала так вот. Ему говорю сама: штанов купи, а сама вот тут вот и все.

Коля. Вы кто?

Женщина. Из-за него все. Любила его и все тут. Он виноват. Я просто молчала, а теперь все. Только поле и метель.

Коля. Че не сказали?

Женщина. Но я жалею теперь. А на небесах больше радости об одном грешнике кающемся, чем о девяноста девяти праведниках. Да ведь? На это только моя надежда.

Коля хочет подойти к женщине, но проваливается в снег, медленно пробирается сквозь ветер.

Женщина. Он идет сюда! Бегите скорее.

Коля кричит, просыпается. Над ним склонилась Мария.

Коля снова кричит.

Мария (*шепотом*). Пропал отец.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В темноте несется поезд. В вечной черноте несется, нет края черноте этой. Несется без тормозов и остановок, глазами светит, а там — все одно: лес и зима, собаки лают, дети плачут. А за поездом зверь бежит. Он всегда бежит и глазами светит. Огромный зверь бежит по снегу. В дома заходит, греется. Люди боятся, но виду не подают. Люди привыкли к зверю — они одной масти. Посидит зверь, чай попьет — и вон, в лес. Дальше бежит по снегу, по огромной земле.

1

По белому снегу, по сугробам идут двое: Коля и Ваня. Долго идут вдоль леса.

Ваня. Надюха мне так и говорит прямо: шуруйте, говорит, отца искать. На телефоне позвонила туда куда-то, ей говорят, привезли давно его, возле ямы на дороге высадили. Надюха думает, запил, может. Ищите, говорит, идите, ниче не знаю, ваш

отец. Я ей говорю: куда я пойду, на сносях я. Она меня под жопу сразу пнула и выматерила.

Коля. И че теперь, куда идем?

Ваня. Говорю ей: застужусь ведь, мне нельзя, а она в драку моментально.

Коля молчит.

Ваня. Ты злишься?

Коля. Ты debil? Че ты несешь? Ты стукнутый башкой, что ли? Беременный. Зашквар какой-то.

Ваня. А ты хоть знаешь, как дети делаются?

Коля. Слушай, тебе в табло выписывали когда-нибудь? У нас в школе за такие рассуждения на серьезные непонятки бы нарвался.

Ваня (*пожимает плечами*). Папаня только.

Молчат. Идут, проваливаются в снег, медленно идут.

Коля. Мою маму он тоже бил. Пускай очокурится в снегу. Че мы тут ходим?

Ваня. А я родился в бане. А ты? Бабка говорит, мы все грешники. Она хотела в монастырь уехать, спасться. А далеко. Теперь тут сидит, спасается. А ты грешник тоже?

Коля. А ты с бабкой поменьше разговаривай.

Ваня. А я ведь и не спасусь уже. Я же червячок только, из баньки выполз. Не человек даже. Я большой грешник очень.

Молчат. Идут, лица ладонью от снега прикрывают.

Недалеко мужик идет с собакой, санки свои тащит с еловыми ветками. За ним дети бегут, трое детей. Им на ресницы снег налип, а мокрые варежки пахнут собакой. Они что-то кричат ему, дразнятся, смеются. Он не оборачивается. Идет и идет. Собака лает, но побаивается детей — уже не раз получала. Дети кидают снежки в мужика, хохочут, заливайло ругают. А он тянет и тянет санки. А дети подбегают, тряпочку поджигают и бросают на ветки. Ветки снежные — гаснут тряпочки. Дети видят женщину, кричат: «Мама!» — и бегут к ней.

Коля останавливается, смотрит на них.

Ваня. Ты где жил с мамкой?

Коля. Я тут не буду, жить здесь не буду. Я шаристый, че-нибудь придумаю.

Идут дальше.

Коля. Почти в городе мы жили. Час до города ехать. Там жили.

Ваня. У нас соседский был человек. Тоже шаристый. Он уворовывал ходил у всех ночью, что где найдет. Его корова Надюхина избилла до полусмерти потом.

Коля. Ты че, нарываешься, что ли, я не понял?

Ваня. Почему? Он уехал потом.

Коля. Иди молча вообще.

Молчат. Долго идут молча.

Ваня. Говорит Надюха, война скоро. Ты хочешь воевать, да?

Коля. Я готов, если надо.

Ваня. Нападут на нас, говорит. Потому что мы слишком крутые.

Молчат.

Ваня. А ты убивал?

Коля. Большой, что ли?

Ваня. Сложная работа. Надюха закупила пятьдесят бутылок водки, на войну. Она, правда, подтаскивает и без войны иногда оттудова.

За лесом слышно, как проезжает поезд. Коля и Ваня остановились, смотрят на лес.

Ваня. Ездит тут поезд у нас. Не останавливается. Там не видно им из-за леса, что мы тут живем. Они и не знают.

Коля. Я уеду отсюда. На поезде.

Ваня. Он даже не заметит тебя и проскочит.

Коля. А с другой стороны от поезда че?

Ваня. Ой, да там ничего уже вообще. Туда не ходит никто даже. Там пойдешь, так не вернешься. В сосновом лесу — богу молиться, а в еловом — удавиться.

Молчат.

Ваня. У нас дети как-то, прошлым летом, ребенки маленькие, брат и сестра, в лес пошли этот. Пропали. Всем селом искали ходили. Три дня рыскали. Они вышли потом, как ни в чем не бывало. А на третий день померли. Говорят, ягод каких-то наелись.

Молчат.

Ваня. Пошли давай искать, пока зверь не вышел. Разорвет нас на кусочки. Он из леса этого выходит и ходит по ночам.

Коля. Может, зверь твой сожрет отца хоть. Хоть бы сожрал.

Ваня. А ты помнишь его?

Коля. Я его не видел же. Это вы тут сочиняете.

Ваня. Отца помнишь?

Коля. Откуда бы? Мама говорит, он сука конченная. И что он сумасшедший.

Ваня. Бабка наша даже и то его не любит сильно. Хотя набожная очень. Бойтся его. Говорит, антихрист, антихрист.

Коля. Я не слышу тебя, в уши прямо задувает.

Ваня. Метель потому что. Сюда зайдем давай.

Мальчик идет по белому полю. Все замело снегом. Он проваливается по колено в сугробы. Сверху небо черное с огромными ясными звездами, как в мороз. «Ты кто, мальчик?» — слышит он голос. Поднимает мальчик голову. Кто это? Звезды молчат. Куда мне идти, дядя? Нет ничего. Где дорога? Не слышно больше голоса. Мигни хоть звездочкой одной, куда? Молчат звезды. Одна вспыхнула, заблестела ярко, и видно все в ней стало. Улыбка, теплые руки, стол с клеенкой, нить янтарных бус. Все видно стало и погасло. Звезды падают на меня по всему небу. Я смотрю на них и загадываю. Можно, чтобы все были живы? Можно мне будет тепло сегодня? И скажи мне, скажи, дядя, куда мне идти? Я не знаю, скажи мне. Последняя звезда упала. Я иду дальше, прямо по полю, по упавшим с неба звездочкам.

Коля и Ваня идут по полю, вдоль путей, к заброшенной церкви. Маленькая церковь теперь похожа на ротонду — дверей нет, окон нет. Внутри — сугробы снега, надпись на стене: «Искусство должно принадлежать народу». Дом культуры тоже давно заброшен. На потолке культурная краска потрескалась и кусками отвалилась. Видны какие-то росписи. Коля и Ваня спрятались от ветра, стоят внутри церкви в больших куртках, смотрят на высокий потолок.

Ваня. Вот, смотри че. Красиво тут, скажи же? Она хоть и заброшена сто лет уж. А все равно. Я даже слышу тут музыку будто. Звон. Пам-пам, пам-пам. Не слышишь? А я слышу. У нас тут бабка есть, не наша, другая. Еще шизанутее. Она сюда таскает свечки порой и на коленях стоит подолгу. И плачет, плачет.

А сама колдунья, что ли, какая-то. В черном ходит. А все сюда таскается.

Молчат.

Ваня. Я думаю, то ли художником мне быть, то ли че. Я рисовать-то умею.

Коля. Лишь бы не в деревне только. Ненавижу деревню.

Ваня пожимает плечами. Молчат.

Коля. Есть Лондон, например. Большой город. Мы изучали его. Там вообще все не так.

Ваня. Я по телевизору видел, может, и Лондон это был.

Коля. Там красиво и все почти богатые. Королева у них, дворцы. Большая площадь.

Ваня. Если художником — я буду богатым?

Коля. Богатым чтобы, надо другое. В банке лучше всего. Я хочу в банк и в Лондон. Надо выучить только язык их и все.

Молчат.

Ваня. Ты, получается, сейчас несчастливый?

Коля. Никто не счастливый, всем плохо. Ты счастливый будто?

Ваня. Там у бабки в книжке написано: я посылаю вас, как овец посреди волков.

Коля. И в чем смысл?

Ваня. Ну, бабка говорит, что надо быть овцой божьей, тогда волки тебя не съедят. Как бы если в тебе бог живет, то ничего тебе не будет.

Коля. Бред какой-то. Сам ты овца.

Ваня. Ну, во мне-то кто-то живет.

Ваня гладит свой живот по курке.

Ваня. Вот, слушай.

Ваня расстегивает куртку, берет руку Коли и кладет ее себе на живот, под майку.

Ваня. Чувствуешь?

Коля. Да че ты делаешь?

Ваня. Ты почувствуй.

Ваня кладет голову на плечо Коле.

Ваня. К папе хочу.

Коля. Ты слышишь?

Ваня. Музыка?

Коля. Откуда?

Ваня. Я же говорил тебе, что слышу.

Коля убирает свою руку, молчат.

Коля. Ты debil? Поет кто-то там.

Ваня. А, это гуляка наш, не бойся. Пьянчуга поет. Весело если человеку, пускай попоет.

Коля садится на корточки, закрывает лицо руками. Молчат.

Ваня гладит его по голове.

Ваня. Ты что?

Коля. Не трогай меня.

Молчат. Коля встает, наклоняется, берет снег, вытирает руки. В церковь-ротонду входит мужик. Они молчат, переглядываются.

Коля. Мы отца тут ищем.

Мужик (*смеется*). Святого отца, что ли? Не ищите, я вам говорю, не найдете.

Ваня. Нашего отца.

Мужик долго смотрит на Ваню, узнает.

Мужик. А ваш пусть на зоне и сидит.

Мужик очищает красной рукой подоконник бывшего окна, садится.

Мужик. Я же посидел, пускай тоже. (*Смотрит на Колю.*) И ты сын? У него много. Он со всеми. Все, что движется. Хоть кого, хоть черта. Хоть Ваньку вон спроси, он расскажет.

Коля. Ты, бухарин, на уши не приседай давай.

Мужик. До бутылки я охочий, это да. Я полдеревни спалил нашей, вот и посидел.

Молчат. Ветер задувает снег прямо в церковь.

Мужик. Девятое мая тогда, что ли, отмечали. Ночь уже, вся деревня гудит, праздник, гульба. Гульбище! Мы с детьми тоже вовсю. Фейерверк пускали, хохотали так. Они сейчас не живут здесь. (*Молчит.*) А этот-то, отец ваш, смотрю, че-то туда-сюда с Людмилой, женой моей. Смотрю, уже и к дому нашему пошли. Пьяные, веселые, смеются. Я ребят хватаю, за ними идем. Догоняем, а он мне: «А ты домой не ходи!» И дальше идет. Сын

смотрит на меня так: а куда мама идет? (*Молчит.*) Ну, там до драки, конечно. Я ж пьяный был. Вся деревня сбежалась, окна повключали в домах, чтоб глядеть лучше было. Крепкий батя ваш. Так и ушли они тогда. Вот ведь, а. А куда мама идет? (*Молчит.*) Ну, взбунтовалась у меня душа-то. А как — такое если? Свой же дом и спалил, да полдеревни в придачу. Все чтоб подчистую хотелось. Дотла чтоб. Как у меня в груди чтоб, вот так же. Так и сел. Десятку отсидел. (*Молчит.*) Вышел — и тоска такая. Хоть волком вой. Никого нет, деревенские помнят все. А куда я? Таскаю санки вон свои. А вот все равно, думается, что принесут нам правду. Не знаю кто, да хоть вот бутылка, может. (*Отпивает.*) Вот так вот душа у меня распорядилась. Ребенок ведь, главное, спрашивает. Видите, как оно. Ребенок только бы не смотрел на меня тогда... Бензина слил да залил все. Спалить их хотел. А там собака наша во дворе, пока вытаскивал ее, скулила все. Они и выскочили. А деревня и польхнула. (*Молчит.*) По-божески если, говорят, прощать надо. А вот собаку жальче мне, чем человека.

Они молчат, потом слышат голос Надежды. Она бежит по сугробам к ним.

Надежда. Идите давайте! Нашли отца. Идите, не стойте.

2

Вечер следующего дня. Комната в доме Марии. Накрыт стол. Сидят Мария, Надежда, Сергей, Ваня и Коля. Единственное зеркало над умывальником завешано платком. Все молча сидят, скорбят, как могут.

Надежда. Вот. Говорю, так и нашли: валяется в сугробе, по кускам. Зверь-то и растерзал его.

Сергей. Как зверь-то по кускам его, Надежда?

Надежда. А как ты думал зверь? Соломкой нашинкует?

Сергей. Надо охотой пойти на зверя.

Надежда. Ты мне тут давай не это самое! Пускай вон ворожея наша заколдует его. Ой, мальчики, там бабка есть почище нашей еще. Наша-то хоть раз в недельку какой дурдом скажет. А там такая битва экстрасенсов! Порчу наводит сидит целыми днями, а все бегают здоровехоньки. Никого не подкосило. А Серега-то таскался к ней раньше, видела я. Кавалер какой.

Сергей. Ой, Надежда, не собирай, а?

Коля и Ваня сидят по разным углам стола, смотрят в разные стороны.

Надежда. Че вы молчите сидите? Серега, наливай давай. Помянуть-то надо. Отец ведь ихний.

Сергей разливает по кружкам водку.

Сергей. Парням-то лить?

Коля. Да.

Ваня пожимает плечами.

Надежда. Лей, лей давай. Надо, раз такое уж. Ну че теперь, так вот вышло. Богадельня тут у нас с Серегой теперь. Понабрали сиротинушек.

Все выпивают, молчат.

Надежда. Летом у нас ничего так, весело. Зимой — тоска белая.

Молчат. Дом продувается, трещит. Надежда в окно смотрит.

Идет мужик по сугробам, против ветра снежного. Собаку на руках несет, идет к своему почерневшему дому. Дошел, отпускает собаку. За ними старуха бежит в черном длинном тулупе. Кричит что-то, палкой машет, дымит. Собака выть начинает. Смотрит вверх, где небо будет после вьюги, и воет. Старуха проклятья мужику кричит, а он смотрит на нее. Слова ее уносит ветром далеко-далеко.

Надежда. Нельзя в России зимой умирать. Земля не берет. Задерни встань занавеску, Серега. Метет и метет там. Завывает вон. Подоткни там.

Сергей встает, выполняет инструкции Надежды.

Надежда. И мальчиков жалко как. Война ведь еще. Всех пособирает.

Коля. С чего взяли-то?

Надежда. Всех мы, Мария, похоронили с вами.

Сергей наливает всем еще раз.

Сергей. Ну, ты уж не начинай давай. Всех сейчас похоронит. Живые сидим.

Все выпивают.

Надежда. До войны-то Чернушка наша какая была? А потом что?

Сергей. Ты будто до войны помнишь? Че мелешь-то сидишь?

Надежда. От американцев-то не жди, никого в покое не оставят. У них души ведь нет. Правда. Танька газету привозила. Там баба Нина печатается, провидица, она сказала, всех в Москве сметут. Только три знака Зодиака выживут. Забыла, какие.

Сергей. Я бывал в Москве один раз. С отцом поездом ездили. Достопримечательность смотрел. Дичайшая красота. Красотища дикая.

Надежда. Помалкивай. Прип***ывает сидит.

Сергей. Ездили в детстве, говорю. Будто знаешь.

Ваня. Мы-то не в Москве же сидим, мы спасемся, получается, от американцев?

Надежда. Да и правда, не в Москве же. Насрать на них.

Выпивает.

Мария. Большевики.

Коля. Дура! Пугает меня!

Ваня. Ты пьяный уже.

Коля. Отвали.

Мария. Большевики погубили все.

Надежда. Ну все, расчехлила гусли! Большевики у нее пошли уже. Вы пьете-то куда?

Ваня. Я выпью давай водку ее.

Надежда. Тебе куда? Рожать уже пора. Три года — большой срок.

Все смеются.

Ваня. Досмеетесь вы. Ох, досмеетесь.

Молчат.

Надежда. Собаки разлаялись опять. Метели боятся.

Коля. Я сказал сегодня, чтобы зверь отца убил. Он и убил.

Надежда. Ты тоже много не пей давай. Помянул и хватит.

Сергей. Медведь поди в спячку не лег, вот и ходит, голодает.

Ваня. Ты, Коля, думаешь, ты, что ли, зверя подговорил? Че как дурак-то. Он ведь еще до этого, поди, убил уже.

Мария. Зверь на зверя пошел.

Надежда. Про сына-то родного не стыдно? Зверем звать? Мария. Антихрист.

Надежда. Ну, это вы сами разбирайтесь, кто антихрист. Все. Я объявляю войну, достаю запасы свои! Надо нам еще немного.

Надежда встает, идет к крышке погреба, открывает, исчезает там.

Сергей. Доставай сразу две хоть! Полезешь потом опять, разобьешься пьяная.

Надежда появляется из погреба с тремя бутылками.

Надежда. Умник какой, а. Разобьюсь, а тебя не пушу туда. Не мечтай даже.

Надежда садится за стол, разливает.

Надежда. Таскал оттуда, скотина?

Сергей. Да не таскал, говорю. Опять начинаешь!

Надежда. Пересчитывать сейчас не стала, но я пересчитаю.

Все выпивают.

Надежда. Ой, все-таки хороший мужик был отец ваш. Веселый все-таки. Несмотря ни на что. Никто не смеялся, а он все равно шутил. Не остановить было. Анекдоты дурацкие были, но зато регулярно.

Сергей. Любил, любил он передачи юмористические. Ох, как любил. Придешь к нему, он хохочет сидит, телевизор смотрит.

Надежда. Такой вот нрав веселый у человека. Пьянки с ним всегда были самые лучшие. Помнишь друга-то его? Брат золовки свекра тети Ани, утопилась которая? Отец-то ваш его как-то звал выпивать: давай, говорит, веселиться. Тот в отказную. Так он его ножом пырнул. За отказ.

Сергей. Виталя его звали. Повесился он потом. Жена довела мужика, с ремонтом привязалась. Он так и указал в листочке посмертном: делай свой ремонт сама.

Надежда. Крыша, правда, ехала от алкашки иной раз. И драться любил.

Сергей. На рыбалку с ним, помню, ездили, с Ванькой вон маленьким еще. Ох, дубасил он его. Ванька-то рыбачить не хотел никогда, нам еще мешал. Дурачок же, говорю, че колотишь-то его?

Ваня. В смысле?

Надежда. Не любил Ваньку, это да. Говорит, как девочка он. На девочку похож, мол.

Ваня. Любил. Че ты врешь-то? Мне говорил, что я красивый. Коля, не слушай Надюху.

Коля. Мне-то че?

Надежда. За драку-то и сел. Сколько сидел-то? Три года, что ли? Мать Ванькина вон написала на него за драку, а сама удавилась.

Сергей. И вот так вот. На зверя попал. Простим давайте его все.

Надежда. Простим.

Ваня. Простим.

Выпивают.

Коля (*Ване*). И за мужика того прощаешь?

Ваня не отвечает.

Надежда. А ты, Колька, в отца, я вижу. Видно, что шепуточной. Ванька — в мать, с е*анцой маленько.

Коля. Че привязалась?

Ваня. Кто с е*анцой?

Сергей. Пьет-то точно, как отец.

Ваня. Меня и мама любила, и папа. Ты знаешь будто.

Надежда. У тебя язык уж не шевелится, давай стакан сюда мне.

Ваня. Папа мне в ночь перед тем, как забрали, говорил: не плачь, Ваня, не плачь. По голове гладил, гладил меня. Не плачь, не плачь, все закончится, сейчас и я закончу, говорит. Он меня любил потому что.

Громкий стук в окно. Надежда закричала, Мария крестится.

Тишина, замерли, прислушиваются.

Надежда (*шепотом*). Смотри иди, Серега, че там!

Сергей. Тихо! Не стучат вроде больше.

Надежда (*шепотом*). Иди давай, говорю, скотина!

Сергей. Замолчи, Надежда!

Слушают, тихо.

Надежда (*шепотом*). Зверь пришел поди!

Коля. Дура.

Коля подходит, одергивает занавеску, Надежда кричит.

Коля. Ветка там. Ветку принесло. Метель же.

Надежда. Ой, помру думала от страха. Думала, покойник или зверь.

Коля. Не помрешь, здоровехонька.

Сергей. Какой покойник-то, Надежда? На куски покойника ведь.

Надежда. Кусками и пришел, может! Умничает сидит!

Молчат.

Надежда. Расскажи давай нам, Колька. Историю расскажи, чтоб со смеху легли все. Как отец твой покойный!

Коля. Я в драку могу тоже, сразу ляжете. Как отец могу драться, хочешь?

Надежда. О, точно, отец вылитый. Башковитых в роду у вас не водилось никогда.

Коля. У тебя, что ли, водились, марамойка?

Мария. Когда ты бьешь кого-то, ты бьешь Христа.

Ваня вскакивает, роняет стаканы.

Ваня. Что?

Надежда. Сиди давай, это так считается просто. Не на самом деле.

Мария. Он все страдания принимает.

Надежда. Хватит вам, помолчите.

Ваня. Откуда ты знаешь?

Сергей. Садись, садись.

Мария. В каждой овце живет Христос.

Ваня. Неправда. Надя, неправда же?

Надежда. Неправда, успокойся ты уже!

Мария. Правда! Ты ждешь смерти моей, чтоб дом забрать — тоже правда.

Надежда. Пошла бредить! Я за Ваней слежу. Он тут с вами совсем кукушкой поедет! Одну книжку прочитал только. Библию вашу.

Мария. А ты ни одной.

Ваня. Чушь говорит сидит бабка старая. Знаешь будто все. Неправда это.

Коля. Да сядь ты, овца, уже. У тебя ребенок ведь!
Ваня. Как бесит меня бабка эта, дура какая-то.
Сергей. Мордобой нам светит, чую. Кулаки прям чешутся.
Надежда. Я сейчас почешу тебя мордой об пол, скотина!
Коля (*Ване*). Эй ты! Овца божья! Это он тебе ребенка сделал,
да?

Ваня залезает на стол, берет стакан.

Ваня. Тост!

Коля. Отец, да?

Надежда. Слезай сейчас же! Шатаешься уже! Я вам сейчас
вам всем тут дам!

Ваня. Я один стою тут. И бог смотрит на меня по-великому.
Вы досмеетесь, а я вам покажу его. Он уже здесь. Я дам его вам.
Чтобы сказать вам нужное. И каждого поспасает. Хоть вы и скотины
темные. И простит вас. Потому что люди. А вы смейтесь, смейтесь.
Я знаю. Бог смотрит на меня. И на вас посмотрит тоже. И даст вам свет.
На всех посмотрит. И закричат все: «Осанна! Осанна!» На всех вас светом
посмотрит своим!

Мария (*вскакивает*). Осанна!

Мария падает под стол.

Надежда. Слезай давай со стола уже!

Сергей стаскивает Ваню со стола, тот падает, разбивает стаканы.
Коля берет осколок бутылки, смотрит на него.

Надежда. Ложь осколки, изрежешься!

Сергей. Вот пир пошел настоящий!

Надежда. Пир ему пошел! Бабка вон под стол закатилась,
поднимай давай!

Сергей. Давно не пировали так!

Надежда. Я сейчас тебе намылю холку! Договорись мне
тут еще! К ворожее вон своей побежишь опять!

Сергей. Не мотай душу, Надежда! Я сделаю тебе мордобойство
сейчас!

Коля смотрит на свои порезанные руки.

Коля. Мама.

Надежда. Говорю же, изрежешься!

Ваня. Он на всех посмотрит!

Коля. Спалил бы мужик его лучше. Как я ненавижу все это, мама. Зачем ты меня родила тогда?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Зверье

1

Коля лежит на кровати с мамой. В распахнутое окно просвечивают длинные лучи солнца: пересекают кровать, ложатся на пол — и почти до стены. Коля проснулся, но не двигается, смотрит в прищуренные глаза на маму. Он освобождает ногу от одеяла и подставляет ее теплым лучам солнца и вздохам занавески. Мама смотрит на Колю, улыбается.

Коля. Жарища будет?

Мама. Опять будет.

Счастливый Коля гладит солнечный свет на гладкой руке мамы.

Мама. У нас с тобой всегда лето.

Коля прижимается к маминому уху, что-то шепчет, лбом — в теплые корни маминых волос. Мама смеется, Коля тоже смеется.

Мама. Пускай так и будет, Коля. Считай, что мы загадали, а значит, так и получится.

Мама улыбается, Коля гладит янтарь маминых бус на ее теплой шее.

Мама. Скоро увидимся, Коля.

Коля гладит бусы.

Мама. Я жду тебя, Коля.

За окном слышен протяжный вой. Мама вскакивает, янтарные бусы рвутся, несколько янтарей остается в ладошке у Коли. В окно врывается ледяной ветер со снегом, вспыхивает занавеска, вспыхивает весь дом. Коля просыпается. Та же комната. Утро. Мария сидит на своей кровати, смотрит в окно. Коля разжимает ладонь, там пусто. Он не двигается, смотрит в беленый потолок. Метель по-прежнему завывает так, что стекла ходуном ходят. Сергей сидит у стола.

Сергей (*Коле*). Яблочков принес. Поешь хоть.

Коля не отвечает.

Сергей. Зима — а яблочков. Дорогушие.

Молчат.

Сергей. Водка-то — она такая. Получше станет потом.

Они молчат. В комнате почти темно — окна снегом заметены.

Сергей. Руки-то не больно? Покажи. Устроил поножовщину вчера.

Коля не отвечает.

Сергей. А этот вот, куда вот убежал, дурак? Далеко не убежит. В сарайке сидит поди. Всю ночь и присидел. Че молчишь-то?

Коля не отвечает.

Сергей. Не нравится тут. Думаешь, дураки одни. Я раньше-то знаешь как печки клал? Всей деревне вон положил. После пожара нашего дома выгорели, а печки стоят целехоньки. Вы маленькие были, не помните, пожарище какой был тут. Сейчас инвалид я. Вторая группа. Надежда тоже инвалид. Пенсия у нас побольше получается.

Молчат.

Сергей. Хочется, чтоб жизнь нормальная была, да и все. А там уж как богу угодно. У нас ребенку три года было, схоронили. Черт знает. Залихорадило и все. Там у леса пошли схоронили с Надеждой, посидели на бревне. Одни-одинешеньки. Один бог только видел.

Коля. Будто есть бог.

Сергей (*махнул рукой*). Ты давай не говори так! Ты русский человек или нет?

Молчат.

Сергей. Мы, как схоронили, запили так, что себя не помнили. Мне приходиться стал черт будто. Дьявол сам и был. Горячка, что ли. А вот приходил и стоит в углу ночью. Дразнится. Страшно, душу всю выворачивает. Это я с дьяволом боролся. Так что есть он. И бог есть.

Молчат.

Сергей. Я похаживать стал к ворожее-то. На самом деле. Колдует она. Живет на отшибе, там вон, далеко. Много к ней

мужиков ходило. Сейчас-то уже старая, а раньше полно было. Она в выпивку подсыплет чего-то, пошепчет и ходят к ней. Не знаю, правда или нет. Ее и бить ходили женщины, и всякое было. Но и помогала им тоже, заболит что-то — к ней бегут. Лечит. Надежда сложно сына нашего носила. Вот помогала ей колдунья.

Долго молчат. Сергей подходит к ведру у печки, помешивает снег, чтобы растаял. Встает у окна, не видно ничего, на снег смотрит.

Сергей. Стихает метель-то. Сейчас Надежда вернется. Дома у нас, может, Ванька сидит.

Молчат.

Коля. Во сне сегодня деревня горела вся. И лес потом. Я мать на санках вытащил, по полю волоку, а с неба падают угольки будто. Еще январь там... Остановились потом, а она мне говорит такая... И она мне говорит...

Коля оторачивается к стенке, молчит. Сергей садится к нему на кровать, поднимает руку, хочет погладить, потом машет рукой.

Сергей. Ой, ладно, во сне-то. Жизнь лишь бы нормальная была.

Коля. На поезд прыгну и уеду.

Молчат. Входит снежная Надежда с пакетом в руках, под глазом синяк. Так снежным комом и проходит, не разувается. В окошки выглядывает.

Надежда. Так и не видать его? Не нашла дома я.

Молчат. Надежда смотрит в окно.

Надежда. Белота какая, смотрите. Белое и белое все, края нет. Вон солнце уже видно над миром. Стихает метель. Даже небо белое.

Молчат. Надежда берет пакет, идет к Марии.

Надежда. Принесла вот хлеба вам, кушайте.

Надежда режет хлеб, дает Марии.

Надежда. Выпили еще вчера, человека схоронили, покупайте.

Мария не отвечает, хлеб не берет.

Мария. Откуда ему человеком быть? Как родился-то? Как антихрист только может. Я с богом ведь была. А этот-то, дьявол, заезжий в деревню к нам. В борьбе взял меня. У бога из рук вырвали меня. Я богу девство свое несла. Сорок лет уже несла. И такое оскорбление со мной сделал он. Из рая меня вырвал. Кто родиться-то мог? Так и родился червяком. Над сыном своим, над дураком божьим, такое надругательство делал. На кровати этой. А мать его, дурочка, не рассказала даже правду никому. Колотил, говорит, ребенка — и все. Про поругание такое не сказала. И сама в грех такой вошла потом на березе.

Все молчат. Надежда хлеб оставила, на кровать села.

Коля. Он в бане, наверно, сидит. Я пойду.

Коля встает с кровати, выходит из комнаты.

Надежда. Прости нас, господи.

Надежда поднимается с кровати, встает у окна. Молчат.

Надежда. Сходить надо к Сашке нашему. Когда были-то последний раз. Он там вон лежит. У дерева, пушистое вон.

Надежда показывает в окно, Сергей встает с кровати, подходит к Надежде.

Сергей. Вон, высокое которое самое. Там лежит.

Молчат.

Надежда. Ты подправил крестик ему летом?

Сергей кивает, молчат.

Надежда. Че он там делает теперь?

Сергей пожимает плечами. Молчат, смотрят.

2

Коля идет по двору через снег, заходит в баню. Там холодно, темно. В углу на скамейке сидит Ваня в куртке.

Коля. Ты че тут?

Коля садится рядом. Молчат.

Коля. Ты помнишь мать?

Ваня кивает, молчат.

Коля. Она мне говорила, надо богатым становиться.

Ваня. Может, мне тоже тогда — богатым?

Коля. Еще она говорила, что надо как-то держаться всегда и терпеть.

Ваня. Мама?

Коля. Мама.

Молчат.

Коля. У меня собака там была. После мамы убежала сразу. Как только та все, эта прям дверь вышибла, как взбесилась, и бежать. Я за ней побежал, так и бросил дом. Почему-то. До-гнал почти, у ж/д путей. Она остановилась, смотрит на меня. Тоже уже бежать не может, и я не могу. Смотрим стоим. Она типа смотрит так: ну, не беги ты за мной! А потом пошла тихо через пути — и в лес сосновый. А я — домой. А там уже соседка пришла, врачей позвала, увезли. Я два часа бежал, оказывается. И сожгли ее.

Ваня. Маму?

Коля. Маму.

Ваня. А собака?

Коля. Я даже в школу-то не ходил почти. И какой мне Лондон теперь. Я с ней сидел, а она так долго умирала. Из больницы уже когда, дома. А че я должен был? Она не вставала даже, и душно ей было все время.

Молчат.

Ваня. Надюха говорит, она с мокрой головой выскочила из дома, от отца убегала. В мороз. Волосы льдинками стали, застудилась и все. Голова поехала.

Молчат. Коля видит возле Вани топор, на нем темные пятна крови.

Коля поднимает топор.

Коля. Ты че делал тут?

Ваня молчит, потом начинает говорить.

Ваня. Меня тогда Надюха за дровами отправила, до метели когда, я дров-то набрал, иду, а потом смотрю: вдалеке-то отец идет. Пьяный, машет мне. Я и взял топор сразу.

Молчит.

Ваня. Ну и дурак. Антихристов род. Зверье.

Молчат.

Ваня. Он тоже был послан посреди волков, да? Отец тоже был овцой?

Молчат.

Ваня. Я раскаюсь и заслужу прощения. Каждое утро буду плакать, чтобы простили меня. Чтобы видели мои красные глаза от слез и простили.

Молчат.

Ваня. И ребенка не будет у меня. Не придет никто. Буду дальше носить. Спасу его.

Молчат.

Ваня. Надюха бегаёт там, как в жопу раненая? Потеряла?

Коля кивает.

Ваня. Пошли тогда. Опять пить будем. Зима раз. Сидеть да весны ждать будем.

Коля. Я не хочу.

Молчат, выходят во двор.

3

Надежда отходит от окна, идет к столу. Достает из пакета банки с картошкой, котлеты. Кладет в сковороду, греет на плите.

Надежда. Газель как приедет продуктовая, надо им тушенки заказ сделать. Побольше. И крупы. Пускай будет. Мало ли что. Боюсь войны. Слышишь?

Сергей смотрит в окно, кивает.

Надежда. Че стоишь-то?

Сергей. Весна будет — надо в поселок ехать. Купим хоть крест красивый ему.

Молчат.

Надежда. Я молодая была, раньше часто в этот лес бегала. Сейчас страшно. Раньше не страшно было. С девчонками ходили туда. Рассказывала, нет, тебе? Один раз встретили там парня. А я красивая же была. Платье светлое такое, цветы голубые. Он за мной приударил даже. Потом, говорит, давай встретимся завтра на этом вот месте. Место крестиком маленьким отметили. Неделю ходила туда — он так и не пришел. Вообще не видели его больше. Или снилось это мне?

Молчат.

Надежда снимает с плиты сковородку, раскладывает себе и Сергею по тарелкам. Мария и хлеб кладет. Садятся за стол. Молчат, не едят.

Мария. У нас там раньше жили цыгане. Дальше там, у путей, табором стояли. Этот-то ходил все время, смотрел на них. *(Молчит.)* Сын-то мой. *(Молчит.)* До ночи там сидел, на цыган смотрел. Подходит потом ко мне, говорит: мама, можно я к цыганам уйду?

Молчит, берет из тарелки котлету, ест.

Мария. Это я ему сказала маленькому, что цыгане ехали и его вырвали. Вот он и ходил туда. Он спрашивает, а сама думаю: уйди, уйди ты хоть к цыганам, хоть к чертям. Но молчала. Не ушел. Уехали потом цыгане.

Молчат. Мария ест.

Мария. Молчала, среди людей ведь живем. К богу в объятия шла, а на людей оглядывалась.

Молчат.

Сергей. Рюмочку надо, Надежда.

Надежда достает из-под стола бутылку, наливает.

Они выпивают.

Надежда. Надо, надо.

Наливает еще. Сидят, молчат.

4

Коля и Ваня идут к дому. За забором мужик идет с санками. Они стоят, смотрят на него. Мужик кричит им.

Мужик. Кончилась метель-то. А псинка моя не пережила ее. Издохла. Ведьма наша вчера ее окуривала ходила. И все. Встаю утром — лежит. Околела у печки. Помянул ее, в сугробе прикопал. *(Молчит.)* Метель кончилась, а радости никакой теперь без нее. Хорошая была, ласковая. А это потому что дом ее прихватило тогда, ведьмин-то, когда я пожар сделал. Может, и простят меня когда-нибудь. *(Молчит.)* Вечность зима-то еще. До морковкина заговенья. Ходить да ходить мне за ветками. Отдохнем маленько, и снова зима. Снова веточки тащить. Такое вот существование наше. Такие дни. Немножко света и потьма. *(Молчит.)* Поезд пойдет вот-вот. Пойду в лес, проскочу до поезда.

Мужик уходит, Ваня и Коля смотрят ему вслед. Потом идут к дому. Слышно, как приближается поезд. Коля останавливается, потом бежит в сторону железнодорожных путей.

А по лесу, по земле бежит зверь. Бешеный испуганный зверь несетя без оглядки по сугробам, глазами светит. Забежал на пригорок, отдышаться сел. Сел, оглядывается. Шкуру потряхнул. На землю смотрит. Смотрит на землю и воет. Разносится вой по огромной земле.

Ваня стоит, потом пытается побежать за ним, бежит медленно, не получается. Он бежит к дому, кричит. Выбегают за ворота Надежда и Сергей.

Ваня. Вот он дурак. На поезд сбежал. В лес прямо. Вот он дурак.

Надежда, Сергей и Ваня стоят у ворот, смотрят на лес.
Слышен звук поезда.

Надежда. Че такое-то, а?

Ваня. Дурак же, говорю. На поезд прыгать побежал.

Сергей. Товарняк идет, длинный.

Надежда. Вот ведь не все дома, куда побежал-то!

Смотрят стоят. Поезд стучит и стучит. Мария вышла, смотрит с крылечка в лес.

Сергей. Сейчас уже проедет, побегим.

Надежда. Как долго-то.

Смотрят, поезд стучит громче.

Ваня. В Лондон, что ли, свой побежал?

Сергей. Да вот пойми пойдя, про какой-то янтарь говорил.

Ваня. Вот дурак-то какой. Шли-шли и побежал.

Надежда. Зачем в еловый-то ходить. Нельзя туда.

Поезд проходит уже рядом, грохочет на всю округу. Из леса слышен протяжный вой.

Надежда. Страшно-то как, господа.

Мария смотрит в лес, крестится.

Сергей. Сиротка ведь, куда бежать ему?

Ваня. Вот дурак. Вот дурак какой.

Поезд затихает, уходит. Тишина. Скрип снега. Из леса выходит мужик с санками. Идет по снегу к ним. На санках ветки еловые лежат, на ветках лежит Коля. Мужик тащит санки, они оставляют длинный след от полозьев. Тишина.

Конец

ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА

Действующие лица

Лида, 20 лет.

Боря, 20 лет.

День мрачного ноября. Кухня в хрущевке. Видно, что съемная: куча ненужной посуды, стены жирные, протолок прокурен. В центре на табуретке сидит Лида, на ней джинсы и грязный свитер. У окна стоит и курит Боря, в трусах и футболке.

Лида. Ты понимаешь, у меня настроение такое было: идти по улице, слушать грустную музыку и страдать от любви. Ну я и пошла. Пока шла, накрутила себя, что ты меня не любишь. А пока до магазина, получается, дошла — уже придумала, как брошу тебя. Как бы с болью в глазах, понимаешь? Ну как бы: я люблю тебя, но ты меня не любишь, поэтому я ухожу. И если бы ты вот стоял у дверей тут, получается, а я у окна, у меня бы из правого глаза вытекла слеза... Ну вот, а потом, получается, Настя мне позвонила и выпить предложила. Так вот и получается, что вот так вот это все.

Боря. На свитер мой наблевала?

Лида. Да я вышла в магазин вообще огурцов купить, и тут вот Настя, как назло.

Боря. Дальше че?

Лида. Ну откуда я знаю, Боречка? Я проснулась вообще у Ирки, звоню ей: «Ты где?» Она мне: «Ой, а я у Насти проснулась». Я — Насте, она говорит: «Ой, а я в Ревде».

Боря. А муж ее?

Лида. Какой муж?

Боря. Лида, ты охренела? Иркин муж где проснулся?

Лида. Боречка, представляешь, я забыла, что у нее муж есть.

Боря. Лида, ты охренела? Я прихожу домой — тебя нет, телефон выключен. Помидоры раскиданы по кухне. Пришла с засосом. Ты охренела?

Лида трогает шею.

Боря. Мне Ирка позвонила, сказала: «Держи свою прошмандовку на цепи тогда, если она такая».

Лида. Вот пидораска.

Боря садится, ест помидоры.

Лида. Но я не помню вот, получается. Че уж бы я не заметила, что ли... А засос этот хоть Ирка, хоть Настя поставить могли, ты же знаешь, какие они выпимши.

Боря не отвечает.

Лида. Ты сегодня-то опять в ночную?

Боря молчит.

Лида. Я супа наварю, с собой возьмешь.

Боря. А че, у тебя планы на ночь?

Лида. Сигареты кончились? Давай я сбегаю? Скинешь мне сотку?

Боря молчит.

Лида. У меня-то получка через неделю только, получается.

Боря. Тебе лишь бы в рот что-то засунуть.

Боря достает пачку сигарет из кармана, швыряет Лиде, та поднимает ее, закуривает.

Лида. Хочешь, хлеба порежу? С хлебом поешь.

Боря. Проснулась ты. Дальше че?

Лида. Я значит, получается, водички попила, зарядаться села. Потом, получается, нашла в подъезде бычок, додавила его. Хлопнула пиво какое-то прокисшее, под столом нашла. Получается, потом я...

Боря. Лида!

Лида. А, ну, я потом домой пошла.

Боря. Я думал, ты с балкона выпала, рванулся под окна, снег копал, вдруг тебя дождем в грязи утопило.

Лида. Я тоже сразу рванула к тебе, как вскочила!

Боря. Только пива сначала хлопнула.

Молчат.

Боря. Кто проснулся с тобой еще?

Лида. Я знаешь как перепугалась, что ты голодный пришел! Скользила, бежала, как лыжница.

Боря отрезает кусок хлеба, солил его, ест.

Лид а. Я одна проснулась. В кровати. Там парень еще с синяком валялся, но он в ванной.

Боря поперхнулся, закашлялся, Лида стучит ему по спине.

Боря. Живой?

Лид а. Он дверь за мной закрыл.

Боря. Поцеловал на прощание?

Лид а. Я проснулась одна, Боречка! Глаза продрала, а вокруг роскошь, как в кино про Кармелиту.

Боря. Богатая квартира?

Лид а. Я глаза продрала, думаю, где же Боречка мой, господи?

Боря. Че не осталась тогда? Лежала бы на перинах.

Молчат.

Лид а. Полы какие грязные, надо тряпкой пройтись.

Боря. Свитер в стирку брось. Секс-бомба хренова.

Лида снимает свитер, садится на табуретку, начинает плакать. Боря забирает помидоры, уходит в комнату, садится там на диван. Лида идет за ним.

Лид а. Я что, некрасивая? Почему ты так сказал?

Боря ест, не отвечает.

Лид а. Мы с восьмого класса вместе — уже сколько получается? — шесть лет. Ты мне шесть лет говорил, что красивая. Ты, что ли, врал?

Боря молчит.

Лид а. Меня в кофейню взяли только красивая потому что! Я же этот аппарат их в глаза раньше не видела, мы же деревня сраная. А взяли — что красивая. А Ирка ерунду городит. Ходит сама такая недотрога, ни пальца в рот, ни сантиметра в жопу, а сама она знаешь какую порнуху смотрит? Я вообще с этим ее мужем срать бы рядом не села, я потому что красивая.

Боря. В душ сходи.

Лида подходит к зеркалу, вытирает слезы, рассматривает засос.

Лид а. Да это точно Настя, тут как бы, видишь, будто укус и зуба нет, получается. Она ведь вышибла себе о крыльечко алко-маркета.

Бор я. У тебя все подружки запойные?

Лида. Она к десяти в кэбэу бежала, распласталась там. Тут вот видно, прореха в зубах как бы, видишь? Смахивает на ее челюсть. А че ты думаешь, мы раз в кофейне, кофе, что ли, пьем? Твои заводские будто трезвые часто. *(Разглядывает себя в зеркале.)* Вот мы вроде нормальную одежду берем, хоть и рынок. А я все равно как дешевка выгляжу. Есть во мне что-то дешманское.

Бор я. У тебя мать алкашка, побойся генетики.

Лида. Ее вчера из церкви выгнали, она кота крестить притащила.

Бор я. Тебе двадцать лет, а ты батю моего перепьешь.

Лида. Ей сказали, что у кота нет души, и вышвырнули их.

Лида подходит к Боре, гладит его по голове, он бьет ее по руке.

Она садится рядом.

Лида. Скинь мне полтос? Я за минералкой слетаю. Я вино взяла вчера вместо огурцов, получается...

Молчат.

Лида. Бор я, ну не изобрели еще такой алкашки, чтоб я на мудачье это запрыгнула. Ты-то у меня вон красивый какой, волосы такие мягкие. Молоком пахнешь, как кот. Только у тебя есть душа, не как у мамкиного.

Бор я. На меня начальница наорала, что я как черт выгляжу, что куртка завалена известкой. Образина, говорит.

Лида. Пускай на себя посмотрит, она на говно похожа. Мы тебе за зиму хорошую возьмем с полочки. Нам, помнишь, скидку мужчина обещал на рынке? *(Молчит.)* Надо половик отшоркать, вдруг хозяйка придет.

Молчат.

Лида. Помнишь, батя твой, узнал когда про нас, побежал за тобой с ремнем, полдеревни гнал тебя, а ты в церковь забежал, и он не рискнул туда. А ты ему написал стихотворение в Ватсапе. И он понял, как сильно ты меня любишь.

Молчат.

Бор я. Да он забухал просто и забыл про нас.

Молчат.

Лид а. Я все-таки на Настю грешу, она мне просто врезать могла по шее, забарагозила по пьянке поди, как обычно.

Молчат.

Лид а. Хочешь, дошки заварим?

Молчат.

Бор я. Я там в цехе у нас сегодня присел, уснул. Минут пять спал. Приснилось, будто иду голый по коридору у нас, где цеха, а из дверей все повылазили, смотрят, пальцами тычут. Как обосранный, короче, иду. А в конце там начальница стоит в тупике и орет на меня матами, но это будто не она, а ты стоишь. И орешь на меня матами.

Лид а. Я на тебя матами даже думать не могу, Боречка.

Молчат.

Лид а. Ты похудел, мне кажется?

Молчат.

Лид а. Я помню, ты матами классную оборал ради меня. А потом еще ради меня согласился в театр поехать, хотя парни ржали над тобой.

Бор я. А я помню, ты соседку мою отмудохала рыжую, она когда мне рубаху новую спецом порвала.

Лид а. Нечего на Бореньку руки распускать. Я ей только хрящ сломала.

Бор я. Опозорила меня перед пацанами.

Молчат. Лид а снова пытается погладить его по голове, он снова бьет ее по руке.

Бор я. Я в пятницу к матери поеду, они с отцом разводятся.

Лид а. С хера ли они?

Бор я. Потом вернусь и съеду с квартиры.

Лид а. Куда съедешь?

Бор я. Потому что ты бл***, Лид а.

Молчат.

Лид а. Ты на выпускном полез к техничке целоваться — я тебя простила. Ты, когда сюда приехали, Тиндер скачал — я тебя простила. Я, может, шеей ушиблась о косяк?

Бор я. Ты на выпускном в клумбу лицом упала после спирта.

Лид а. Ты на карантине еду на велике развозил, а я пешком бегала. Даже не предложил.

Бор я. Я Тиндер скачал, чтоб тебя прочекасть.

Лид а. Я, конечно, не умею кататься, но предложить-то тяжело было?

Бор я. А, может, тебя трахнули в шею, Лида? Ты же не помнишь ничего.

Лид а. Я когда Тиндер скачала, ты что сказал? Скажи это слово.

Бор я. Это ты домой с засосом пришла.

Лид а. Произнеси это слово, Бор я.

Бор я. Шмаровозка.

Лид а. И после такого выражения, такого наименования, я почти даже не орала на тебя.

Бор я идет на кухню, возвращается с сигаретами, идет к балкону.

Лид а. Штаны надень, там холодрыга!

Бор я исчезает на балконе, Лида врывается к нему, тоже закуривает.

Лид а. Ты мне что подарил на 8 Марта? Бомбочку для ванны?

Бор я. Это называется *романтично*.

Лид а. Это называется *чисто символически*.

Молча докуривают, идут в комнату, садятся на диван. Молчат.

Бор я. Остался бы, технарь наш кончил и в институт поехал.

Лид а. А я бы мужика в Тиндере нашла.

Молчат.

Лид а. Тебя бы не взяли в институт.

Бор я. На тебя бы в Тиндере не позарились.

Молчат.

Бор я. У меня только по русскому тройка была, а у тебя по всем, только по физре четверка.

Лид а. А мне засос поставили.

Молчат.

Лид а. Жалко, тройка была по биологии, я бы вспомнила, кто ты из биологии. Мне вред от тебя.

Бор я. Паразит.

Лид а. Ты паразит.

Бор я. Это ты паразит, Лида.

Молчат.

Лида. Может, меня Ирка к себе подселит.

Бор я. Будете там втроем веселиться.

Лида. А ты с заводскими своими сбухаешься под забором.

Молчат. Бор я начинает смеяться.

Лида. Что?

Бор я. Помнишь, когда ты матери своей про свадьбу заикнулась, она тебя проводом отхлестала. Ты приходишь и мне такая: «Видишь, Боречка, какая у меня любовь к тебе». И спину мне показала. *(Молчит.)* Тогда выпал первый снег. На твои красные ранки...

Лида. Я ей тогда провода от телека порезала.

Бор я *(закрывает лицо руками, начинает плакать)*. Я такой нище*б. Я ниче не могу. И твоя спина эта в снегу... И засос этот. Он тебе шампанское хоть за пятьсот может, хоть че вообще, ты красивая же. Делай, как хочешь. Но эта спина твоя тогда на снегу, я тогда понял все. Ты понимаешь? Мы же не так хотели. Но я же тебя... Я так не могу, я поеду в пятницу и повешусь там. Прости меня, Лида.

Стук в дверь. Они встают, слушают, стук продолжается.

Лида. Тихо, не открывай.

Бор я. Кто там?

Лида. За домофон не уплочено, вдруг хозяйка. Не открывай, вдруг выгонит нас, я половик не отшоркала.

Бор я. А че она пришла, колотится?

Лида. Бор я, страшно, не открывай. Выгонит — по вокзалам пойдем, как дворняги. Помнишь, она орала тогда на нас? Вышвырнуть обещала, если что вдруг.

Бор я. Мы тихие вроде, как мыши.

Лида. С прошлой-то вон выкинули ни за что.

Прислушиваются, стук продолжается. Лида берет Борю за руки.

Лида. Не откроем, Бор я. Бор я, держись за меня, переждем. Там уйдут, мы никому не нужны, поколотятся и уйдут. Я только тебе нужна, а ты только мне. Там ошиблись, наверно.

Держатся за руки, молчат.

Бор я. Мы троечники, так бы учились в институте, как нормальные люди, разбогатели бы потом.

Лид а. Бор я... Не уезжай, а?

Бор я. Вдруг это соседи? А мы их топим.

Лид а. Два года уже в городе и выживаем. Нормально же?

Бор я. А вдруг это из банка? Мы просрочили на три дня.

Лид а. Ничего не было, Бор я. Ты ведь знаешь мое сердце, оно бы так не смогло.

Стук продолжается.

Бор я. Тихо, Лид а. Они уйдут. Вспомни, вспомни хорошее?

Лид а. В лагерь на озеро ездили. С уроков сбежали, на пустыре пиво пили. В лесу валялись, в небо смотрели. Что еще? Имена давали нашим детям.

Бор я. Александра.

Лид а. Николай.

Бор я. Сейчас сначала ночь будет, а потом утро, и тогда точно уже уйдут, всем же на работу надо.

Стук прекращается.

Лид а. Ушли?

Бор я. Ушли.

Смотрят друг на друга, потом смотрят на себя в зеркало.

Бор я. Я че, реально образина?

Лид а (*целует его в плечо*). Образина моя ненаглядная.

Смотрят на себя в зеркало, потом садятся на пол возле дивана.

Молчат. Смотрят на оборванный кусок обоев.

Лид а. Жалко, мать картину не отдала с изображением рая, тут бы хорошо смотрелась.

Бор я. Можно все обои оторвать, так современно сейчас.

Лид а. Хозяйка башку оторвет.

Молчат.

Лид а. С моей эпохи, получается, тебе куртку возьмем. С тобой тогда... А нет, твоя, считай, за квартиру пойдет, моя потом на еду... Надо как-то нам обувь зимнюю взять. На вечер встречи ведь надо ехать, в ряжках, что ли, попрямся.

Молчат.

Лид а. Жалко, нас тогда на вокзале обворовали. Там курточка демисезон, из кождама, бордовая, помнишь? С золотой цепочкой? Красивая. Могла бы в ней поехать.

Боря. Там мои сланцы для морей были, которые я после ванной носил.

Лид а. Тоже красивые были.

Молчат.

Лид а. Прикинь, в Гуччи приедем такие, все в осадок выпадут.

Смеются. Молчат.

Лид а. Ты бы куда хотел в отпуск, если бы мы были богатые?

Боря. Я бы на песке валялся.

Лид а. А я бы в культурологическое куда-нибудь. Музеи.

Боря. Ты в краеведческом через полчаса нить начала.

Молчат.

Лид а. Давай закроемся тут и будем думать, что мы необычные, а все дураки.

Боря. Закроемся и будем думать, что мы другие, а все дураки.

Лид а. Так оно и есть, Боря.

Молчат.

Лид а. Жалко, что родители у тебя разводятся.

Боря. Жалко, что кот попадет в ад.

Молчат.

Лид а. Я ведь хорошая?

Боря. Ты хорошая девочка, Лида.

Лид а. А если мы не разбогатеем, Боря? Вообще до конца жизни — никогда? Вдруг так будет всегда?

Боря пожимает плечами. Молчат.

Лид а. Я, когда бежала сегодня с пьянки, вспоминала, как мы птиц в лесу слушали, мы же тоже были нищими? Может, и неважно тогда, что бедные?

Боря пожимает плечами. Молчат.

Боря. Там были зарянки в лесу. Лида.

Молчат.

Б о р я. Смотри, Лида, снег первый пошел.

Л и д а. А ты знаешь, что когда человек любит, он повторяет любимое имя? Боря, Боря, Боря, Боря, Боря... (*Молчит.*) Мне, Боря, кажется, надо как-то беречь свою душу в чистоте, что ли... Потому что если свет погаснет, то все. Тот свет, который в нас есть, если он погаснет, то все, Боря.

Б о р я. Не плачь, Лида.

Л и д а. В Пятерочке курица по дешевке, я взяла. Супа наварю, будем есть неделю, как собаки.

Б о р я. Не плачь, Лида.

Темнеет. Идет снег. За окном загораются чужие чьи-то фонари, чужие окна в черном ноябре. Они сидят в темноте на полу у дивана и держатся друг за друга.

Конец

СКАЗКИ ОБ ИТАЛИИ

Пьеса по мотивам рассказов Максима Горького

Действующие лица

Джованни, он же Художник, он же Чумазый рабочий, он же Мальчик Джузеппе.

Лука, он же Русский синьор, он же Пепе через 50 лет.

Гвидо, он же Священник, он же Немец, он же Патрульный, он же Отец Горбуна.

Пепе, он же Парикмахер, он же Сы.

Лючия, она же Жена художника, она же Жена американца, она же Горожанка.

Девочка с цветами, она же Сестра Пепе.

Луиджи, он же Почтальон, он же Папа Пепе.

Джакомо, он же Микеле, он же Горожанин, он же Горбун.

Этторе, он же Американец, он же Враг.

Катарина, она же Женщина в горе, она же Мать Горбуна.

Кончетта, она же Сестра Горбуна.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Город празднично ярок и пестр, как богато расшитая риза священника; в его страстных криках, трепете и столах богослужебно звучит пение жизни. На тротуаре в тени большого дома сидят, готовясь обедать, трое мостовщиков — Джованни, Гвидо и Лука — серые, сухие и крепкие, как камни.

Джованни. Солнце печет, как огнем, хочется быть рыбой. Скучно.

---

* Студент ЕГТИ (специальность «Режиссура театра», мастерская Н. В. Коляды, 2 курс). Публиковался в сборнике конкурса драматургов «Asyl» (пьеса «Человек-слон»). Живет и работает в Нижнем Новгороде.

Гвидо. Станешь рыбой, а тебя поймают и на сковороду бросят, Джованни. У тебя всегда так в жизни. Потому что ты — неудачник.

Джованни. Я родился в Италии, значит, счастливый.

Лука. Мы все родились в Италии, это не считается.

Гвидо. Счастье там, где есть работа. У нас только лень.

Джованни. Может быть, я не знаю, может быть.

Гвидо. Да, да! Чем дальше на север, тем настойчивее люди! Милан, Турин — вот превосходные мастерские, где формируются новые люди, растет новый мозг! Подожди немного, земля станет честной и умной.

Лука. Мы в последнюю очередь. Я не доживу.

Джованни. Да!

Гвидо. Чем дальше на север, говорю я, тем лучше работа. Уже французы живут не так лениво, как мы, дальше — немцы и, наконец, русские — вот люди!

Джованни. Да!

Гвидо. Бесправные, под страхом лишиться свободы и жизни, они делают грандиозное дело — живут ради работы.

Джованни. Страна героев. Я бы хотел жить с ними.

Лука. Ты? Кусочком льда был бы ты там через неделю.

К ним идет мальчик Пепе с фьяской вина в руке и небольшим узлом в другой, идет, вскинув голову, и кричит звонко, точно птица, не видя, что сквозь солому, которой обернута бутылка, падают на землю, кроваво сверкая, точно рубины, тяжелые капли густого вина.

Лука. Скорее, слепой! Смотри — вино! Давай сюда!

Пепе. Мадонна, я же сказал, что не донесу!

Пепе стрелой умчался куда-то во двор и столь же быстро выскочил оттуда с большим желтым блюдом в руках. Блюдо поставили на землю, и Джованни стал внимательно лить в него вино. Идет Лучия в бледно-голубом платье, на ее черных волосах золотистый кружевной шарф.

Женщина ведет за руку маленькую девочку.

Девочка. О, ма, о, ма, о, миа ма-а...

Девочка освободила руку из руки женщины, оборвала лепестки цветов и, высоко подняв ручонку, темную, точно крыло воробья, бросила алые цветы в чашу вина.

Лучия. Ты что делаешь?!

Девочка. Ха-ха-ха.

Джованни. Ничего, синьора! Дар ребенка — дар бога... Поет море, гудит город, ярко сверкает солнце, творя сказки. Ваше здоровье, красивая синьора, и твое тоже, дитя! Будь красивой, как мать, и вдвое счастлива...

Лука. Дети — веселые владыки земли. Вот ты, Джованни, ты вообще кое-что, кроме этого острова, видел?

Джованни. Лука, я маленький человек, мне и тут места хватает.

Гвидо. Просто ты бездельник.

Джованни. Тебе, Гвидо, точно надо отсюда куда-нибудь свалить ненадолго. Перемена воздуха очень помогает сердитым людям.

Гвидо. Вы дальше буйков не заплываете. А я — дальше вас обоих был.

Лука. То, куда тебя послал вчера старик Этторе, не считается.

Гвидо. Я в Америке был!

Лука. Болтаешь.

Гвидо. Ага, сейчас. Правду говорю... Ну да, не был. Зато общался я! С американкой.

Джованни. Ну-ка расскажи.

Гвидо. Я ее катал на лодке.

Лука. Богатая синьора?

Гвидо. Мне кажется, да! Такая брошь, с большим синим камнем, серьги, и много колец, и часы... Думаю, американка...

Джованни. И красивая?

Гвидо. О да! Очень тонкая, правда, но такие глаза, как цветы, и, знаешь, маленький, немного открытый рот...

Джованни. Это рот честной женщины, которая любит однажды в жизни... Катались до утра, ты сказал?

Гвидо. Уже всходило солнце, когда мы вышли на берег.

Лука. Двадцать лир?

Гвидо. Да.

Лука. Она могла дать больше.

Гвидо. Она много могла дать.

Джованни. О чем же говорил ты с нею?

Гвидо. Она знает не более десяти слов, и мы молчали.

Джованни. Истинная любовь. Бьет в сердце, как молния, и нема, как молния.

Гвидо. Иногда совсем не понимаешь, зачем нужны людям разные языки.

Лука. Говорят, этого не будет когда-то... Что же ты думал, сидя с нею?

Гвидо. Человек всегда думает о счастье.

Лука. Оттого он и глуп всегда!

Гвидо. Я ей пел, а она улыбалась.

Джованни. Ты и пел?

Гвидо. Но вы знаете, я плохо пою.

Лука. Да.

Гвидо. Потом я опустил весла и смотрел на нее... Смотрел, говоря про себя: «Вот я, молодой и сильный, а тебе скучно! Полюби меня и дай мне жить хорошей жизнью!»

Джованни. Ей скучно?

Лука. Кто ж поедет в чужую страну, если он не беден и ему весело?

Джованни. Bravo!

Гвидо. Обещаю — думал я — именем девы Марии, что буду добр с тобою, и всем людям будет хорошо около нас... Буду верен тебе всегда... Или — думал — поживем немного, я буду тебя любить, сколько ты захочешь, а потом ты дашь мне денег на лодку, снасти и на кусок земли, я ворочусь тогда в свой добрый край и всегда, всю жизнь буду хорошо помнить о тебе... А потом, к утру, думал уже, что, пожалуй, ничего не надобно мне, не нужно денег, а только ее, хотя бы на одну ночь. На одну только ночь! Маленькое счастье — всегда честнее.

Лука. Да, да! Маленькое счастье — честнее, а большое — лучше, бедные люди — красивее, а богатые — сильнее... И так всё... всё так!

Джованни. А потом что?

Гвидо. Потом... Пройдя путь от груди матери до груди возлюбленной, человек должен идти дальше, к другому счастью.

Лука. Уехала?

Гвидо. Да. Зараза.

Джованни. О, солнце мое! Любит солнце эту землю!

Выходит Луиджи, за ним его жена Кончетта в сопровождении Катарини и Лючии. Потом Джакомо, Этторе.

Луиджи. Сейчас у меня тоже землю будешь любить, Джованни!

Лука. В чем дело?

Луиджи. Пусть этот бык повторит при всех, что он сказал о моей жене! Люди! Э, сюда! Давай-давай, идите! Чтобы все слышали. Он говорит, что узнал сладость ласк моей жены!

Гвидо. Эге! Это не шутка, это требует серьезного внимания. Спокойствие, Луиджи! Ты здесь — чужой, твоя жена — наш человек, мы все тут знали ее ребенком, и если обижен ты, ее вина падает на всех нас, — будем правдивы! (*Джованни*). Ты сказал это?

Джованни. Ну да.

Гвидо. И это правда?

Джованни. Кто когда-нибудь уличал меня во лжи?

Лука. Ты порядочный человек — дело принимает очень мрачный оборот!

Луиджи (*Кончетте*). Я уезжаю! Я не хочу знать тебя, если ты не докажешь, что слова этого негодяя — клевета. Я уезжаю!

Лука. Луиджи! Ты оставляешь ее одну, с ребенком на руках, без денег и хлеба.

Катарина. Синьоры, вы уже слышали, что это касается чести всех вас. Это — ее шалость, внушенная лунной ночью. Задета судьба двух матерей, так? Я беру Кончетту к себе, и она будет жить у меня до дня, когда мы откроем правду.

Лючия. Ну, добряк, скажи: ты брал ее много раз, Кончетту?

Джованни. Лючия, старая ведьма, крикунья!

Лючия. Брал Кончетту, спрашиваю тебя?

Джованни. Что вы принялись за бедного Джованни? Не нужно шипать его душу, как старую тряпку.

Катарина. Отвечай, дурачина! Брал ты ее или нет?!

Джованни. Однажды.

Лючия. Это можно было сказать и не думая.

Катарина. Случилось это вечером, ночью, утром?

Джованни. Вечером, допустим, ага?

Лючия. Было еще светло?

Джованни. Да.

Катарина. Так! Значит ты видел ее тело?

Джованни. Ну конечно.

Гвидо. Ну скажи нам, каково оно?

Джованни. Что же я могу сказать? Ведь я не рассматривал ее как доктор!

Лючия. А уши смотри какие лиловые!

Джованни. Твои уши большие и желтые, словно увядшие листья.

Катарина. Может быть, ты все-таки заметил одну особенность Кончеттины?

Джованни. Все это случилось так быстро, право, я ничего не заметил...

Катарина. Ты и не заметил? Который раз ты проходил мимо моего окна, когда я ложилась спать?

Лючиа. А на пляже как делал вид, будто рыбачишь, а сам все на меня смотрел!

Джованни. Ничего не было, я сказал это со зла.

Катарина. Так мы и думали.

Джакомо. Граждане, товарищи, хорошие люди! Мы требуем справедливости к нам — мы должны быть справедливы друг к другу, пусть все знают, что мы понимаем высокую цену того, что нам нужно, и что справедливость для нас не пустое слово, как для наших хозяев. Вот человек, который оклеветал женщину, оскорбил товарища, разрушил одну семью и внес горе в другую, заставив свою жену страдать от ревности и стыда. Мы должны отнестись к нему строго.

Этторе. Хватит языками чесать! Вон его из коммуны!

Гвидо. А может тебя сначала, а?

Лука. Да, пусть остается! У него — дом, виноградник, пара лошадей, четыре осла для иностранцев — все это поднято его горбом и стоит немало труда.

Этторе. Он гад!

Джованни. Я прошу снисхождения! Никто ведь не безгрешен. Прогнать меня с земли, на которой я жил больше тридцати лет, где работали мои предки, — это не будет справедливо!

Джакомо. Я думаю, друзья, он будет хорошо наказан, если мы возложим на него обязанность содержать жену Луиджи и его ребенка — пусть он платит ей половину того, что зарабатывал Луиджино!

Лука. Давайте все спокойно, между собой, без суда, без ножа? Мы не любим, когда о наших делах пишут в газетах языком, в котором понятные слова торчат редко, как зубы во рту старика, или когда судьи, эти чужие нам люди, очень плохо понимающие жизнь, толкуют про нас таким тоном, точно мы дикари, а они — божьи ангелы, которым не знаком вкус вина и рыбы и которые

не прикасаются к женщине! Мы — простые люди и смотрим на жизнь просто.

Луиджи (*Кончетте*). Иди ко мне, милая, и будем жить снова хорошо. Не бери ни центезимо у этого человека, а если уже взяла, брось взятое в глаза ему! Я пред тобою тоже не виноват, разве я мог подумать, что человек лжет в таком деле, как любовь! (*Джованни*). У меня три брата, и все четверо мы поклялись друг другу, что зарежем тебя, как барана, если ты сойдешь когда-нибудь с острова на землю в Сорренто, Каstellамаре, Торре или где бы то ни было. Как только узнаем, то и зарежем, помни! Это такая же правда, как то, что люди твоей коммуны — хорошие, честные люди. Помощь твоя не нужна синьоре моей, даже и свиная моя отказалась бы от твоего хлеба. Живи, не сходя с острова, пока я не скажу тебе: «Можно!»

Джованни (*Луке*). Нельзя ли осудить Луиджи за угрозу его?

Лука. Можно, конечно, но ведь тогда братья его уж, наверное, зарежут вас, придут сюда и зарежут. Я советую: подожди! Это лучше. Гнев — не любовь, он недолговечен...

Кончетта. Любимый мой... хороший мой... солнце мое... Выставил меня тут перед всеми разгульной бабой, как эти две (*указывает на Лючию и Катарину*), а сейчас «все хорошо, иди ко мне, милая», как ни в чем не бывало. Опозорил и стоит, важный индюк. Братьями прикрывается, потому что сам ни черта не может. Мадонна, за что мне такого барана? Он же придурок. Пошел домой быстро! Будешь у меня жрать только лук, чеснок и помидоры.

Уходят.

Гвидо. Вот это любовь.

Лука. Страсть...

Гвидо.

— Отчего старики плохо спят?

Догадайся, Умберто, подумай!

— Оттого, что слишком много

Пили в юности вина...

Лука. Это не про меня сказано.

Гвидо.

— А еще отчего плохо спят старики?

Что ты скажешь, Бертино умный?

— Оттого, что в свое время

Не любили сколько нужно...

Г в и д о. Хорошая песня, дядя Лука?

Лу к а. Ты сам узнаешь это, когда тебе минет шестьдесят... Вы, мальчишки, смеетесь хорошо, бегаете за девушками, говорите: «Любовь!» Но не знаю, так ли хорошо вы умеете любить, как любили в старину...

Г в и д о. Ба! Знакомая песня... Любят всегда одинаково, я думаю...

Лу к а. Вон там... Где-то там высоко у меня жена. Как ты там, Ида? Поют ли тебе яркие птички свои итальянские песенки? Светит ли тебе наше солнце? Есть ли там звезды?

Д ж о в а н н и. Слушай, ну, жизнь продолжается.

Лу к а. А я и живу. Чтобы мне добраться до Иды, нужно тут еще помочь. Чтобы подняться туда, нужна любовь. А любовь к людям — это ведь и есть те крылья, на которых человек поднимается выше всего... Раньше тут жило и родилось много замечательных людей. В старину они рождались чаще, чем теперь, и были заметней, а ныне, когда все ходят в пиджаках и занимаются политикой, трудно стало человеку подняться выше других, да и душа туго растет, когда ее пеленают газетной бумагой...

Когда умер отец, мне было тринадцать лет. Но я был ловок и неутомим в работе — это все, что оставил мне отец в наследство, а землю нашу и дом продали за долги. Так я и жил, с одним глазом и двумя руками, работая везде, где давали работу... Было трудно, но молодость не боится труда, так? В девятнадцать лет встретила девушка, которую мне суждено было любить, такая же бедная, как сам я, она была крупнее и сильнее меня, жила с матерью, больной старухой, и, как я, работала, где могла. Не очень красивая, но добрая и умница. «Женимся?» — сказал я ей. — «Это будет смешно, кривой!» — ответила она невесело. — «Ни у тебя, ни у меня нет ничего, — как будем жить?» Святая правда: ни у меня, ни у нее — ничего! Но что нужно для любви в юности? Вы все знаете, как мало нужно для любви, я настаивал и победил. «Да, пожалуй, ты прав, — сказала наконец Ида. — Если святая мать помогает тебе и мне теперь, когда мы живем отдельно, ей, конечно, будет легче помогать нам, когда мы будем жить вместе!» Молодежь коммуны смеялась над нами, старики осуждали нас, а священник сказал, что мы безумцы и призвал бороться с соблазнами. Но молодость упряма и по-своему умна! Настал день свадьбы, мы не стали к этому дню богаче и даже не знали, где ляжем спать в первую ночь. «Мы уйдем в поле! — сказала Ида. — Почему

это плохо? Матерь Божия везде одинаково добра к людям». Так мы и решили: земля — постель наша, и пусть оденет нас небо! Отсюда начинается другая история, прошу внимания, — это лучшая история моей долгой жизни! Рано утром, за день до свадьбы, старик Джиованни, у которого я много работал, сказал мне, так, знаете, сквозь зубы — ведь речь шла о пустяках! — «Ты бы, Уго, вычистил старый овечий хлев и постлал туда соломы. Хотя там сухо и овцы больше года не были там, все же нужно хорошо убраться хлев, если ты с Идой хочешь жить в нем!» Вот у нас и дом! Работаю я, пою, в дверях стоит столяр Констанцио, спрашивая: «Это тут будешь ты жить с Идой? А где же у вас кровать? Надо бы тебе, когда кончишь, пойти ко мне и взять у меня ее, есть лишняя». А когда я шел к нему, сердитая Мария, лавочница, закричала: «Женятся, несчастные, не имея ни простыни, ни подушек, ничего! Ты совсем безумец, кривой! Пришли ко мне твою невесту!» А безногий, замученный ревматизмом, избитый лихорадкой Этторе Виано кричит ей с порога своего дома: «Спроси его, много ли он припас вина для гостей, э? Ах, люди, что может быть легкомысленнее их?» О, синьоры, синьоры! На утро дня свадьбы у нас было все, что нужно для дома, — статуя мадонны, посуда, белье, мебель — все, клянусь вам! Ида плакала и смеялась, я тоже, и все смеялись — нехорошо плакать в день свадьбы, и все наши смеялись над нами! Синьоры! Это дьявольски хорошо — иметь право назвать людей нашими! И была свадьба — э! Удивительный день! Вся коммуна смотрела на нас, и все пришли в наш хлев, который вдруг стал богатым домом... У нас было все: вино, и фрукты, и мясо, и хлеб, и все ели, и всем было весело... Потому что, синьоры, нет лучше веселья, как творить добро людям, поверьте мне, ничего нет красивее и веселее, чем это! Вот, синьоры, кое-что о людях. Это вкусно, не правда ли? Ида, я скоро к тебе. Ты подожди немного.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В священной тишине восходит солнце, и от камней острова поднимается в небо сизый туман, насыщенный сладким запахом золотых цветов дрока. Остров, среди темной равнины сонных вод, под бледным куполом неба, подобен жертвеннику пред лицом бога-солнца. Почтальон стучит в дверь домика. Выходит старый Этторе Чекко.

Почтальон. Вам письмо, сеньор Чекко.

Этторе. Мне письма не от кого ждать.

Почтальон. На ваш адрес. Черт знает, что там.
Этторе. Не уходи, дай сейчас открою.
Почтальон. Не для тебя одного сегодня письма.

Этторе раскрывает конверт, достает из него открытку.

Этторе. Это ведь мои сыновья! На открытке! Какие они тут красивые... Они в Америке... Открытка помята почему-то. В дороге испортилось?

Почтальон. Так, я тут не виноват, у меня все аккуратно было. Конверт-то, смотри, гладкий. Видать, такую положили.

Этторе. Написано что-то... Слушай, я неграмотен. Прочитай, а?

Почтальон. Я, что ли, грамотный? Если б на ней только текст был, без картинки, я даже не знал бы, какой стороной листок повернуть.

Этторе. Как же ты узнаешь, кому письмо нести?

Почтальон. По номеру дома. Вот на конверте два гуся, и у вас на доме два гуся. А у старика Орландо номер дома — перевернутый стул и пузатый толстяк, такой же, как он сам.

Этторе. Подожди ты. На сердце у меня что-то камнем легло... Чувствую, что дело неладно. Портреты бедных людей печатаются лишь тогда, когда эти люди нарушают законы.

Почтальон. Попроси священника, — он прочтет.

Этторе. Знаешь, говорят, может быть, поп и говорит богу правду про людей, но людям правду — никогда.

Первый, у кого он спросил о таинственном значении открытки, был рыжий Художник, иностранец — длинный и худой парень, который очень часто приходил к дому Чекко и, удобно поставив мольберт, ложился спать около него, пряча голову в квадратную тень начатой картины.

Этторе. Синьор, что сделали эти люди?

Художник. Должно быть, что-то смешное. Глядите, как улыбаются.

Этторе. А что напечатано про них?

Художник. Это по-английски. Кроме англичан, этот язык понимает только бог, да еще моя жена, если она говорит правду в этом случае. Во всех других случаях она не говорит правды...

Этторе. Болтливый ты, как чиж. Скажи лучше, где найти твою жену.

Художник. Ну, в это время, да и всегда, она тает от жары, лежа в гамаке, в нашем саду и сердито смотрит на голубое небо.

Этторе. Сеньора.

Жена художника. Чего надо?

Этторе. Можете прочитать, что здесь написано?

Жена художника. Чего прочитать?

Этторе. Вот на карточке.

Жена художника. Вы слепой?

Этторе. Не умею.

Жена художника. Мрак... Так, эти люди посажены в тюрьму.

Этторе. Украли или убили?

Жена художника. О нет, просто они социалисты.

Этторе. Что такое социалисты?

Жена художника. Вы серьезно? Это политика.

Этторе. Это честно? Что тут написано — это честно?

Жена художника. Я не знаю. Я сказала — это политика, понимаешь?

Этторе. Нет, я не понимаю. Политику делают в Риме министры и богатые люди для того, чтобы увеличить налоги на бедных людей. А мои... Вот эти парни на карточке — рабочие. Они живут в Америке, славные парни. Зачем им делать политику?

Жена художника. Я не знаю! Я сказала — политика, понимаешь?

Этторе. Иностранцы — самые бестолковые люди.

Всю ночь он просидел с портретом детей в руках. При луне он казался черным и возбуждал еще более мрачные мысли. Утром старик решил спросить Священника.

Этторе. Святой отец, кто такие социалисты?

Священник. Социалисты — это люди, которые отрицают волю бога, — достаточно, если ты будешь знать это. Стыдно в твои годы интересоваться такими вещами!

Этторе. Хорошо, что я не показал ему карточки.

Прошло еще дня три, он пошел к Парикмахеру — шеголю и вертопраху.

Парикмахер. Боже! Это Артуро и Энрико, мои товарищи! О, я от души поздравляю вас, отец Этторе, вас и себя! Вот у меня и еще двое знаменитых земляков, можно ли не гордиться этим?

Этторе. Не болтай лишнего.

Парикмахер. Это хорошо!

Этторе. Что напечатано про них?

Парикмахер. Я не могу прочитать, но я уверен, что напечатали правду. Бедняки должны быть великими героями для того, чтобы о них сказали правду наконец!

Этторе. Молчи, прошу тебя.

Он пошел к Русскому Синьору, о котором говорили, что это добрый и честный человек.

Этторе. Синьор, вы видите, я очень стар и уже скоро пойду к моему богу. Когда мадонна спросит меня, что я сделал с моими детьми, я должен буду рассказать ей это правдиво и подробно. Это мои дети здесь на карточке, но я не понимаю: что они сделали и почему в тюрьме?

Русский. Скажите мадонне, что ваши дети хорошо поняли главную заповедь ее сына: они любят ближних живой любовью...

Этторе. Значит, это не позорно для них — тюрьма?

Русский. Нет! Ведь вы знаете, что богатых сажают в тюрьму лишь тогда, если они сделают слишком много зла и не сумеют скрыть это, бедные же попадают в тюрьмы чуть только они захотят немножко добра. Вы — счастливый отец, вот что я вам скажу! Ваши дети в числе тех, кто хочет победить нищету, глупость и всё то страшное и злое, что рождается глупостью и нищетой...

Этторе. Парни за океаном, в тюрьме большого города, — это плохо для их здоровья, плоховато, да... Но они в тюрьме за то, что выросли честными ребятами, каким был всю жизнь их отец, — это хорошо для них и для его души... Прочитайте, пожалуйста, что там?

Русский. «Артуро и Энрико Чекко. Два благородных борца за интересы своего класса. Они организовали двадцать пять тысяч текстильных рабочих, заработок которых составлял шесть долларов в неделю, и за это они посажены в тюрьму. Да здравствует социальная справедливость!» Шесть долларов в неделю — это сорок лир!

Этторе. Ого! Но они нашли, что этого мало, и двадцать пять тысяч таких же, как они, согласились с ними, — этого мало для человека, который хочет хорошо жить... Земля — богата, люди — бедны, солнце — доброе, человек — зол. Всю жизнь я думал

об этом, и хотя не говорил им, а они поняли думы отца. Смелее, парни, смелее. Вальс-о-о!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Пе п е лет десять, он хрупкий, тоненький, быстрый, как ящерица, пестрые лохмотья болтаются на узких плечах, в бесчисленные дыры выглядывает кожа, темная от солнца и грязи. Он похож на сухую былинку, — дует ветер с моря и носит ее, играя ею.

Пе п е. Вы только посмотрите на этих туристов! Вот толстый немец. У него такое лицо, будто его расковыряли шпагой. А это, видать, англичанин. Все англичане будто похожи на злодеев из телевизора. Ну и, конечно, француз! Неподражаемый француз, шумный, как погремушка.

Па п а. Только благодаря им мы зарабатываем. Тебе пора становиться ответственным. Ты еще не продал остатки цветов.

Пе п е. Я продам, отец, но эти деньги погостят у нас в кармане до тех пор, пока ты не потратишь их на ставках.

Па п а. Я больше не ставлю.

Пе п е. Значит, продумешь в карты.

Па п а. Это мое дело, куда я трачу деньги.

Пе п е. На ветер.

Па п а. Пререкаться будешь?

Пе п е. Нет. Я пойду работать... Какое лицо! Вот лицо не меньше моего живота. Возьмите у меня цветов, синьор!

Не м е ц. У меня уже есть.

Пе п е. Цветов никогда не бывает много.

Не м е ц. Bravo, малыш! Давай мне два.

Пе п е. О, два — это к покойнику.

Не м е ц. А куда мне еще?

Пе п е. Подарите их вон той сеньоре, она смотрит на вас с тех пор, как вы тут появились.

Не м е ц. Да ладно!

Пе п е. Поверьте мне, она на вас запала.

Не м е ц. Давай мне, знаешь, три цветка.

Пе п е. Три? Это несерьезно. Они будут смотреться в вазе, как ноздря с волосинками.

Не м е ц. Язык у тебя подвешен... Ладно, четыре тогда.

Пе п е. И что у меня останется? Два цветка? Кому мне их продать? Кого хотели, сегодня уже похоронили.

Немец. Мне тогда не хватит денег на фрукты жене. Она просила! Я вообще только за ними отошел из гостиницы.

Пепе. Раз вы решились подойти к той синьоре, то нужно идти до конца!

Немец. Пройдоха.

Немец расплачивается, берет шесть цветов, идет с цветами к красивой синьоре.

Красивая синьора. Шесть? Хоронить меня пришел? Пошел отсюда! Себе на могилу положи!

Красивая синьора швыряет в Немца букет. Немец уходит. Пепе подбирает цветы.

Пепе.

Мой друг недавно умер,
Грустит моя жена...
А я не понимаю,
Отчего она так грустна?

Папа. Зачем ты собираешь эти цветы? Они уже ни на что не годны.

Пепе. Жалко их. А я приду домой и поставлю в вазу... Ты обещал, что мы поедем ловить Пещони сегодня.

Папа. Поедем, Пепе.

Пепе. В прошлый раз тоже говорил, что поедем.

Папа. Поедем! Давай мне эти деньги. Лодку на них отремонтирую.

Пепе. Лодку?

Папа. Давай сюда, говорю.

Пепе. Расскажи, как мы поедем на рыбалку.

Папа. Сядем в лодку, отправимся в море.

Пепе. Нет, ты расскажи так же, как тогда, когда мне было грустно, а ты меня успокаивал. Вот прям как тогда чтобы!

Папа. Ну, давай, ну... Вечером, когда весь город соберется спать, мы с тобой сядем в лодку и отправимся в море... Что еще... Будем плыть в сторону каменного пляжа... До тех пор, пока купол собора Святого Стефана не опустится на горизонт. И здесь станем ловить рыбу пещони. Это очень тонкая и вкусная рыба с розовыми плавниками, ее называют также коралловой рыбой, потому что она водится там, где есть кораллы, очень глубоко. Ее ловят, стоя на якоре, крючком с тяжелым грузилом. Красивая

рыба. Говорят, если поймаешь пещони и съешь ее с близкими тебе людьми, то вы никогда не потеряете друг друга.... А домой мы вернемся, уже будет совсем темно. Устанем, зато будем счастливы.

Пепе. Мы же правда поедем? В это раз точно?

Папа. Да, я тебе обещаю. Сейчас иди, помоги синьоре Кончетте донести корзину яблок. Не забудь получить у нее награду, не стесняйся.

Пепе подходит к Кончетте.

Пепе. Синьора, сегодня — не правда ли — один из лучших дней нашей бедной жизни? Давайте я вам помогу.

Кончетта. Пепе, какой ты все-таки маленький мальчик, но такой умный. Сам, наверное, этого пока не понимаешь, да? Отнеси эту корзину яблок из моего сада моей подруге Франческе. Вон там она живет. Заработаешь сольдо.

Пепе с полной готовностью взял корзину, поставил ее на голову и пошел.

Микеле. Смотри, Джузеппе, Пепе запрягли, как осла.

Джузеппе. Эй, осел, морковки хочешь?

Микеле. Иа-иа!

Джузеппе. Пепе, а тебя самого папа еще не проиграл в карты?

Микеле. Смотри, сейчас заплачет, к мамке побежит жаловаться. Только мамки-то у тебя нет.

Джузеппе. Микеле, это ты зря.

Пепе берет яблоки и начинает закидывать мальчишек.

Джузеппе. Дикарь! Бешеный.

Мальчишки убегают. Пепе возвращается к Кончетте.

Кончетта. Ты не очень спешил.

Пепе. Но все-таки я устал, дорогая синьора! Ведь их было более десятка!

Кончетта. В полной доверха корзине? Десяток яблок?

Пепе. Мальчишек, синьора.

Кончетта. Но яблоки!

Пепе. Сначала мальчишки: Микеле и Джузеппе...

Кончетта. Отвечай, ты нес яблоки?

Пепе. До площади, синьора! Вы послушайте, как хорошо я вел себя: сначала я вовсе не обращал внимания на их насмешки — пусть, думаю, они сравнивают меня с ослом, я все стерплю из уважения к синьоре — к вам, синьора. Но когда они начали смеяться над моей матерью, — ага, подумал я, ну, это вам не пройдет даром! Тут я поставил корзину, и нужно было видеть, добрая синьора, как ловко и метко попадал я в этих разбойников, вы бы очень смеялись!

Кончетта. Они растащили мои плоды?!

Пепе. О нет. Но те плоды, которые не попали в мальчишек, разбились о стены.

Кончетта. Ты малолетний преступник, какой наглый черт! Брында! Дурак с трудностями!

Пепе. Но, право, вы не беспокоились бы так, если б видели, как метко попадал я прекрасными плодами вашего сада в грязные головы этих мошенников. Ах, если б вы видели это! Вы дали бы мне два сольдо вместо обещанного одного!

Кончетта. Я тебя вот этими руками утоплю. Только попадись мне на глаза еще. Позорная современность!

Кончетта уходит. Пепе встречает Сестру.

Пепе. Сестренка, с тех пор как ты поступила прислугой к тому богатому американцу, ты сразу стала румяной и наливной, точно груша в августе.

Сестра. На хороших хлебах. Я и вам домой могу стащить что-нибудь.

Пепе. Сегодня вечером мы с папой поплывем за пещони.

Сестра. Верь ему больше.

Пепе. Он обещал.

Сестра. Который раз он тебе обещает, а сам идет к Джованни и сидит у него, пока не продуется. Ты опять отдал ему заработанные. Опять на лодку, да? Я тебе говорила половину прятать в башмак?

Пепе. Я все равно ему верю. Лучше быть обманутым дураком, чем недоверчивым идиотом... Ты ешь каждый день?

Сестра. Два и три раза, если хочу.

Пепе. Пожалела бы зубы. Очень богат твой хозяин?

Сестра. Он, я думаю, богаче короля.

Пепе. Ну, оставим глупости соседям! А сколько брюк у твоего хозяина?

Сестра. Ну, это трудно сказать.

Пепе. Десять?

Сестра. Может быть, больше.

Пепе. Поди-ка, принеси мне одни не очень длинные и теплые.

Сестра. Зачем они тебе?

Пепе. Ты видишь, какие у меня?

Видеть это было трудно — от штанов Пепе на ногах его оставалось совсем немного.

Сестра. Но он ведь может подумать, что мы украли?

Пепе. Не нужно считать людей глупее нас! Когда от многого берут немножко, это не кража, а просто дележка!

Сестра. Ведь это песня!

Пепе быстро уговорил ее, а когда она принесла в кухню хорошие брюки светло-серого цвета, и они оказались несколько длиннее всего тела Пепе, он тотчас догадался, как нужно сделать.

Сестра. Они тебе большие.

Пепе. Дай-ка нож.

Приходит Жена американца с мужем.

Жена американца. Что? Это брюки моего мужа, бандиты! У него нож!

Американец. В чем дело?

Пепе. Синьор, меня очень удивляет шум, поднятый вашей синьорой, я даже несколько обижен за вас. Она, как я понял, думает, что мы испортили брюки, но уверяю вас, что для меня они удобны! Она, должно быть, думает, что я взял последние ваши брюки, и вы не можете купить других...

Американец. А я думаю, молодчик, что надобно позвать полицию.

Пепе. Да? Зачем?

Американец. Чтобы тебя отвели в тюрьму...

Пепе. Если это вам нравится, синьор, если вы любите сажать людей в тюрьму, то конечно! Но я бы не сделал так, будь у меня много брюк, а у вас ни одной пары! Я бы дал вам две, пожалуй, три пары даже, хотя три пары брюк нельзя надеть сразу! Особенно в жаркий день...

Американец расхохотался, ведь иногда и богатому бывает весело.
Потом он угощал Пепе шоколадом и дал ему франк.

П е п е. Благодарю вас, синьор! Мне кажется, монета настоящая.

А м е р и к а н е ц. Дети — веселые владыки земли.

Море спокойно, как зеркало, и в камнях нет белого кружева прибой. Пепе, сидя где-нибудь на камне, смотрит острыми глазами в прозрачную воду: там, среди рыжеватых водорослей, плавно ходят рыбы, быстро мелькают креветки, боком ползет краб. Пепе ждет отца.

Уже темно, а его все нет. Пепе уходит домой.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Синее спокойное озеро в глубокой раме гор, окрыленных вечным снегом, темное кружево садов пышными складками опускается к воде, с берега смотрят в воду белые дома, кажется, что они построены из сахара, и все вокруг похоже на тихий сон ребенка.

Ч у м а з ы й р а б о ч и й. Это медаль за работу в Симплонском туннеле. Э, всякая работа трудна до времени, пока ее не полюбишь, а потом она возбуждает и становится легче. Все-таки да, было трудно! Было даже страшно иногда. Ведь и земля должна что-нибудь чувствовать, не так ли? Когда мы прорезали в горе эту рану, земля там, внутри, встретила нас сурово. Она дышала на нас жарким дыханием, от него замирало сердце, голова становилась тяжелой и болели кости — это испытано многими! Потом она сбрасывала на людей камни и обливала нас горячей водой. Это было очень страшно! Порою при огне вода становилась красной, и отец мой говорил мне: «Ранили мы землю, потопит, сожжет она всех нас своею кровью, увидишь!» Конечно, это фантазия, но когда такие слова слышишь глубоко в земле, среди душной тьмы, плачевного хлопанья воды и скрежета железа о камень, забываешь о фантазиях. Там все было фантастично. Мы, люди, такие маленькие, и она, эта гора, до небес... Это надо видеть, чтоб понять! Мой отец сначала не верил: «Прорезать гору насквозь из страны в страну, — говорил он, — это против бога, разделившего землю стенами гор, — вы увидите, что мадонна будет не с нами!» Он ошибся, мадонна со всеми, кто любит ее. «Дети Бога, — говорил мой отец, — так нельзя бороться с землей, она отомстит за свои раны и останется непобежденной! Вот вы увидите, просверлим мы гору до сердца, и когда коснемся его,

оно сожжет нас, бросит в нас огонь, потому что сердце земли — огненное, это знают все! Возделывать землю — это так, помогать ее родам — нам заповедано, а мы искажаем ее лицо, ее формы. Смотрите: чем дальше врываемся мы в гору, тем горячее воздух и труднее дышать». Не один он думал так, и это верно было: чем дальше, тем горячее в туннеле, тем больше хворало и падало в землю людей. Ночами в казарме у нас многие бредили, стонали и вскакивали с постелей в некоем ужасе... «Разве я не прав?» — говорил отец со страхом в глазах и кашляя все чаще, глуше... «Разве я не прав? — говорил он. — Это непобедимо, земля!» И, наконец, лег, чтобы уже не встать никогда. Он был крепок, мой старик, он больше трех недель спорил со смертью, упорно, без жалоб, как человек, который знает себе цену. «Моя работа кончена, Паоло, — сказал он мне однажды ночью. — Береги себя и возвращайся домой, да сопутствует тебе мадонна!» Потом долго молчал, закрыв глаза, задыхаясь. «Знаешь, Паоло, сын мой, я все-таки думаю, что это совершится: мы и те, что идут с другой стороны, найдем друг друга в горе, мы встретимся, ты веришь в это?» Я верил. «Все надо делать с верой в благостный исход и в бога, который помогает, молитвами мадонны, добрым делам. Я прошу тебя, сын, если это случится, если сойдутся люди, приходи ко мне на могилу и скажи: отец, сделано! Чтобы я знал!» Это было хорошо, дорогой синьор, и я обещал ему. Он умер через пять дней после этих слов, а за два дня до смерти просил меня и других, чтоб его зарыли там, на месте, где он работал в туннеле, очень просил, но это уже бред, я думаю... Мы и те, что шли с другой стороны, встретились в горе через тринадцать недель после смерти отца! О, когда мы услышали там, под землею, во тьме, шум другой работы, шум идущих навстречу нам под землею, под огромною тяжестью земли, которая могла бы раздавить нас, маленьких, всех сразу! Много дней слышали мы эти звуки, такие гулкие, с каждым днем они становились все понятнее, яснее, и нами овладевало радостное бешенство победителей — мы работали, как злые духи, как бесплотные, не ощущая усталости, не требуя указаний, — это было хорошо, как танец в солнечный день, честное слово! И все мы стали так милы и добры, как дети. Ах, если бы вы знали, какое сильное, какое нестерпимо страстное желание встретить человека во тьме, под землей, куда ты, точно крот, врывается долгие месяцы! А когда наконец рушился пласт породы, и в отверстии засверкал

красный огонь факела, и чье-то черное, облитое слезами радости лицо, и еще факелы и лица, и загремели крики победы, крики радости — о, это лучший день моей жизни, и, вспоминая его, я чувствую — нет, я не даром жил! Была работа, моя работа! И когда мы вышли из-под земли на солнце, то многие, ложась на землю грудью, целовали ее, плакали — и это было так хорошо, как сказка! Да, целовали побежденную гору, целовали землю! Конечно, я пошел к отцу, о да! Конечно, хотя я знаю, что мертвые не могут ничего слышать, но я пошел, я пошел к нему на могилу, постучал о землю ногой и сказал, как он желал этого: «Отец, сделано! — сказал я. — Люди победили. Сделано, отец!»

КАРТИНА ПЯТАЯ

Горожанин. Уже несколько недель город обложен тесным кольцом врагов, закованных в железо. По ночам они зажигают костры, их огонь смотрит из черной тьмы на стены города множеством красных глаз. Злорадное пламя. Его растопка — наши жизни. А дым распространяет мрачные думы. Враги вытоптали поля, выжгли виноградники вокруг стен, а ручьи, питавшие город водой, они забросали трупами.

Горожанка. Особенно невыносимо становится вечером, когда в тишине стоны и плач звучат яснее и обильнее. Хотя бы огонь зажечь дома... Боимся.

По улице идет Марианна.

Горожанин. Это она?

Горожанка. Она. Точно рыба в глубине реки. Мелькает, боится.

Горожанин. Не боится. Другое тут.

Патрульный. Вы снова на улице, монна Марианна? Смотрите, вас могут убить, и никто не станет искать виновного в этом...

Марианна. А вы — убьете? У вас есть пистолет, вы можете. Вы знаете, что во главе людей, разрушивших город, стоит мой сын. Еще недавно я смотрела на него с гордостью, как на драгоценный свой подарок родине, как на добрую силу, рожденную мной в помощь людям города, где я родилась сама, родила и выкормила его.

Патруль. Думайте о себе в первую очередь.

Около городской стены она увидела другую Женщину: стоя на коленях около трупа, неподвижная, точно кусок земли, она молилась, подняв скорбное лицо к звездам, а на стене, над головой ее, тихо переговаривались сторожевые и скрежетало оружие, задевая камни зубцов.

Марианна. Муж?

Женщина в горе. Нет.

Марианна. Брат?

Женщина в горе. Сын. Муж убит тринадцать дней тому назад, а этот — сегодня... Мадонна все видит, все знает, и я благодарю ее!

Марианна. За что?

Женщина в горе. Теперь, когда он честно погиб, сражаясь за родину, я могу сказать, что он возбуждал у меня страх: легкомысленный, он слишком любил веселую жизнь, и было боязно, что ради этого он изменит городу, как это сделал сын Марианны, враг бога и людей, предводитель наших врагов, будь он проклят, и будь проклято чрево, носившее его!

Закрыв лицо, Марианна отошла прочь, а утром на другой день явилась к защитникам города.

Марианна. Или убедите меня за то, что мой сын стал врагом вашим, или откройте мне ворота, я уйду к нему...

Патрульный. Ты — человек, и родина должна быть дорога тебе, твой сын такой же враг для тебя, как и для каждого из нас.

Марианна. Я — мать, я его люблю и считаю себя виновной в том, что он таков, каким стал.

Патрульный. По чести мы не можем убить тебя за грех сына, мы знаем, что ты не могла внушить ему этот страшный грех, и догадываемся, как ты должна страдать. Но ты не нужна городу даже как заложница — твой сын не заботится о тебе, мы думаем, что он забыл тебя, дьявол, и вот тебе наказание, если ты находишь, что заслужила его! Это нам кажется страшнее смерти!

Марианна. Да. Это страшнее.

Они открыли ворота перед нею, выпустили ее из города. Они видели, как она на полпути остановилась и, сбросив с головы капюшон плаща, долго смотрела на город, а там, в лагере врагов, заметили ее, одну среди поля, и, не спеша, осторожно, к ней приближались черные, как она, фигуры.

В р а г. Куда идешь?

М а р и а н н а. Ваш предводитель — мой сын.

Марианну приводят к предводителю врагов — ее сыну.

Сын. Мать! Ты пришла ко мне, значит, ты поняла меня, и завтра я возьму этот проклятый город!

М а р и а н н а. В котором ты родился! Где каждый камень знает и помнит тебя ребенком.

Сын. Камни немые, если человек не заставит их говорить, — пусть горы заговорят обо мне, вот чего я хочу!

М а р и а н н а. Но люди?

Сын. О да, я помню о них, мать! И они мне нужны, ибо только в памяти людей бессмертны герои!

М а р и а н н а. Герой — это тот, кто творит жизнь вопреки смерти, кто побеждает смерть...

Сын. Разрушающий так же славен, как и тот, кто создает города. Посмотри, мы не знаем, Эней или Ромул построили Рим, но точно известно имя Алариха и других героев, разрушавших этот город.

М а р и а н н а. Иди сюда, положи голову на грудь мне, отдохни, вспоминая, как весел и добр был ты ребенком и как все любили тебя...

Сын. Я люблю только славу и тебя — за то, что ты родила меня таким, каков я есть.

М а р и а н н а. А женщины?

Сын. Их много, они быстро надоедают, как все слишком сладкое.

М а р и а н н а. И ты не хочешь иметь детей?

Сын. Зачем? Чтобы их убили? Кто-нибудь, подобный мне, убьет их, а мне это будет больно, и тогда я уже буду стар и слаб, чтобы отомстить за них.

М а р и а н н а. Ты красив, но бесплоден, как молния.

Сын. Да, как молния.

Он задремал на груди матери, как ребенок.

М а р и а н н а. Вот я пред человеком, которого знала за девять месяцев до рождения его, пред тем, кого я никогда не чувствовала вне своего сердца, в шелке и бархате он предо мною, и оружие его в драгоценных камнях. Все так, как должно быть; именно таким я видела его много раз во сне: богатым, знаменитым

и любимым... Отсюда видно, как город стал чернеть, как труп. Точно погребальные свечи, зажглись над ним звезды. Там, в темных домах, люди. Они боятся зажечь огонь в собственных домах, в родном городе... Они боятся свободно говорить — разговаривают подавленным шепотом. Они ждут только смерти. В собственном доме, в родном городе ... Мать творит, она охраняет, и говорить при ней о разрушении значит говорить против нее. Мать всегда против смерти, рука, которая вводит смерть в жилища людей, ненавистна и враждебна матерям. Мать — зверь столь же умный, безжалостный, как и бесстрашный, если дело идет о жизни, которую она, мать, творит и охраняет.

Мать, накрыв сына своим черным плащом, воткнула нож в сердце его, и он, вздрогнув, тотчас умер — ведь она хорошо знала, где бьется сердце сына.

М а р и а н н а. Матери ненавидят оружие нападения. И признают только то, которое защищает жизнь. Я сделала для родины все, что могла мать — я остаюсь со своим сыном! Мне уже поздно родить другого, жизнь моя никому не нужна.

Тот же нож, еще теплый от крови его — ее крови — она твердой рукою вонзила в свою грудь и тоже верно попала в сердце: если оно болит, в него легко попасть.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Ребенком Горбун был тих, незаметен, задумчив и не любил игрушки. Это ни в ком, кроме сестры, не возбуждало особенного внимания к нему: отец и мать нашли, что таков и должен быть неудавшийся человек, но сестра, которая была старше брата на четыре года, заставляла его испытывать тревожное чувство. Почти все дни она проводила с ним, стараясь всячески возбудить в нем оживление, вызвать смех, подсовывала ему игрушки — он складывал их, одну на другую, строя какие-то пирамиды, и лишь очень редко улыбался насильственной улыбкой, обычно же смотрел на Сестру, как на все, — невеселым взглядом больших глаз, как бы ослепленных чем-то.

Этот взгляд раздражал ее.

С е с т р а. Не смей так смотреть, ты вырастешь идиотом! Если ты урод, ты должен быть умным, иначе всем будет стыдно за тебя, папе, маме и всем! Даже люди станут стыдиться, что в таком богатом доме есть маленький уродец. В богатом доме все должно быть красиво или умно, понимаешь?

Горбун. Да... Принцы бывают горбатыми?

Сестра. Нет.

Горбун. А рыцари?

Сестра. Конечно, нет! Но мудрые волшебники всегда горбаты.

Горбун. Значит, я буду волшебником. А феи всегда красивы?

Сестра. Всегда.

Горбун. Как ты?

Сестра. Может быть! Я думаю, даже более красивы! Почему каждый раз во время прогулок, когда мы проходим мимо строящихся домов, ты так долго и пристально смотришь, как работают люди? Неприлично так стоять на улице. Это интересно тебе?

Горбун. Да.

Сестра. Почему?

Горбун. Я не знаю... Такие маленькие люди и кирпичики — а потом огромные дома. Так сделан весь город?

Сестра. Да, разумеется.

Горбун. И наш дом?

Сестра. Конечно! Я придумала! Ты будешь знаменитым архитектором, вот что! Мы купим тебе много деревянных кубиков, ты будешь строить из них огромные башни, а они будут с грохотом падать! Ты будешь архитектором, да?

Горбун. Да.

Ему купили множество деревянных кубиков, и с этой поры в нем жарко вспыхнула страсть к строительству: целыми днями он, сидя на полу своей комнаты, молча возводил высокие башни, которые с грохотом падали.

Сестра (*Матери с Отцом*). Вы бы его видели на прогулке! Он готов целые часы стоять против строящегося дома, наблюдая, как из малого растет к небу огромное; ноздри его дрожат, внюхиваются в пыль кирпича и запах кипящей извести, а глаза становятся сонными, задумчивыми. Сколько бы я ему не говорила, что неприлично так стоять на улице, он не слушает.

Отец. Сын, тебе надо бросать эти игрушки.

Горбун. Это не игрушки.

Отец. Этим ты ничего не добьешься. Нужно найти настоящее дело, нужно учиться, чтобы потом работать и зарабатывать деньги. А эти твои кубики — пожалуйста, ерунда.

Горбун. Зачем мне деньги?

Сестра. Я надеюсь, папа, что вы не думаете отдать его в учебное заведение?

Отец. А почему бы и нет?

Сестра. Вы знаете почему! Ведь все будут смеяться над ним!

Мать. Это ужасно!

Сестра. Таких, как он, надо прятать!

Мать. Ах, да, тут нечем гордиться! Сколько ума в этой головке, о!

Отец. Пожалуй, вы правы.

Мать. Нет, сколько ума! У меня такая умная дочь!

Горбун. Я ведь тоже не глуп...

Отец. Увидим.

Мать. Никто не думает ничего подобного!

Сестра. Ты будешь учиться дома. Ты будешь учиться всему, что надо знать архитектору, — это тебе нравится?

Горбун. Да. Ты увидишь.

Сестра. Что я увижу?

Горбун. Что мне нравится... Ты только немного выше меня, но заслоняешь собою и мать, и отца. А я похож на краба, а ты — тонкая, стройная и сильная. Ты — фея, под властью которой живет весь дом и я. Только ты у меня есть. Мне больше никто не нужен из людей. Только ты. Будь всегда со мной, пожалуйста... Вот ко мне ходят вежливые, холодные люди, учителя, они что-то изъясняют, спрашивают, а я? Я не понимаю их наук, мне скучно, и я думаю о своем. Смотрю сквозь этих холодных дядек и думаю... Как-то раз я спросил у того учителя в черном, наглухо застегнутом сюртуке: «Что делается с теми, кто ничего не хочет?» «С такими людьми совершается все дурное, что только можно представить себе, — говорит он. — Так, например, многие из них становятся социалистами». «Благодарю вас», — говорю я. Какие они несут глупости! Я слаб, говорят они. Я это знаю. А меня другое интересует ведь.

Сестра. Ты очень много говоришь.

Горбун. Они говорят больше.

Сестра. И ты мало молишься богу...

Горбун. Он не исправит мне горба.

Сестра. Ах вот как ты начал думать... Я прощаю тебе это, но забудь все подобное, слышишь?

Горбун. С тех пор, как ты стала носить длинные платья, начались одни неприятности... Берегись!

Когда она входила в рабочую комнату брата, к ногам ее падали какие-то брусья, доски, инструменты, задевая то плечо, то голову ее, отбивая ей пальцы.

Сестра. Ты нарочно это делаешь, урод!

Горбун. Как ты можешь думать это? Ведь ты любишь меня, не правда ли? Ты меня любишь?

Сестра. Видишь ли, раньше этого не было...

Горбун. И этого тоже.

Сестра. Зачем ты натаскал столько этой дряни? Что это вообще такое за палки? Доски? Ящики?

Горбун. Ты увидишь! А я уже много сделал! Смотри: вот домик для кроликов. А это конура для собаки. А еще я придумал крысоловку.

Отец. Все началось с мелочей, и всегда все так начинается!

Сестра. Да? Ничего себе!

Мать. Ты понимаешь, как надо ценить ее заботы о тебе?

Горбун. Да... *(Показывает Сестре крысоловку.)* Это уже не игрушка, и можно взять патент! Смотри, как просто и сильно, дотронься здесь.

Девушка дотронулась, что-то хлопнуло, и она дико закричала.

Горбун. О, не та, не та.

Сестра. Ты сделал это нарочно, ты ненавидишь меня! За что?

Горбун. Просто ты дотронулась не тою рукой.

Сестра. Ты лжешь.

Горбун. Но зачем я стану портить тебе руки? Ведь это даже не та рука, которой ты ударила меня...

Сестра. Смотри, урод, ты не умнее меня!..

Горбун. Я знаю.

После этого она стала не так часто заходить к нему. Ее посещали подруги — шумные девочки в разноцветных платьях. Они славно бегали по большим, немножко холодным и угрюмым комнатам; картины, статуи, цветы и позолота — всё становилось теплее при них. Иногда сестра приходила с ними в его комнату, они чопорно протягивали ему маленькие пальчики с розовыми ногтями, дотрагиваясь до его руки так осторожно, точно боялись сломать ее. Разговаривали они с ним особенно кротко и ласково, с удивлением, но без интереса осматривая Горбуна среди его инструментов, чертежей, кусков дерева и стружек. Он знал, что все девочки зовут его изобретателем — это сестра внушила

им — и что от него ждут в будущем чего-то, что должно прославить имя его отца: сестра говорила об этом уверенно.

Сестра. Он, конечно, некрасив, но очень умный.

Ей было девятнадцать лет, и она уже имела жениха, когда отец и мать погибли в море во время прогулки на увеселительной яхте, разбитой и потопленной пьяным штурманом американского грузовика; она тоже должна была ехать на эту прогулку, но у нее неожиданно заболели зубы. Когда пришло известие о смерти отца и матери, она, забыв свою зубную боль, бегала по комнате и кричала.

Сестра. Нет, нет, этого не может быть!

Горбун. Отец был такой круглый и пустой, — я не понимаю, как он мог утонуть... Даже тело так и не нашли. А мама? Ты видела ее в гробу? Он лежала там, такая же сухая и ломкая, как мертвая ветвь старого дерева, какой была и при жизни.

Сестра. Молчи, ты никого не любишь!

Горбун. Я просто не умею говорить ласковых слов.

Сестра. Вот мы остались с тобою одни. Нам будет трудно, мы ничего не знаем и можем много потерять. Так жаль, что я не могу сейчас же выйти замуж!

Горбун. О!

Сестра. Что такое — о?

Горбун. Мы одни!

Сестра. Ты так говоришь это, точно тебя что-то радует!

Горбун. Я ничему не радуюсь.

Сестра. Это тоже очень жаль! Ты ужасно мало похож на живого человека. Вечером ко мне придет жених.

Горбун. Это который? Маленький и белобрысый или тот бойкий, с пушистыми усами на загорелом лице?

Сестра. Не твое дело.

Горбун. Знаешь, усатый мне больше понравился. В прошлый раз он смеялся целый вечер. Думаю, он мог бы смеяться целый день.

Сестра. Ничего, ничего, мы уже обручены, и для нас строится новый дом в одной из лучших улиц города, самой чистой и тихой. Так что скоро я отсюда всё. Уеду. Поскорее бы. Ты не переживай. Будем видеться по праздникам. На Рождество и Пасху. Нет. Открытками обойдемся. Я тебе пришлю. Даже подарок может найду какой. А ты хоть бы сходил, посмотрел, какой у нас с женихом будет дом! Ты архитектор или кто? Дом

родной сестры не хочешь посмотреть. Что молчишь? Тебе надо пойти посмотреть это, а? Как ты думаешь?

Он долго отказывался под разными предлогами, наконец уступил и пошел с Сестрой и ее женихом, а когда они двое взобрались на верхний ярус лесов, то упали оттуда: жених прямо на землю, в творило с извещью, а брат зацепился платьем за леса, повис в воздухе и был снят каменщиками. Он только вывихнул ногу и руку, разбил лицо, а жених переломил позвоночник и распорол бок.

Сестра. Ты — мое несчастье! Почему ты молчишь? Не молчи, говори! Скажи хоть слово мне! Хоть какое-то проявление человечности! Ты не человек. Ты урод. Ты урод, понял?

Горбун. Нет ни мудрых волшебников, ни добрых фей, есть только люди, одни злые, другие глупые, а все, что говорят о добре, — это сказка! Но я хочу, чтобы сказка была действительностью. Помнишь, ты сказала: «В богатом доме все должно быть красиво или умно»? В богатом городе тоже должно быть все красиво. Я покупаю землю за городом и буду строить там дом для себя и уродов, подобных мне, я выведу их из этого города, где им слишком тяжело жить, а таким, как ты, неприятно смотреть на них...

Сестра. Нет... Ты не сделаешь этого! Конечно, не сделаешь этого! Это безумная идея.

Горбун. Это твоя идея. Я буду среди них. Среди своих. Никому больше не помешаю. Хорошо будет. Хорошо, да.

Сестра. Ты не уйдешь. Я одна! Из-за тебя я осталась одна, а теперь ты уходишь!

Горбун. Это решено.

Сестра. Не мною. Ты все еще чувствуешь себя мальчишкой? Ты думаешь, это игра? Посмотри на меня, ты!

Горбун. Я хорошо придумал, одинаково хорошо для вас и для нас! Это чудесное дело — строить, и мне кажется, что я скоро буду считать себя счастливым человеком...

Сестра. Счастливым?

Горбун. Да! Знаешь, люди, которые работают, совершенно не похожи на нас, они возбуждают особенные мысли. Как хорошо, должно быть, чувствует себя каменщик, проходя по улицам города, где он строил десятки домов! Иногда мне кажется, что мы плохо знаем свой народ...

Сестра. Странно ты говоришь.

Горбун. В сущности, все идет так, как хотелось тебе: вот я становлюсь мудрым волшебником, освобождая город от уродов, ты же могла бы, если б хотела, быть доброй феей! Почему ты не отвечаешь?

Сестра. Мы поговорим об этом после.

Горбун. Может быть, я виноват перед тобою больше, чем ты предо мною...

Сестра. Я виновата? Перед тобою?

Горбун. Подожди! Честное слово, я не так виноват, как ты думаешь! Ведь я хожу плохо, быть может, я толкнул его тогда, но тут не было злого намерения, нет, поверь! Я гораздо более виновен в том, что хотел испортить руку, которую ты ударила меня...

Сестра. Оставим это.

Горбун. Мне кажется, нужно быть добрее! Я думаю, что добро — не сказка, оно возможно...

Сестра. Мы с тобой кружимся по земному шару туда и сюда, точно ослепленные птицы, бессмысленно и безрадостно смотрим на все и нигде ничего не видим, кроме самих себя. Ищем добро, а не замечаем, что вот оно. Какое бы оно ни было.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Вечер. Приятно дует ветер. Пепе сидит на своем старом месте, смотрит то на море, то на тропинку. Видит отца. Он тащит лодку в телеге.

Папа. Пойдем, Пепе, за пещони.

Пепе. Пришел! Папа!

Папа. Ветер.

Пепе. Приятный!

Папа. Это очень хитрый и злой ветер. Вроде бы ласково дует на нас с берега, точно тихонько толкая в море, — там он подходит к вам незаметно и вдруг бросается на вас, точно вы оскорбили его. Барка тотчас сорвана и летит по ветру, — вы не успеете выругаться или помянуть имя божие, как вас уже кружит, гонит в даль. Впрочем, люди всегда честнее стихии... Кем бы ты хотел быть, когда вырастешь?

Пепе. Хочу быть тем, кого печатают в газетах и на открытках.

Папа. Там только знаменитости и преступники. Нужна нормальная работа, чтобы деньги приносила. А это все...

Пепе. К черту деньги.

Папа. Я перед тобой ни в чем не виноват, чтобы при мне ругаться.

Пепе. Раз папа Пепе так сказал, не значит, что папа Пепе прав.

Папа. Я прав, потому что я твой родитель! И ты должен слушаться.

Пепе. Поплыли домой!

Начинается ураган.

Папа. Пепе, держись! Живо — якорь! Это серьезно, сын мой! Это опасно, дорогой мой.

Пепе. Если молод, не легко веришь в опасность! Я гребу в сторону дома!

Папа. Какая польза ковырять море спичками? Береги силу, иначе тебя напрасно станут ждать дома... Пепе! Ты, может быть, вернешься на землю, я — нет! Послушай, что я буду говорить тебе о рыбе и работе... Это важно! Тунца лучше всего ловить на вареную креветку. Поймаешь тунца — считай, обед на неделю приготовил.

Пепе. Может быть, нам лучше помолиться, отец?

Папа. Бог видит все! Ему известно, что вот люди, созданные для земли, погибают в море и что один из них, не надеясь на спасение, должен передать сыну то, что он знает. Работа нужна земле и людям, бог понимает это...

Пепе. Время ли теперь учить меня? На земле ты не делал этого!

Папа. На земле я не чувствовал смерть так близко!.. Всегда держись так, как будто никого нет лучше тебя и нет никого хуже — это будет верно! Дворянин и рыбак, священник и солдат — одно тело, и ты такой же необходимый член его, как все другие. Это правда! Вот она — правда! Слышишь? Никогда не подходи к человеку, думая, что в нем больше дурного, чем хорошего. Думай, что хорошего больше в нем, — так это и будет! Люди дают то, что спрашивают у них. Слушай! Эй, слышишь?

Пепе. Слышу!

Папа. Помни: все хорошее — от человека!

Пепе. Ладно!

Пепе через 50 лет. Отца поймали через два часа с переломанной спиной и разбитым черепом... Я? Я был порядочно измят, на берег меня втащили без памяти... Мой отец в час

смерти, зная, что ему не избежать ее, не испугался, не забыл обо мне, своем сыне, и нашел силу и время передать мне все, что он считал важным. Шестьдесят семь лет прожил я и могу сказать, что все, что он внушил мне, верно! Я думаю, что не сумел рассказать про отца так, как чувствую, и то, что пятьдесят один год держу в сердце, — это требует особенных слов, даже, может быть, песни, но мы люди простые, как рыбы, и не умеем говорить так красиво, как хотелось бы! Чувствуешь и знаешь всегда больше, чем можешь сказать. Вот такие сказки. наших друзей, соседей. У каждого наберется такой сборник. Потому что нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь.

Конец

ПЛОХАЯ ИЗОЛЯЦИЯ

Пьеса о нарушенных границах

Действующие лица

Александр Малохолмов, можно просто Саша, начинающий специалист-вахтовик, 23 года.

Игорь Пошапко — да давайте Игоря н, механик по ремонту оборудования, 37 лет.

Николай Иванович Храмов — вообще, все Иваныч называют, производитель работ у отсыпщиков дорог, 54 года.

Сергей Роженцев — или Серега, бригадир у Иваныча, 42 года.

Гусь, рабочий-отсыпщик из бригады Иваныча, 27 лет.

Фара, рабочий отсыпщик из бригады Иваныча, 35 лет.

Контуженный, бригадный водитель, 47 лет.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Посреди дремучего таежного леса отсыпана площадка из речного песка. Деревья срублены, вывезены, и лишь небольшая часть замшелых стволов лежит за обваловкой убитыми богатырями, а рядом, в самом непроходимом, заросшем буреломом месте, выкорчеван огромный неохватный пенёк, который корнями образует вход в мрачную темную пещеру, как будто в потусторонний мир. На площадке же все ровно, производственные объекты выставлены, как по линейке. Здесь возвышается буровая вышка, метров семьдесят в высоту, сплит фонарями, а на вершине два красных светосигнала — заградительные огни, чтобы вертолет не врезался. Объект по каким-то причинам заморожен, на входе даже табличка есть по этому поводу. Тишину нарушает работающий дизель, ритмично молотящий свою мелодию. Возле забора стоит жилой вагон-дом для восьми человек, это на борту написано, а еще название есть — «Екатерина». Прямо над названием прожектор установлен,

---

* Родился в Пермской области. Окончил ЕГТИ (мастерская Н. В. Коляды). Публиковался в журналах «Урал» и «Современная драматургия», в сборниках пьес Уральской школы драматургии. Живет и работает в Екатеринбурге.

чтобы в ночи дорогу видеть. Рядом деревянная избушка с трубой — это баня, сегодня дыма нет, никто не топит. Вечереет, но солнце светит максимальным накалом. На крыше вагона стоит молодой парень с повязанной на голове футболкой и, поднимая телефон к ясному небу, пытается поймать сигнал.

Саша. Есть. Алло? Привет, Наташа! Как кто? Это я, Саша. Саша Малохолмов! Твой муж, целый месяц вообще-то. Пошутила? Смешно. Как занята? У меня со связью плохо, лучше сейчас. Да, симка другая, тут только Ермак, да и он в тайге теряется. До ближайшей деревни триста километров по тайге. По дороге? Не везде дорога есть, я сюда на вездеходе двое суток ехал, еще вертолетом летел. Как вертолет? Ужасно. Помнишь, яйцо за холодильник упало? Запах — не то слово! Ну ладно, представь, что на аттракцион сели одни мужики. Духота, никто не улыбается, и всех тошнит. Вот это вертолет. Не звонил? Так пока добрался, пока расположился, связь только на крыше нашел! Да какие проститутки? Ни одной живой души на двое суток! Пошутила? Смешно.

Еще, да, хотел сказать, спасибо тебе. Тут очень здорово! Видела кедр настоящий, сибирский? Конечно, нет. Никуда дальше дендропарка не выбирались. Я фотку пришлю, познакомитесь. Их тут много, стоят, шишки к солнцу тянут, красотища. Еще сосны, березы всякие, дубы, все вперемешку, цветы разного цвета, разнотравье. Да подожди, давай еще поговорим?

Да я наоборот радуюсь, что ты мне такую крутую работу нашла. Да, согласен. Конечно лучше, чем осветитель. И зря я переживал, что не разбираюсь. Дизель работает отлично, как холодильник, молотит себе др-р-р-р, инструкция есть, бензин, то есть топливо, то есть соляру, заправляю: ручным насосом качнул, когда надо и... все-все, давай о другом! М-м-м. Ворон тут прилетает, каркает, издалека. А вот, представляешь, лиса приходит? Красивая такая, рыжая, но худющая. Я ее костями прикармливаю, теперь меня видит, радуется, аж на метр подпрыгивает. Близко не подходит, дикая, за три месяца подружился. Назвал? Тасей! Это от Наташи. Так скучать меньше буду. Что? Слушай, к лисе-то можно не ревновать. Да, конечно, ты лучше, чем лиса. Нет, она огонь, конечно, но ты-то совсем не такая. Ребята приходят? Ванька только. Я так и думал. Да не-не, я ничего.

Я хочу, чтобы ты успокоилась, тут очень хорошо. Все? Не работа, а курорт, я даже в рабочую одежду еще не переодевался;

смотрю, хожу, записываю, передаю суточный рапорт, один раз по спутнику, его ненадолго включают, а второй почтой, и все, — это, видимо, самое главное здесь. Никакого контроля. Свобода! Правда, готовить самому — фигня, научусь. Сегодня устроил праздник, что-то вроде манника готовил, и получилось, да, что-то вроде манника. Это будет мое фирменное теперь. И тебя угошу. Будем вместе, буду стряпать. Скучаю. Я еще отжиматься начал, уже пятнадцать раз запросто, вернусь, сотку буду жать, не узнаешь своего Сашу! А еще тут есть огромный черный пенёк. Не интересно про огромный и черный пенёк? Плохие ассоциации. Пошутила? Смешно.

У тебя все хорошо? Что не так? Ладно, не готова, не говори. Расскажешь, когда сможешь. У меня тоже момент был, ну потерпи, я быстро. Сегодня перед обедом мужик из леса пришел, да, рабочий. Ну, такой! В возрасте, но потрепанный жизнью. Говорит, дорогу делают, устали в машине ночевать, просил мужиков у себя положить. Отказал, конечно. Ну откуда я их знаю, а у меня объект. Мало ли кто тут шарахается, а он еще матперемат постоянно, я такое не очень. Ничего. Плюнул смачно, да обратно в лес ушел, говорит мне еще такой: земля-то круглая. Представляешь? Как будто я должен испугаться этого факта. Да и пусть лесом идет, что мне о нем думать. Ушел и ушел!

Ах, как хорошо жить! Я дневник еще начал вести. Старым стану, книгу выпущу супермотивационную про то, как работать там, где не умеешь. Назову ее «Просто беру и делаю», выкупят вместе с прилавком. Я серьезно. Да, блин, Наташа, я рад всему. Ты сама начинаешь. Правда, все ок! Да, это лучше, чем вертеть прожектором. Могу книги читать, сериальчики смотреть, главное, деньги хорошие платят, вот и все, а это нам очень нужно, сама понимаешь. И красота тут, закат! Говорил, но закат — это отдельная песня. Слушай, закат здесь — как будто раскаленный металл опускают в холодную бочку, ало-красное, тающее, с черными брызгами туч по бокам, но при этом остальное небо чистейшее, и если присмотреться, можно увидеть первые звезды. Вот бы такое освещение на сцене повернуть. Я тебе фотки пришлю! Алло? Ты тут? Ты что, зеваешь? Я тоже устал. Целую. Спокойной ночи. Как не спать? Ночной клуб? Пещера. С подружками. А, Ванька еще будет. Может, лучше, что уже выходишь? Будь аккуратнее, хорошо. Я переживаю. И я тебя. Пока. Нет-нет, я не против.

Саша отключает телефон, громко вдыхает полной грудью свежий воздух тайги. Спускается по лестнице с вагона, поднимает руки вверх, смотрит на закат, смеется, кружится, останавливается и уходит в дом. Включается прожектор на крыше вагона. Громко стучит станция, тихонько звенят фонари на ограждениях, стрекочут кузнечики. Дизель сбивается с такта, плавает, обороты падают — захлебнулся. Освещение на буровой теряет яркость, гаснет. Тускло красным горят аварийные выходы на дверях. Луна входит в свои права. Кузнечики рады, что их никто не перебивает, и стрекочут еще сильнее. Дизель пыхтит, коптит черным дымом и снова выходит на рабочие обороты. Освещение восстанавливается. Ни одна душа не переживает по этому поводу. Все хорошо.

03.07.19 г. Суточный рапорт.

Старший специалист по обслуживанию и охране оборудования на объекте ГНКП № 7 Средне-Чонского месторождения Александр Михайлович Малохолмов.

Количество персонала на объекте — 1 человек.

Суточный расход бензина топлива — 75 л.

Оборудование исправно.

Светосигнальное оборудование в норме.

Утренний и вечерний осмотр без замечаний.

Нарекания, требования, жалобы отсутствуют.

Конец связи.

Личный дневник Александра Малохолмова. Запись № 3

03.07.19 г.

Почему я здесь? Это все она, моя жена. Она умница, заботится, переживает, помогла найти работу, составить резюме, я никогда не думал, что буду работать за три тысячи километров от дома. Конечно, осветитель — это не хлебное место, тем более его помощник, временный, но там я знал, что делаю, и чувствовал свою причастность. А тут? Да, я когда дизель увидел, не знал с какой стороны к нему подойти, а на собеседовании чесал, что перебираю ДЭС с закрытыми глазами. И вот я здесь, и все в порядке, как она говорила, все благодаря ее настойчивости и вере в мои силы. Это стимулирует. Бывает, Наташа сильно давит, но мы же семья, это нормально. Понятно, что и она, и я чего-то хотим от этого брака, и, конечно, мы всего добьемся вместе, для этого надо работать. И работать здесь на вахте. Но как-нибудь я ей обязательно скажу, когда у нас все устроится, что мне не нравится. Ее резкость, грубые слова — они же

для улицы, не для нас. И то, что она в кровать с холодными ногами не пускает, и приходится их совать под батарею и, только нагрев, ложиться — тоже скажу. Нет, и у нее ведь бывает, ноги там колются, я же молчу. Обязательно соберусь и выскажу все, только позже, когда окрепнем, как семья. А пока чуть-чуть притираемся, в любом случае будет что-то чуть-чуть не так. Главное, вместе.

А друзья сразу пропали. Последний раз сидели в баре, как всегда, каждый говорил о своем: кто о машине, кто о работе, кто о фитнес-тренерше, а я им сказал, что на вахту уезжаю. Промолчали, только Ванька сказал, что за Наташкой присмотрит. Сейчас звоню, и все так заняты. Никто говорить не может. Приедешь — и пообщаемся. За три месяца точно забудут. Ну и что теперь, не работать?

Про пень так и не понял. Не стала слушать. Хотел рассказать, на окраине есть пнише, выдранный с корнями, он здоровый, как черная дыра, тьма у него такая внутри тягучая, и я смотрю издали, думаю, а мне ведь не страшно, сейчас возьму шаг, шаг, и дойду до него. Пошел и вспомнил, что пора на обход идти, ничего страшного, в следующий раз. Потом лису встретил и совсем про него забыл. Как к ней можно ревновать? Она такая шkodная. Я ее приручу, это решено, а потом с собой в вертолет заберу. Это точно.

Пойду почитаю, а, может, фильм какой-нибудь со Стэтхэмом посмотрю. Вот вроде лысый, а все у него есть, и дерется круто. А, может, тренировку устраю? Делаю, что хочу. И мне нравится. В общем, работа-сказка, жизнь-мечта! Не забудь с утра выполнить отжимания. Хорошо!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Саша снова на крыше вагончика, нервно бегаёт и пытается найти сигнал. Теперь он в рабочей одежде, а лицо в графитовой смазке, руки липкие, черные, а телефон держит через кусок белой ветоши. Да и роба вся запятнана следами от пальцев и брызгами топлива. А вокруг жизнь, птицы поют, кузнечики цыркают. Саша иногда пытается материться, но получается «чтоб тебя» и «да как так-то?». Да, и дизель еще: его больше не слышно. Саша дозвонился.

С а ш а. Ну, здравствуй, Наташа! В смысле кто? Не смешно уже. Конечно, муж, с долбаного Ермака звоню. Да потому что

не дозвониться. Ничего не случилось! Просто меня уволят на фиг, вот и все. Не плачу я! Да не плачу! В дизеле что-то сломалось, и все сдохло: не греет, не светит, не продувает. Так я не знаю, что. Чинил! Я тебе расскажу, как я чинил, хочешь? Вот и я не знаю. Написано на табло «Плохая изоляция». Что и что? Сообщил, конечно. Да ничего. Со службой поддержки связали. С поддержкой все перепробовали, тоже никак. А я лазил сюда, звонил, бежал, делал, снова бежал, звонил! Да и они не знают. Сказали, будут думать. Начальство молчит, но так, по-злому. Трубки бросают. Да я не жалею! А что мне делать? А кто меня сюда устроил? Вот и спасибо. Тебе. Большое. До пояса, ага! Да мне все нравится! Ну и молчу. Конечно, давай о другом. Слушай, да все еще с утра не заладилось: выхожу из вагончика, а у входа мышь дохлая лежит, как знак какой-то. Да какой мужик из леса! Мстил? Смешно, ага. Ушел и хорошо. Лиса, наверное, притащила, целый день тут бегает. Звуков нет, не боится. Близо не решается. Не фоткаю, боюсь напугать. Птиц слышно, кузнечики играют. Каким членом, Наташа? Кто говорит? Ванька? В лицо ему плюнь. Тимбальные органы это называется. Знаю. Я читаю тут вообще-то. Да, красиво! Дизеля только не слышно. А как мне не думать? Начальник говорит, если не запустишь, без обогрева и вентиляции будет конденсат, заржавеет, колом встанет. Чего смешного? Да, колом встанет. Так и сказал. А главное, ночью вышка не освещается, самолет врежется, буду отвечать всю оставшуюся. Не нагнетаю я! Начальник сказал. Ночью вообще ничего не видно, а самолеты видел, летают. А что я могу сделать? По-другому как-нибудь? Хм, мысль. У меня есть фонари аварийные, красных, точно, слушай, могу. Заряда на пару ночей хватит, я им такую иллюминацию устрою, но это же надо на самый верх лезть? Ай, да Наташа! Спасибо, ты у меня умная. А я сегодня робу надел и уделался весь. Придется баню топить, стираться. Самое непонятное — как ночевать? Без света и тепла. Что? Платье купила? Зачем? Сколько? Блин, а вернуть можно? А если меня уволят? Ага, аванс-то отдавать придется. Еще и штрафануть могут. Нет, подожди. Нет, я рад. Молодец. Да постой ты. Ой, все, хорош. Ты нагнетаешь! Наташа, ладно, я побежал, у меня связь по спутнику с начальством. Все. Пока. Целую.

Саша сбрасывает звонок. Садится на крыше вагона, свешивает ноги, думает.

04.07.19 г. Суточный рапорт.

Старший специалист по обслуживанию и охране оборудования на объекте ГНКП № 7 Средне-Чонского месторождения Александр Михайлович Малохолмов.

Количество персонала на объекте — 1 человек.

Суточный расход топлива — 35 л. Аварийная остановка.

В 11:35 обнаружена техническая неисправность в оборудовании ДЭС 320, журнал ошибок на электронном табло свидетельствует о нарушении изоляции (горит значок «Плохая изоляция»). После проведения комплекса мероприятий совместно со службой поддержки ошибку устранить не удалось. Служба поддержки решает вопрос с руководством.

Оборудование не работает. Ожидание решения.

Светосигнальное оборудование не работает. На вышку временно установлено два аварийных прибора для сигнализации авиасуднам. Выполнена фотофиксация. Фото прилагается.

Нарекания, требования, жалобы:

Есть необходимость в запасе сухпайков и утепленных спальных мешков для чрезвычайных ситуаций (прошу рассматривать как предложение, не жалоба).

Конец связи.

Личный дневник Александра Малохолмова. Запись № 4
04.07.19 г.

Когда дизель встал, я чуть не обосрался. Когда пришлось звонить начальству — тоже. День, одним словом, дерьмовый. Я так сгорал от стыда, что всерьез подумал пойти к этому пню, в этот потусторонний мир и исчезнуть на фиг. Не пошел, потому что. Не пошел и все. Надо было с дизелем ковыряться. Все-таки хорошо, моих навыков хватило, чтобы достойно со службой поддержки отработать, но, видимо, специалист еще хороший попался, голос такой молодой, вежливый, все с ним проговаривали друг другу, объясняли, как выглядит, он постоянно переспрашивал, я тоже, и если уж он ничего не понял, то я и подавно. Так что думаю, я и не виноват и вообще сделал все, что мог. И фонари поставил, обезопасил вышку от столкновений, а там, между прочим, опасно даже со страховкой. А еще опасно то, что бензина наглотался, когда внутренний бак напрямую заправлял. Сказали попробовать, заправить. Оказывается, там есть

еще внутренний бак. Потом пробовал завести, а дизель как санданул черным дымом на весь контейнер, и вся крыша в копоти. Специалист спрашивает: ну как? А я такой профессионально себя повел, результат, говорю, отрицательный. Потом полдня пытался крышу отчистить. Кое-как оттер. И все время эта надпись «Плохая изоляция», а я-то нет, я-то хороший. Рапорт без замечаний приняли, начальник к вечеру подобрел, обещают прислать мне механика по ремонту оборудования. Еще и завтра к обеду. Значит, спецбортом полетит. Надо ночь продержаться. Надо бы подготовиться, чтобы он не подумал, что я не сообщаяю, а то еще начальству нажалуется. Тоже опасно.

В общем, зря я на Наташу набросился, она не растерялась, умница, подбодрить смогла, подсказать. Вот кого сюда надо прислать! С платьем, конечно, странно получается, только аванс пришел, уже нету. И зачем так дорого? Ну да ладно, если все наладится, то не жалко. А лиса мне мышку принесла, такая милаха. Тасенька! И Наташа, конечно, тоже хорошая. Эх, любовь все-таки меня греет, хоть и холодно. Без света и тепла вообще не очень, но я баню затопил, робу постирал, всех зайцев одним выхлопом. Еще и эсэмэска от МЧС пришла, ночь холодная будет, с сильным ветром, но в бане-то не чувствуется. Не забудь утром сделать зарядку. Хорошо.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Очередной жаркий таежный день. Только что уехал вездеход и оставил затихающее рычание. Возле ограждения стоят двое: С а ш а и И г о р я н. Игорян крупный мужчина, больше Саши раза в два, он в комплекте поношенной рабочей одежды, в каске и солнечных очках, за его спиной большой рюкзак таких же размеров, как и живот спереди. А Саша стоит в шлепках, шортах и футболке, он ведь сделал все, что мог.

С а ш а. А вы механик?

И г о р я н. Ты один, что ли? *(Снимает каску, расстегивает китель.)* А мне сказали, серьезный объект.

С а ш а. Вообще, я тут старший специалист по охране и обслуживанию.

И г о р я н. М-м. Старший? Где остальные? Что-то больше никого не вижу.

С а ш а. Ну да, вообще-то я один. Меня Александр зовут, я тут за все отвечаю. А вы? А вас?

Игорь скидывает рюкзак, бросает каску, снимает китель,
остается в майке.

Игорян. Погодь-погодь, ты это, булки разожми.

Саша. Извините, не понял.

Игорян. Фу-у-у, жара, как в потных мудях. Что не понятно? Расслабься, говорю. Мы же вдвоем? Зачем извиняться? Я вот все понял: ты значит, Саня? Санек! Меня Игорь, так-то Игорян все зовут, Пошапко.

Саша. Приятно. Очень. А что вы про шапку сказали?

Игорян. Да не шапка, а Пошапко, фамилия такая, закидонская, некоторые пытаются шутки шутить, говорят Пох'шапко, но это один раз всего говорят, потом на погост, дебилы, что с них. Шутка. Не, ты не думай, я нормальный, не бес. Ты вроде тоже ничего?

Саша. Наверное. Я вас понял, Игорь, располагайтесь. Мне сказали взять у вас пропуск и провести инструктаж. Вы же уже проходили такие инструктажи, да? Я вас просто в журнал впишу, а потом по ходу и инструктаж как-нибудь обсудим, ладно? Я с утра снова пробовал заводить, но ничего не вышло.

Игорян. А у меня где зашло, там вышло, а потом снова зашло, ха-ха-ха — если ты понимаешь, о чем я.

Саша. Не совсем, я говорил о ДЭС.

Игорян. Погодь-погодь! Что такое вот это твое ДЭС?

Саша. Вы что, серьезно не знаете? Вас ведь на ремонт дизельной электрической станции прислали, так?

Игорян. Ха-ха-ха, да, я ору, конечно, знаю.

Саша. Смешно. Мне надо будет докладывать начальству, а оно сильно напирает. Поэтому хотелось бы ближе к делу.

Игорян. Погодь-погодь, не трогай начальство, и оно не будет, ну ты понял прикол? Все-все, я понял, ты про мотор трешь. И что там на табло пишут?

Саша. Там написано ошибка E404, плохая изоляция.

Игорян. Серьезно? Делов-то на два пальца. Шутка. Случай тяжелый. Ну да ладно, а ты давно дизелистом работаешь?

Саша. Конечно. Два года! Будет. Скоро.

Игорян. Два года — это бодрый такой стаж. Видимо, не на севере, да? Просто вижу, прививки нет местной, северной — шутки мимо кассы. Ну да ладно. Я так понял, ты на таких дизелях не работал просто? Ха-ха-ха!

С а ш а. Ха-ха-ха. Да. Точно! Просто не работал.

Смеются.

С а ш а. Се ля ви.

И г о р я н. Что сказал?

С а ш а. Не контактировал, говорю.

И г о р я н. Нет, да? Ну, ничего-ничего, сейчас разберемся, что к чему.

Молчат.

И г о р я н. Мне тут нравится у тебя. Все так чудесато. Спокойно. Тишь! Кедрач. Время замерло.

С а ш а. Вообще-то время уже три, вечером суточный рапорт, около десяти. Вы — в смысле мы — успеем разобраться, что к чему, и запуститься?

И г о р я н. Ну, я не знаю, сложно сказать, сам понимаешь, я же еще не видел, что там случилось.

С а ш а. Понимаю-понимаю, так пока и скажу руководству.

И г о р я н. Погодь-погодь! Не надо пока ничего говорить. Конечно, разберемся, какой базар. Санек, все нормально будет. Знаешь анекдот про пидора и мотоцикл?

С а ш а. А? А вы не в курсе, мы когда дизель починим, за вами сразу же прилетят?

И г о р я н. Как хочешь, потом тогда расскажу, после инструктажа, да? В общем, я козлятину скину с себя, у тебя потому что рабочая одежда удобнее выглядит. Рот пойду прополощу, у меня это, десна болит. Ну и все, потом в дизеле встречаемся тогда. Соглас?

Игорян уходит в вагончик, долго скидывает сапоги, проходит, в дверях говорит.

И г о р я н. Александр, Саша, Санек, братуха, не в службу, не в дружбу, пособи с рюкзаком, а? А то я сапоги уже скинул. Если не в падляк, конечно. В падляк?

С а ш а. Что вы! Конечно, нет.

Игорян заходит в вагон. Саша кое-как поднимает рюкзак и несет в дом.

С а ш а. А мне надо уши прополоскать.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Саша и Игорян в ДЭС. Тут тихо. В центре смертельно раненным зверем лежит дизель, табло и светосигнал горят красным светом. На полу жирные следы замытой солярки, полосы, разводы. На потолке огромный выхлоп копоти, стертый по бокам, но размазанный в середине. Саша стоит с журналом под мышкой, Игорян с набором инструментов, осматривается.

Игорян. Саня, ты как будто завалил здесь кого-то и пытался скрыть, а?

Саша. Я же не сам. Мне в службе поддержки говорили — я делал. Бегать приходилось на крышу, звонить, потом возвращаться, упрел весь. Сказали внутренний бак заправить, знаете же, где он? А у меня насос сломался, пришлось, подс... Ртом подкачивать, в общем, нахлебался.

Игорян. Ха. Будни дизелиста называется. А что качал-то?

Саша. Бен. Топливо. Солярку качал.

Игорян. Солярку? Значит, соображаешь что-то. А я как-то тоже звонил, начинал когда, понимаешь? А у них там корпоратив какой-то, чемпионат по танкам — не до меня, в общем. Эта служба поддержки так меня по всему дизелю погоняла, я, короче, с психу трубку бросил, сам запустил и ну их всех на хрен. Прикинь, как бывает? И никто не прилетал, не чинил. Ха! Но у меня понимание-то было, просто на таких дизелях не работал.

Саша. Нет, мне все подробно объясняли, рассказывали, хороший сервис попался.

Игорян. Изоляцию-то мерили, сервис? Хотя мне сказали, что у тебя даже цешки нет на объекте. На, держи, будешь мерить?

Саша берет в руки цешку, вытягивает провода, осматривает клеммы, хаотично щелкает переключателем режимов. Возвращает Игоряну.

Саша. Нет, мне руководство сказал, чтобы я записывал все, что вы делаете, в журнал, и вообще следить за вами в оба. Может, потом?

Игорян. Вот как? Интересно. Ну да ладно. Понятно все с ними, не доверяют. А кому? Пошапка не доверяют, я им полсевера перечинил, перелопатил этих дизелей — как они мне дороги! — жопу в пикулях морозил, пока они денежки считают, а они — следить в оба, да? Нормальные, нет? Вот она, благодарность! Как жопа, так езжай Пошапка, выручай. Только приехал,

сразу надзирают — это что? Как они дороги, слушай! Ну ничего, ты их сильно-то не слушай. Мало ли что они там, в голубом этом Москвограде скажут, тут-то, на месте, все равно расклад другой всегда. Понимаешь? Сработаемся, Саня, я тебе всё за всё раскидаю. Поймешь, что к чему! Цешку-то где посеял?

С а ш а. Отправляли сюда, даже отвертки не дали, сказали, тут все есть. А тут, приехал и ничего.

И г о р я н. Ну, скажи, скоты же!

С а ш а. А свою цешку я другу недавно отдал, не успел забрать.

И г о р я н. Ну да, ему-то там, на большой земле, нужнее поди.

Игорян берет накидной ключ, откручивает крышку кожуха сбоку от приборной панели, снимает ее, залазит головой и руками внутрь дизеля, говорит оттуда.

И г о р я н. Дай индикатор и маленькие косозубцы.

Саша перебирает инструменты в чемоданчике, не может определить, что нужно. Долго рассматривает каждый предмет.

И г о р я н (*говорит изнутри*). Вот скажи, такая мысль у меня чешется. Тут же комплекс большой получается, так? Соляры, наверное, много уходит? Расход литров девяносто?

Саша тычет Игоряна в плечо, подает весь чемодан.

С а ш а. Держите все инструменты, вдруг что-то еще понадобится.

И г о р я н. Держите, возьмите, пожалуйста, самому-то нормально так? Сколько, говоришь, два года работаешь?

Игорян берет нужные инструменты, достает из ниши провода с разъемами, разъединяет их, опускается на пол, откручивает крышку на дне генератора.

С а ш а. Не совсем. Почти. Скоро будет. А расход около семидесяти пяти, счетчик так показывает. А еще тут огромное топлиохранилище, видимо, долго тут будут работать.

И г о р я н. А тебя сюда надолго заслали?

С а ш а. У меня на два с половиной месяца вахта выписана, но сказали, может, чуть дольше, зато потом меньше будет — так говорят.

И г о р я н. Бедолага, говорить-то они мастера. И что, рядом ни одной души нет?

Са ша. За вертолеткой есть бездорожье на промысел, потом трасса вдоль трубы, через триста километров первый поселок, Илим.

Игорян. Илим, значит? Ну и жопа. И ни хера не сделаешь, да? Я бы тут с ума сошел один.

Са ша. Почему вы так говорите? Нормально вроде, спокойно.

Игорян. Потому что знаю, что говорю. Ты видел, как людей север ломает? Как они в лес уходят? Крыша поехала, пошел гулять, дитя природы. От себя бегут, от выбора своего. Узбеки особенно часто, но нам до них далеко, они сразу на полгода, на восемь месяцев заезжают, а потом какая-нибудь мелочь, типа по телефону что-то не то или штрафанули, херня, короче, — и пошли по тундрам, по тайге шатаются, ищут их все. Некоторых находят, руки уже черные, обмороженные, отмороженные, что ли. А многих не находят. Вот где они теперь? Ха-ха-ха! Что ты опять булки жгал? Я ору опять! Так сильно еще, лом вставишь, согнется. Ты, Санек, со мной можешь вообще нормально, не париться. Нормально делай — нормально будет. Я тебя спайке научу северской, будешь нормально, молориком держаться.

Са ша. Вы же ненадолго прилетели. Сейчас дизель починим да обратно. А я-то нормальный, справлюсь.

Игорян. Вы, вы, может, хватит уже? Сколько тебе, двадцать два?

Са ша. Нет, больше, конечно. Двадцать три! Почти.

Игорян. А мне знаешь сколько? Возраст Христа знаешь? Вот! А я чуток старше, мне тридцать семь уже. От уважения меня, конечно, нормально, то, что ты так говоришь, вы-вы! Но давай начнем берега это — сводить, что ли?

Са ша. Извините, я не совсем.

Игорян. Да на ты со мной говори и все! Что не понять? Баба есть у тебя? Ну, блин, девушка есть?

Са ша. Я бы не хотел на эти темы говорить.

Игорян. Сложный многочлен, да? Лады. Не хочешь — не дровичь. Я-то уже женат, девятнадцать лет в браке, малых трое растет. Баба у меня, конечно, слов нет. Но без нее никак. Ну и сам понимаешь, надо зарабатывать, что, считай, денег прорва уходит. Семьдесят пять литров, говоришь? Многовато. Что тут: на буровой печки да вентиляторы, ночью фонарики — нагрузка не в коня овес. Такие цифры странные, может, ты это — двери не открываешь, не проветриваешь систему, поэтому много?

Саша. У меня ведь инструкция есть. По ней работаю. Да, а я недавно женился, Наташей зовут, очень хорошая.

Игорян. Хо-хо-хо! Мою тоже Натаха. Общие ништяки — это же ух, это петелька-крючочек. Моя, короче, вообще морит, суп сварит, мелкие не жрут. Он простоял неделю в холодильнике, ну осталось там что-то на дне, прихожу с цеха, жопа в мыле, весь издрючен, она мне его тащит. Говорит: «Попробуй суп, он не испортился»? А я что, ёпта, этот, скажи, дегустатор испорченной пищи, да? И главное, у нее продолжение одно и то же. Ну, я типа пробую, потому что вариантов-то нет. Говорю: «Наташа, нормальный суп». Она говорит: «Ну, доешь тогда, чтобы не выбрасывать, а я новый сварю». Тут нет претензий! Или я пробую, а он, сука, всё, сдох, и его не спасти уже. Говорю: «Натаха, ну это уже всё, край, торба супу». А она мне: «Ты, — говорит, — доешь тогда, не выбрасывать же». Понимаешь, какая херня?

Саша. Не совсем. У меня такого не бывает.

Игорян. Ну поймешь еще! Потому что раз у нас есть какие-то совпадаловы, надо понимать тогда и все! Ладно, поймешь, башка есть, значит, на плечах, не очко, уже хорошо. Я вообще обычно не церемонюсь, сразу вижу, кто что из себя представляет, глаз наметан. Но ты на старшего моего похож, поэтому да. И есть штука одна, северный этикет, понимаешь? Вот надо бы тебе, конечно, кое-что прохавать сперва. Ладно, глядишь, сработаемся с тобой, а?

Саша. Так вы скоро, ты ведь скоро поедешь к жене, детям, я тут останусь.

Игорян. Фу, устал. Вертолет, Саша, не каждый день летает, понимаешь? Ладно, хрен с тобой. Нет контакта! Не контактишь — не контакь! Поможешь мне? Ремни с генератора снимем?

Саша. Да, конечно, я могу помочь, но по времени уже пора идти ужин готовить. Можешь меня подождать или сам справишься?

Игорян. А, ладно, иди, не мешайся, сделаю все, потом расскажу тогда, что и как, а ты на троих готовь, я много ем.

Саша. Договорились. Хоть на четверых.

Саша уходит, Игорян лезет под днище дизеля. Саша возвращается, забирает журнал, уходит.

Игорян. Эту песню запекает молодежь. Молодежь! Молодежь ту не задушишь, не убьешь. Не убьешь! Та-та-там!

Игорян вылезает, осматривается.

*** вырезанная сцена ***

КАРТИНА ПЯТАЯ

Темнота. Вечер. Свет фонарика из окна жилого вагона. Из окна же слышно голос, он тараторит доклад. Фонарь в контейнере ДЭС беспокойно маячит из стороны в сторону. Голос заглох, и фонарь в ДЭС сразу остановился. Игорян кричит из ДЭСки.

Игорян. Саня? Санек? Саша? Александр, ёпта!

Саша. Да, Игорь, что случилось?

Игорян. Ты там со сводкой закончил, что ли?

Саша. Да, только что.

Игорян. Про меня говорили, что ли?

Саша. Не особо. Спрашивали, когда и что. А мы закончили?

Игорян. Практически. Шуруй к рубильнику, будем запускаться!

Саша. Победил, что ли? Ура-а-а! Отлично! Иду-иду. Игорь, ну ты вообще мастер с большой буквы.

Саша идет к внешнему рубильнику на распределительном щите.

Игорян. Не ожидал, что ли? Сказал же: запустим. Сам от себя не ожидал. Готов?

Саша. Да.

Игорян. Хер на! Давай. Раз! Два! Три! Поехали!

Дизель гудит, стреляет копытю в небо. Выходит на рабочие обороты. Щелкает рубильник, и вся территория резко заливается светом. Игорян и Саша выходят, встают рядом, смотрят на территорию, на вышку, на красные огни.

Игорян. Машинища!

Саша. Маленький шаг для человека, и...

Молчат. Игорян громко хлопает себя ладошкой по щеке.

Игорян. Вот, ссаная шлюха! Прямо в щеку укусил. Комары затрахали. Ум-м, десна. Пойду рот пополощу.

Игорян уходит в дом. Включается прожектор на крыше вагона. Освещает Сашу. Он смотрит на звездное небо. Иногда хлопает себя по щеке, по рукам. Комары действуют.

05.07.19 г. Суточный рапорт.

Старший специалист по обслуживанию и охране оборудования на объекте ГНКП № 7 Средне-Чонского месторождения Александр Михайлович Малохолмов.

Количество персонала на объекте — 1 человек + 1 человек (временно) Пошапко И. И.

Суточный расход топлива — 75 л + 100 л. Заполнение внутреннего бака.

Станция запущена совместными силами со специалистом по ремонту дизельного оборудования Пошапко И. И. Оборудование работает в тестовом режиме и находится на стадии диагностики. Пуск в полном объеме запланирован на завтра. Совместно со специалистом заправлен внутренний бак, отрегулирована подача топлива, произведена смена фильтров, протяжка креплений вытяжки и проч.

Светосигнальное оборудование работает исправно.

Пожелания, требования, жалобы:

Необходим дополнительный вагон-гостиница для расположения временных специалистов.

В ближайшие дни необходим транспорт для выезда специалиста с месторождения.

Конец связи.

Личный дневник Александра Малохолмова. Запись № 5
05.07.19 г.

Жизнь налаживается, и ДЭС почти наладилась. Завтра мы ее победим. Игорь включился в общие дела, зачем-то настоял, чтобы его вписали в рапорт, помог пересчитать топливо. Ну и я Игорю помогал, поэтому смело говорю мы. После ужина мы поменяли воздушные фильтры, масляные, обновили герметик на каком-то среднем дышле, сделали протяжку. Я так-то много полезного узнал, и теперь мне будет проще, когда Игорь уедет. Плюс, буду ему звонить и спрашивать, он сам захотел нормально общаться, а он очень хорошо разбирается, спец. Да, Игорь оказался нормальным, хоть и немного, как он говорит, не видит берегов, но это все такая ерунда, ведь мы делаем общее дело, и он скоро уедет. Придется немного подстроиться.

Лиса с утра снова принесла мышь, такая дуреха! В обед я ее покормил, а потом она пропала. Видимо, почувствовала новый запах. Вечером ходил, звал ее тихонько, не услышала, зато

пришел Игорь, пошли ужинать. Эх, Тася, придется подождать тебе с приручением.

Звонил жене, а она прислала голосовое сообщение. Как же они бесят, по-моему, лучше кинуть камнем, чем посылать голосовуху. Сказала, помогает подруге укладывать ребенка, не может ответить. Пусть учится, вдруг скоро нам пригодится.

Да и распорядок придется координировать. Во-первых, зарядка — придется ее делать на кухне, а не в той половине, куда заехал Игорь, это раздражает, но выход есть. Еще у Игоря нет наушников, а он очень громко смотрит фильмы, пришлось закрыть его дверь, потом свою, и теперь вроде бы не слышно, можно спокойно делать записи. Я его просил сделать тише, он, видимо, не услышал или спит, но фильм громко идет. Ну, еще день я такое выдержу, чтобы не нагнетать. Главное, ДЭС работает, светло и тепло, и можно готовить, а чужими носками пахнет — это беда, что ли? Вообще-то беда!

Да, ходил сегодня в сторону жуткой пещеры, почти дошел, но Игорь позвал на помощь, пришлось вернуться. Так там даже симпатично. Хоть и трава там какая-то шалая. И гудит что-то.

Обязательно сделай зарядку. Хорошо.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Прихожая-кухня разделяет вагон-дом напополам. Одна половина плотно прикрыта раздвижной дверью, на ручке полотенце, чтобы было плотнее. Другая чуть приоткрыта, оттуда раздается храп. Саша выходит, снимает полотенце, вешает на шею, тихо прикрывает дверь, проходит на середину кухни. Принимает упор лежа, отжимается. Считает шепотом. На восьми останавливается перевести дыхание, дверь открывается и выходит Иг о р я н.

Иг о р я н. О-хо-хо! Да ты еще и спортсмен? А Динамо бежит?

Саша вскакивает. Иг о р я н вздрагивает, берет пятилитровую бутылку воды, набирает чайник, проливает на стол и пол.

Иг о р я н. Да не-не, ты занимайся, ты мне не мешаешь.

Ставит чайник кипятиться. Осматривает стол.

Иг о р я н. Не кипятись. Делай, что хочешь. Где у тебя тряпка? Ты за водой далеко ходишь? Ладно, рукой сотру. Ты это, хочешь — отжимайся, хочешь — дрочи. В смысле, не при мне,

а вообще. Не ограничиваю тебя. А связь тут есть? Домой пора цинкануть. Моя, наверное, ногти сгрызла.

Саша. Вода со скважины, насос качает, за вышкой емкость стоит. Я с вагончика звоню. Там пара палок есть. В смысле делений, не подумай. А тряпку ты уронил, стоишь на ней.

Игорян. Ох ты ж ёптать, точно.

Вытирает тряпкой пол, затем руки.

Игорян. Слушай, я вчера так поржал над тобой. А на хера ты на вышку лазил?

Саша. А что смешного? По делу лазил. По работе.

Игорян. Понял-понял, что. Секреты-фокусы. Знаешь анекдот, про «чувствуешь палец, а ручки-то вот они»?

Саша. Может, хватит про анекдоты?

Игорян. Тебе слова не скажи. Давай уже коммани, каммуни, говорить нормально будем?

Саша. А что у вас орало всю ночь?

Игорян. Опять на вы, Саня? В общем, я же из дома только что, сам понимаешь. Уснуть не мог без жены. Понимаешь? Пришлось порнуху включить, чтобы спалось крепче. Ну, на меня так работает.

Саша. А-а, тогда все понятно. Конечно. Какие планы на сегодня? Мы же сегодня заканчиваем, ты так вчера говорил?

Игорян. Саня, погоди, не спеши, все успеем сделать. Я же говорил, что у меня жена, трое детей? Говорил? Вот тебе северную надбавку, коэффициенты платят? Что молчишь? Я не про то. Давай, только проснулись, пойдем, покурим, за жизнь потрем, надо уже нормально начинать.

Саша. Я вообще-то не курю!

Игорян. Давай браги тогда поставим? Я у нас на складе столько дрожжей нашел. Сейчас за брусничкой сгоняем, вообще забубенная брага будет!

Саша. У нас в правилах написано: за алкоголь штраф четырехста тысяч. У тебя есть столько?

Игорян. Х-ха! И что, мы друг друга штрафовать будем? А-а, понял-понял. На тебя не ставить? Тяжелый случай. Пойду тогда, рот прополощу.

Саша. Давай сначала план накидаем. Определимся по работе.

Игорян. Блин, как плохо, что интернета нет, сейчас бы в танки зарубились. Только чтобы без сливов и героических поражений. Да? Ты что, и в танки не играешь? Ты что, киборг?

Саша. Мы хотели обсудить ДЭС.

Игорян. А, может, ты из этих? В баб не переодеваешься? Ха-ха-ха! Да нет, конечно, шучу-шучу. О, чайник закипел. Тебе чай наливать?

Игорян наливает себе чай. Саша молчит.

Игорян. Как хочешь. А ты медведя здесь видал? Я, короче, в прошлый раз на объекте был, нам молния пришла с соседней буровой, с фотографиями. Мужики пошли в лес, грибов подсобрать, а их медведь задрал. Прикинь? О, ништяк, у тебя нормальный такой тушняк есть.

Игорян берет банку тушенки, дергает за кольцо, открывает. Ест. Саша садится на стул, вытирается полотенцем.

Игорян. Один из них ножичком пытался с потапычем справиться, там такой ножик, он им гриб-то не с первого раза резал, а на медведя попер. Чудной. Второй на дерево залез, так мишка его с самой макушки снял, слазил, не поленился. Первого он так объел — м-м, охеренная тушенка — что его только по корочкам сварщика узнали, а второму он ноги до живота схрумкал, и на следующий день оставил, так мужик еще спастись пытался, полз до самого объекта. Чуть-чуть не дополз, околел. Ты точно не будешь? Я тогда доедаю. С чаем вообще нормалек тушеночка, люблю. Я-то, конечно, медведей не боюсь, у меня нюх развит, я животных издалека чувствую. Но если ты медведя встретишь, то меня не зови, сам справляйся. Я ведь все равно скоро уеду. А ты знаешь, что такое медвежья болезнь? Это когда человек срется, короче.

Саша. Так, Игорь, мне надо идти на обход. Я пошел! Потом приду, договорим по дизелю. Надо звонить диспетчеру, отчитаться, и определиться, когда тебе заказывать транспорт.

Игорян. Вот ты, блин, трудоголик, слушай. Никак у нас с тобой разговор не клеится. С тобой даже чай не попить с тушенкой. Ладно, на хер мне все это надо. Стараешься тут мосты наводить. Короче, ты сиди тогда, а я пошел, сейчас проведу диагностику, проверяю все соединения, подвожу итоги, делаю отчет, и все, сваливаю. И ходись оно все конем, вместе с тобой. Доволен? Все, я пошел. Настроение с утра испортил.

С а ш а. Да, подожди, Игорь, давай с самого начала, ты-то с чего завелся?

И г о р я н. Да имел я все в виду, понял? С самого начала.

Игорян быстро надевает сапоги, выскакивает за порог, хлопает дверью. Слышен его крик. Игорян возвращается с белым лицом.

И г о р я н. У тебя возле дверей мышь дохлая!

Закрывает дверь. Уходит.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кухня-прихожая. С а ш а готовит обед. На железном баке стоит противень, в нем, наполовину прикрытый полотенцем, остывает манник. Заходит И г о р я н.

И г о р я н. О, ништяк, духан! Картоху варганишь? И манник спек, что ли? Ничего себе.

С а ш а. Да, решил приготовить, а то ДЭС работает, скоро уже все вроде, а сам говоришь, что так и не посидели. В общем, решил отметить.

И г о р я н. Ну и правильно, посидеть надо. Северный этикет, Саня, это очень важно. Накладывай, я пока сапоги скину да расскажу, что, как. Во-первых, плохая изоляция, потому что шлейф контрольный, кабельный, бракованный был. Я это место нашел, вызвонил. Конечно, ты без цэшки обделался, любовью бы так. В этом месте изоляция содрана с жил, мясом торчит, видимо, когда прокладывали, об острый уголок зацепилось, ну и дернули хорошенько, критично. Естественно, при работе вибрации жила на жилу попадала, замыкала, контактила. Так всегда бывает, лежат две жилы рядом, одно дело вроде делают, а ужиться не могут, искрят, коза между ними бегают. Знаешь, что за коза? Правильно, короткое замыкание. В итоге я это место нашел, а там провода в клубок спаялись, как змеи. Я все сфотографировал. Надо теперь акт писать на изготовителя, пусть разбираются. Вот! А я в контору уже отзвонился, к тебе теперь претензий не осталось.

С а ш а. Это же отлично! Спасибо, Игорь. Ты ешь картошку-то. С мясом. С чесночком. Манник положить?

И г о р я н. Погодь, ты сам давай ешь. А лучше присядь сперва. Так вот, шлейф пришлось выкинуть на хер, напрямую пока подключиться, а вместо него я новый заказал.

Саша. Прекрасно! Дизель ведь работает?

Игорян. Понимаешь, работать-то работает, но его переключать надо периодически, вовремя, обмотки менять, чтобы не сгорело. Ну, и новый шлейф ждуть, чтобы восстановить.

Саша. Ты мне все объяснишь, покажешь, а я тебе позвоню, если что.

Игорян. Понимаешь, можно и так, но у тебя сертификации-то нет, а разъемы придется на месте паять, ну и сам говоришь — не работал на таких агрегатах.

Саша. И что теперь делать?

Игорян. Ну, я и говорю, отзвонился, шлейф заказал, где-то через неделю обещали прислать, так что не переживай, посидим еще вместе, насидимся. Да и то хорошо, заработаю хоть. Так, а теперь ты, кажется, манник предлагал?

Саша. Да, бери сам с противня. Мне выйти надо.

Саша одевается, уходит.

Игорян. Далеко пошел-то?

Саша. Позвонить надо. Срочно.

Игорян. А, ну привет там всем передавай.

Саша пытается закрыть за собой дверь, она открывается, скрипит, он не выдерживает, хлопает со всей силы.

Игорян. Эх, молодежь-молодежь. Всё что-то бегают, нервничают. А манник поездатый! Как на празднике.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Вечерет. Солнце опускает себя за горизонт. Прячется. Саша на крыше вагона разговаривает по телефону.

Саша. Да я-то с ним по-человечески, это он только с дерева слез! Представляешь, я сегодня ночью проснулся, потому что он поленился в туалет идти и в раковину мочился. Да ничего я не подглядываю, слышал просто, журчало. А что ты смеешься-то? Меня уже потрясывать от него начало, глаз дергается! А что сказать? Пожалуйста, не пишите в раковину. Так, что ли? Ногти подстриг, на столе оставил. Трусы постирал, повесил, они на холодильник капают. Хватит ржать. Ну да, надо поговорить, наверное. Тихо, кажется, я что-то слышал. Какая лиса? Не появляется, как этот приехал. Он еще чай когда

пьет, причмокивает так смачно, чма-чма-чма, а когда зевает, у него слюна между губ растягивается. Вот именно, что фу. Ой, подожди, он сюда забирается. Игорь, я тут по телефону говорю.

Игорян забирается по лестнице, встает с другого края, звонит по телефону.

Игорян. Погодь-погодь, Саня, мне срочно надо. Я с этой стороны буду, говори, ты мне не мешаешь.

Саша. Представляешь, он тоже залез разговаривать. Еще не начал, подожди, Наташа, повиси.

Игорян. Алло? Да, я. Здорова, корова! Да, погодь, не ори. Да я ору просто. Пошутил, говорю. Какие есть. Ой, завянь. Как там обстановка? Ага. Да? Ха! Ничего себе. Ага? Ха-ха-ха! А он чего? Так и сказал? Ха-ха! Ну понятно-понятно. Ага! А он? Да не он, а этот. Вот ты тупишь, ёпта. Да? А-а, ну ясенько-понятненько.

Саша. Игорь, а можно я договорю, а потом ты?

Игорян. Да договаривай, конечно. Да я не тебе. Сейчас тебе. А средний? Что он сделал? Ей? Чем-чем? Ты ему скажи, если он еще раз хотя бы ее мизинцем тронет, я его пистолетик водяной ему в сраку засуну. Хотя нет, давай его сюда, сам скажу, ну-ка позови его к телефону. Алло! Привет, засранец! Что ты там натворил? Да мне какая разница, что она? Она мелкая еще, ты старше, понял? Короче, слушай сюда: еще раз ты ее тронешь, я тебе этот водомет в задницу засуну, понял? Вот и молодец. Нормально все у тебя? Четверку принес? Молор! Все, давай. Жму краба. Ну-ка позови-ка ее. Да не ее, что ты тупишь, а? Мелкую позови. Алло? Привет, соплявочка! Да знаю-знаю, обидели. Ну не реви, не реви, успокойся. Ну бывает, водичка попадет, да не реви, говорю. Слышишь? Ну ты тогда ему знаешь что скажи? Если он хоть раз еще так сделает, я ему эту пшикалку в попу засуну. Да. Так и говори. Ну, вот и не реви больше. Вот и хорошо. Мама тебе слона от меня подарила? Понравился. Хорошо! С днем рождения, соплявочка! Кто там еще рядом есть, с кем не говорил? Дед? Ха-ха, а ну позови его. Да, громче кричи, не слышит ни хера.

Саша (*в телефон*). Наташа, тут походу разговор с династией намечается, я тебе тогда позже позвоню. Ну, мешает если. Давай. Пока. И я тебя.

Саша убирает телефон в карман и спускается по лестнице, заходит в дом. Включается прожектор.

Игорян. А-а-а, здорова, черт старый! Ну что, весь дом песком засыпал? Не весь? Ну поактивнее тогда, давай. Что? Да нет, погодь, там Дениска до сих пор с пистолетом бегаешь? Ты ему знаешь, что скажи? Я говорю! Ты! Ему! Денису! Знаешь, что скажи? Е*а, связь прервалась. Скотина такая!

Игорян ходит по крыше, ищет связь, он еще не все сказал.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Саша сидит на кухне, заполняет суточный рапорт. Рядом лежит блокнот и калькулятор, исчерканная бумажка в вязи цифр. В вагончик заваливается Игорян. На ногах не держится, висит на двери.

Игорян. О-о-о, Санек, что-то пишет опять! Ха-ха-ха, про меня, наверное, да?

Саша. Игорь, ты что, выпил где-то?

Игорян. Не-не-не, ты что, Санек, какой выпил? Штраф четыреста тысяч, сам говорил, ты чего?

Саша. Хорошо, я тут работаю просто.

Игорян. Погодь-погодь, а я, прикинь, это, с женой поругался.

Саша. Мне вообще-то на это, ну как бы, мне жаль, Игорь, что так вышло. Бывает.

Игорян. Не-не, не перебивай, ты дослушай. Она на меня гонит, что я типа бухаю, прикинь?

Саша. Значит, все-таки выпил где-то?

Игорян. Саня, погодь, подожди, у меня повод. У меня у младшей сегодня день рождения. Семерочка! В школу скоро. Так что я исключительно по делу сегодня.

Саша. Поздравляю с поводом тогда. Где алкоголь нашел?

Игорян. А-а-а, интересно? Ха-ха, ну ладно. Слушай, будешь часто по вахтам мотаться, пригодится. Это северные прихватки, очень ценно, этот лайфхук. Запоминай, короче. Берешь ополаскиватель для рта. Только, смотри, такой, хороший, на спирту бери. Берешь! Половину оп-оп-оп, отлил, да ты не отвращивайся, я же тебе рассказываю. Половину туда чистоганом спирта заливаешь, все, ерш плещется. И сверху свежую пивную пробку берешь — чпокс — и она как новенькая. И на вертолетке, в аэропорту, на ленте этой, с просветкой, ни одного вопроса. Ополаскиватель, и все, и шпаришь дальше. Правда, лучше две не брать, подозрительно будет, могут в рот заглянуть.

С а ш а. Да, схема круче, чем у мексиканцев.

И г о р я н. А это не самое прикольное. Ха-ха. Самый приколот знаешь в чем? Ха-ха! Конечно, не знаешь. Прикол в том, что ты можешь быть в говно. А дыхание все равно свежак, прикинь? Ха-ха-ха.

Игорян дышит на Сашу, Саша закашливается. Игорян садится рядом.

С а ш а. А со стиральной машинкой ты что наделал?

И г о р я н. А-а, это пока секрет, а ручки-то вот они. Это потом расскажу! Так вот, я сегодня праздновал, ну и выпил, что такого?

С а ш а. Да, это заметно.

И г о р я н. Погодь-погодь, не перебивай. Выпил! У тебя же тоже жена есть? Понимаешь же? Что такого? И ей позвонил. Ну и все ей сказал, как есть, правильно?

С а ш а. Ну, если надо было, то да, правильно.

И г о р я н. Вот, понимаешь. Согласись, я зарабатываю. Кормлю всех я. Я же должен отдыхать, правильно?

С а ш а. Думаю, да.

И г о р я н. Вот! Сечешь. Я же троих детей обеспечиваю, так? Могу я расслабиться, правильно?

С а ш а. Ну да, наверное, все правильно.

И г о р я н. Ну! Я и пошел и все ей прямым текстом сказал, кто она, если меня пилит постоянно.

С а ш а. Ну, точно. Думаю, все правильно!

И г о р я н. И то, что она дура тупая, ей сказал, правильно?

Саша молчит. Игорян молчит.

С а ш а. И что думаешь делать?

И г о р я н. А что тут сделаешь? Допивать надо да идти.

С а ш а. Спать?

И г о р я н. Какой спать? Извиняться пойду.

С а ш а. Первому-то, наверное, лучше не извиняться. Сделай звонок, пусть перезвонит тебе.

И г о р я н. Сама, что ли? Да нет, ты чего? Она столько не выпьет. Ты же тоже женат, на Наташе же тоже. Смотри, я вижу, что ты ей много не говоришь. Вот зря ты так. Хочешь что-то человеку сказать, ну и типа копится это все в тебе, а ты откладываешь, откладываешь, не говоришь ему, живешь с ним под одной крышей, а потом раз — и все. И ничего уже не исправишь, вот так бывает. Так что ты момент, главное, угадай, когда надо все

сказать: не поздно, но уже накопилось этой желчи, этой невозможности бытовой, вот тогда все и вываливай. А потом замяли вместе и дальше живете, и все хорошо. Понял? Ладно, пойдем, намахнешь со мной? Анисовый! Пошли.

Саша. Нет, спасибо, мне еще рапорт надо добивать.

Игорян. Рапорт-заборт, где ты был? На Фонтанке жопу мыл. Слушай, по топливу можешь пока не париться, пока дизелек нормально не работает, расход будет скакать, больше, еще больше, потом меньше чуток, вот так. Мы с тобой потом вместе литраж подобьем, я думаю, все сойдется.

Саша. Да. Надо будет свериться обязательно, потому что у меня чуть-чуть цифры разниться стали. Счетчик и факт.

Игорян. Ладно, фак, пить со мной не хочешь, пойду, еще раз звякну. Может, успокоилась? Спасибо, что поговорили по душам. Не пьешь ты, плохо. Придется другой вариант искать. Я тебе давно хотел сказать. Я же вижу, ты нормальный парень. Ты же на моего старшего похож, понимаешь? Все хорошо, только вот не понимаешь ты сцепки, не строишь фундамента — как работать будешь дальше? Не знаю! Надо тебе мозги немного вправить, леща бы тебе дать разок, может, все и на свои места бы встало. Поймешь, что к чему вообще тут происходит. И как вообще жизнь тут на Севере устроена поймешь. И по-другому бы зажили вообще.

Саша. Игорь, давай без агрессии. Спасибо, конечно, за работу. Хотелось бы самому все освоить.

Игорян. Ну или сам думай, конечно. Только на это у тебя сколько лет уйдет, а? А, без толку. Пойду звонить, моя уже, наверное, на изжоге вся.

Игорян уходит. Саша открывает дверь, смотрит. Проектор освещает большую, полную луну. Саша фотографирует вид. Потом смотрит фотки в телефоне. Фотки со свадьбы.

06.07.19 г. Суточный рапорт.

Старший специалист по обслуживанию и охране оборудования на объекте ГНКП № 7 Средне-Чонского месторождения Александр Михайлович Малохолмов.

Количество персонала на объекте — 2 человека.

Суточный расход топлива — 90 л + 50 л. Заполнение внутреннего бака.

Станция работает в переменных режимах, неисправность контрольного кабельного шлейфа. Требуется замена оборудования. Ожидание.

Светосигнальное оборудование в норме/работает.

Пожелания, требования, жалобы:

~~Требуется разобраться в ситуации е...~~ Отсутствуют.

Конец связи.

Личный дневник Александра Малохолмова. Запись № 6
06.07.19 г.

Я его сегодня видел много, разглядывал, и он ведь совсем не похож на нормального человека. У него подушечки на пальцах увеличенные, как у лягухи или у гуманоида. И голова огромная, но ощущение, что это только для еды сделано. И я, когда его про себя гуманоидом называю, мне смешно становится и легче — психологический прием какой-то. А этот бухой разговор сегодня, как будто в адском угаре оказался.

Это меня расшатало, я надеюсь, у меня не будет таких отношений и такого самомнения. Он сказал, они семнадцать лет в браке, наверное, он много делает, но создать семью и Землю — это же разные вещи. Когда мне пришлось соглашаться с пьяным бредом, и он обозвал свою жену, я почувствовал себя в ловушке. Если бы согласился, он бы разбушевался, а он в три раза больше меня. Считаю, его лучше не провоцировать. Но если бы я стал с ним спорить, сказал, что нельзя так с близкими общаться, он бы подумал, что я на ее стороне, и это было бы еще хуже. Пришлось притвориться другом, но это невыносимо. Я не хочу таким быть. Сегодня я нашел в стиральной машине остатки дрожжей и каких-то ягод, барабан липкий, стираться невозможно. Вот зачем? Часа три отмывал. В бане он разложил детали и фильтры от дизеля, замочил их там в соляре, говорит, пусть сохнут, надо их привести в товарный вид. Какой такой вид? Зачем? Хотел до пня сходить, он за мной в окно следит, иду в баню, он за мной с полотенцем. Зову лису, прибегает он, спрашивает, звал или нет. Невозможно. Бесит. Решил завтра с утра собраться и все ему методично рассказать, от чего меня трясет. По-моему, пора. Есть же хоть какие-то границы, в конце концов. В целом, он ведь не плохой человек, разбирается в своем деле, обеспечивает семью, воспитывает по-своему. Но как можно быть таким беспардонным, таким гуманоидом, я не понимаю.

Еще меня настораживает, что расход топлива сильно скачет, внутренний бак очень быстро расходуется и дизель берет топливо из цистерны, причем забирает суточную норму, больше, а в чем дело, не пойму. Есть обратная линия, и, может, это утечка? Подозрительно. С другой стороны, Игорь успокаивает, он ведь знает наверняка, что такое возможно. Когда закончится ремонт, мы сверим цифры фактического расхода и счетчиков на входе и выходе, возьмем данные с компьютера в дизеле, и все должно сойтись. Тогда вопросов нет. Тогда, может, и не напрягаться? К тому же рапорт я сдаю начальнику, и у него никогда нет вопросов. Значит, все нормально, расход допустимый. Но я же за это отвечаю.

С утра я сказал Игорю, что жизнь замечательная штука, а он мне, что жизнь — это миллион разных штук. Вот так и живем, у каждого свое мнение. Две жилы, а между ними КЗ. Не дай бог быть похожим на его сына.

Завтра захочешь делать зарядку, лучше иди за вагон. Хорошо.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

07.07.19 г. Суточный рапорт.

Старший специалист по обслуживанию и охране оборудования на объекте ГНКП № 7 Средне-Чонского месторождения Александр Михайлович Малохолмов.

Количество персонала на объекте — 2 человека.

Суточный расход топлива — 85 л.

Станция работает в переменных режимах, неисправность контрольного кабельного шлейфа. Требуется замена оборудования. Ожидание.

Вентиляция и обогрев для устранения конденсата в оборудовании периодически выключаются, необходим осмотр и ручное включение.

Конец связи.

Личный дневник Александра Малохолмова. Запись № 7
07.07.19 г.

Проснулся сегодня от того, что гуманоид пилит дрова бензопилой. Пока искал подходящие слова, пока на улицу вышел, он закончил. Говорю: надо рабочие моменты обсудить, и бытовые тоже. — Хорошо, что ты решился, но я не могу, ухожу в лес,

давай вечером. Надо, говорит, бруснику успеть собрать, кедрач попер. Ночью ветер сильный был, если черви не успеют пожрать, то хороший урожай будет. А я ночью ветер не слышал, зато опять в раковине журчало, а потом как будто грузовики ездили. Хотел спросить, а тот испарился. Зато целый день один на объекте. Это лучший день за последнее время. Собрался с мыслями. Подбил расход топлива, и сегодня он оказался минимальным. Я правда не знал, что оборудование при переключении надо ходить и включать вручную, поэтому, возможно, нагрузки было меньше, но это небольшая разница. Теперь понятно. Топливо точно куда-то девается. Если Игорь не путает показания счетчиков, то четыре бочки у нас уже нет. Другой вопрос: куда они делись? Кому они нужны? Рядом никого. Нет, тут, скорее, гуманоид ошибся, когда выписывал данные и заполнял внутренний бак. Надо что-то с этим делать. Я думал, суточный рапорт — это главное для начальства, но уже три дня я передаю разные числа, они сильно разнятся, докладываю то же по спутнику, но на селекторе, на совещаниях, в почте ни одного вопроса. Такое ощущение, что есть человек, пишет что-то и хорошо. Так зачем тогда это все? Сегодня я убрал две строчки из рапорта, никто не заметил. Как к этому относиться? Куда топливо девается? Слишком много вопросов для одного, для простого осветителя. А гуманоида бесполезно спрашивать.

Сегодня не дошел до этого черного пня, показалось, там что-то шевелится, пульсирует, вспомнил рассказ про медведя, подумал, что ничего там такого интересного нет, пошел обед готовить. Все-таки одному спокойнее, сразу режим почувствовал, зарядку сделал, книгу спокойно читал. Думаю разное, никто не отвлекает. Жаль, Тася не показывается. Боится гуманоида. Правильно. Мутный он.

Эсэмэска пришла от мчсников, опять холод будет аномальный, ветер, дождь будет лить, а этот что-то не показывается. Пора бы уже, на улице подвывает. Не заблудился бы там. Но как только вернется, я ему сразу же все выкладываю. А то еще пять с половиной дней это терпеть — не реально. Надо разобраться уже со всем. Не известно еще, когда за ним вертолет прилетит, а мне уже иногда хочется встать и уйти. Игорь говорил, как люди с объекта уходят из-за ерунды какой-нибудь. Странно это! Это что же такое должно произойти, чтобы из тепла и света — туда? Хорошо, Наташа меня поддерживает даже в самые

сложные моменты, хоть и не смешно, но слова находит. Правда, она в последнее время трубки не берет, все аудиосообщения приходят. Вот опять такой гул стоит, как будто вездеходы ездят. Пойти посмотреть, что ли?

Конец записи.

С двумя большими холщовыми мешками в вагончик заходит Игорян. С него капает.

Игорян. Ну и дождятина! О-о-о, Санек! Опять пишет что-то. А я тебе шишку принес. На, держи, хрумкай. Один мешок твой.

Саша. Спасибо, конечно, Игорь, но к тебе разговор есть.

Игорян. Погодь, мешки закинь, я разуюсь, в себя приду, и все оформим, ага?

Саша берет мешки, тащит их в отсек. Игорян открывает дверь.

Игорян. Заходите, мужики.

Входят еще двое. Остальные не помешаются, остаются на крыльце. Капли дождя залетают внутрь вагона. Сапоги в глине. Прожженная болонь рабочей одежды, из которой выглядывает белый синтетический утеплитель. Темные лица заглядывают в дверь. Слышен смех.

Игорян. А я вот, Санек, мужиков привел. Приютить надо бы на пару дней.

Саша возвращается, молчит. Смотрит.

Игорян. Что молчишь? Прикинь, мы бы с тобой в палатках жили? Это же север, мать его, на улице до ноля ночью опускается, а если дождь? Вообще тогда хана, мерзлота. Понимаешь?

Саша молчит.

Игорян. Саня, что молчишь? Вот старший у них, Иваныч! Сам скажи ему тогда.

Иваныч. Александр, здравствуй. Мы с тобой уже виделись, может, я неправильно начал. Не обессудь. Мы тут восемь месяцев мотаемся, но уже работу заканчиваем, через три дня объект сдаем. Закрываем. Устали, как черти. Вот бригадир мой, Серега Рожинцев! Там мужики еще, трое, все нормальные

парни. Работящие. Я не знаю, что тут моросить? Хочешь, мы тебе из своих заплатим?

Саша. Платить мне не надо. Я вас не знаю просто. Надо подумать.

Иваныч. Не, ну, а что тогда сиськи мять?

Игорян. Иваныч, погодь, пылить зачем?

Иваныч. Да я из-за дождя больше, так-то что.

Игорян. Санек, они все равно целый день на работе, мы их с тобой днем и не увидим. Помочь надо. Чисто в положение войти. Ну, типа примерь на себя ситуацию. Понимаешь?

Саша. Эсэмска приходила от МЧС. Видел?

Игорян. Неа. Ну так что?

Саша. В баню надо подкинуть, заглохло там все.

Игорян. О, другой разговор, вот, Саня, молодец. Северный этикет! Мужик, Саня!

Иваныч. Зае*ца! Сделано. А банька нам как раз не помешает! Мы сходим, подкинем. Не переживай, Александр.

Сергеа выходит на крыльцо, говорит остальным.

Сергеа. Так, мужики, сначала банька, потом баиньки, и давайте без х**ни, ясно?

Иваныч выходит. Игорян берет с дверей полотенце.

Игорян. Саня, я тогда тоже в баню сгоняю, замерз, как черт. Ты тогда пока самовар раскочегарь.

Саша. Вообще-то это мое полотенце.

Игорян. А-а! Я думал, местное, с вагоном. Три дня им трусь. Я тогда возьму, постираю его.

Игорян уходит. Саша остается один.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Ночь. Саша вертится в кровати. Прикрывает голову подушкой. Шесть по-разному настроенных носоглоток захрапывают воздух, выпускают его наружу, шлепая губами, снова тянут назад, играют им. Чужая рука свисает с верхнего шкафа, Сашин взгляд притягивает. Дверь на кухню плотно закрыта. Жар капельками пота покрывает грудь. В его половине спит трое. Он — нет. Кто-то еще разговаривает во сне.

Голоса. Уйди-уйди. Иди сюда, сука. Иди сюда. Че? То-то! Что? То-то!

Звуки. Шорохи. Кто-то зашаркал ногами в кухне. В раковине зажурчало. Удовлетворенный выдох. Кто-то собирает сопли в комок, плюет в раковину. Полощет водой. Вода громко бьет струей о металл раковины. Снова шарканье. Включается ночник на верхней полке. Саша зажмуривается. Кто-то спрыгивает сверху, плетется на кухню. Хлопает дверью в прихожей. Теперь журчит под Сашиным окном. Саша шарит рукой в рюкзаке, шуршит наушниками, включает музыку. Снова пробует заснуть.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

В Сашиной половине одна кровать уже пустая. Остальные спят. К ним заходит С е р е г а, пьет чай. Тормозит мужиков с верхних полок. Громко говорит.

С е р е г а. Эй, Гусь, Фара. Давайте подъем, быра. Пора идти, херачить.

Гусь. Ой, е-мое, опять утро, что ли?

Ф а р а. Ага, день сурка. Опять ночью грузовики снились, задрало. Сыплют и сыплют песок. Я ору, а он мне прямо в рот летит. Задрало уже это все.

Гусь. Так задрало, что не поднять задрало? Эй, Серега, так время еще вообще не то. Спать и спать можно. Ты что, блин?

С е р е г а. Что полтора часа? В смысле? Иваныч сказал поднимать, что еще? До работы все равно пешком пилить, машина наелась.

Ф а р а. Вечером же работала, что за нах, Женек? А где Женек?

С е р е г а. Что — где Женек? В смысле? Контуженный сказал, надо что-то рихтануть, я не вникал что, хер пойми, он мычит, не работает. Значит, так и есть. Полночи ковыряется.

Гусь. Все так, Контуженный не станет парашу гнать.

Гусь спрыгивает со шкафа. Серега садится на угол Сашиной кровати.

Гусь. С утра так шишка дымится, хер штаны оденешь на хер! Скорее уже домой. Валиться нормально.

С а ш а. А можно тише разговаривать? Я сплю вообще-то!

Гусь. Слыхали? А? Сорянчик, сударь! Ты что начал-то? Сейчас оденемся, уйдем, спи, сколько хочешь.

Ф а р а. Все равно не спишь.

Гусь. Тише-тише. Мы что, шпионы, что ли?

Сергеа. О, шпионы, а такой знаете? Штирлиц всю ночь топил баню, на утро она утонула.

Смеется. Смеются. Фара спрыгивает. Одевается. Гусь тоже.
Саша в уме считает до ста.

Гусь. Не-не, про Штирлица вот такой есть, Фара, для тебя. Штирлиц выпал с пятого этажа, но чудом зацепился за балкон. После этого. Чудо! Долго болело!

Смеется Гусь. Сергеа смеется. Фара нет. Саша считает вторую сотню.

Сергеа. Чудо, мля! Ха-ха! Фара, так же, как твоя чепуха. Ха-ха-ха! Как она, чепуха-то, зажила?

Фара. Сам сказал на подножке ехать, не влезает в салон. Теперь ржешь! Все время. Нормальный, нет? Штирлиц сидел и драл скамейку. Скамейка оказалась румынским шпионом.

Фара смеется. Остальные нет.

Гусь. Фара, что за скамейка на хер? Что за пидорня?

Гусь кладет термобелье к Саше на кровать. Саша скидывает его на пол.

Гусь. Эй, слышь? Ты что, сука, делаешь? А? На хер ты шмотье скинул? А?

Саша. А ты почему не спросил, положил?

Гусь. Что спросил? Кого?

Сергеа. Так, Гусь, давай тише — или выйдите.

Гусь. Подожди. Что спросил, я спрашиваю, а? Я что-то не понял тебя совсем. Ты что это? Ты? Нет, если бы ты сказал, я бы убрал, понял, б**? На хер ты мое шмотье трогаешь, а? А?

Саша. Так, подождите, давайте с самого начала тогда говорить.

Гусь. А что мне сначала-то? Ты мне вот за это объясни. Что ждать-то? Ты сейчас подождешь у меня, понял? Глаз разминай, сука!

Приходят Иванычи и Игоряны.

Иваныч. Гусь, что за шняга? Ну-ка вышел быстро отсюда. Сергеа, что за шняга? Вы что, совсем долбачи, да? Гусь, сегодня будешь в амбаре под термопленкой спать, понял? Я спрашиваю, понял?

Гусь. Да, понял, понял.

Иваныч. Ну и дал отсюда тогда. Чтобы сегодня КТУ сто процентов от тебя было, понял? Серега, понял? Все стерлись быстро.

Бригада уходит. Фара проходит мимо Иваныча.

Фара. О, Иваныч боевой с утра.

Иваныч. Чепухой не трясй своей.

В домике остались Иваныч, Игорян и Саша.

Игорян. Саня, ты как? Все нормально?

Саша. Да. Нормально.

Саша отворачивается. Закрывается одеялом. Его трясет. Игорян показывает ладонью вперед. Иваныч разводит руками. Игорян показывает большой палец, оттопыривает мизинец, затем двумя пальцами (указательным и средним) несколько раз бьет себе по шее. Иваныч кивает. Повторяет те же самые жесты. Они посмеиваются и кивают друг другу. Тихонько уходят. Саша дрожит.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Кухня-прихожая. Стол сдвинут на середину. На столе 19-литровый пластиковый пузырь с брагой. Заполнено три четверти. По поверхности жидкости пузырится ягодная масса. Сверху на горлышко надета перчатка, надут средний палец, остальные подвязаны. Юмор такой. Одноразовая посуда на столе. Большая сковорода с жареной картошкой и грибами. Миска соленых огурцов. Плошка квашеной капусты. Все добро со склада. За столом в центре сидят Иваныч и Игорян. Сбоку Гусь и Фара, с другого Серега и Женя Контуженный. У него еще все лицо черное от вечного мазута. Саши не хватает.

Игорян. Саня? Сань. Пошли, посидишь с нами?

Молчание.

Гусь. Что вы его зовете? Меня бы так звали.

Иваныч. Цыц, птица! Не мешай.

Серега. Так, Гусь, тебя спрашивали? Лучше бы ты на работе проявлял инаци... иница... Работал бы лучше!

Иваныч. Александр, мы без тебя не начинаем.

Показывает на пузырь. Бригада тут же хватается. Контуженный выхватывает бутылку, мычит. Разливает по стаканам.

Серега. Что ты мычишь? Опять с немойтой рожей за стол сел?

Контуженный. Я мою!

Сергея. Мою. Мою! Лучше надо тереть. Нет, Иваныч, каждый день им по куску мыла выдаю, а он, видишь, мою. Жрешь его, что ли, мыло-то?

Игорян. Саша, ты говорил, что поговорить хочешь? Сам зашкерился там. Пошли, потрещим, что ли? Надо зарыть все эти, между нами.

Иваныч. Томогавки, во б**!

Игорян. Под картошкой с грибами. Ну смотри, если не идешь, значит, мы к тебе идем.

Саша. Не надо. Сейчас приду.

Выходит. Садится. Молчит.

Иваныч. Вот и отлично.

Игорян дает Саше тарелку с картошкой.

Иваныч. Александр, ты поешь давай, а то Игорь Юрьевич говорит, целый день из своей половины не показывал этого, носа!

Саша ест вместе со всеми.

Игорян. Саня, так ты, может, и это, давай намахни с нами, за здоровье?

Иваныч. Александр, за все хорошее, так сказать, чтобы наши отношения рабочие разрешились, так сказать.

Саша. Нет, спасибо, я не буду.

Игорян. Саня, вот ты продолжаешь гнуть? Серьезно? У меня старшой один в один! Да я и сам таким же был.

Иваныч. Да все такими же были. Вот Фара сидит, видишь? В семнадцать лет ко мне пришел, двадцать лет уже пашет. Пришел, чепуху всякую нес. Я не про тот случай, Фара, вообще ничего не соображал, тюфяк, размазня, тормозил постоянно. Сейчас посмотри: это незаменимый работник! Он знаешь, как горизонт чувствует? Телепатически! Так что все такими были.

Саша. Я же сказал, я не буду.

Иваныч. Вот заладил, долдон.

Гусь. А что вы перед ним пляшете? Это кто вообще? Вы что, не видите, что он стограммовый? Сейчас из пробки понюхает — и все, лови джина потом. Перед кем мечете-то?

Иваныч. Гусь, завали похлебник! Игорь Юрьевич, может, вы скажете?

Игорян. Саня, в общем, помнишь, я тебе про северные спайки, про этикет говорил? Вот это тот самый случай. Тут надо, понимаешь? Чисто символически, без фуфла. Выпьем сейчас, все утрясем с тобой. Переговорим. И расход, а?

Иваныч. Да, Александр, расслабимся, все будет ясно. Никто никому потом ничего говорить не будет плохого, да, Гусь?

Гусь. А я-то что? Я только за. Как будто только я моросил.

Саша. Ладно, наливайте. Поговорим.

Иваныч. Вот и зае*ца! За все хорошее.

Наливают всем по полной кружке. Чокаются. Пьют.

Гусь. О, прикольно. Зае*ца — звучит, как блюдо! А подать нам сюда зае*ца!

Смеются.

Серегга. Ага, еще скажи, зае*ец в яблоках!

Смех.

Иваныч. Не-не, зае*ец в собственном соку!

Смех.

Фара. Или зае*ец по-киевски, да?

Никто не смеется.

Иваныч. Фара, давай за столом не будем на сложные политические темы разговаривать.

Гусь. Опять Фара чепуху несет.

Смеются.

Иваныч. Так пьем за простые истины!

Выпивают.

Серегга. А мои сейчас на Байкале отдыхают. Нерпу мне сфоткали. Палите, сейчас видео покажу.

Показывает видео нерпы на берегу озера.

Иваныч. Зачем ты мне, охотнику, живность показываешь? У меня сразу же слюнки потекли.

Фара. Такое озеро засрали.

Гусь. Ты там был, что ли?

Игорян. Я тоже с семьей ездил, красиво, но дорого.

Сергеа. Вода, сука, холодная, пишат. Хорошо моим, путешествуя без меня. Я когда приезжаю, тоже без них гоняю отдыхать.

Иваныч. Так, теперь давайте за красоту!

Контуженный. За-за-за! К-к-к-а-о-у! К-к-к-а-а-эй!

Иваныч. Что он опять городит?

Сергеа. Иваныч, я хер его знает, что он. Он как выпьет, вообще не одупляет.

Контуженный. За-за-за! К-к-к-а-о-у!

Иваныч. Женя, за красоту? Так я так и сказал.

Контуженный. И! За-за-за к-к-к-а-а-эй!

Иваныч. Да, хорошо, выпьем за красоту красеи!

Контуженный. Не-не-не-а!

Пьют. Контуженный вздыхает. Тоже пьет.

Иваныч. Да, Серега, разбудил ты во мне охотника. Помню, в прошлом году, на отдыхе тоже, за Ачинск махнули, там я здоровую лосиху с лосятами завалил. Две машины загрузили мясом. До сих пор едим.

Гусь. А я бэху собираюсь брать. Она две тысячи седьмого, правда, но как с завода до сих пор. С этой заездки заработаю, пойду оформляться и алга. Пешкодралом задрало, не прет уже кантоваться.

Фара. Я дом сделал наполовину. Сайдинг недавно выбирал. Серебристо-красный. Хамелеон будет. Смотри с какой стороны подойдешь, такой и отлив, такой и цвет, интересный такой.

Сергеа. Мои на Байкал, а я в Тай гонял с корешем. И возвращаюсь оттуда, а тут все такое мрачное. А без своих вообще лафа была. Мы с чуваком ходили в бар, так там сидишь, пиво клещешь, а тебе, прикиньте, отсасывают. О-о-о!

Игорян. Старший в этом году школу заканчивает, надо теперь думать, что с колледжем, куда?

Иваныч. Так, давайте по одному, что ли, триндите, звон в ушах стоит. А я это, когда в офис на работу приезжаю, между заездками, типа командировка получается, у меня напротив хата снята, ну я сразу туда, а там уже Натаха ждет, моя Натаха, вторая моя, ну, отшпеваю ее и в офис мотанусь. А она там гнездо вьет, знаешь, все так красиво обставляет. Шикарная баба.

Гусь. А мне говорят, ведро с болтами! Вы что там, все японились, японцы? Это же германец! Из Германии! Бэха!

Игорян. Ему бы русского, русского подтянуть. Мышца дряхлая, по русскому языку. Так через год уже ЕГЭ это дремучее. Придумали тоже. Придется репетитора брать. Опять бабки! Везде они.

Фара. А на крыше флюгер сделал, в виде самосвала. Я же отсыпщик, а не хер с горы. И вот ветер дует, а самосвал крутится. И в этом что-то есть!

Сергеа. И приколы еще в том, что пиво холодненькое пьешь, тебе тут еще приятно делают, а я в это время представляю, как вы горизонт лопатами ровняете. И в этом что-то есть!

Игорян. Всем нужны бабки! Это закон. В лепешку разотрись, а найди! Иначе торба!

Контуженный. М-м-м-да-да.

Иваныч. Да, Женек правильно говорит, давайте, за ровную отсыпку!

Выпивают.

Иваныч. Я вот что думаю: бабу не удержал, значит, не мужик. Не удержал бабу, хер ты государство удержишь. А она-то меня, главное, прямо напротив работы ждет, понимаешь? Фотки мне присылает, фу-у, пожар. И какая может быть работа? Она мне недавно сказала, что, оказывается, замужем, прикиньте? Да и хер с ним, мне вообще насрать. Не, ну нерпу ты, Серега, конечно, зря показал. У меня аж руки зачесались теперь.

Игорян. А я сегодня в лесу лису видел. Она почти ручная оказалась. Первый раз мне такое попало. Увидела меня, главное, как подпрыгнула, смешно. Я ей руку протягиваю, а она подходит. Представляете? Нюхает мне ладонь, носяркой своей мелкой! А я думаю: а вдруг она заразная какая-нибудь? Или бешеная. Как пнул ей под сраку! Она в овраг скатилась кубарем, зафыркала и пошуршала.

Иваныч. П***ишь как дышишь.

Игорян. Я тебе отвечаю.

Иваныч. Где ты ее видел? Завтра с утра пойдем, покажешь? Ты что, мы ее такую зараз словим!

Саша. Нет!

Гусь. Что, ёптать, нет? А?

Иваныч. Не пыли, Гусь. Саша, ты странно молчал, и... Что ты говоришь?

Саша. Я сказал нет! Не надо трогать лису!

Сергея. В смысле не трогать? Ты что угораешь, что ли?

Гусь. Да он походу бессмертный просто.

Игорян. Саня, ты чего?

Саша. Не надо трогать лису! Понимаете? Просто не надо и все! Вы вообще себя слышите? Вы что говорите вообще? Кому? Зачем? Вы в каком мире живете? В мире животных, блин! Какие жилы, какое КЗ? Флюгер-самосвал? Я так не хочу.

Фара. Нажрался походу. Чепуху несет.

Саша. Нуда, я выпил. А кто меня просил? Я не нажрался, понятно? Рассуждаете тут, базарите, а сами? А сами соляру воруете.

Игорян. Санек, Саня, ты что говоришь? Осади. Аккуратнее будь.

Гусь. Кто что ворует? Ему башку пробить, что ли?

Иваныч. Дуло залепил. Александр, ты не совсем прав. Игорь Юрьевич, подскажи.

Игорян. Саня, я уже десять лет работаю, это очень просто делается. Обычное дело. Я тебе расскажу все, это нормально. Как бонус.

Саша. Бонус? Хороший бонус. Да ты как приехал, сразу началось. Бонус? По чуть-чуть, уже четыре бочки, двести литров. Я отвечаю. Это что за бонус?

Игорян. Ты очень сильно округлил, во-первых.

Гусь. Сколько?

Фара. Это сколько в рублях будет?

Иваныч. Серега, скажи ребятам.

Сергея. Так, мужики, вы свое получаете полностью, я вам закрою все, как надо. Остальное — это не ваши границы. Надо понимать.

Гусь. Понял, не претендую.

Фара. Ладно-ладно.

Контуженный. Ме-е-е-й у-е-й.

Игорян. Саша, не было возможности ближе к делу поговорить. Мы все решим. Не горячись. Спокойнее. Сделаем так, что все останется на месте. Спокойнее. Я тебя понял прекрасно. Больше никаких лисиц, как скажешь.

Саша. Да какие лисицы? Не было возможностей? Ты целыми днями вот так вот у моего лица маячишь. Делаешь вид, что помогаешь? А сам солярку сцеживаешь, да? Да ты знаешь, что? У тебя

вообще пальцы, как у лягушки, понял? Ты гуманоид, вот ты кто! Берега? Их у тебя нет!

Игорян. Ну, знаешь... У меня вообще-то сердце больное, поэтому и пальцы такие. А ты сам-то тоже хорош? А? Ты думаешь, я ничего не понял? Да я как приехал, сразу понял, что ты в дизелях ни хера не понимаешь.

Саша. Я осветитель, понятно?

Гусь. Как в церкви, что ли?

Саша. Да пошли вы!

Саша надевает обувь, собирается.

Игорян. Саня, да хорош тебе. Поорали, успокоились. Ты чего? Я же говорю, восемь лет так делаю, все нормально будет. Я же не для себя. Им насрать на нас, они новую привезут. И вообще, не сливаешь — не дизелист! Стой! Слышишь?

Саша уходит.

Иваныч. Да хватит за ним бегать. Попсихует, уйдет. Земля-то круглая! Придет да поговорим.

Гусь. А я говорил вам, что он стограммовый, а вы тупили. Вот вам и держал-держал. Я говорю, она сотку за пять секунд разгоняет. Вот возьму когда, приезжайте, попробуйте.

Иваныч. Давайте, за капризы природы!

Сергеа. Ну ты, Иваныч, завернул!

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вечер. Закат. Солнце опускает себя за горизонт. Если присмотреться, можно увидеть молодые звезды. В окне вагона горит свет. Там играет музыка, кричат, поют, бьются стаканами. Проектор на крыше освещает окрестности. Саша стоит на вагоне. Звонит. Не может дозвониться.

Саша. Алло? Не доступна. Аудиосообщение? Опять?

Слушает сообщение. Наташа говорит выпившим голосом, фоном играет музыка.

Женский голос. Да подожди ты, не лезь ко мне. Привет, милый мой, Саша! Как ты там? Как твоя лиса? Приручил? Меня приручил, значит, и лису сможешь. Подожди-подожди, не лезь ко мне. Я с мужем говорю. Руки! С мужем! Саша, мне так плохо без тебя! Просто на стену лезу! Да Ваня, блин, куда ты полез?

Возвращайся скорее, Саша! Бросай там все и приезжай! Все-все, иду! Саша, мне пора, у нас этот, корпоратив на работе! Пока! Целую! Мой герой!

Саша выключает телефон. Смотрит на луну. Направляет прожектор по сторонам. Находит лучом старый пень. Разбивает прожектор телефоном. Выкидывает его в ночь. Слезает. Идет в сторону огромного черного пня. Смотрит в темноту провала. Трогает кору. Тьма пульсирует. Оттуда руки черные тянутся. То ли обожженные, то ли обмороженные. Хватают Сашу. Он кричит. Зовет Игоря. «Пошапко!» Не слышит никто. Ветка попала Саше в рот, он перестал кричать. Скрылся во тьме провала. Исчез.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ночь. Из вагона выходят люди с фонарями. Темно. Слышно голоса.

И в а н ы ч. Да зачем за ним ходить, до утра вернется. Пошли лучше в ДЭС, еще бочку сделаем.

И г о р ь я н. А ты за него что-то знаешь? С чего ты взял?

И в а н ы ч. Ну он же не дурак, соображает ведь! Пошли!

И г о р ь я н. Са-ша? Ты где?

К о н т у ж е н н ы й. А-а? Ы е-е?

И в а н ы ч. Так-то твой косяк. Ты ему наговорил, не мы.

И г о р ь я н. Ага, пришли, в душу к человеку залезли, а я крайний, да?

И в а н ы ч. И кто это говорит? Ты сам сказал, что дизель за пятнадцать минут починил, а потом просто побалдеть решил.

И г о р ь я н. Да пошел ты!

С е р е г а. Эй, ты кого посылаешь?

Г у с ь. Ты что, прораба нашего послал, а?

К о н т у ж е н н ы й. Э-э-э-эй!

Куча фонарей окружает одного. Роняют. Втаптывают в грязь.

И в а н ы ч. Все, хватит! Игорь Юрьевич, хватит вафлить. Идем. Ищем. И просто говорим, пока он не поймет. Всем понятно? Пошли.

Фонарики расходятся в разные стороны.

Г о л о с а. Эй, Саня? Санек? Сашка? Выходи, хорош угорать! Саня? Сань? Санек! Сашка! Сань! Са-не-е-к? С-с-а-а-я!

08.07.19 г. Суточный рапорт отсутствует.

Конец

*** вырезанная сцена ***

Игорян вылезает из-под ДЭС.

Игорян. Специалист, ёпта!

Игорян вытаскивает из панели два штекера, переключает один на другой. Второй оставляет неподключенным. Нажимает на кнопку сброса аварии. Табло и лампочка загораются зеленым. Дизель готов к работе. Игорян выключает рубильник. Гасит ДЭС. Прячет провода и, насвистывая, снова лезет под днище станции.

Игорян. Как я и думал.

КРАЙ ЗЕМЛИ РУССКОЙ — КОНЕЧНАЯ

Действующие лица

А л е н а, сестра Мити, 23 года и 8, 14, 11, 17 лет.

М а р и н а, вдова, 30 лет.

Б а б а Н ю р а, соседка, пожилая женщина.

М и т я, брат Алены, 15 лет, 21 год, 24 года.

Есть место, где люди живут между морем и морем. Где дома заносит песком по самую крышу. Где на берег вместе с мусором волны выносят янтарь. Где кладбище стоит на дюнах с видом на Балтийский залив. Называется «Край земли русской — поселок Морское». Так написано на единственной в Морском автобусной остановке. Новенькая металлическая табличка: «Добро пожаловать в поселок Морское — край земли русской!» Она встречает тебя, когда ты впервые за пять лет приезжаешь в Морское на дребезжащем пригородном автобусе. На доске объявлений: «Приглашаем на экскурсии по Куршской косе в сопровождении гида...» Пятнадцать одинаковых желтых бумажек.

Кругом заповедная зона. Вдоль дорог растет дикая ежевика, которую можно есть прямо с куста. Узоры на твоих пальцах станут фиолетовыми. Твои губы станут фиолетовыми. Если потеряешься, то рано или поздно выйдешь к морю. Тогда нужно развернуться и идти прямо. Примерно через час выйдешь к Балтийскому заливу. На берегу залива стоит Морское.

Никто не хочет жить на краю земли русской. Поэтому в Морском много «мертвых» домов. Ведьминых домов. С заколоченными окнами и тяжело дышащими собаками, которые лежат в тени у крыльца.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Н. В. Коляды). Публиковалась в электронном литературном журнале «Литтегатура». В 2020 г. пьеса «Край земли русской — конечная» получила Первую премию Международного конкурса драматургов «Евразия». Живет в Екатеринбурге.

В такие дома приезжают раз в год, проверить, сгнил он уже или нет. Такие дома заносит песком, если они стоят у самого берега. Есть особый заливный ветер. Ветер с песком. Он похож на метель. Он хоронит дома.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Алена. Наш дом за пять лет сжался до одной комнаты. В ней собралась вся мебель. Мамин комод, в который нельзя было лазить, — там ящик с ее нижним бельем, лицом к лицу с моим книжным шкафом. За ними диван. За диваном кресла. В углу уличный рукомоЙник и детская кроватка. Наша кроватка: сначала Митина, потом моя. Одна на двоих. Мебель выстраивается в лабиринт. Это была гостиная. Не протолкнуться. Нечем дышать. Мебель покрылась белесыми пятнами. Потускнели зеркала. Протухли шторы. Слой пыли на подоконнике такой плотный, что нужно скрести ее ногтем, чтобы добраться до белой краски. Подоконник теплый и грубый, как свиная кожа.

Алена смотрит на фотографию Мити с траурным крепом. Держит в руках булку хлеба в полиэтиленовом пакете. Марина варит варенье из слив на электроплитке.

Алена. На свадебной фотографии, где Марина обнимает моего брата, где Марина обнимает Митю, она была в платье с коротким рукавом. В жизни руки у нее оказались рыхлыми. Кисти в пигментных пятнах. Французы вроде или итальянцы называют такие пятна «маргаритками смерти». Марина на меня не смотрит.

Марина. Ждала тут тебя. Не уезжала. А ты молчишь.

Алена. Тебя собака облаяла?

Марина. Чего?

Алена. Собака соседская. Когда ты приехала, облаяла она тебя?

Марина. Там нет собаки у соседей.

Алена. Есть, старая такая. Но она как часы. Точная то есть. Своих всех помнит, а на чужих лает.

Марина. Там нет собаки. Алена, давай по-нормальному.

Алена. Я вот... хлеб принесла. Я не знала, что надо, вот, хлеба только.

Мелкой дробью что-то бьется в окно. Это песок. Его приносит ветром. Песок лежит на рамах сугробами. В доме тоже песок, на столе, на полках, на полу. Он сыплется из щелей в полотке, с чердака, чертит на полу ровные линии.

А л е н а. В коридоре провалился пол, даже видно подклеть. Через дыру кто-то досочки перекинул, мостки. Чтобы можно было от входной двери дойти до комнаты, в которой мы. Кто положил досочки: Митя или Марина? Остальные комнаты заперты. Залив за окном такой же, как в детстве. Как будто воду налили в блюдце. А двор высох весь.

Алена смотрит на фотографию.

А л е н а. Я не спрашиваю у Марины про варенье.

М а р и н а. Там у вас слива за домом. Столько слив. Аномально. Прямо падают, прямо в руки. Собрала, а то пропадают, жалко. Варю теперь, пока тебя ждала.

А л е н а. Не слива. Тернослива. Она бесплодная.

М а р и н а. Обычно я сливы через мясорубку пропускаю, чтобы джем делать. Но тут нету. И корицу бы еще, запах чтобы. Но корицы тоже нету. Так что варю как есть. В полевых условиях. Закрутки делаю.

А л е н а. У нас говорят «закатки». «Доедаю мамины закатки, передавай ей поцелуи». Я записываю телефонные разговоры. С пятнадцати лет — никто не знает. Очень боялась, что кто-то узнает. Как-то стыдно, как в раздевалке на пляже подглядывать. Пятьдесят аудиозаписей. Пятьдесят наших разговоров. Митин голос в пятидесяти аудиофайлах на моем телефоне. Сколько позволила карта памяти. Переслушивала их. Тогда. И сейчас. Как маньячка. Слушаю, как Митя улыбается моим именем. «Не плачь, Алешка, до свадьбы заживет». Звал меня Алешкой. Где-то там, на расстоянии шести-семи лет. «Не плачь, Алешка, до свадьбы заживет». После того дня добавилась лишь одна запись. Митя спросонья случайно взял трубку. Две минуты сорок три секунды. Понятно, что решил не говорить со мной. Я бы тоже... После того — не стала бы с собой говорить. Две минуты сорок три. Я знаю запись наизусть.

Алена берет фотографию в руки.

А л е н а. Почему он в военной форме?

Пауза.

М а р и н а. Поставь. Сядь. Зря стойку держишь.

Алена ставит фотографию обратно на стол. Прислоняет к вазе с цветами. Стол большой: на нем уместилась и траурная композиция,

и электроплитка, и десяток закрученных теплых еще банок варенья.

Алена садится на табуретку, продолжает держать хлеб в руках.

Алена. Как-то вышла на залив зимой, а он замерз весь. Никогда не замерзал раньше. А дедок, водитель автобуса, Семеныч, на коньках катается. Снегурки веревками примотал к валенкам и ездит. Все спотыкается, хихикает, вся борода в снегу. Кричал мне: «Пойдем, Аленка, со мной кататься!» Я не пошла. Думала, рехнулся Семеныч от старости. А сейчас на автобусе ехала — там уже какой-то другой водитель.

Марина. Ты на похороны не приехала.

Алена. Нет. Да. Да.

Пауза.

Алена. Я была в рейсе. До Хабаровска.

Марина. Дима говорил, что ты в вагоне-ресторане. Если я правильно не ошибаюсь. Официантка или кто.

Алена. Не прыгать же с поезда.

Марина. Не прыгнула же.

Маринино варенье готово. Она берет стерилизованную банку, медленно переливает в нее из кастрюли густое, сахарное, сливовое.

Закручивает крышку. Алена кладет хлеб на стол.

Марина. Был у меня один немец. Спокойный такой, красавец. Не разглядела сразу, че внутри. А потом как-то приношу ему обед, поставила, спиной повернулась, а он в меня зубами вцепился. Повалил. Запястье прогрыз насквозь. Пятнадцать швов, теперь запястье не гнется. А мог и насмерть. Да. Вот у тебя глаза, как у того немца. Добрые.

Алена. Это у тебя до Мити было?

Марина. Не имею в виду ничего оскорбительного. Так, к слову. Овчарки вообще самые человечные собаки. Полицейский-кинолог должен быть психологом, как у нас говорится. Я раньше в конвое служила, из-за травмы пришлось уйти. Теперь я только с детьми работаю.

Алена. В детской колонии?

Марина. Служебных собак готовлю. На поиск натаскиваю. У меня сейчас сука по наркотикам. «Наркушница», Афродитой зовут. Кавказка. Очень брату твоему она нравилась.

Алена (*поет*). Здесь кончается, здесь кончается, здесь кончается синее море...

М а р и н а. Сколько лет, говоришь, вы с Димой не общались?

А л е н а. Когда мне страшно, я начинаю петь. Непроизвольно. Стыдно так, перед Мариной тоже стыдно. Например, очень боюсь ночевать в перестоях. Когда поезд ночь стоит пустой на станции, в нем должен кто-то дежурить. Проводники это не любят, просят меня. Не бесплатно. Мне подарили железнодорожный фонарь, мощный, как маяк. Но даже с ним страшно идти на обход. Открываешь дверь вагона, сквозняк в спину. Пустые полки. Склеп плацкартного типа. А в конце еще одна дверь и номер вагона на ней: 3, 5, 12, 22... Я иду по вагонам и пою, чтобы было не страшно.

М а р и н а. Что ты поешь?

А л е н а. Ничего. Мне нравятся разное петь, простое. Пою, открываю двери с цифрами... Пустой поезд ночью становится бесконечным. Будешь идти, и будет на дверях: 23, 123, 543, 600, 900, 1000... И без конца. Но я знаю, как спастись. Есть спасение, мой секрет. Я всегда в таких случаях спрашиваю себя: ты идешь к голове или к хвосту? Состав то есть. Это вроде как компас.

М а р и н а. Надо говорить о чем-то. Не молчи. Говори.

А л е н а. Знаешь, что будет, если в движущемся поезде кинуть лом в унитаз?

М а р и н а. Чего?

А л е н а. Если лом короткий, просрешь лом. А если длинный, то он погнется. Но это на больших скоростях, на маленьких я не кидала.

М а р и н а. Зачем кидать лом в унитаз?

А л е н а. В интернете думают, что можно так остановить поезд.

Марина вышагивает по комнате. Берет какие-то вещи с полок, серые от пыли, смотрит, ставит на место. Ударяет ладонью по рыбкам из капельницы, подвешенным к гардине, они раскачиваются — поплыл косяк, заметался. На комодке маленькие бутылочки разных размеров, с этикетками, написанными от руки. В них что-то зернистое, сыпучее, мутное. Марина ковыряет ногтем горлышки, запечатанные сургучом. Алена смотрит в окно. Оборачивается, когда Марина начинает говорить.

М а р и н а. Я тебя чуточку понимаю. Как у нас говорят? «Нет большего праздника, чем ЧП в соседнем подразделении». Если я правильно не ошибаюсь.

Алена (*кричит*). Не трогай, не трогай, не трогай!!! Руки, поставь, убери!

Алена бросается к Марине, бьет ее по рукам, сгребает с полки бутылочки, отбегает с ними в сторону. Она, как ребенка, прижимает пыльные склянки к груди.

Марина. Ты чего? Ты тихо, тихо. Нервная какая. Да чего я сделала?

Алена. Уже ничего, ничего.

Марина. Это сувенирки? Там песок или что?

Алена. Янтарная крошка там, янтарь. Семейный альбом это. Нельзя трогать, нельзя руками.

Марина. Чего?

Алена. Ничего. Нельзя трогать, слышала? Мы собирали... Морем выносит янтарь, мама подписывала этикеткой. Это нельзя трогать, другое трогай, это не трогай, семейный альбом, варенья иди свари еще, свари.

Марина. У тебя нервная болезнь какая-то. Нельзя же так орать. Неприлично для человека так орать.

Неловкая пауза. Алена возвращается к столу, бережно расставляет на нем бутылочки с янтарной крошкой.

Марина. Дом ваш песком заносит. Довожу до сведенья. Каждые полчаса хожу отгребать дверь. Иначе не выйти. Вот сейчас уже надо идти. Ты тоже давай.

Алена. Я тут посижу пока.

Марина выходит из комнаты, слышно, как она переступает по доскам, чтобы выйти на улицу. Алена тихо сидит, пока не становится слышен звук лопаты, вонзающейся в песок. Потом встает и медленно проходит по комнате, огибая кресла, шкафы, тумбы. Каждую вещь, мимо которой она идет, Алена осторожно трогает пальцами. Касается нежно книжных полок и мутных зеркал, как касаются лица спящего, чтобы не разбудить. Возвратившись к столу, Алена смотрит на последнюю закрученную банку со сливовым вареньем. Прислушивается к равномерным движениям лопаты на крыльце, затем отрывает банку. Плюет в нее. Закручивает крышку обратно. Алена убирает со стола плитку, кастрюлю и все, что осталось от приготовления варенья. Хочет убрать и стеклянные бутылочки, стирает пальцами пыль. Замирают пальцы. Садится за стол, вглядывается в этикетки, написанные женской

рукой на полосках тетрадной бумаги. В бутылочках пересыпается глухо мутный мелкий янтарь.

А л е н а. «Алена и Митя, сентябрь 2013»... «Митя и мама, май 97-го»... «Алена и Митя, август 2009, после грозы»... Июнь 2010... Октябрь 99-го... Июль 2000... Хорошие мои... Не плачь, Алешка, до свадьбы заживет... «Сентябрь 2005, День рождения Мити»...

Алена шепчет месяца, имена, уже не отличить, не разобрать.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Воспоминания Алены

Алене 8 лет, Мите 15 лет.

Алена и Митя сидели на берегу залива. Алена опиралась спиной на перевернутую лодку, поджимала у груди колени, загребала ногами песок. Комично смотрелась Митина куртка на узеньких плечах, Алена куталась в нее, как в одеяло. Обнимала брата за ноги. Митя курил, присев на лодку, которая стояла, зарытая в песок, точно в сугроб. Несколько часов назад с дюны, возвышавшейся над этим местом, обрушился большой пласт песка. Песок скрыл под собою лодку, будто не было. Митя ее откопал. Митя курил, Алена обнимала его колени.

М и т я. Плачешь?

А л е н а. Нет.

М и т я. Напугалась?

А л е н а. Нет.

М и т я. Не бойся. Я же тебя нашел.

А л е н а. Оно как схлопнулось — и все!

М и т я. Не плачь, Алешка. Говорил ведь не шарашиться, где песок обваливается? Дурень. *(Помолчал.)* Что под лодкой делала?

А л е н а. В прятки играли! А потом оно... а я не поняла... а оно совсем... а меня не нашли... а я кричала... а не слышно...

М и т я. Часа три просидела? Больше? *(Алена молчит.)* Все время тебя спасать надо. Зимой под лед провалилась. Прошлым летом в колодец. В озеро с мостков осенью. Теперь вот под песком похоронилась. Фантазия у тебя пашет.

А л е н а. Я нечаянная, я нечаянная, я нечаянная...

М и т я. Знаю.

Пауза, молчание.

А л е н а. А они забыли меня искать. А как ты узнал?
М и т я. Чуйкой. Не знаю, Алеша. Просто так. Маме не говори, что я курил.

Алена серьезно кивнула.

А л е н а. А вот знаешь что, а вот я сегодня колокольчик нашла на дороге в луже. Маленький и золотой еще. И в рот даже помещается. Я знаешь что, я его на шею повешу, я если опять упаду или когда если потеряюсь, то я буду звенеть, и ты меня найдешь. Вот.

Алена вытащила из кармана колокольчик, держа его двумя пальчиками, зазвенела им.

М и т я. Как козочка.

Алена вдруг снова заплакала: от страха и от того, что все обошлось.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Слышно, как открывается входная дверь и кто-то заходит, что-то говорит. Причитая и охая, по досочкам пробирается от входной двери через коридор в комнату, где сидит А л е н а. Потом грохот, ругань, голоса становятся громче. Алена не обращает на это внимания, достает сигареты, закуривает.

А л е н а. Подглядела за собой в зеркало, пока Марина не видит. Раньше я вставала перед зеркалом, оттягивала ворот футболки вниз и смотрела на себя. Вот здесь меня кто-то поцелует. И здесь. Тут тоже. И в родинку. В Морском не было мальчиков моего возраста. Я смотрела в зеркало и трогала свою шею. Я их всех ненавидела.

Входят М а р и н а и С о с е д к а. У Марины в руках бутылка самогона.

С о с е д к а. Ну и катакомы у вас, божий ужас. Скотомогильник какой. Во что дом превратили...

А л е н а. Здравсьте, баба Нюра.

С о с е д к а. Явилась, значит. А я тут в подпол провалилась в ваш, в вашу дырищу, прости господи какую, а там вон клад зарыт оказался. (Марине.) Спасибо, хоть подхватила, боевая девка, вытянула меня из катаком, из е*едени вашей, все развалилось уже...

А л е н а. Как ваши ноги, баб Нюр?

Соседка. Пока еще шевелятся, спасибо. Горе-то, девки, у вас какое страшное. И кто знал? Все Митеньку видели, как он приехал. Думали, он только за домом посмотреть. *(Алене.)* Он же приезжал, проверял, не то что ты.

Алена. Я приехала.

Соседка. Мы-то думали, Митенька уехал сразу. А оно вон как. Касатик, бедненький... И чего он в петлю-то полез? *(Алене.)* Я бы поняла еще, если бы ты. *(Марине.)* А вам лопата еще нужна моя? А то вы брали тогда, когда...

Алена. У нас своя есть, спасибо, баб Нюр.

Соседка. Страшный стал ваш дом совсем. Вот не бросила бы ты все, Аленка, может, и не так бы было. *(Марине.)* Она же малолеткой убежала, в семнадцать лет. Мать одну бросила. Поехала на поездах кататься... Знаешь, Аленка, че получится, если долго говорить слово «поезда»?

Алена. У вас все по-прежнему.

Соседка. А Яшка наш к тебе потом еще долго ходил. Помнил, ждал. Потом перестал. Пропал куда-то. Может, егеря пристрелили его...

Алена. Бедный Яшка.

Соседка. А ты бы не курила в доме. Вонь такая. Спалишь еще по старой памяти. Думаешь, не знал никто, что это ты тогда была? Поджигательница. Все знают, что баню тогда ты спалила. И девку, красавицу, Таньку... И нарочно ведь. Извращенка. *(Алене.)* За что про что Митенька умер, это ты все, чумная, все вокруг тебя помирают, ведьма, а ты все поездишь...

Алена. Баба Нюра, а хотите варенья? Марина варенья наварила из слив. Вкусное. Вы возьмите и домой идите, а мы тут сами...

Алена вскакивает, вручает соседке банку варенья с плевком. Баба Нюра продолжает что-то говорить, но Алена не слушает, практически провожает Соседку из комнаты. Поддерживает за руку, помогая перейти по доскам, и закрывает за ней дверь. Возвращается в комнату. Неловкая пауза. Марина ставит на стол бутылку.

Алена. А я видела в детстве, как баба Нюра котят слепых в теплице под помидоры закопала. Живыми. Это как утопить, только на удобрение.

Марина. Она провалилась, а там — это.

Алена. Мама. Припрятала сливянки. Спасибо, мамочка.

М а р и н а. Кто такой Яшка?

А л е н а. Кабанчик. Тут прикармливают, из заповедника. Разливой, что ли. Надеюсь, не отравимся.

М а р и н а. Я не пью.

А л е н а. А я немножко. Вроде как из той же сливы. Она раньше с ума сходила. То тонны слив, то ничего. Потом обесплодила. Подумали, умирает. А она живет. Прямо не верится. Такое дерево уродливое. Сгорбленная, как старуха. А живет. Как баба Ньюра вон.

М а р и н а. Ты правда баню?..

А л е н а. Да врет она все.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Воспоминания Алены

А л е н е 14 лет, М и т я 21 год

Дом в Морском, ванная комната. Митя сидел на бортике эмалированной чугунной ванны. Алена, забравшись в ванну босиком, стояла за его спиной. Она держала в руках жужжащую машинку для стрижки. Свободной рукой она перебирала Митины длинные кудрявые волосы.

М и т я. Алеш, смелее.

А л е н а. Точно?

М и т я. Да точно, точно. Чего боишься, не твои же патлы?

А л е н а. Мама плакать будет.

М и т я. Давай уже, все.

А л е н а. Вдруг я тебе голову порежу.

М и т я. Да это не сложно. Смотри, малая.

Митя забрал у Алены машинку и сам выбрил волосы вдоль виска. Он отдал машинку обратно сестре, и она несмело начала брить ему голову.

А л е н а. Волосы хрустят.

Аленины руки двигались осторожно. Митины волосы осыпались прядями на дно ванны. Алена выключила машинку.

А л е н а. Все.

Митя потрогал бритый череп.

М и т я. Спасибо, Алеш.

Он вышел из ванной, закрыл за собой дверь. Алена села на чугунный бортик. Она подобрала с пола длинную прядь Митиных волос, держала ее во влажной ладони. Из-за двери взволнованный женский голос: кто-то начал ругаться, слов не разобрать, но похоже было, что женщина сдерживает слезы. Голос из-за двери: «Сам? Нет? Алена? Я вас шас обоих прибью!» Алена аккуратно начала вплетать прядь Митиных волос в свои.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Алена и Марина сидят за столом. Алена пьет сливянку из пыльного, плохо протертого бокала. Маринин бокал стоит нетронутый. Между ними булка хлеба.

Алена (*noem*). Ее мальчик далеко, в семи морях... Пьет других девчонок сок, поет им песни...

Марина. Не пой. Не праздник. Не день рождения празднуем.

Алена (*noem*). Ее мальчик далеко...

Марина. Хороший самогон, спасибо вашей матери.

Алена. Марина брезгает пить мамину сливянку — тут ей все чужое. В вагон-ресторан мы покупаем коньяк, называется «Прямо с завода». Пятилитровые пластиковые канистры. Черная крышечка — просто коньяк, синяя крышечка — вишневый коньяк. Триста пятьдесят рублей канистра. По закону нам нельзя продавать ничего крепче пива. В меню коньяка нет, и тебе приходится наливать его на кухне, на коленях на полу. Очень сложно что-то налить в рюмку из пятилитровой канистры. В движущемся поезде. Коньяк надо пить теплым. По эстетике. Канистры у меня стоят под котлом. Марина позвонила мне где-то между «Сосногорском» и «Сивой Маской». Ты позвонила мне где-то между «Сосногорском» и «Сивой Маской».

Марина. Было три часа ночи.

Алена. Значит, после «Сивой Маски». Я не помню, что было потом. Я пила коньяк из канистры, сидя на полу. Поезд трясло. Я не помню, какой была крышечка: синей или черной? Поезд поворачивал, шел по кривой. А мне показалось, что под откос.

Марина. Что такое «Сивая Маска»?

Алена. Это очень, очень, очень далеко.

Пауза.

Марина. Говорить надо. Вот, вспомнила. Я Димку как-то сводила к нам на экзамен. Собачки наши, в подразделении,

сдавали экзамен. Стоял Дима у ограждения — стеснялся. Спросил у меня потом, как собак учат искать наркоту. «Настоящую дают понюхать?» Я его привела к нам в теплушку. Достала эти, имитаторы запаха. Бумажки-комочки такие пахучие. В банках. Спайс, героин, амфетамины. Винт пахнет яблоками. Кокаин — ацетоном. Там еще есть запах оружия, денег. Опиаты пахнут фиалкой. Мы с Димкой сидели и нюхали, как дураки. Он развеселился чего-то. Смешно, смеялся смешно. А еще...

А л е н а. Не надо. Не надо. Не надо.

Пауза. Солнце в окно лезет — блестит рыбий косяк, вспыхивает ярким светом мутная бутылка сливки, розовеет варенье в банках. Видно, как в лучах плавает осыпавшийся с чердака песок. Песок прочерчивает на столе ровную линию — разделяет Алену и Марину, сидящих по разные стороны.

М а р и н а. Пошла бы хоть отучилась. Работу бы тебе не прости-туцкую, а где диплом нужен. Все официантки проститутки, это я точно знаю.

А л е н а. Некоторые даже с дипломами.

М а р и н а. Начинается сразу девиантное поведение, как у нас говорят. Особенно если в закрытом пространстве поезда.

А л е н а. Не то что у вас в колонии.

М а р и н а. Живешь где? Дом у тебя где-то есть?

А л е н а. Не знаю. Последний раз в Мурманске. Потом полгода в поездах. У меня свое купе.

М а р и н а. Купе — это не жилье. Конура какая-то, не жилье.

А л е н а. У меня есть электрический чайник «Тефаль». И постельное с котятками, котятки в клубок играют. Ложки. Под-стаканник РЖДшный. Коллекционный.

М а р и н а. Тебе бы мужика.

Пауза.

А л е н а. К чему снятся висячие родинки? Вот прямо гроздя-ми, как виноград. Вон как у тебя на шее.

Марина запахивает кофту.

А л е н а. Еще мне снятся колготки зимние с начесом. Это я знаю, к чему снятся. Когда первый раз осталась с парнем наедине, он полез рукой под джинсы, а на мне были жуткие коричневые колготки с начесом. В катышках все. Сразу все

про меня понятно стало, как про женщину. Колготки снятся от стыда.

М а р и н а. Мужчины вон все в подштанниках ходят, и ничего. Димку кое-как приучила тоже. Не верил, что отморозит, а потом лечили.

Алена выпивает сливянку, морщится, отрывает кусок хлеба, нюхает.
Молчат.

А л е н а. Маринины руки чем-то похожи мамины. Но не на те, которыми мама мыла мои волосы в детстве. А на те мамины руки, которыми она рубила крапиву в щи. Или терла нашу кошку дегтярным мылом от блох. Маринины руки должны пахнуть дегтярным мылом. Может быть, он так ее и выбрал.

М а р и н а. Любой кинолог всегда психолог. Я знаю, как надо, про всех считываю. И с Димкой сразу поняла. Сразу считала. Вот когда первый раз увидела его. В участке. К товарищу своему, майору, значит, зашла повидаться. С собакой вместе. А там Дима сидел. Весь как на шарнирах. В глазах — желе. Жалко так его вдруг стало. Пустила к нему Афродитку. Я обычно так не делаю, не разрешается. А тут пустила. Жалко стало мальчика. Он ее за ухом потрепал — сразу расслабился слегонца, оживать начал.

А л е н а. Не надо.

М а р и н а. Он потом приручался медленно, но это ничего. Это надо терпение, как у меня. У меня все приручаются.

А л е н а. Не надо, не надо, не надо...

М а р и н а. Да чего не надо? Заладила чего?

А л е н а. Я не знаю, о ком ты рассказываешь.

Пауза. Алена выпивает одним глотком все оставшееся в бокале.
Наливает еще.

А л е н а. Я песок пойду отгребу.

М а р и н а. Сиди.

Алена выпивает, морщится, жует хлеб.

А л е н а. Прости меня, мамочка.

М а р и н а. Не надо много пить. Неприлично.

А л е н а. Не пить — неприлично.

М а р и н а. Дима ведь о тебе не упоминал ничего.

А л е н а. Да.

М а р и н а. Ты ведь что-то натворила.

А л е н а. Да. Да. Да.

Пауза.

А л е н а. Я в детстве боялась темноты. Иногда, если было сильно страшно, ложилась с Митей. Он к стеночке лежал, а я к тумбочке лежала. Мерзли ноги, и я прижимала их, ледяные, к его теплым. Осторожно, только не разбудить. И вот лежим. Он к стеночке, я к тумбочке. Он спал, а я не могла. Боялась, что если усну, придет что-то жуткое и убьет нас. И я представляла, что над нами стеклянный купол. Пока мы под куполом, нечего бояться, ничего с нами не случится. Но спать нельзя. Потому что купол существует, только когда я о нем думаю. Митя спал. А я нас прятала под куполом. А то придет и убьет. Придет и убьет. Придет и убьет... Я представляю себе купол, но он не помогает.

М а р и н а. Странная ты. Но ты говори. Не стесняйся. У тебя накопилось много, на лицо уже лезет.

А л е н а. Мне что-то в голову дало.

Алена встает, проходит по комнате, прячется за мебель. Откуда-то из лабиринта вещей говорит, кричит, чтобы было слышно.

А л е н а. А Митя меня вот на этот шкаф подсаживал. Высоко-о. На руки к нему спрыгивала. Легкая была. «Глиста в скафандре», — мама говорила. Сейчас бы тоже — так, знать бы, что поймает.

М а р и н а (*тихо*). Он бы разве что чертей словил. Хороший мой, мальчик мой...

А л е н а. А ты молчи! Пожалуйста, ты же можешь молчать? Голос у тебя неприятный, как из рекламы. Обнадеживающий!

М а р и н а (*тихо*). Че к чему собачка слохла...

А л е н а. Я сейчас вспомнила, я сейчас плакать буду, ты только молчи, а то я не смогу. Все надо в голове увидеть! Хочу быть подробной. Митя после третьего курса заработал денег, купил себе часы. Какие часы? Черные, красивое что-то, американское... “Montana”, да, часы “Montana”! Только браслет от часов ему был большой, и он стоит на крыльце, курит, и солнце такое невыносимое, и часы ездят по руке, туда-сюда. Опустит сигарету — часы у самых пальцев. Ко рту подносит — часы укатываются под рукав, к локтю укатываются... Вот, ты молчишь, и я все помню...

М а р и н а. Пьяная уже.

А л е н а. И я спрашиваю его: «Ты чего стоишь? как в кино?» Мне сейчас кажется, я это прокричала, издалека откуда-то, а он вопроса не понял даже. Заулыбался! И солнце, солнце сквозь него, солнце, понимаешь, до краев до самых, такое вот солнце...

М а р и н а. Уже нализалась.

А л е н а. Солнце как бы насквозь, понимаешь? Должна бы-ла бы еще заиграть музыка, как в кино, в кино всегда играет музыка, если в таких кадрах, понимаешь...

М а р и н а. Романтика, романтика — там у меня два бантика.

А л е н а. Молчи, молчи, слышишь? А когда он в точку поехал, я случайно узнала, испугалась так, потом обрадовалась — это же настоящая командировка. Не зря же он журфак международный закончил? Целое журналистское — как это? Расследование? Верное слово? Серьезно все. А потом я снова испугалась, потому что целый год в горячей точке, война эта, или что там, как в кино, как в песне, как в кино...

М а р и н а. У журналистов не бывает годовых командировок.

А л е н а. Это же целый год: сколько пуль, осколков зацепить его может за целый год!

М а р и н а. У журналистов не бывает годовых командировок.

Алена выходит обратно к Марине, из-за комодов, шкафов, как из лесу. В руках у нее пластиковый шар.

А л е н а. А лисички взяли спички, к морю синему пошли, море синее сожгли... (Пауза.) А я диаскоп нашла.

М а р и н а. Он в участок гранату пришел сдавать. Дурной, привез, в кармане неделю протаскал. Там наемникам всем гранаты выдают, такие правила. Мальчик мой, бедный, хороший. Она у него на входе в магазин зазвенела.

Молчание.

«Не плачь, Алешка, до свадьбы заживет». «Не плачь, Алешка, до свадьбы заживет». «Не плачь, Алешка, до свадьбы заживет». «Не плачь, Алешка, до свадьбы заживет», «Не плачь, Алешка, до свадьбы заживет»...

А л е н а. А я диаскоп нашла.

Алена берет спички, сигарету. Пытается закурить, ломает спички, на пол бросает. Ветер за окном усиливается, снова бьет в окно песчаная дробь.

Марина. Надо домом заняться. Мыши диван проели. Тряпье все старое запрело. Гадость. На улицу вытащить и сжечь. Вытащить и сжечь. Пол постелить и плесень вывести. Уксусом все натереть. Уксус хорошо от плесени. И можно дальше думать будет. Решать. Но сначала все сжечь. *(Пауза.)* Ты чего вдруг хвост поджала?

Алена. Знаешь что, Марина?

Марина. Что?

Алена. Мне кажется, что сегодня я тебя убью.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Воспоминания Алены

Алене 11 лет

Митин голос. Алеша, добеги до Таньки! Она помыться хотела и гулять идти! Скажи, я ее жду. Ты только покричи ей, бабки у нее дома нету.

Алена сидела на крыльце дома в Морском, плела из капельницы рыбку. Митин голос остановил ее руки. Алена замерла, ничего не ответила.

Митин голос. Алешка, ну, метнись, чего тебе?..

Алена *(шепотом)*. Шел бы сам.

Алена оставила недоделанную рыбку на крыльце, пошла к заливу и дальше по берегу, в сторону Танькиного двора. Алена шла босиком, оставляла плоскостопные следы на песке. Карманы ее были набиты всякими мелочами. Трубки от капельницы, монетки, спички, спелая слива. Алена по дороге подбирала в камушки и бросала их в воду.

Алена. Помыться и гулять идти. *(Бросает камушек.)* Дрянь.

Алена старалась бросить так, чтобы звук получался громкий, чтобы вода расходилась кругами. Алена старалась выбрать камушек побольше.

Алена. Джинсовый сарафан у нее. Дрянь. Целовались вчера при мне. Дрянь. Глаза покрасила. Дрянь. Волосы не секутся. Дрянь. Знаю я, что они там в бане делали. Дрянь. Дрянь. Дрянь.

Алена стояла в чужом дворе. Смотрела, как карабкается огонь по крыше старой бани. Жар ударил в лицо, Алена сощурилась. Огонь выглядывал из окошек, тянулся к деревьям. Алена закашлялась от го-

рячего удушливого смрада, закрыла рот ладошкой. Алена смотрела, как пожар пожирает баню. Где-то лаяла собака. Алена развернулась и медленно пошла обратно к берегу залива. Села в песок. Достала из кармана сливу, держала ее в кулаке. Лопнула слива. Между пальцами Аленкиными капал сладкий сок. Поднимался черный дым.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

М а р и н а ходит с веником по комнате, сметает осыпавшийся с чердака песок. А л е н а сидит за столом, вертит в руках красно-белый шар. В нем есть небольшое окошечко, Алена подносит его к лицу, заглядывает внутрь.

А л е н а. Ди-а-скоп. Окно в прошлое. Гадко как получается. От прошлого, от счастья, только остается в глазочек заглянуть. В ди-а-скопе подсмотреть.

Алена швыряет диаскоп в стену за Мариной спиной,
он разлетается на части.

М а р и н а. Ты че?! А если бы в голову?

А л е н а (*смеется*). Промахнулась.

М а р и н а. Это че было?

А л е н а. Счастье мое было. Убить тебя хотела счастьем моим. (*Пауза.*) Ну, давай. Все, давай по-другому. Наоборот все будем. Расскажи мне, как ты с братом моим жила? Каким кормом собачьим его кормила?

М а р и н а. Солянкой кормила.

А л е н а. Да ты что?

Марина прекращает подметать, присаживается на краешек стола. Ветер за окном швыряется песком об окно, о стены. Марина пристально смотрит на Алену.

М а р и н а. Поставлю ему солянку, он ест на кухне, а мы с Афродитой «Холостяка» на диване смотрим. Но я так, одним ухом смотрю, а другим слушаю, как Дима ест. Как ложка о тарелку. Так тепло сразу.

А л е н а (*щелкает языком*). Да. Любовь.

М а р и н а. Еще он на коленях у меня спал.

А л е н а. Ты не помнишь, где стоит лопата?

М а р и н а. Шли по улице, в центре города, а он меня опрокинул на землю и закрыл собой от грузовика. От мебельного грузовика. Думал, сейчас стрелять будут. Вот он какой стал.

А л е н а. Так ты не помнишь, на улице лопата?

М а р и н а. А тебе зачем?

А л е н а (*смеется*). Так. Просто. Ничего, можно и без лопаты.

М а р и н а. А ты не ревнуй. Ты сама виновата. А Димка, он же когда спокойный, когда выстрелы ему не слышатся, он такой хороший мальчик. Но я же его лечила. Меня в детстве котом Баюном пугали. Кот Баюн по тропкам снежным в терем к девице идет... Сидит, поет, потом сожрет, чудовище. А как выросла, поняла — врали. «Кот Баюн» — мой лучший друг. Сто тридцать рублей в ветаптеке стоит. Это он только называется — «кот». Для собак тоже хорошо подходит, и для всех. «Коррекция поведения», как у нас говорится. Накапал в еду — и сны собачка смотрит, и хорошо. Вот я Афродитке капала, а потом Димке начала. Мне было так его жалко, Митеньку, мальчика моего, он же на коленях, супчик на кухне, ложечкой о стенки, он если «Кота» выпьет — он спокойный, он хороший такой.

Пауза. Алена встает, пододвигает к себе бутылку сливянки.

М а р и н а. А тебе не надо больше пить.

А л е н а (*поет*). Белые розы, белые розы, беззащитны шипы...

Алена берет бутылку за горлышко и разбивает о край стола. В руках у нее остается «розочка» — горлышко с острым краем.

А л е н а. Ну ты и дрянь, конечно. Сучья мать.

М а р и н а. Чего?

А л е н а. Я тебя убью, наверное, сейчас.

М а р и н а. Чего это?

А л е н а. Убью тебя, дрянь такую, убью, не подходи ко мне даже, это ты все, ты, ты, ты, ненавижу, ненавижу, ненавижу!!!

Алена бросается на Марину, но не дотягивается, мешает мебель, стол.

А л е н а. Супчик у нее на кухне, сучья ты мать, а сама успокоительное — в супчик! Митю моего, Митю! Из-за тебя все, все, из-за тебя его нет, он из-за тебя, а ты про супчик!!!

М а р и н а. Ты это прекрати! Я тебя завалить могу! Я в конвое служила! Я приемы знаю!

А л е н а. Наркотой его пичкала, успокоительным кормила?! Хороший мальчик, да, хороший мальчик?! Я тебя искалечу всю сейчас, собаке твоей скормлю, кости твои сварю и дворняжкам раздам, только подойди ко мне, дрянь такая, жена, спасительница, сучья мать!!!

Марина делает шаг навстречу, Алена хватает со стола банку с вареньем, бросает ей под ноги. Разлетается стекло. Липкой жижей растекается у ног сливовое варенье с мякотью и осколками.

М а р и н а. Тихо, тихо, ну?! Я приемы знаю, я рывком тормозить умею, я одной рукой — у меня рывок поставлен — овчарка по воздуху летит два метра!

А л е н а. Жуй жопой песок, жаба жирная! Ты зачем моего Митю, ты зачем, ты зачем?

М а р и н а. Ты меня не зли, знаешь, как собак удавкой усмиряют? На шею петлю и вверх к ушам, корпус зафиксировать ногами! Тебя колотить будет, в штаны наделаешь, так что не бесячь меня, я быстро успокою!

А л е н а. Варенья еще варит, варенья сливовые! Жри сама свое варенье, жри!

М а р и н а. Алена, я сейчас не отвечаю, Алеша, успокойся, последнее китайское!

А л е н а. Не называй так, не называй!

У Алены в руках бутылочка с янтарем — семейный альбом.

А л е н а. Мой Митя, мой, тебе нельзя, это мое, мое, мое все!!!

Разлетается стекло, янтарная крошка. Марина перехватывает Алены руки, выкручивает, падает на пол «розочка». Марина Алену к себе притягивает, горло ее прижимает, все умелыми движениями, выверенными. Держит, давит на горло.

М а р и н а. Вот так вот. Вот и славно. Вот и тише. Ничего я тебе не сделаю, ничего не сделаю. Что ж делать с тобой? Что с тобой делать?

Алена неистово вырывается.

М а р и н а. Ты зачем так? Ты зачем так себя? Ты зачем? Нас знаешь каким вещам в конвое учили? Хотела бы, давно бы уложила тебя. А так я ничего не сделаю. Успокаивайся. Что мне делать с тобой, родная моя, хорошая? Не бойся, хорошо все будет, ты не бойся. Чуть-чуть надавила, и все, и не страшно, и не больно,

ничего и не случится. *(Алена дергается все меньше.)* Вот так. Тише, хорошая моя девочка, родная, тише. Что делать-то с тобой? Зачем же ты? Ты зачем так? Успокаиваешься? Родная моя, успокаиваешься? Вот и славно, вот и умница, хорошая моя девочка, я тебя сейчас отпущу, хорошо? Добро? Отпускаю?

Марина отпускает Алену, та медленно оседает на пол. Молчание. Марина присаживается на корточки возле Алены. Обе дышат тяжело, боязливо так дышат. Алена проводит рукой по липкой луже из варенья, осколков, янтаря и песка, вылавливает из нее этикетку, маминой рукой написанную. Вдруг подскакивает, начинает руками шарить, выбирать из лужи янтарь.

Алена. Нет... Да как же? Да как же это? Простите меня. Простите меня. Прости меня, Митенька, прости меня...

Марина. Оставь, не надо.

Алена *(плачет, собирает янтарь)*. Да как же?

Марина. Оставь, вставай, не надо.

Алена. Прости меня.

Марина. Простила уже, простила. Вставай давай, горе, дурная совсем, вставай.

Алена. Нет, не трогай, отойди, пожалуйста, не трогай... *(Шепотом.)* Не плачь, Алеша, до свадьбы заживет. Не плачь, Алеша, до свадьбы заживет. Не плачь, Алеша...

Марина. Ты что такое говоришь?

Алена. Ничего, ничего, ничего.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Воспоминания Алены

Алене 17 лет, Мите 24 года

Крыльцо дома в Морском. Солнце закатное августовское облака вспарывало. Алена и Митя сидели на ступеньках, играли в дурака. Алена ела сливы из цинкового ведра, стоявшего между ними.

Алена. Тасуй ты, я плохо умею.

Митя перетасовал карты. Алена следила за его руками. Укусила сливу, вытерла пальцы о сарафан. Митя сдал карты.

Митя. Черви — козырь. Какая у тебя самая маленькая? Ходи.

Алена выложила шестерку. Митя срезал ее карту.

Митя. Я послезавтра поеду уже.

А л е н а. Ты говорил, через неделю только. Потом когда?

М и т я. Не знаю. Зимой.

А л е н а. Опять друзей притащишь?

Алена срезала Митину карту.

М и т я. Смешная ты, Алешка. Куда мою куртку осеннюю дела?

А л е н а. Там молния сломалась все равно.

М и т я (*смеется*). Себе забрала, значит? А мне в чем ходить?

А л е н а. Ходи.

Помолчали.

А л е н а. А ко мне Сашка приставал. Которые через три дома живут. Облапал.

М и т я. Разобраться?

А л е н а. Да. Нет. Все равно. Сама уже. А у него все руки в цыпках.

М и т я. Сломать ему их?

А л е н а (*улыбается*). Не надо. Руки в цыпках и прыщи. Съешь сливу, сладкие. А еще Киса умерла, забыла рассказать. Собаки задрали или кто. Такие дела. Почему мы назвали кошку Кисой? Похоронила ее на пляже в коробке из-под твоих кроссовок. (*Пауза.*) Может, ты попозже поедешь?

М и т я. Нет, малая, не могу.

Продолжили играть молча.

М и т я. Надулась, что ли?

А л е н а. Я думаю, чем бить.

Алена срезала Митину карту, он подкинул еще одну, последнюю.

А л е н а. Ты опять выиграл.

М и т я. Судьба, Алешка.

Алена наклонилась вперед и поцеловала Митю в губы. Долго, отчаянно. Рукой она нечаянно задела ведро, оно опрокинулось на бок. Сливы посыпались в траву возле крыльца, раскатились. Митя взял Алену за плечи, отодвинул от себя, оторвал. Затем собрал во рту слюну и плюнул ей в губы. Митя встал и ушел, хлопнула дверь. Алена закусил губу. Наступила ногой на сливу, лежащую на ступеньках. Поднялась, шатаясь, и стала давить ногами сливы в траве, как давят винный виноград женщины, живущие далеко от края земли русской. И прорывавшиеся через мякоть косточки впивались ее в голые пятки,

и ранили их. Остры косточки терносливы. И смешивалась кровь ее ног со сладким красным соком из слив, и с землей смешивалась.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Ветер за окном стал глуше, все звуки стали тихими. Алена сидит на полу, внимательно, по крупичкам выбирает янтарь. Марина подбирает диаскоп, пытается собрать его обратно. Заглядывает внутрь — разбилось стеклышко.

Марина. Я ведь тебе и всечь могла. Наговорила ты всякого, я легко могла. Меня нельзя злить, я радикальная. Я стерженею. И чего отпустила? Пожалела, не смогла. Ты маленькая такая, тебе сколько лет? Двадцать? Двадцать два? А мне тридцать, но как будто уже старая. Ты мне кажешься маленькой такой, ручки-ножки тонкие. Дима тоже такой, вроде страшно, что у него там в голове, а голова бритая и уши торчат — мальчик совсем. Глупый мой, хороший мой мальчик. У меня болезнь нерас-траченной заботы, хочется, чтобы под крылышком у меня все время кто-то. То ли собаки на мне так сказались, то ли правда старость? Вот был Дима у меня под крылышком, мальчик... Как мне обидно, что я никогда в таком доме не жила. Чтобы море бурчит, чтобы слива плодоносит. Или залив — это не море? Все равно красиво как-то, благородно. В детстве около лужи раскладывала камни, щепки и играла, что я живу у моря. А здесь совсем настоящее. Счастливые. Рухнет все. Может, прямо сейчас над нами и рухнет. Песком сваи сгноит. Скотомогильник, правильно. Я приехала — дверь не видно, курган целый нанесло. Два часа с лопатой потела, молилась, чтобы пусто в доме оказалось. Хотя понятно же все. *(Пауза.)* Ну, чего ты там плачешь? Не надо, не плачь. Вот у меня Афродита, собачка моя, доченька, гости придут — ее надо на лоджии закрывать. А она там сидит, плачет. И мне так жалко ее. Больше гостей не зову. Митя один раз плакал во сне, потом не помнил утром. Не могу слушать, если плачут. В конвое служила, а если плачут — не могу. Ты не плачь, не надо. Что там было, в диаскопе? Ты, Дима?

Алена *(поет)*. Не плачь девчонка, пройдут дожди, солдат вернется, ты только жди... Не сжигала я баню. Она сама. Я нечаянная...

Марина. Это как — сама? Сама загорелась?

А л е н а. Я пришла, а там горит уже, я испугалась, я же знала, что там Танька, подумала почему-то, что все само потушится, или что она убежала уже. Чего я не заорала? Что я не орала? Сидела и думала: хоть бы бабка Танькина вернулась, хоть бы бабка вернулась. Противная эта Танька, думала, ненавижу, а сейчас так люблю отчего-то, отчего я ее люблю? А вдруг она придет сейчас? В джинсовом сарафане? Я же нечаянная, я же не поджигала, просто всегда со мной такое, чумная, тифозная, сибирская язва...

М а р и н а. Не плачь, не надо. Ты невезучая просто, случайный случай всё, не плачь.

А л е н а. Митя поверил мне, заступился за меня, сказал всем, что не я. А они, сучьи дети, до сих пор еще, делать им нечего... Он зачем — на войну?

М а р и н а. Тише, не плачь, не надо. Ко мне сюда двинься, там стекло. Вот так, вот и славно.

А л е н а. Куда иду, к голове или к хвосту, к голове или к хвосту... (*Мотаёт головой.*) Не знаю, нет, не помогает. Как ты сказала, случайный случай?

М а р и н а. Да, случайный, да. Невезение просто.

А л е н а. Дрянь все. Лом в унитазе все. Поезд задерживается на станции, слышишь, и из каждого вагона проводники выбрасывают флажки, красные флажки. Машинист смотрит — флажки, и поезд не отправляется, поняла, слышишь? А потом флажки меняют на желтые, это значит «посадка окончена», это значит — дальше... Вот у меня в жизни тоже кто-то выбросил эти красные флажки, и все... А я все жду, когда уже будут желтые, когда будут желтые, а они уже никогда, никогда, никогда не будут. Потому что Митя... Не плачь, Алешка, до свадьбы заживет... Теперь кончилось все, да? Красные флажки?.. Нет, нет, нет, нет, я счастливая, я самая на свете счастливая, у меня потому что любовь была, нежность. А такое не кончается. Такое словами не говорится, слышишь, такое не умирает. Крестик, крестик он носил на шее, и вот снимает он футболку — в залив идти купаться, слышишь — и крестик ложится на спину ему, на правую лопатку ложится, и нежность такая, нежность, что горло тебе сургучом запечатали, что ты весь молока полный. А мне ничего не нужно было, слышишь? Даже трогать, прикасаться даже, я же только один раз, тифозная, чумная... Но у меня любовь была, значит, я счастливая, с ним моя любовь осталась, не закончи-

лась. Не плачь, Алешка, до свадьбы заживет! Я самая счастливая, и солнце через край, и сливы, и залив, и пусть все горят в аду...

Марина (*плачет*). Счастливая, правильно... Сиди, со мной сиди. Счастливая самая, знаю, знаю, ты только не плачь, ты зачем плачешь? Крестик, да, был крестик, знаю. Значит, тоже, да? Я самая счастливая? Так ты говоришь?

Алена. Да. Ты тоже. (*Пауза.*) Темно так стало. Тебе темно? Темно тебе, нет? Открой окно, пожалуйста, слышишь, открой окно, а то мне кажется, что придет и убьет сейчас, кот Баюн твой или кто, придет и убьет сейчас, придет и убьет...

Марина. Открою, сейчас. Горе ты, открою я сейчас.

Марина встает, пытается открыть окно. Но за окном уже нет залива, пустого двора, сгорбленной сливы. За ним слепота.

Марина. Не поняла... Это чего?

Алена. Открывай окно, пожалуйста, слышишь?

Марина. Слышу. Не могу. Не получается.

Алена. Не открывается? Не открывается, да, нет?

Марина молчит, смотрит в слепое окно.

Марина. Песок. Занесло нас.

Марина отходит от окна.

Алена. Занесло? Засыпало? Адвери? Занесло? Всё, да? Всё? Ты чего молчишь? Всё?

Марина. Тише, успокойся, тише, не кричи.

Марина присаживается обратно на пол к Алене.

Алена. Надо стекло выбить, надо разгребать. Песок этот, везде песок, он почему такой страшный? И в волосах песок, слышишь, да, видишь, у меня и у тебя? Убери, убери эту гадость, я не хочу. Надо выбить стекло, надо разгребать. (*Резко успокаившись.*) Похоронились мы с тобой здесь, да?

Марина. Нет, тише.

Алена. А мне кажется, сейчас точно придет и убьет.

Марина. Нет, нет, слушай. Молчи, не бойся. На колени ко мне ложись и лежи, вот так, ложись и лежи. (*Укладывает Аленину голову к себе на колени.*) Лежать, глаза закрыть, и слушай. Меня слушай. Никто не придет и не убьет, глупая, хорошая... Будешь лежать вот так, будешь спать. А над нами — купол.

Я буду про купол думать, а ты будешь спать. И нечего бояться, глупая. Никто нас не тронет. Под куполом нас никто не тронет, поняла? А завтра проснешься, и будет другая жизнь, правильная, счастливая. И никто не уедет, мы будем жить здесь. И будет солнце, сливы и залив...

А л е н а. А Митя?

М а р и н а. И Митя будет, да, да, да. Будем жить здесь, под куполом, и будет солнце через край. Ты только спи.

А л е н а. А ты про купол будешь думать?

М а р и н а. Буду.

Алена лежит у Марины на коленях, и укрывает их стеклянный купол. Дом медленно заносит песком. К утру его занесет по самую крышу.

Конец

ПОЭЗИЯ, ПРОЗА

***

Под утро с ручкой в зубах
Ясно становится, почему
Поэты любят вино
И пить перестают.

***

Мраморный снег
Под стерильным небом
Дым пахнет ладаном
Здесь я учусь ходить
Заново

***

Солнце садится
И я вместе с ним
На ветке синица
Спокойно сидит

Покажись мне птица
Подскажи как надо жить
Ты же к небу ближе

***

Ночь.
Как и все прошлые точь-в-точь.
Синий свет гонит сон прочь.
Мошка плавать в нем хочет
Или чтоб я закончил.

---

* Студент ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Ю. В. Казарина, 2 курс). Живет и работает в Екатеринбурге.

***

Осторожно живу
Между миров двух
Миром живых и вечным
Откуда пришли мы
И так вернуться спешим

***

Под грязным небом
Спрятались тени.
От страха
Дрожат деревья.
И одним махом
Капли воды мажет
По стенам пятиэтажек.
Гремит окно,
Чернеет небо —
Светлеет кровь.

***

Шелковый свет
И матовый воздух
Бархатна тень
И так близко звезды

Крадется на ощупь
Бледное тело
Лимонным бельмом
меня ласково греет

***

И все-таки иногда
Я говорю слишком мало
Когда например
Вел себя слишком упрямо
Когда я лицом
Уже был почти алый
Когда в холода
Обходились без одеяла
Когда твоя голова
Мне на плечо упала

***

Словно еду вперед спиной
А за окном все та же метель
Все так же стоит стеной

Устало зашипит дверь
И свежий воздух ворвется стрелой
Разрезав бензиновый хмель
Снова, кажется, задремал
И не помню уже давно
Какой это по счету день
Какой это по счету круг.

Автобус трещит как камин
Теплый свет создает уют
И я снова носом клюю
Надеюсь еще проснусь

***

Даже в такие моменты немного
Слова пахнут ложью.
Мне достаточно и молчания
Одного взгляда пусть и случайного.
Увижу по глазам — можно.
Сумерки... Дождик...

***

А может быть, вот это жизнь:
Сидеть, молчать, жевать травинку,
Съесть не все, а половинку,
Задуманного не начать?
Не сделать самых важных дел:
Строки с пометкой «непрерывно»,
Ведь с точки зрения Вселенной
Мы все, как камешки в воде.
Как маленькие пузырьки
В густом течении реки.

***

Пахнет влажной и теплой травой,
Я взбираюсь на спину Горе
Незнакомой, но верной тропой,
Приоткрывшейся мне в октябре.

Отсыревшие шляпки грибов,
Отзвеневшие сабли травы...
У меня недостаточно слов —
Я еще с этим местом на «вы».

У меня недостаточно слов,
Но зато предостаточно дней.
Из прозрачных, как сон, облаков
Дождь идет на свиданье ко мне.

***

Обнимая сосну на высокой горе,
Забываешь о том, что стоишь в октябре,
Что в такой-то стране и в поселке таком,
И что кто-то с тобой в этом мире знаком.

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Екатеринбурге.

Ветер дует сквозь вас, сквозь тебя и сосну,
Вереницы минут превратились в одну
Вековую минуту. Она никогда
Не окончит свой круг, и слились города
В мутно-серый туман где-то в самом низу,
И сосна бесконечно роняет слезу,
И слеза, замирая на теплой коре,
Напоследок напомнила — ты в октябре.

***

Бывает, приходят коровы,
Молочные пятна на свитере ночи оставив,
Проходят, как время,
Сквозь двор и сквозь сон,
Неприменно разбудят собаку
И двинутся дальше.

Бывает, что кони,
Они и сильнее, и звонче,
Они напоследок, как правило, сносят забор,
Разбудят собаку и тоже в траве растворятся.

Бывает, что мышь из-под печки пытается выйти,
Но я заложила все щели —
Она безутешно
Скребется. Потом исчезает.

Под утро я слышу шаги,
Это ветер тревожит
Листву, иногда он уронит ведро,
Разбудит собаку и стихнет в ползущем тумане.
Он тоже из тех, кто приходит ко мне постоянно.

Но ты не приходишь.

***

Печаль пришла издалека.
Она настолько велика,
Что ей причина не нужна,
Разлита в воздухе она.

А я дышала... Если б знать!
И если б можно не дышать,
Но я всей грудью приняла
Ее в себя. И как смола

Вдруг замирает на ветру,
Так в скорости и я замру
В прожилках мировой коры,
Печаль ловка — мне нечем крыть.

Замру и буду наблюдать
За временем, идущим вспять.
Оно все смыслы и дела
Смахнет, как листья со стола.

Пути замесит в листопад,
На свой переиначит лад
И, не вернув дорогу мне,
Велит остаться в стороне.

***

Сосна-сосна, когда ты умерла?
И было ли тебе тревожно, страшно,
Хотя бы на мгновение?
Навряд ли.

Вот ты стоишь на краешке скалы
И тянешь в пустоту сухие ветки,
Но рядом не смущается никто
Твоим соседством.

Однажды ты, конечно, упадешь,
Но я, возможно, упаду чуть раньше.
И вздрогнет окружение мое.

А как бы мне хотелось, как и ты,
Исчезнуть, никого не потревожив.

***

Шумит река, а может это
Шумит воспоминанье лета
Внутри меня. А что река?

Она застыла — утекать
Сегодня выпало не ей,
А мне, и северных морей
Ей не увидеть, но она
Нимало не огорчена.
Стоит и ждет, пока меня
Теченьем вымоет из дня.

***

Как хорошо, и не с кем поделиться!
Мне кажется, я разорвусь на сотню,
На тысячу цветных манящих камушков.

Так вот чем был усыпан этот берег —
сердцами, не сдержавшими восторга.

***

Река и та непостоянна
В своем течении, так что же
Нам друг от друга ждать?

***

И каждый раз прощаюсь навсегда
С рекой, с ущельем, с добрым человеком,
С бродячей кошкой, с тусклым фонарем,
Чей силуэт мне хочется запомнить.

Уж больно переменчива дорога,
и слишком невозвратен поворот,
чтоб говорить всерьез о новых встречах.

Один лишь ветер, нервно-постоянен,
Всегда со мной,
Мой брат,
Мой буйный спутник,
В уме ли, в сердце, в спутанных ветвях
Березы придорожной,
Он-то знает,
Что верность и предательство близки
И вечно падают одна в другое.

***

Друг мой, художник, я рада идти по твоим стопам.
Твоими тропами этот мир пропускать в себя.
Я знаю, что ты там, далеко, так же, как я,
В вечном пути, и тропы мои в тебе глубоко.
Друг мой, художник, ты знаешь, вокруг столько любви,
Что мне иногда не хватает воздуха или сил
Вдохнуть глубоко, потому прошу, когда ты идешь
По тихой дороге, и ветер с тобой, дыши за двоих.

А я не останусь в долгу, я утром спущусь к реке
И за двоих освежу лицо ледяной водой,
И окунусь в два раза глубже, а встретив дно,
Я за двоих поднимусь со дна и отправлюсь в путь.

Вечерняя песенка

Нет на свете уголка
Для такого дурака,
Сколько в поле не ходи,
Возвращаешься один.

Для укромных уголков
Слишком сердце велико,
И не лезет простота
Ни в какие ворота.

Ляжешь в поле — посвистишь,
Всех забудешь, все простишь,
А подымешься, и вновь —
Безответная любовь
К каждой травке и цветку
Ранит сердце дураку.

Колыбельная норд-норд-вест

А закончится, как всегда,
Отступлением в города,
Закреплением лиц и мест
Под танцующий норд-норд-вест.

Танец сумрачен и суров,
Но когда у тебя есть кров,
Теплый свитер и капюшон,

Ты им искренне восхищен.
Смотришь в сумерки из окна:
Убывающая луна,
На плече не рюкзак — рука,
Убывающая тоска
По дороге и смене мест.
Колыбельная норд-норд-вест.

***

Количество печали
О своей одинокости
Так же конечно,
Как и прочие вещи.
Дождит. Холодает. Становится легче.

Все меньше и меньше
О встречных, ушедших.
Все больше о большем.

О тихом, всегда возвращаем к сути.
О том, что стоит за
Спиной, разговором, молчанием,
Взглядом глаза в глаза.

Ветер сегодня южный.
Ветер, всю ночь шумевший на чердаке,
Утром ушел один.

***

Эти мысли засунь ты себе под кровать,
Ведь чему не бывать — не бывать.
В ящик спрячь, а еще лучше — выброси.
Утомили меня твои вымыслы.
Успокойся уже и не будь, как дитя,
Ты же знаешь, что есть у тебя только я.
И так было всегда, и так будет.
Разве жить этим правилом — мудро?
Стать внутри как большая стена,
Нелюбимой побыть, никого не любя,
Не смотря лишний раз человеку в глаза,
И не взвешивать тщательно против и за.
Уж погоды у черного моря не ждать.
Эти мысли засунь ты себе под кровать.

Разрисуй ими стены,
Обои порви.
Напиши на бумаге,
Бумагу сожги.
Выстрой замок песчаный,
Что смоем волной,
Сделай сто восклицаний
Под силой хмельной.
И пойми наконец, все ж не будешь одна,
Хоть сама себе враг и сама госпожа.
Разыщи лишь заботу и дружбу,
Остальное не так уж и нужно.

***

И вчерашний мальчик вновь не смотрит
На меня покорными глазами.
Спросишь:
— Неужели разлюбил?
— Первую любовь не забывают.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Ю. В. Казарина). Живет и работает в Томске.

Небо тогда льдами швырануло
Накануне наших откровений.
Хорошо, что мы с тобою верим
В мертвость пятилетнего июля.

***

Тысяча смогу
С приставкой ли.
Мне знак наверняка
Никто не дал.
В траве лежу,
Отбросив жабры,
Пока без легких,
Глядя в потолок.
Оставила поток —
Теперь засомневалась,
Что будет хорошо.
А дальше что?

***

Становится темнее и темнее,
Луна трясется в неизбежности затмения.
По голове стучат остервенело бесы,
И тянет безысходностью завеса.
От этой ночи никуда не деться.

***

Руки твои, словно ветер,
Не дотянуться, не ухватить.
Только лишь жить,
Только лишь жить,
Жить, догорая до пепла.

***

Как страшно ток течет по телу,
Как изнывает кусок мяса в ребрах.
Оно давно не отпускало кровь так смело,
И я давно не совершала промах.

Как страшно мне спускать барьеры
Навстречу новому, слепящему, заразному,
Но как бы мне хотелось, чтоб я верила,
Что это чувство не болезненное, не опасное.

***

Поливаю кактусы —
Ты растишь щетину.
Подобрал на улице
Миленькую псину.

Кактус дал цветение —
Псинка дала лапу.
Нам с тобою весело,
Познакомил с мамой.

Уколол колючками,
Похвалил бутоны,
Нам весьма уютно
В этом старом доме.

Говорит волна волне

Говорит волна волне:
— Полежим на валуне,
Поволнуемся, сначала
Вспеним море у причала.

А когда взойдет Луна,
Приплывут с морского дна
Златовласые русалки.
Вместе поиграем в салки.

Говорит волне волна,
Убегая с валуна:
— Вижу яхты, вижу бухты.
С ними поиграем!
— Ух ты!

Сева и сто Поля

Семенит за мамой Сева:
— Поля — справа. Поля — слева.
Поля в шляпе, без пальто...
Не одна, а целых сто!
Сева спрятался за тополь.
Страшно ездить в Севастополь...

Пойдем на верблюде кататься

— Пойдем на верблюде кататься.
— А вдруг он начнет плеваться,
Рожи корчить прохожим?
Слезть мы с него не сможем...

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Родилась в Краснотурыньске, окончила химико-технологический факультет УПИ (УрФУ). Автор книг «Замысел», «Око в окно». Печаталась в журнале «Урал». Живет и работает в Екатеринбурге.

— А мы с собой папу кататься возьмем,
Соседского папу с солдатским ремнем.
Покажет верблюду пряжку...
— Не жалко тебе бедняжку?

— Без папы я все улажу.
Я просто верблюда поглажу.
Он тут же исправится, скажет: «Прости.
Я буду себя хорошо вести».

Светофор недомогает

Светофор недомогает.
Желтый свет на нем мигает.
Шум. Гудят автомобили.
Весь район перебудили.

Ехать первым хочет каждый.
Говорит, он самый важный,
Самый нужный груз везет.

— Мой кирпич строитель ждет! —
Грузовик мигнул фургону.
— Тянут кирпичи на тонну!

Возмутился самосвал:
— Я везу две тонны шпал!
— Я, — автобус рассердился, —
Пассажирами набился.
На работу всем пора.

— Здесь я с самого утра
Мостовую подметаю...

— Я с мороженым. Растаю! —
Зарычал рефрижератор.

— Срочно, — буркнул экскаватор, —
Нужно яму закопать!

— Бензовоз не может ждать!

— Эй, пожарную пустите!
Дом, пока вы тут гудите,
дом на площади сгорит!

— А у нас — аппендицит!
Скорой помощи дорогу!
— Пропустите мерседес...
— Где инспектор ДПС?!

В разговор вступил камаз:
— Мы гудим тут битый час.
Кто-то должен уступить
И соседа пропустить.

Грузовик мигнул трамваю:
— Два вагона пропускаю.
Погоди, звенит трамвай:
— Экскаватор, не зевай!

— Скорой помощи карету
пропущу, затем поеду.
— Ваша очередь, камаз.
— Нет, автобус, после вас...

Светофор недомогает.
Желтый свет на нем мигает.
Желтый свет — а пробки нет.
В чем, скажите, тут секрет?

Кикимора Кима

Кикимора Кима в болоте жила.
Однажды с утра на прогулку пошла.
Вон птичка в гнезде на осине.
Не встретишь осину в трясине.

Ей синюю шляпку купили на днях,
Жилет в голубую полоску,
Блузон ярко-желтый,
Штаны на ремнях,
Оранжевый клатч
И расческу.

В косички зеленые Кима вплела
Два бантика красного цвета.
С собой фиолетовый зонтик взяла,
Ведь туча — плохая примета.

Кикимора Кима гуляла в лесу,
Пирог с мухоморами ела.
Вдруг черная туча в десятом часу
На солнце слегка налетела,

И дождь застучал по дорожкам грибной.
Раскрыла кикимора зонтик складной.
По зонтику дождик ударил: «Тук-тук», —
И радуги в небе возник полукруг.

Загадочный мостик — семь ярких цветов —
Украсил лесные полянки.
— И скоро в лесу будет много грибов!
Но я обожаю поганки.

Кикимора Кима стоит у ручья:
— На радугу чем-то похожа и я.
Глядите, веселые осы.
Во-первых — зеленые косы.

Оранжевый клатч,
Ярко-желтый блузон,
Два бантика красных и шляпа
С полями огромными.

Новый фасон.
Из модного синего драпа.
На мне — в голубую полоску жилет.
И зонт фиолетовый солнцем согрет.

Спасибо тебе, милый дождик грибной! —
Кикимора Кима помчалась домой
Поведать кикиморе маме,
Что время идти за грибами.

Полетели акварели

Полетели акварели с веток яблонь и рябин.
Оглянуться не успели, как за партами сидим.
Королева листопада к нам ступает на порог.
С ней — осенняя прохлада, золотистый ветерок,
Урожайные корзины, дыни сочные с бахчи,
Сквозь небесные перины солнца редкие лучи,

Дождь, туманные рассветы, серость убранных полей
И прекрасные букеты для моих учителей.
Полетели акварели. День — на убыль, ночь длинна.
Но, гляди, не пожелтели можжевельник, ель, сосна...

Арбуз Арбузович Арбузов

Арбуз Арбузович Арбузов
По осени садится в кузов
Огромного грузовика:
— Клубника, абрикос, пока!
Прощай, осока, молочай,
Далекий Астраханский край.
С бахчи без шляпы и ботинок
Он едет на колхозный рынок.
Зеленый с виду, но внутри —
Краснее утренней зари.

В нем столько счастья, столько веса,
Глюкозы, магния, железа...
Я в супермаркет поспешу.
Еще чуть-чуть, и откушу.

Арбуз Арбузович Арбузов —
Один из тяжелейших грузов.
— Добро пожаловать домой!
Жаль, не растете вы зимой.

Первоклассное

Во дворе — веселый смех, утро ясное.
Настроение у всех первоклассное.
Первоклассные шары в небо просятся.
Первоклассной детворы стайки носятся.
Из динамиков звучат песни разные.
Представляешь, все подряд первоклассные.
Первоклассные цветы, банты, юбочки.

Первоклассные мечты, детки-клумбочки.
Первоклассненький денек намечается.
Пусть же первый наш урок не кончается.
Ждут тетрадки, дневники, игры, праздники...
Мы теперь — ученики.
Первоклассники.

Проказник-ветерок

В класс ветер залетел —
Отправил на пол мел.
Трепал страницы книг.
Перелистал дневник:
— Нет ни одной пятерки!
Вдруг оттопырил шторки,
Гортензию лизнул...
С урока улизнул.

Прошелся по карнизам:
— Я золотом пронизан!
Полобовался Невским:
— Эх, порезвиться не с кем!
Сентябрь.
В глазах ребят —
Лишь буковки рябят...

Но ветер не сдавался.
Он дворником назвался:
— Я вымету на раз-два
Огромные пространства!

По тротуарам шарит.
Стянул воздушный шарик...
Накуролесил в яме
С неровными краями.
За ним плетется свита.
Из паутины свита.

Повеса из повес
Кружил по мостовой
С метлой наперевес...
Вмешался постовой:
— Летайте на зеленый свет!
— Нигде зеленых листьев нет!

Рябины, клены — в алом.
А волны — вал за валом —
Растут из синевы
Встревоженной Невы!...

Напрасно вдоль лесов и скал
Листву зеленую искал.
— Эх, листики осенние...
Сплошное невезение!

Вперед!
По всей стране
Друг-ветерок летал.
Теперь спешит ко мне.
В руках затрепетал
Из Питера далекого
Кленовый мотылек его.

Осенняя пора.
Задира-ветерок,
Играй, а мне пора.
На первый свой урок
Иду по Краснолесья,¹
В пятнистых листьях весь я.

Чемпион

В парке — снежная горка.
Эльбрус-гора!
Прямо с утра:
Лыжи — вжик-вжик,
Палки — тык-тык...
Шлем, пуховик...
Весь в снегу.
Но я смогу!

Бабах!
Ничего не вижу.
Наступил на лыжу какой-то бугай!
Убега-а-й!

---

¹ Краснолесья — название улицы.

— Фьють, фьють, фьють, —
Щебечут птахи — мои верные страхи.
Всегда начеку!
— Мало тебе, лежишь на боку?!
С вершины — бац!
И — абзац!
Птичка-сердечко — тук, тук, тук.
Или, как часики, — тик, тик, тик.
Три, два, один...
Сейчас взорвется.

— А ну, давай, вставай, снеговик!
Инструктор ждет не дождется.
Ползу на вершину скалы.
За мной — мои птахи-орлы...
Беру себя в руки — команду: «Цыц!»
Ого! Я свободен от натиска птиц!
Лишь ветер в ущелье: «У-у-у!»
В зовущую синеву
Со склона горы сиганул.
Ка-ра-ул!

Сердечко — тик, тик.
Сердечко — тук-тук...
Не выпущу палки из рук!

Дзинь!
Кажется, дело труба!
Знакомые лица.
Ба!
Ребята, инструктора.
Гора — позади.
Медаль — на груди!
Ура!

Снеговичок

Бежит по лужам ручеек,
Теряется в траве.
В тени стоит снеговичок
С ведром на голове.

Журчит ручей:
— Давай со мной,
Уж солнце выше крыш.
Со мной
    По лужам
                    За весной
Бежим, чего грустишь?

Я тоже был снеговиком.
Стал талым ручейком...

Бегу по улицам, журчу.
Весь мир увидеть я хочу!

***

Чего ты ждешь ведь ничего не будет
Точнее все уже произошло
На солнце пятнышко родимое пятно
Котята учатся ходить и падают смешно
Повыползали из коробок точно люди
От разных слов становится темно
И потому и хорошо что все сгорело в проруби
На воздухе боятся караси
Не бойтесь никому не интересно
На крыше с богом разговаривают голуби
Все просят неба сколько не проси
Все мало выберите место
И будем танцевать раз все прошло
И важен только дворик возле леса
И важно только то что хорошо

***

Я гений Игорь Северянин
Расту иргой из-под земли
Немножечко моей любви
И я уже не так понятен
Дымится воздух за чертой
Сознание собакам снится
На небе звездами ключица
Искрится. Под вечерний бой
Выходят в поле дураки
Выходят на воду рыбачить
Тунцы желайте им удачи
Я слишком глупый вопреки
Всему и каждой пепелинке
Какая горькая душа
Я собираюсь не спеша
Пешком дойти до серединки

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Ранее публиковалась в литературном журнале «Урал». Живет и работает в Екатеринбурге.

***

Мотылек повзрослеет и станет дымом
И мы скажем ему до свидания милый
Поцелуем в размытые ветром скулы
По своим садам разбрелись Катуллы
Говорят о чужой жене о листве о смерти
Но к чему мотыльку потрясения эти
То есть дыму огню полукровке ветке
Перепонки слов на венозной сетке
Расплетаются в долгие песни и
Заплетаются в боль в тишину созвездий
Плавунца певца и жалеют звезды
Что еще пора что уже не поздно

***

В целом — да.
Хотя больно каждый раз доставать изнутри.
Поддерживать.
Идем под руку. Она делает вид, что уверена,
Что в ее ушах не бьется ветер, а только лежит
Спокойствие
Мраморными шариками.
Мы идем по берегу, я веду ее в мир, но
Горячая галька
Сбивает мне ноги
И жар проникает в частицы.
Смотрит затравленно и говорит:

— Я люблю тебя,
Солнышко, море,
Сток теплого сена,
Серебряное доннышко маленькой лодки,
Прохладное старое дерево,
Молодое чувственное небо,
Сладковатое небо,
Лесное создание с веточками в волосах, с перьями на шее,
Неспокойное будущее,
Прошлое, на которое смотреть неприятно,
Зеленое стекло в очках, витражах,
Забывтое в траве сердце...

Долго перечисляет, а когда замолкает,
Хочу ей сказать: я люблю тебя.
Это просто,
Но почему-то
В горле комок.

***

Положи себе на колени мою голову и расчесывай плавные
волосы

Как насекомое которое появилось из ниоткуда
Звучи и разделяй тишину на полосы
Все мои действия положи на дно глиняного сосуда
Твоя речь всегда свежая твоя любовь ставит иголки
В глаза и в сердечко и в мой язычок
Ты говоришь дыханием хвалишь за то что мы зоркие
Болезненные и знаем где золотой крючок
Для самых красивых рыб
Общее состояние организма земли
Тебя не волнует а меня волнуют лишь волны
И мои красивые частицы в других телах и
Слова монохромны
Поднимаются кольцами из синтаксических глыб
Тебе радостно ты аплодируешь и отдаешь другим
Все остальное я понимаю что не со зла
Потому что самая важная в мире звезда
Была мне дарована светится бабочка херувим
Сидит в моей комнате
Говорит по-кошачьи и тоже пускает колечки-слова
Я смотрю на нее дотрагиваясь слегка
И спасибо тебе говорю спасибо
На языке которого вы не помните

***

Голова льва и муравьиные четки нечетко
Выходит икринками из внутренних органов тьма
«Это не важно когда-нибудь все найдется»
Точечный звук не знает движения для чечетки
Психоделической в самом начале сна
Что муравьи играют может быть это просто
Выключить двери и будем на дне реки
Львиная голова смотрела в солнечное сплетение
И заставляла делать плакать падать бросать идти
Разбираться на атомы выглядеть как растения

Ах зачарованно смотрим синий цвет неестественный
Гулко ударил стены разочарованно знаем
Что если в носу шекотит это к большим потрясениям
Я не могу стараться так что давайте лаять
И неразборчиво что-то друг другу глядеть в окно
Да никому непонятно но он повелел сдаваться
Он мне сказал — сдавайся. И сразу стало светло

***

Да на реке одни осколки от ракет
Наверное пора домой потом поймаем
Серьезных рыб и поцелуем их в глаза
Крючок достанем и обратно в небеса
Закинем рыб во рту почему свет
Но это завтра где же наша стая
Идем домой и возвращаться страшно
Как будто никого там не найдем
Как будто все нас бросили но нет
Сидят довольные пьют темноту в жемчужной башне
Гадают по оливковым ветвям
Что будет и не сбудется потом
Из носа кровь пойдет у нас или меня
Земля напоминает о холодном
Из живота протянутая нить
До нас до них до бежевой зари
В лесу звучат предснежия как бомбы
«Что плачешь? Выпей чаю, закури»
Да только дайте мне договорить
Вон в поле за окном в простой рубаше
Стоит один безмозглый и прекрасный
Как будто перед бурей и войной
Руками в воздухе записывает знаки
И только у него во рту огонь
Живой
И знаете он ничего не скажет

***

Красивые летят говорят горят
Несчастные смеются открываются с головы до пят
До костей до себя до нормальных людей
Только глубже копнешь и созвездия голубей
Голубые корни косые взгляды
Подростковые лица ветреные пираты
Вспоминают кусочками знают между строчек

Светят гулко ложатся в морской песочек
И целуют ракушки плетут веревки
Зашивают ранки несутся с горки
И все знают знают и до зимы растают
Возвратятся бабочками собьются в тугие стаи
Разобьются капельками икринками
Соберутся в рыб с золотыми спинками
И исполнят только одно желание
О котором никто не узнал заранее

***

Ну в общем трогают экран глазами
Который светится как нимб речной
Я выползу на свет в прозрачной раме
Отодвигая всех ошпаренной рукой
Вот это да какие здесь коренья
И лягу собирать их по земле
Какое липкое стекается спасение
Что упадешь в вооруженной мгле
Изжаришься и слезут оболочки
Большая радость — лучше падать в высь
На липе вылились застыли почки
Чтоб в волосы навеки заплестись
Экран то гаснет то рождает песни
И все хотят его обнять но он слепой
Я ничего не знаю только вместе
Все светятся как пустота зимой

***

Ведется ночь обветренные губы
Глядит не различает ни лица
А он их любит убивает любит
Целует убивает без конца
«Ты мое деревце прекрасная слабачка
Дуреха падальщица герцогиня дочка»
Все птицы в темноте кричат иначе
Да просто птицы разные ушная мочка
Пробита насквозь если посмотреть
То лес другой в привычном измерении
Я утром выхожу кормить оленей
Туда где пустоту свивает свет
Они стоят в угрюмом ожидании
Словно забота это наказание
Мы говорили что-то о другом

Ах да он их не любит но прощает
Щекотит в сердце ласточкиным злом
Приятно думать сны о мироздании
Когда все накрывается бельмом

***

Поцокал языком чтоб собиралось тело
«Невиданный зверек скажи что наболело»
Я думала давно какой у моря принцип
Серьезное пятно коснулось роговицы
И стало темнотей и вывалились слезки
«Спасай своих зверей иначе будет поздно
Иначе их поймает стукнет каблучками
Держи мои слова чтобы остаться с нами»
Над гладкостью стекла стремятся водомерки
Узнать какая мгла случится после смерти
Пока внутри воды слоятся невозможные
Пока его следы проявятся на коже
Стирается земля и видно как соцветия
Влюбляются в себя в его местоимение

***

Холодные доски любят меня
Мое ненастоящее тело
Они говорят со мной криками журавля
Которому в сердце вонзилось горящее небо
Стемнело и кластерные отверстия этого состояния
Хотят целовать в уши руки сердце и я убегаю
Нас унесет и спасает молчаливое точное знание
Выкорчеванная у воздуха журавлиная стая
Мертвому морю — мертвое женщинам — человеческое
Отпусти меня неживое накопленное землей дерево
Слово узнает новое руки дают осечку
И ты не летишь только вмещаешь серое
Только гремят за горами и не за горами
Греческие праздники обозначенные белыми нитками
Давай когда вырастем станем улитками
Что? Я не слышу не говори глазами
Говори просто

Накрашенные мокрые доски
Забирают жизнь которую я дословно не знаю

***

Не видеть ничего дальше своих глаз

Закончится белое море начнется рассказ
Тяжелый как бремя под ребрами рядом с тоской
Слабое междометие стянутое виском
Перекатится под язык побежит в костер
Ты потеряешь слух потеряв сестер
Ты расправляешь крылышки маленький мотылек
Что на конце у спички может быть это бог
Ждет загореться ждет до земли раздеться

Не видеть ничего дальше своего сердца

***

У Акелы мутный взгляд,
Пелена над горной кручей,
Мог родиться он везучим,
Самым сильным из волчат.

У Акелы мутный взгляд.

Если б кто-то путь утробный
Делал мостовой дорогой,
Как конвейер на заводе,
Где клепают, не глядят.

У Акелы мутный взгляд.

Пусть цветком венчают красным!
Ведь рождаться так опасно,
Каждый тигр бы боялся,
Пел молитвы все подряд.

У Акелы мутный взгляд.

Волку волк стал человеком,
На охоте, вот потеха,
Спотыкается Акела,
И до жоака нет дела.
Он не существо, а тело,
И любой глумиться рад.

Вот его последний взгляд.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Ю. В. Казарина, 4 курс). Живет и работает в Екатеринбурге.

***

Вырастем сильными и большими.
Боль успокоится, просочится.
Мы ведь, по сути, еще не жили,
только меняли дома и лица.

Вырастем, плоть обвивает кости,
Кровь зазерзнится искрой и солью.
Будет отчаянно и не просто,
«Просто» для нас исключение-слово.

Вырастем, вывернемся, станцуем!
Голос рождается, и сразу песней!
Станем сильнее сердечной бури,
Вытащим пули и пустим в бестий.

Вырастем, вырастем, так и будет!
Линии пальцев равны годичным.
Вечность не дарит нам поцелуев,
Их, как медали, вручают лично.

***

Мама все сокрушалась: да как же с тобой стряслось!
Полюбила бродягу, и даром, что музыкант.
Он не ступит и шагу с гитарой своею врозь,
Девкам головы кружит — и вот весь его талант.
Мама страшно ругалась: обманет тебя, уйдет,
И обрежет струною волос твоих диких синь!
Как она догадалась, что слово ее не врет?
Я отдам ему прядь свою, хоть он и не просил.
Мама плакала долго: не жизнь с ним, а мытовство,
Будешь спать под ногами, забудется вкус еды.
Его музыка — слово, могучее колдовство.
Всех, кто слышит ее, отпускает чертог беды.
Мама тихо молилась: уйдешь — уходи, и пусть!
Но я ждать тебя буду столько же, сколько жить.
Извини меня, мама, но я к тебе не вернусь.
Он мне выстрогал флейту и будет меня учить.

***

Некрасивый мой слог ложится не на строку, а рядом.
Мы с ним оба задумчиво пьемся в потолок.
Мargarита за мастера смело коснулась ада.
Ты со мной в коммунальной квартире прожить не смог.
Мы со слогом лежим и молчим впервые задолго.
Это я ему зло, срываясь, зашила рот.
В словаре есть определение слова «подло»,
Но тебе оно вместо имени подойдет.

***

Я встретила бога, и он мне сказал,
Что пятницы ждет и зарплаты.
Что сроки горят, на планете аврал,
И люди глупы и предвзяты.

Устало согнулся и нес бытие
В пакете, шуршащем фабрично.
Он мир во всем мире забыл на столе,
К утру пропадет, как обычно.

Бог в отпуске не был бесчисленно лет,
Наверное, с первого века.
Мечтает купить он на поезд билет,
Но взял он любовь в ипотеку.

Он все понимает и будет терпеть.
Вакансия зама в архиве.
Ему сострадание пора протереть,
Развесить добро по квартире.

Однако, отступим от праздных бесед.
Бог вымотан трудной неделей.
В теории счастье — не сложный проект,
Сложнее дать людям поверить.

***

Оправдания не в счет!
Это рюмка была промашкой.
Опрокинуть легко, но встает поперек горла.
Боль придет,
И ударит тебя с отяжкой.
У нее ведь твоя рука.

***

Луч ломается при падении на пол.
Растекается по углам и нишам,
Босяком по медовым его заплатам
Брежу я и брожу, как несчастный нищий.

Эта комната круг до того квадратный,
Что хождение по ней здесь равно по мукам.
Я себе чемпион и судья стократный,
Бью я лбы и рекорды с приходом утра.

Только солнце — улыбчивый мой привратник,
Щекоча, открывает глаза, как двери.
В мир, где муза — мой враг, а еще соратник,
С ней любилась и бились. С ней пили, пели.

Я разводы луча вытираю тенью,
Как щитом заслонюсь от прихода дня.
Я люблю свою музу, как Галатею.
Только здесь оживляет она меня.

***

Посланник духа в глухомани
И точно в нескольких мирах
Глядит на огненные стекла,
Земля течет, как будто воск,
И глины проступает охра,
Весенний день сменяет ночь.

Идет домой посланник духа
Шумящим парком городским
И смотрит в окна листьев дуба,
Горящих зеленью лучин,
Посланник духа видит сразу
В них окна дома своего

И верит солнечному счастью,
Что мне не описать строфой.

***

В шелесте, в плеске, в мерцанье
Поздним ребенком иду.
Ритмов полночных дыханье
Чувствую, словно беду

Чует огромная птица,
В бездне над бездной летя.
Что-то сегодня случится,
Ритмов полночных дитя!

Что-то коснется ладони,
Как буревестник крылом
Волны морские погонит
За благодатным дождем.

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»).

***

Леденящие звоны
Изнутри вырастают в стволы...

Мы — людей почтальоны:
Посылаем мы писем валы
В отдаленные веси,
В неприкаянные города —
Сколько время ни лейся,
Не наступит твое «навсегда».

И растет береза,
И письмо упадет в тишину!
И духовная проза
На Поэзию вскинет волну.

Только мы, почтальоны,
Не забудем письмо у ворот...

Леденящие звоны —
Это берег грядущий растет!

***

Витраж окна сиренев, желтоват,
Исплакался осенний мой закат.

Утих снежок, осыпавший холмы
В преддверии колодезной зимы.

Ее вода прозрачна, холодна,
И на душу ложится мне она

Так просто, так прозрачно и светло,
Как светится витражное стекло.

***

И растешь головой в небосвод,
Бьешься в воздухе, силясь узнать,
Сколько ветер тебя пронесет,
Где оставит потом умирать?

***

От незапоминанья до забвенья
Мы не считаем чудные мгновенья.
За скобками разлитое вино
Никто не пьет: уж очень дорогое,
Ведь ценится превыше нас оно,
В небесное переводя земное.

***

Плачет навзрыд, а услышишь тишь.
Роса лишь хрустальная разобьется.
Ты почему до сих пор не спишь?
Только луна о тебе печется.
Шорохи трав в беспокойстве сна,
Жизнью наполнены перелески.
Юность была и была весна,
Дышат весенние занавески.
Столько всего мне хотелось знать,
Читать по глазам, что всегда любима.
Юность прошла, и прошла весна
Мимо.

***

А помнишь, до дрожи,
До тока в подушечках пальцев.
Смотрю на пустую ладонь
И не верю себе,
А было ли
И ну могло ли так случиться,
Не важно уже.

***

Вот так закашляться осиновым и частым.
И позабыть на миг, вдруг отдышавшись,
Взгляд не перевести.
Перевести надрывное курлычье
И записать кавычками на птичьем.
И замереть с крылатками в горсти.

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»).

***

Закат размыт,
Расстроен, и к тому же
Расторгнут и растерян навсегда.
Был отражен без искаженья в луже.
Но вспомнит ли о нем
Вода.

***

И даже об заклад не надо,
Нет смысла.
А было ли — лишь отголоски.
Дыханье в пустоте повисло.
Нам на двоих недоставало
Предчувствий.
Как воздуха,
Последних листьев
Наброски.

***

И эту не сохраню,
И эта вдребезги разобьется,
И следующая.
Да сколько их можно еще терять!
А вечность лукаво так посмеется:
Смотри, вон россыпь,
Ну, подставляй же глаза, ладони,
Спеши карманы собирать!

***

Из лабиринтов нагромождений
Живой не выйти.
Финал известен и принят разом.
Без колебаний.
В моей пещере чужих суждений
Не будет нити.
Сама себя из кучки пазлов
Не собирала.

***

Там, где ни выдох, ни вдох,
Между виском и сознанием,
Там снегопад.
Острых снежинок края
Колют воспоминания.
Щепки летят.
Мне бы укрыть их,
Спасти,
Упаковать на хранение
В клеть под ребро.
Острых снежинок лучи
Правят сердцебиение
Сердцу назло.

***

Эти колкие устрицы на запястьях
Взгляд опущенный чтоб не встретить.
Заметаю усердно тропинку к счастью
На рассвете.

***

Снова тикают.
Поздно, муторно.
Мы покурим и разбежимся.
Дорожим, как всегда, секундами, перелистывая главу.
Снова капает.
Переход на «ты»
Был не слишком оправдан будто.
Обещаю тебе запомниться,
Тщетно глядяваясь в черты.

***

Вновь приговор усталых облаков,
Измученных осенними мольбами.
Регламент их присутствия таков,
Что октябрем они придут за нами.

И день за днем их деловито прост —
«Ну что, не обессудь, такая вахта».
Нас каждого попросят на допрос
Штыком из-под казенного бушлата.

А там, как знаешь, так и мельтеши.
Проси, юли, заискивай и кайся.
Дадут бумагу — «на вот, подпиши»,
И даже если не в чем — признавайся.

***

Мальчик, взглядишь:
Все, что нужно, уже начерчено.
Пересекаются линии путникам вопреки.
На перекрестке друг другом мы будем встречены,
Если сложить ладони твоей и моей руки.
Легкой тенёты тканью, мудреным кружевом,
Прочными, как канат, узелками вен
Связаны, склеены, спаяны, сдружены.
Обречены на встречу, и насовсем.

БУТЫЛКА

Света опаздывала. Если честно, Света всегда и везде опаздывала. И ведь не хватало каких-то невесомых мгновений! Ужасно обидно, когда на твоих глазах отъезжает очередной трамвай или автобус. Но, может, это знак? Может, и не надо ехать на этом поезде (электричке, трамвае, автобусе или вагоне метро)? Света верила в знаки, и жизнь ей щедро их подбрасывала.

Пятнадцатый трамвай только-только повернул с Московской на Ленина, экран телефона показывал 18:56. Света стояла возле схемы трамвайных маршрутов — так ближе выходить. На экране телефона появилась надпись: «Татьяна Егоровна», звук Света предусмотрительно отключила: все-таки она человек культурный, идет в оперный театр.

— Светочка, все уже в театре. Билет оставила на входе. Не забывай: статья нужна к десятому. Да, и поменьше художеств. Замечания кинула на почту.

— Хорошо. Скоро буду.

Заботливая главжаба! Недавно Татьяна Егоровна искромсала Светин обзор минеральных вод:

— Учись, я у тебя убрала всю воду.

В итоге из яркого Светинового образа «если у вас в горле завял ботанический сад» получилось невзрачное «для утоления жажды полезно». Как оригинально!

От мыслей о статье захотелось пить. У Светы в сумке всегда была бутылка воды, шоколадные мюсли с орехами, жвачка, аптечка, влажные салфетки, косметичка, планшет, блокнот и две ручки — все самое необходимое. Но воду Света выпила еще днем, на конференции по современному подходу к диетическому питанию.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Н. В. Коляды). Победитель открытого Всероссийского конкурса «Вернись на родину, душа!» (к 150-летию И. А. Бунина) и конкурса молодых авторов «Кто я?» (проект «Чтения со смыслом», Санкт-Петербург, 2020). Рассказы публиковались в журнале «Новый Орел +XXI век» и сборнике «Кто я?».

У главпочтамта пропало электричество. На фоне моря с пальмами (давней Светиной мечты) высветились неприятные 18:59. Это знак, — решила Света.

В оперном Света была только на «Красной Шапочке». Утром мама не смогла ее накормить и взяла в театр бутерброды с колбасой и коробочку яблочного сока. В антракте Света продолжала воровать нос от еды.

— Ешь, а то волк учует колбасу и прыгнет сюда, но одной колбасой он не наестся, — сказала мама.

Света представила: волк прыгает на их седьмой ряд, выхватывает у нее бутерброд, а потом... Нет, нет! Света вертела головой — волк прятался в засаде или ел кого-то другого. Она попыталась проглотить бутерброд целиком, но избавиться от него удалось лишь после трех больших укусов. Потом на всякий случай Света старалась обходить оперный театр стороной.

Отпихнув игравшего в телефон парня, Света выскочила из трамвая. Бежать еще целую остановку. Сейчас она могла бы запустить стиралку и узнать, полиняет или нет голубая водолазка, если закинуть ее с белой, но утром у Татьяны Егоровны родилась мысль о культурном корпоративе...

Света шерстила глазами пыльную улицу Ленина. Хорошо хоть она в джинсах и водолазке. Переодеться Света не успела, она и так опаздывала, а опаздывать в джинсах и ботинках куда удобнее, чем в платье и на каблуках. Рабочие опять клали плитку. Продуктового поблизости не было, но бутылку обязательно нужно найти — иначе смерть.

Журнал «Окно в мир» регулярно направлял Свету на медицинские конференции и выставки. После каждой конференции молния на ее розовой, обшитой бисером аптечке застегивалась труднее и труднее. «Без этого средства жить просто нельзя, а без этих таблеток сразу умрешь», — говорили умные люди. Света лекарств не пила, но держала их под рукой. Она задавала вопросы читателей главному гастроэнтерологу — лысеющему мужчине, лет за пятьдесят, чем-то напоминавшему ей актера Олега Басиллашвили: «Что вреднее для желудка: соленые огурцы или острый перец?», «Можно ли отбелить зубы активированным углем?»

Всегда терпеливо отвечавший на вопросы из зала «Басиллашвили» сегодня был немногословен. «Жене подарок не купил», — подумала Света и подняла руку:

— А если жарить чебурек на оливковом масле, он станет полезнее?

— Люди приходят сюда повышать квалификацию, а некоторые — задавать глупые вопросы, — отрезал «Басилашвили».

Белые халаты противно захихикали. Света уткнулась в блокнот. На кофе-брейке шпажка с хлебом, маслинами и огурцом пошла не в то горло — и заготовленную для театра бутылку пришлось опустошить.

По дороге попался киоск «Роспечать».

— Воды! — Света стучала карточкой по окошку.

— С газом или без?

— Конечно, с газом! (Света всегда покупала газированную воду. Уроки Татьяны Егоровны вызывали желание трясти бутылку и посмотреть, как играют в воде пузырьки, а потом исчезают, будто их и не было.)

— Двадцать семь рублей. Безнал не работает. Посмотрите мелочь, сдачи нет.

Света выскребла мелочь из кошелька и кармана пальто.

В 19:12 она кричала бабушке в бордовой униформе:

— Я Симонова, Симонова, на мое имя оставлен билет!

Света кинула пальто гардеробщице и побежала наверх.

Опаздывать лучше за компанию или хотя бы вдвоем, но в фойе было пусто. Билетерша указала на ближайшее свободное место в двенадцатом ряду. Лишь бы уже сесть и попить воды! Пробираясь на место, Света задела сумкой длинноволосого соседа в черном костюме. Тот по-комариному взвизгнул и прижал к креслу ноги в блестящих ботинках. «Со сменкой явился», — подумала Света. На ее ботинки осели чешуйки плиточной пыли, да еще джинсы с затертым пятном от кетчупа на коленке.

Света начала откручивать синюю крышку бутылки. Большой палец покраснел — крышка не поддавалась. Света натянула на пальцы рукав водолазки — бесполезно. Они что, ее гвоздями заколачивали? Просить волосатого не хотелось, Света обратилась к мужчине в клетчатой рубашке:

— Откройте, пожалуйста, бутылку.

Спутница клетчатого цыкнула на Свету и положила на колено мужчины руку с тремя кольцами. Оставался один волосатый, но он смотрел на сцену. Света ткнула его в локоть бутылкой:

— Можете открыть? Пить хочется.

Волосатый безуспешно бился с бутылкой:

— У вас есть тряпка или платочек?

«Мог бы своим пиджаком воспользоваться. Думает, я в оперный с тряпкой хожу». Пришлось перерыть «театральную сумочку»: блокнот с конференции, аптечка, о, шоколадный батончик!.. В самом низу отыскались бумажные платочки. Света протянула платочек волосатому:

— Только это.

Платочек не помог. У волосатого покраснели пальцы, шея и лицо.

— Ладно, не мучайтесь, сама еще попробую.

Волосатый поплевал на платочек и совершил очередной подход к крышке.

— Давайте уже, сама открою! — Света выхватила заплывающую бутылку.

На нее цыкнули женщина с тремя кольцами и билетерша. Какие здесь все культурные! Света обтерла крышку бутылки о кресло волосатого. На часах было 20:00. Скоро антракт, попошу кого-нибудь или раскошелюсь в буфете.

Пришлось смотреть на сцену. Пели на немецком, на экранах шел перевод. Света услышала слово «киндер», значит, мужик в плаще — отец. Дочка с длинными каштановыми волосами стояла к залу спиной. Отец пел: «О дитя мое, бедное дитя!» — дочь отвечала: «Отец, я так юна, я не познала прелестей любви!» Тут дитя повернулось к залу, и стало ясно: оно давно получило пенсионное удостоверение. «Красивые здесь люстры! Мне бы такую, — подумала Света. — Нет, она всю комнату займет, еще грузчиков нанимать троих, а если таких, как волосатый, — человек двадцать».

Объявили антракт. В буфете поллитровка минералки стояла как две канистры. Черт с ними, только пусть сразу откроют! Очередь двигалась медленно. За пять человек от Светы стоял заместитель Татьяны Егоровны Павел Олегович, да что там, — просто Паша.

— Ты здесь?! Я думала, Егоровна организовала чисто женский выход. Ладно, без разницы, открой мне бутылку!

Паша попытался скрутить синюю крышку, но бутылка, похоже, была заколдована.

— Светочек, — Паша делал ударение на «о», — давай шампанским угощу.

— В тренажерку ходишь, а воду открыть не можешь!

— Я все могу. Это дело чести, — Паша стал мучить крышку оттянутой штаниной.

— Зажмите между дверьми, — посоветовали из очереди.

Но тут крышка поддалась — вода понеслась водопадом.

— Вот спасибо! — Света начала жадно пить. — А то, представляешь, сидела рядом с одним волосатым, кряхтел, пыжился, еще тряпку у меня попросил — вообще ку-ку!

Света потянулась к сумке. За спиной стоял мокрый волосатый.

— Паша, давай отойдем, я ничего не хочу. Ты как в праздники? Там три дня.

— Слушай, я это...

К ним шла женщина в свободном розовом платье:

— Ну и опера! В женском туалете работают три кабинки! Где мои эклеры?! Ты почему мокрый? Ой, здравствуйте!

— Лизочек, знакомся — Светлана Симонова, пишет про красоту, здоровье, детство.

— Я вас как-то читала. Возьми вкусенького, а я в зал. У вас место где-то рядом?

— Рядом, — ответила Света.

— Иди, Лизочек, отдыхай, а вы, Симонова, погодите — обсудим статью!

— Не забудь про эклеры, — сказала, уходя, Лиза.

— Она так просила ее в театр выгулять, — к чему-то оправдывался Паша. — Восьмого ее маман явится, буду поздравлять этот дуэт. Какие лучше цветы?

— Она беременна? Ты же говорил, как только Аня пойдет в школу...

— Ане еще планшет завтра выкупать...

— Купи жене с тещей гвоздики, — Света побежала в зал.

— Подожди, что насчет девятого?

В дверях она наткнулась на Татьяну Егоровну.

— Симонова, стой! Завтра в городе пустят праздничный трамвай, поедешь освещать, остальные заняты. Да, и оденься приличнее — будет телевидение. Пошли, у тебя место рядом с женой Павла. Замечательная семья! Уже второго ждут.

— Сейчас.

Ага, ждите! К облитою волосатому тоже нельзя. Света юркнула в последний ряд. Рядом плюхнулся мужчина с животом в полтора кресла:

— Если стану засыпать, стукните меня хорошенько.

— Можете закрывать глаза! — Света схватила сумку и побежала из зала. Она рывкнула гардеробщице: «Берите свой номерок!» — набросила пальто, поверх повязала коричневый платок. Скорее на воздух!

Света остановилась возле обувного на Ленина. На этом месте раньше был хлебный. Они с бабушкой чередовали походы в хлебный возле университета и у вокзала. Горбушка черного и горбушечка белого были только ее, Светины. Горячую корочку черного она уничтожила тут же, в магазине. Дома первым делом съедалась мякоть из белой горбушки — оставалась золотая лодочка. Как же вкусно из этой лодочки мамино пюре с кубиками «Докторской» колбасы! Не то что из треснутых тарелок, по которым словно кот прошелся когтями! Света ненавидела сервант, где посуда стояла, как картина в музее. Эти чашки для гостей, эти тарелки для гостей — а нам что?

И небо сегодня серое, и облака — крысиные хвосты! Зачем только посмотрела?

Поливальная машина поделила тротуар на белую и темную стороны. Света выбрала темную. На дорожке валялся трамвайный билетик. Несчастливый, наверное. Кто счастливыми разбрасывается?

За оперным компания студентов пила пиво, рыжеволосая девочка пела под гитару «Выхода нет».

Света села на лавочку. Зачем она связалась с этим Пашей? Два года назад, в октябре, она ехала устраиваться в «Окно в мир». Света загадала: первый, кого она встретит, будет особенным. В лифт зашел Паша в сером плаще и черной шляпе. Дедушка тоже ходил в плаще и шляпе, но на Паше шляпа смотрелась, как беляш на торте. Вот дура!

— Идемте к нам «Милая моя» петь, — позвал высокий парень с гитарой.

Света замотала головой. Она посмотрела на студентов. Интересно, какие у них преподаватели? (По совету мамы она пошла в педагогический, но еще на практике поняла, что работать в школе не будет.) Почему она решила: педагогика не ее? Ну, положил Никулин пакет с мокрым песком ей на стол. Ну, облили новую юбку штрихом. Ерунда! С какой стати орать полчаса? Дедушка говорил: «Никогда нельзя сердиться на ученика, можно только показать ему, что рассержен». Да уж. Завтра ее покажут...

По тротуару скользила рваная бахила, в нее приземлилась палочка — домик нашла.

— К вам можно?

Света обернулась — перед ней стоял волосатый.

Господи, опять он! Обычно она не оскорбляет людей направо и налево и не фонтанирует водой из бутылок.

— Тут полно лавочек.

— Я вас во втором действии потерял. Вы ушли, а в конце все умерли.

— Этого и следовало ожидать.

Волосатый улыбнулся.

— Я ваш платок принес.

— Оставьте себе — он одноразовый.

— Ромашкой пахнет.

— Да, и трехслойный.

— У вас тут написано: «Что вреднее для желудка: соленые огурцы или острый перец?»

— Выбросьте! Это журналистская кухня.

— Отчаянная у вас профессия! Я Максим, немецкому студентов учу.

— Света.

— Вы дом-ананас видели? Давайте к нему прогуляемся.

— Можно. Идите, я сейчас.

Света вытащила из сумки бутылку и бросила ее в урну.

2 мая 2020 года

ВРЕМЯ КИЛЬКИ

Сегодня к Пете должна была прийти Нина Алексеевна. Петя с мамой жил в коммуналке. Сосед по парте Юрка от слова «коммуналка» даже перестал плевать в Машу бумажками из трубочки. За Юркой после уроков приезжала черная «Волга».

Кроме Пети с мамой, в квартире жила баба Зина с котом Борисом и деда Миша с собакой Динкой. Борис дружил со старой дворняжкой Динкой, а баба Зина не дружила ни с кем.

Деда Миша был хороший, но старенький. Петя видел в шкафу деда Миши пиджак с орденами.

— Это с войны? За что эти награды? Ты сколько немцев убил?

— С войны, — сказал деда Миша и захлопнул шкаф.

Год назад умерла тетя Мила. Деда Миша и тетя Мила всегда были вместе, как колечки на ножницах. После смерти жены деда Миша не выходил на улицу, и Петя стал ему помогать. Петя привязывал к руке поводок, брал пакет с бутылками из-под кефира, и они с Динкой шли в «стекляшку» (так во дворе называли ближний магазин с большими окнами). Петя сдавал бутылки, покупал деду Мише кефир, сардельки, батон, сметану и что-нибудь к чаю. Обратная дорога проходила с препятствиями. Попробуйте-ка тащить за собой Динку и еще защищать от нее батон и сардельки! Деда Миша кормил Динку овсянкой и картошкой, а Динка хотела другого.

Сейчас Петя ходил в школу и не всегда успевал с утра погулять с Динкой. И она... ну, ладно, она ведь живая. Баба Зина шугала Динку палкой и орала:

— Дурында! Чучела! Развели засранцев!

Бедная Динка металась по кухне, ее лапы разъезжались по полу, и несколько раз она падала в открытую духовку.

Баба Зина ставила всем в пример кота Бориса:

— В отличие от некоторых, мой Борис вообще не гадит.

За хорошее поведение баба Зина награждала Бориса килькой из «стекляшки». «Такая мелкая и такая противная!» — думал Петя о кильке. Он старался не смотреть на замороженную рыбешку с выпученными от холода глазами. Но от кильки не спрячешься. После двух часов дня (видимо, к Петинуому приходу из школы) баба Зина ставила на плиту ковшик — и тошнотная килька захватывала квартиру. Баба Зина выставляла плошку с килькой в коридор. Кот бежал на кильку и с аппетитом ел мерзкое варево. Борис старался за обе щеки, но назавтра килька появлялась снова. Вот бы залепить дверь кухни пластилином и навсегда оставить бабу Зину наедине с ее килькой!

Больше всего в школе Пете нравились перемены. По этажам ходила высокая тетя в белом переднике с подносом сахарных булочек. Булочка стоила один рубль. Петя знал: рубль — это десять монеток по десять копеек. Мама денег почти не давала, и на улице Петя искал следы людей с дырками в карманах. (Один раз Петя нашел сто рублей, но мама их забрала.) Обычно к пятнице Петя держал в кулачке нужную горсточку монеток, но в последние две недели ему деньги не попадались.

Скорей бы май! В мае можно ходить без шапки, а, главное, заработают фонтаны. В том году (на следующий день после

салюта) Петя выловил из «зеленого цветка» у главпочтамта целых пять рублей семьдесят копеек! Мама ругала его за промокшую грязную куртку, но Петя успел спрятать добычу в алоэ на подоконнике деда Миши.

У деда Миши был проигрыватель. Пластинки кружились, как снежинки на сильном ветре. Петя ставил на играющую пластинку пальчик. Пусть немного отдохнет и прокатится на черной карусельке. Раз в год, на День Победы, деда Миша включал «Журавлей» Бернеса и курил, облокотившись на подоконник.

Деда Миша любил Магомаева и вместе с Петей слушал песню про море. Петя садился на корточки у шкафа, обхватывал колени и представлял, как гуляет по берегу, ноги облепляет песок, и вода теплая-теплая, как батарея зимой... А навстречу идет папа с лопатой и каким-то древним ножиком или копьем. Папа был археологом, сейчас он в далеком Крыму раскапывал глубокий Херсонес. Петя не видел папу больше года.

Шестого августа, на Петин день рождения, от папы пришла бандероль. Под колочей веревкой, коричневой печатью и несколькими слоями бумаги оказалась книга «Мифы Древней Греции». (Мама сказала: «Вот жмот!») На первой странице была надпись: «Мой маленький Петя, расти большим и любознательным. Приезжай ко мне в Крым. Твой папа». Как попасть в этот Крым? Петя спросил деда Мишу. Деда сказал: на самолете или на поезде. На самолете! Петя и на поезде ни разу не ездил, только на электричке до дачи. Пете часто не хватало места, и он сидел на ведре у двери. Из этой двери дуло, и в ноздри прилетал сигаретный дым из тамбура. А в поезде все по-другому. Там у каждого мягкая полка, и сладкий чай с лимоном в подстаканнике, и в окошко можно смотреть без остановки. Но чтобы добраться до папы, нужны деньги. Петя покупал себе только сахарные булочки по пятницам. Остальные монетки он столовой ложкой закапывал в алоэ деда Миши.

У Юрки Нину Алексеевну угощали бутербродами с красной икрой, а Машина мама заказала в кафе «Москва» торт с шоколадной табличкой «Любимой учительнице».

— Нину Алексеевну нужно чем-то кормить, — сказал Петя деду Мише.

— Купи молока и сгущенки, поджарим гренки, — деда Миша протянул Пете деньги.

С утра деду Мише нездоровилось, он лежал на диване, накрывшись тулупом. Петя сам пошел готовить гренки, пока баба Зина не оккупировала кухню. Нужно было зажечь плиту. Петя чиркал и чиркал спичкой по коробку, но вредная спичка не загоралась. Он обтер руки о штаны, снова чиркнул — коричневая головка превратилась в огонек. Мальчик бросил спичку рядом с конфоркой, и черный кружок окутали голубые лепестки. Петя залил сковородку растительным маслом, хотел уже перенести на нее кусочек батона в молоке, но сковородка начала пуляться раскаленными бомбочками — на пол, на руки, в лоб. Петя отскочил к холодильнику, но война на сковородке продолжалась. «Можно и без гренок, — подумал Петя. — Главное — есть сгущенка». В коридоре застучала палка, на кухню двигалась баба Зина — пришло время кильки. Только кильки сегодня не хватало! В два часа должна была прийти Нина Алексеевна.

Петя вошел в их с мамой комнату. (Уже два месяца он ночевал и занимался у деда Миши.) Мама спала. Початую бутылку Петя спрятал у стены под кроватью.

Алиса на классном часе спросила Нину Алексеевну:

— Кто самый плохой человек на земле?

— Гитлер. Он развязал самую кровавую войну, — ответила учительница.

Может, Нина Алексеевна и права, но для Пети самым плохим был ненужный дядя с серым лицом.

Петя помнил маму совсем другой. Мама работала в детской поликлинике, в регистратуре. Папа приносил с работы книжки и бумаги, а мама — грязные халаты. По субботам устраивалась большая стирка. Мама ставила на плиту большое желтое ведро. В порошковой пене кипятились халаты, Петины рубашки и майки. От порошка Петя чихал, но с кухни не уходил. Он внимательно следил, чтоб искрящаяся пена не вылезала наружу, и звал маму убавить огонь. Мама укрощала пену длинными деревянными щипцами и, как макароны на вилку, наматывала Петины одежды. Пете нравилось приходить к маме на работу. В накрахмаленном белом халате с завязанным на бантик пояском мама выдавала талончики к врачам. Тетеньки из соседних окошек называли Петю «наш помощник» и доверяли приносить с полок карточки, а мама даже давала ему свой фиолетовый штампик. Печати у Пети выходили кривые и вверх ногами, и мама смеялась.

У мамы должна была родиться Вера. Пете совсем не хотелось эту Веру: будет визжать, а мама с папой станут носиться с ней и сюсюкаться. Однажды мама приложила Петину руку к своему животу, и ручка Веры потянулась к нему — они подружились. Папа с мамой уезжали за Верой (тогда Петя первый раз остался с дедом Мишей), но Вера домой не приехала...

А мама...

Днем мама лежала на кровати, уткнувшись в стенку, а ночью запилалась в туалете. Баба Зина ругалась и била палкой в дверь. Тогда мама перебралась в кладовку.

— Она по ночам ест мою тушенку! — кричала баба Зина.

Через две недели мама вытащила из шкафа белый халат и пошла на работу. Петя обрадовался. Мама в белом халате была в сто раз лучше целой тележки с мороженым! В обед мама вернулась.

— Тебе что приготовить: макароны или пюре? — спросила она Петю.

— Что хочешь, мамочка.

Мама поставила белую кастрюлю с водой на плиту, включила газ и куда-то ушла. Настало время кильки, и баба Зина разразилась трехчасовым скандалом. Петя натянул шапку, а поверх еще обмотал голову шарфом, но все равно баба Зина орала как резаная.

Ночью, когда папа с мамой думали, что Петя спит, папа сказал:

— Лена, выходи на работу!

— Я не могу, как ты не понимаешь, они же там плачут!

— Везде кто-то плачет.

— Даже зарегистрировать Веру ходила я...

— Я уезжал на конференцию.

— Ты всегда уезжаешь.

Утром мама выбежала на улицу в серой ночнушке, Петя побегал за ней, стал целовать. В этот день папа собрал вещи и ушел.

После ухода папы мама продала дачу.

Белый мамин халат давно висел в шкафу. На прошлый Новый год Петя скрестил вместе все пальчики и загадал, что мама вернется за свое второе окошко в детскую поликлинику. «Может, я неправильно загадал? — думал Петя. — На этот Новый год я напишу Деду Морозу настоящее письмо».

Мама устроилась кондуктором. В седьмом троллейбусе она проработала недолго, но успела познакомиться с ненужным дядей с серым лицом.

Самая дурацкая цифра на свете — один. Можно схлопотать кол от Нины Алексеевны, как Юрка за плетеный дуб у лукоморья и сливную цепь на дубе том. Первого числа маме приходили деньги от папы, она шла на почту, а возвращалась вечером с ненужным дядей и бесцветными бутылками.

Недавно Пете приснилось, что они с мамой сидят на лавочке на Плотинке. Мама в синем платье, у нее на коленках ветка сирени. Мама ищет цветочки с пятью лепестками и все отдает ему... Но в ноябре сирень не цветет.

Петя вытащил из шкафа синее платье, повесил на стул и стал теребить маму за плечо.

— Мама, вставай! Вставай, пожалуйста, умойся!

— Зачем?

— Мамочка, ну надень платье, скоро придет Нина Алексеевна, я тебе вчера говорил, и в среду, и в понедельник.

— Нина Алексеевна, Нина Алексеевна! Ты бы обо мне лучше подумал, — мама шарила рукой у кровати. — Прячет, обманывает. Весь в отца.

В комнату заскребся Борис. Петя открыл дверь — у порога лежала килька. Плошка с варевом в коридоре была перевернута. Борис раскусил отвратную кильку. Но кто его просил это делать сегодня?!

Петя стал звать бабу Зину. Она орудовала на кухне и ничего не слышала. Катастрофу нужно было ликвидировать самому. Петя взял из туалета зеленый совок, но подлая килька не отдиралась от пола. Мальчик побежал в ванную за тряпкой. В красном тазике плавали замоченные бабой Зиной чулки. Петя выловил два чулка, надел их на руки. Только бы успеть до прихода Нины Алексеевны! Петя изо всех сил тер деревянный пол. Наконец, он собрал всю пакостную кильку и бросил ее в ведро вместе с чулками. Ведро он прикрыл газетой «Уральский рабочий». Руки провоняли килькой. Их с дедом Мишей хозяйственное мыло не помогло, и Петя использовал розовый обмылок бабы Зины.

Вдверь позвонили — пришла Нина Алексеевна. Она повесила зеленое пальто на крючок, сбросила сапоги, вытащила из сумки плетеные туфельки, купленные вчера на рынке. На мокром коричневом полу они оставляли следы-паутинки, исчезающие так же быстро, как белые лучи самолета на небе.

Баба Зина отстукивала палкой:

— Ходят всякие к этой семейке, а у меня тушенка пропадает!

— Никакие не всякие! Это моя учительница, Нина Алексеевна!

— От этих ваших учительниц кильку прятать надо!

— Вы, пожалуйста, не слушайте бабу Зину, — сказал Петя Нине Алексеевне. — Проходите к нам с дедой Мишей, у нас живет собака Динка. Ей целых двенадцать лет!

— А где твоя мама? Я хотела с ней поговорить.

— Мама устала — она спит.

— В два часа дня?

— Вы же знаете, мама работает в поликлинике, а дети утром и вечером болеют.

Деда Миша рассказывал учительнице, что Петя им с Динкой очень помогает. Динка легла у ног Нины Алексеевны.

— Вас любят собаки, — сказал деда Миша.

Петя подкладывал Нине Алексеевне политые сгущенкой печеньки.

Вошла мама в синем платье.

— Здравствуйте, Ниночка Алексеевна, мы вас так ждали! Замучил вас дед Миша своими разговорами? — Мама поставила на стол бесцветную бутылку.

— Мама, Нина Алексеевна уже чай с печеньками попила.

Мама спросила:

— Как Петины успехи?

— Старается, — сказала Нина Алексеевна.

— Давайте выпьем по старому русскому обычаю за Петечкину золотую медаль!

— Я не пью, Елена Андреевна, и вам...

— Я медицинский работник и плохого не посоветую!

— Мама, пожалуйста!

— Я же к ней со всей душой! — Мама заплакала и выскочила из комнаты.

— Нина Алексеевна, вы ничего не думайте. Просто мама очень устает на работе.

В Петины кеды будто насыпали камешков и сказали пробежать десять километров.

Раздался стук палки бабы Зины.

— Ваш Петя напихал в мои лучшие чулки кильки и выкинул! И мое розовое мыло извел! Ужасная семья, ужасная, так всем и передайте!

— Нина Алексеевна, давайте я вам Магомаева поставлю, — сказал деда Миша.

— Михаил Иванович, я все понимаю, но я обязана сообщить в органы опеки.

— Они заберут этого хулигана?! — оживилась баба Зина и устучала к себе в комнату.

— Нина Алексеевна, я серьезно поговорю с его мамой. Я сам буду ходить на родительские собрания, Нина Алексеевна, — говорил деда Миша.

— Я все понимаю, но в таких условиях мальчику нельзя. До его папы невозможно дозвониться.

Петя сел на корточки у шкафа, обхватил колени. Сейчас он был готов сварить и съесть всю кильку из «стекляшки».

В комнату вошла баба Зина. Она сунула учительнице голубой платочек. В него был завернут значок «Победитель соцсоревнования. 1973».

— Возьмите! Меня им наградили на профсоюзном собрании, я план выполнила на сто двадцать процентов. Не забирайте мальчика! Он хулиган, но наш.

— Я не могу, поймите, не могу замалчивать, — Нина Алексеевна направилась к двери.

Петя побежал за учительницей.

— Нина Алексеевна, не сообщайте никому. Я-то справлюсь, а как мама? У нее, кроме меня, никого нет. Моя мама хорошая, вы ее просто не знаете. А деда Миша? А с Динкой гулять? И бабе Зине будет без меня скучно. Даже кот Борис хоть и не гадит, но его тоже нужно гладить.

— Приходите к нам на следующей неделе, — сказала баба Зина.

25 апреля 2020 года

ЖЕНИТЬ КИРЮШУ

«Кирюшу нужно женить», — решила Таисия Сидоровна. Для свадьбы у них было все: портрет Хемингуэя, полное собрание сочинений Диккенса, магнитофон, двухкомнатная квартира с балконом и дача.

Кирилл работал инженером-конструктором на заводе «Урал-маш», бегал по утрам и имел первый разряд по шахматам.

Невест искали всем подъездом: фармацевт Елена Геннадьевна с пятого этажа находила врачей и провизоров, у парикмахерши Марины Константиновны из двенадцатой квартиры знакомства были обширнее.

Таисия Сидоровна хотела знать все о будущих невестках. Кирюша не должен повторить ее ошибку!

Марина Константиновна познакомила Кирилла с Любочкой из молочного отдела гастронома на Вайнера. Люба делала химическую завивку и ходила в клетчатых юбках.

— Люблю в трамваях кататься. Бывает, даже общежитие проезжаю. Я билеты компостирую, только если проверяют. А вы, Кирилл, счастливые билеты собираете или сразу съедаете? — спросила девушка.

— Я в столовой обедаю, — ответил Кирилл.

— А я в обеденный перерыв гуляю, потом в общежитии наедаюсь.

Кирилл пригласил Любочку домой. Люба принесла «Птичье молоко»:

— Светлые у вас комнаты.

— А вы, Любочка, что закончили? — спросила Таисия Сидоровна.

— Торговый техникум. А что? — всегда при работе.

— А родились в Свердловске?

— В Тавде. Там тоска, а здесь столько людей! — Люба взяла третий бутерброд с икрой.

— Вы «Приключения Оливера Твиста» читали? — Таисия Сидоровна посмотрела на зеленый тридцатитомник.

— Я у Ирки из мясного «Бурду» на два дня взяла. Там такие выкройки! Платье шить буду, осталось отрез достать.

— У вас общежитие скоро закроется, — сказала Таисия Сидоровна.

— Могу еще посидеть, — Люба доедала «Мимозу».

— Вам пора. Кирюше к восьми на работу.

Елена Геннадьевна познакомила Кирилла с Настенькой.

— В Перми учились? — спросила Таисия Сидоровна.

— Да, в фарминституте. У нас тоже дома Диккенс. Еще на собрание сочинений Толстого подписались.

— А живете, Настенька?

— На Московской горке. Зеленая роща рядом, и до работы недалеко.

- Кирюша там бегает.
- А мы с Электроном гуляем.
- С Электроном? — удивилась Таисия Сидоровна.
- Электрон — наша собака.

Таисия Сидоровна чихнула:

- У меня страшная аллергия на шерсть.
- Есть лекарства...
- Ничего не помогает.
- Мама... — пробормотал Кирилл.
- Кирюша знает. Приятно было познакомиться.

Марина Константиновна мечтала, чтоб ее невеста вышла замуж за Кирилла. Елена Геннадьевна поженила во дворе три пары, а Марина Константиновна только две. Да и то Сергей с Натальей через полгода разбежались. Найден был беспроигрышный вариант: Ариночка — прима-балерина музкомедии, отдельная квартира в «сталинке», знает три языка, без вредных привычек и домашних животных.

— Заметил, у Ариночки щербинка между зубами? — спросила у сына Таисия Сидоровна.

- Я слышал, это к счастью.
- В каком браке?

Марина Константиновна стала присматривать невест для Игоря — слесаря из седьмой квартиры.

Через семь лет Таисия Сидоровна умерла. Кирилл женился на Любочке из гастронома. Оказалось, у молодых пятилетний сын.

23 мая 2020 года

ИЯ ФЕДОРОВНА

Во дворе опять творилось что-то неладное. Ия Федоровна набросила мешковатую куртку, примяла волосы черным пластмассовым ободком и побежала на улицу. Увидев ее красную куртку, жильцы девятого дома старались юркнуть в подъезд или быстрее уехать со двора.

В июне в доме открылось кафе «Мечта» — двор захватили чужие машины. На собрании жильцов было решено поставить шлагбаум. Через два месяца стрелку шлагбаума оторвали. Ия Федоровна давала голову на отсечение, что это дело рук владельца

кафе Сазонова. К тому же кафе нещадно выкачивало воду и электричество Ии Федоровны. В ответ на ее жалобы из управляющей компании приходили стандартные отписки.

— Всех подкупил Сазонов! Вор! Аферист! — негодовала Ия Федоровна.

Она стала проводить уличные собрания. Пора было объявлять чрезвычайную ситуацию — Сазонов обрабатывал жильцов второго этажа, этому проходимцу понадобились квартиры под офис.

— Вы понимаете, к чему это приведет?! — кричала Ия Федоровна. Около нее останавливались собачники, шедшие с работы соседи и мамочки с колясками.

Двенадцатого июля два парня в спецовках пытались проникнуть на чердак. «Люди Сазонова», — сразу поняла Ия Федоровна и вызвала полицию. Она повесила в подъезде объявление: «Запирайте входную дверь! Защитите себя и близких!»

Ия Федоровна начала поквартирный обход. Все должны знать о махинациях Сазонова и коммунальщиков!

— Кафе на первом этаже — притон алкоголиков и наркоманов!

Старухи-соседки охали и интересовались, большие ли очереди в поликлинике.

— Поставят ржавые батареи, а наши чугунные продадут! Сазонов...

Перед носом Ии Федоровны захлопывали двери или вовсе игнорировали ее упорные звонки и стук.

В доме начали пропадать квитанции. Ия Федоровна с утра занимала пост у входной двери:

— Нужно немедленно разобраться! Сегодня воруют квитанции, завтра залезут в квартиры!

...В трехкомнатную квартиру в серой панельной девятиэтажке семья Ии Федоровны въехала в 1980 году.

Прежде Кругловы жили в хрущевке. После школы Ия бежала к родителям на кондитерскую фабрику. В папином шкафчике для нее висели белый халат и шапочка. Халат почти доставал до пола, мама обещала его подшить, а пока Ия туго подпоясывалась. Папа рассказывал о механизации труда, поточном производстве... Но разве можно слушать, когда возле тебя по черным

дорожкам проезжают конфеты! Вот бы прокатиться с ними по этому сладкому пути!

Мама работала в магазине на первом этаже. На оранжевых стенах в рамках, словно картины, висели огромные фантики. В высоких стеклянных шкафах ждали покупателей конфеты, шоколадки, мармелад, печенье. А еще там жили шоколадная белка с большим орехом, заяц с корзинкой морковки и золотая рыбка!

На прилавке рядом со счетами стояла похожая на мясорубку машинка. Мама крутила ручку — и на блюде вылетала конфета в блестящем фантике, завязанном по бокам пышными розочками.

За хорошую учебу мама разрешала в пятницу взять с блюдечка конфету. Довольная Ия бежала за Толиком в садик. Она откусывала от конфеты маленькие кусочки и долго катала во рту, чтобы хватило на всю дорогу. Толя тоже просился на фабрику, но он был еще маленький.

Ия кормила Толю и садилась заниматься. Если будут готовы уроки, вечером возьмут на второй этаж к Семеновым!

Павел Иванович Семенов первым в доме купил телевизор. Телевизор был размером со шкафчик, а экран меньше Ииных прописей. На темно-сером фоне говорили дикторы. Картинка тряслась, часто пропадал звук. Павел Иванович крутил антенну.

— Поставьте на окно!

— Нет, лучше на пол! — советовали соседи.

Ну и что, что не шел телевизор! Ие и без телевизора было на что смотреть. У жены Павла Ивановича столько платьев! Розовое с юбкой-солнце, синее с черными бархатными цветами, желтое с коричневым бантом, салатное с большими белыми пуговицами, зеленое в черный горошек... А как Ие хотелось такое же белое приталенное платье с V-образным вырезом, красными пуговичками, летящей плиссированной юбкой и плетеным кожаным ремешком! Каждый вечер на Ирине Константиновне появлялось что-то новое: жемчужная нить на шее, сережки, лаковые туфли... Ее сладкие духи хотелось попробовать на вкус.

Ирина Константиновна выступала в оперном театре. Однажды соседи уговорили ее спеть.

— Са-а-а-ла-вей мой, са-а-а-лавей!!! — выводила Ирина Константиновна.

Ия зажала ладошками уши:

— Ой! Вы громче школьного звонка!

— Ия, ты что! Извините, — покраснев, сказала мама.

— Девочка права, голос у меня высокий, — улыбнулась Ирина Константиновна, — колоратурное сопрано.

Двадцать девятого декабря Ия и Толя весь вечер крутились в коридоре — сегодня папа обещал принести елку. Для ее украшения все было готово: с антресолей сняли деревянный ящик — там под слоем ваты прятались разноцветные шары и красная звезда на верхушку, мама достала два килограмма мандаринов, принесла мешочек шоколадных конфет.

Наконец открылась дверь. Пришел папа, а елки не было! Дети выскочили на лестничную площадку — и там ничего!

— Где елка?! — не понял Толик.

— Растет в лесу.

— Не хочу в лесу! Пусть здесь растет!

— Ладно, Толя, пошли спать, — сказала Ия.

— Никакого сна, пока не придет поезд! — папа вытащил из-за спины большую картонную коробку.

— Железная дорога! — закричал Толик. — Настоящая!!!

— Федя, ты как что придумаешь... — вздохнула мама.

— Оля, видишь, как дети радуются...

Папа проложил железную дорогу по всей комнате Ии и Толи. Уже стоял готовый к отправлению поезд: темно-синий вагон машиниста, два зеленых пассажирских, последним прицепили черный грузовой вагон.

— Как поезд назовете? — спросил папа, когда вагоны пролетали мимо кровати Ии.

— «Мой!» — выпалил Толя.

— Почему твой?! — обиделась Ия.

Поезд остановился. На желтом домике красными буквами было написано: «Пионерская». Справа и слева стояли лавочки и высокие серебристые фонари. Поезд встречал стрелочник в красном берете.

— «Мой и Ики», — сказал Толя.

На станции зажглись фонари, засветились окошки вагонов.

— А! — закричал мальчик. — Ика, Ика, поезду имя понравилось!

— Теперь все к нам придут — на железную дорогу смотреть! — обрадовалась Ия.

Дети выпросили у мамы несколько конфет. Конфеты-чемоданы путешествовали на крышах вагонов. Толик хотел прокатить мандарин, но он свалился.

— Зайцем ехал, — сказал папа.

— А у конфет билет — фантик, — догадалась Ия.

Конфеты хотели кататься всю ночь, но пришла мама:

— Поезд прибыл на станцию «Чистить зубы»!

— Нет такой! — крикнул Толя.

— Есть! — сказала мама. — Следующая станция «Спокойной ночи», завтра отправляемся на станции «Школа» и «Садик».

— Ну вот... — расстроился мальчик.

— Можно один последний кружок? — попросила Ия.

— Вернусь через пять минут, — мама вышла из комнаты.

Ия сняла конфеты с поезда и положила на батарею.

— Зачем это? — удивился Толя.

— На, — Ия протянула брату подтаявшую конфету. — Так вкуснее!

Больше сладкие чемоданы на поезде не катались — конфеты из шкафчика тайно перекачывали Толе в рот. Мама нашла фантики у Ии под матрасом и три месяца не давала дочери конфет.

Двадцатого июля мама, Ия и Толя уезжали в Евпаторию.

— Ты почему с нами не едешь? — спросил Толик папу.

— Я железную дорогу охраняю.

— Ладно. Только не играй в нее!

— Папа, что тебе привезти? — спросила Ия, когда они подошли к вокзалу.

— Самый красивый камешек.

— Я, я его найду! — закричал Толя.

Поезд опаздывал. У первой платформы за железной оградой росла липа. Ия отогнула нижнюю ветку:

— Толя, смотри, какие у липы цветочки-буратинки — голова-горошина и длинный белый нос. А вот буратинки-девочки, у них волосы коричневые.

— Не хочу смотреть! Оторви мне листик!

Толя приложил листок к маечке. Лист перевернулся на ветру, но продолжал держаться.

— Ика, ты это видела, видела?! А зачем листы клеим намазали?

— Чтоб все знали — это липа, — ответила девочка.

Обежав вагон, Толик сказал:

— Наш поезд лучше!

Ия лежала на верхней полке. За окном тянулись сиреневые поля иван-чая, похожие на ежей кусты, за забором из берез и сосен укрывались домики. «Скорей бы увидеть море!» — мечтала девочка.

Евпатория оказалась белой-белой: санаторий, дома, набережная, фонтаны. Море было сине-зеленым, как глаза Ии, хотя его почему-то называли Черным.

У Толи стали курчавиться волосы. Мама расчесывала медовые кудряшки сына и целовала его в макушку, Ию на ночь мама поцеловать забывала.

Папиного камешка Ия пока не нашла, зато ей попалась большая перламутровая ракушка. Ия приложила ее к уху брата, и он услышал загадочное «у-у-у-у».

— Кто это шепчет? — спросил Толик.

— Море с ветром разговаривает, — пояснила Ия.

Только море было холодное и одинокое. Никто не купался. Ия с Толей ходили в кофтах и курточках.

Дети гуляли в парке. Там росли голубые елки, на их макушках сидело много шишек. Ия и Толик сразу поняли: голубые елки — жадины. Дул ветер — коричневые головы елок наклонялись, но шишками не делились.

— Ика, они ненастоящие!

— Сейчас проверю, — Ия подошла к жадной елке в центре парка.

— Ну что? — спросил Толя.

— Колочая! Точно настоящая.

Наконец в Евпатории потеплело. Море уже привыкло играть само с собой — оно поднимало огромные волны и бросало на берег. На пляже висел красный флаг.

Ия и Толик скинули сандалики — пальцы окунулись в муку, которую золотом раскрасило солнце. В июне у них во дворе поставили песочницу, маленькую, с твердым песком цвета подошвы старых чешек. А на пляже песок был мягкий, глубокий, ласковый! Толя лег на теплый песок. Мама подняла его, начала отряхивать:

— Ия, почему не смотришь за братом?

Главным развлечением детей стали прогулки по аллее фонтанов. По пирамидке из светлых чаш прыгала вода. Ия опускала

руку — вода исчезала, поднимала ладошку — вверх взлетала прохладная лента.

— Ика, делай, делай! — командовал Толя. — Все, все, теперь я!

Он носился вокруг фонтанов, залезал в бассейны под чашами, сталкивался с другими детьми, падал, вставал и снова бежал.

— Толик, у меня яблоко есть! — позвала мама.

Подбежал босой Толик. Мама и Ия искали его сандалики в фонтанах, под лавочками, в траве — ничего.

Мама взяла Толю за руку:

— Горе ты мое! Пошли за новыми сандаликами.

— Иди сама! Я тут буду! Тут! — визжал Толик.

— Мы уходим!

Толик вцепился в лавочку:

— Не пойду! Не пойду!

Мама оставила яблоко и печенье.

— Ия, сидите ешьте — я в магазин и обратно, — сказала она уходя.

— Печеньку дадите? — попросил мальчик лет шести. — Сухая, — сказал он, пожевав печенье. — Чего скучаете? Айда купаться!

— Купаться нельзя, — сказала Ия.

— Я знаю, где можно.

— Ика, давай быстренько, — уговаривал Толя.

— Нет, мы ждем маму!

— Ну и дураки, а я — плавать.

Толя побежал за мальчиком, Ия — за братом.

Дети спустились к берегу. На песке загорали водоросли, море казалось спокойным.

— Только намочим ноги, — сказала Ия.

Под водой виднелся бело-розовый камешек. Это он — папин! Ия потянулась за камешком — в руке оказалась серая галька. Девочка подошла ближе, наклонилась — и вот в ее ладошке лежало гладкое каменное сердечко!

— Толик, смотри, папин камешек!

Брат не отзывался. Ия оглянулась — Толика нигде не было.

— Толя! Толя!!! — звала Ия.

Впереди послышался плеск.

— Толя!!!

Ия плавала плохо, по-собачьи. Нырнула, ее накрыло волной. На дне было темно и холодно. Откуда-то издали послышался мамин крик:

— Там дети! Помогите!!!

Ия начала барахтаться, но вода как будто стала твердой...

Ия очнулась в незнакомой комнате с желтыми стенами. На стуле у ее кровати дремал папа. В его волосах появились белые ниточки. Горло жгло. Ия закашлялась:

— Папа... Камешек... Толя...

Папа позвал врача. Врач дал Ие зеленую таблетку — девочка уснула.

Через несколько дней они уезжали домой.

— Мы домой вдвоем едем? — спросила папу Ия.

— Мама приболела, — сказал папа. — Она увидела, что вы бежите к морю, кинулась за вами. Тебя из воды вытащил прохожий, мама спасла мальчика, который повел вас купаться.

— А Толик, Толик?!

— Толик далеко, — папа смотрел в пол.

— Папа, он же вернется?!

Папа взял Ию за руку:

— Пошли быстрее! На поезд опоздаем!

Дома на вокзале Ию встречала знакомая липа. Нижняя ветка, с которой она сорвала листок брату, пожелтела, цветочки-бурастинки засохли.

Мама вернулась в конце августа. Ее серые глаза стали пасмурными. Она выставила в коридор синие сандалики, папа убрал их на антресоли.

Дома стало тихо. Федора Петровича назначили заместителем главного технолога. Ия несколько раз забегала на фабрику, но у папы всегда были неотложные дела, в магазине на первом этаже теперь продавала конфеты чужая тетя.

После уроков Ия шла в кружки. Она записалась на выжигание и шитье. На выжигании ей выдали прямоугольную коробку с колесиком. Черной ручкой с раскаленной иглой Ия выжигала елку. Линии выходили толстыми и кривыми. Руководитель кружка нарисовал на ее доске контур. Темно-коричневая линия соскальзывала с рисунка и прерывалась, но все же получилось что-то похожее на дерево. Вспомнилась Евпатория, парк, голубые елки-жадины, слова Толика:

— Ика, они ненастоящие!

Ия схватила портфель и побежала домой.

На кухне в синих сандаликах сидел похожий на Толика мальчик, мама угощала его пряниками.

Папа отвел мальчика в милицию.

Мама стала жить в сером доме, окруженном высокими деревьями. По воскресеньям Ия с папой через две пересадки ездили к ней. В старших классах Ия к маме приходила одна.

Мама спрашивала:

— Когда придет Толя?

— На следующей неделе...

— Передай: я его жду.

Получив аттестат, Ия приехала к маме с конфетами.

— Плохо завернули! — мама смяла фантик и бросила под кровать.

— Прости...

— Толя утонул из-за тебя! Что смотришь, убирайся!

Ия выбежала на улицу, заскочила в какой-то автобус. Конечной был «Вокзал». У первой платформы за оградой цвела липа. «Липа каждую ночь плачет — вот почему листья клейкие», — поняла Ия.

Через неделю мама умерла.

Экзамены в институт Ия провалила. Она устроилась упаковщицей на кондитерскую фабрику, потом поступила в торговый техникум. Спустя три года она стояла за прилавком в магазине на первом этаже, где раньше работала мама. Папа стал главным технологом, он даже ездил в Москву представлять новые виды конфет на Выставке достижений народного хозяйства.

Шестнадцатого апреля Ия проснулась от боли в животе. Отец был в командировке.

Ерунда! Сейчас она встанет, примет таблетку и побежит на работу. Сегодня очень важный день. В десять придут школьники, она проведет свою первую экскурсию по кондитерской фабрике!

В семь пятьдесят Ия открыла магазин. Переодеться не хватило сил, ее знобило. Зашел водитель Алексей, по утрам перед рейсом он покупал ириски.

— Тебе нужно в больницу, — сказал Алексей, увидев скрюченную Ию.

— Я работаю, у меня школьники, экскурсия...

— Ия!

— Ты за ирисками? — Ия с трудом встала, но до стеллажа не дошла.

В больнице Ие вырезали аппендицит. Каждый день к ней приходил Алексей:

— В термосе бульон, в баночках яблочное пюре...

— Зачем? Здесь хорошо кормят.

— Ну как? — домашнее быстрее лечит.

— Я столько раз представляла, как вожу детей по фабрике. Все им показываю... Мне папа доверил. И что?! Вот, в больнице валяюсь!

— Ну, ничего... ничего, будет...

Ию выписали из больницы. Алексей заглядывал по утрам за ирисками, по выходным они гуляли в парке.

— Знаешь, я ведь ириски не люблю, — сказал Алексей, протягивая Ие эскимо.

— Почему тогда покупаешь?

— Ну как... ребятишкам во дворе отдаю.

— А что любишь?

Алексей вытащил из кармана трюфель в серебристой обертке:

— Разверни.

В фантике лежало кольцо.

Свадьбу назначили на двенадцатое июня. Ирина Константиновна подарила Ие белое приталенное платье с V-образным вырезом, летящей плиссированной юбкой и плетеным кожаным ремешком, которое ей так нравилось в детстве.

— Тебе на счастье. Мне его мой Павел подарил.

В салоне для новобрачных приобрели бирюзовый набор постельного белья, Алексею — серый костюм, Ие — кремовые туфли.

Свадьбу играли в столовой фабрики. В конце торжества вынесли двухъярусный торт. С торта гостям улыбались нарядные Ия и Алексей.

В трехкомнатную квартиру в серой панельной девятиэтажке фигурки со свадебного торта переехали вместе с Ией, Алексеем и Федором Петровичем. Шоколадные молодожены теперь стояли в двухлитровой банке в серванте.

Через год родилась долгожданная Даша. Малышка мало спала, только научившись сидеть, пыталась выбраться из коляски, научившись ползать, забиралась под стол, дергала за шторы, вытаскивала папины инструменты из коробки под диваном... В десять месяцев Даша пошла. Ия убрала с нижних полок все

опасные предметы, и все равно в руках у дочки оказывались ножицы, скрепки, стиральный порошок, бабушкины таблетки...

— Как ты мог оставить лекарства на самом виду! — набросилась Ия на пришедшего с работы отца.

— Они лежали в ящике стола под бумагами, но ничего же не произошло... — оправдывался Федор Петрович.

— В этом доме никто не думает о ребенке, кроме меня! — плакала Ия.

— Я вот в детстве пуговицы глотал и мыло ел и, видишь, большой вырос, — успокаивал жену Алексей.

На второй Дашин день рождения Федор Петрович достал с антресолей железную дорожку, Даша с открытым ртом смотрела на путешествие поезда на станцию «Пионерская».

Дедушка не успевал снять пальто, Даша хватала его за руку и тянула в комнату:

— Поехали! Поехали быстрее!

Каждый вечер темно-синий вагон машиниста, два зеленых пассажирских и черный грузовой вагон отправлялись в путь. На крышах вагонов опять катались конфеты-чемоданы. На станции сладкий багаж исчезал.

— Конфеты на ночь! Ты ребенку зубы испортишь! — выговаривала отцу Ия.

— У нее еще куча зубов выпадет, не переживай, — шутил Алексей.

Федору Петровичу одному из первых в доме установили телефон. Соседи потянулись к ним звонить. Часто соседи договаривались с родными о времени звонка и ждали его в коридоре.

Даша хватала трубку:

— Алло! Вы из какого города? Из Ка-ли-нин-гра-да? А-а-а! А сколько у вас времени?

В праздники Даша носилась по этажам:

— Быстрее к нам! Быстрее! Вас из Москвы поздравляют!

Поздравляли из Ленинграда, Казани, Ижевска, Тюмени... Даша нигде еще не была, но уже разговаривала со столькими городами!

— Даша, я тебе запрещаю бегать по лестницам! — кричала Ия, но Даша уже прыгала по ступенькам. — Вы с отцом ей покажете! Она упадет, расшибется!

Алексей обнимал жену:

— Ия, будет, будет... Может, наша Дашка телефонисткой станет или секретарем.

Миша родился слабеньким. Ия с малышом месяц пролежала в больнице.

— Алеша, что делать? Он совсем не набирает вес! — плакала Ия, когда муж приходил их навещать.

— Федор Петрович достал кухонный комбайн. Мишка на соках мигом всех нас перерастет! — говорил Алексей.

Мишу через не хочу отпаивали морковным соком. Его тошнило от апельсиновой жижи. Услышав шум кухонного комбайна, малыш прятался в шкафу.

Летом Алексей собирался на рыбалку. Ия протягивала мужу ведро:

— Поедешь за ягодами — Мишеньке нужны витамины!

Мальчик выплевывал кислую чернику.

— Мишенька, кушай, кушай! Давай — ложку за маму, ложку за папу, ложку за бабушку! — уговаривала Ия.

Чтобы мальчик ел фрукты, Алексей стал за копейку покупать у сына сливовые и вишневые косточки. Миша отдавал фрукты Даше. Только когда поезд мчался по комнате, Ия удавалось накормить сына пюре, котлетой, а иногда даже борщом.

Федор Петрович рассказывал внукам, как из какао-бобов делают шоколад, а из орехов пралине, приносил маленькие шоколадки. С блестящих оберток на детей смотрели Красная Шапочка, Кот в сапогах, Старик Хоттабыч, сонный Емеля на печи... Даша вырезала сказочных героев и бежала к отцу. Алексей наклеивал их на белую плитку в ванной. Обертки от своих шоколадок Миша разглаживал пальчиком и складывал в альбом.

Мальчик водил зеленым карандашом по бумаге. Подошел Федор Петрович:

— Миша, что за хвостатое чудовище воздушный шар глотает?

— Дедушка, это же крокодил Гена! На новый фантик. Он шарик в зубах для детей держит.

Мишу отдали в садик, на третий день он заболел ангиной, потом подхватил ветрянку.

— Группы переполнены, воспитатели за Мишенькой не смотрят, он у них во дворе полураздетый бегаёт! — возмущалась Ия.

— Раз Мишке лучше дома, увольняйся с работы, и Дашку с продленки заберем, — решил Алексей.

Ия стала ездить с Мишей на массаж и лечебную физкультуру. От частых походов в поликлинику и стояния на остановках Миша слег с воспалением легких.

Дашу записали на легкую атлетику, тренеры ее хвалили. Девочка вприпрыжку бежала в секцию, Ия с Мишей плелись позади. Мальчик останавливался у ярких вывесок, смотрел, как ветер щекочет листья, как из черного кружка светофора исчезает красный человечек и под ним появляется зеленый...

— Нечего за мной ходить! Я уже взрослая! — протестовала Даша.

— Взрослая?! Вон, опять горло открыто! — говорила Ия.

На кондитерской фабрике начались перебои с зарплатой. Федора Петровича проводили на пенсию. Алексей таксовал на девятке тестя. Ноябрьской ночью девяносто третьего года ему в бок въехала тонированная иномарка. Парни из БМВ орали, требовали деньги. Алексей вышел из машины и тут же от удара улетел на обочину.

— Господи! Как мы теперь без машины! Она совсем новая была! — причитала Ия.

Федор Петрович тряхнул ее за плечи:

— Что ты кричишь! Радоваться надо — Леша жив остался!

Алексей устроился к приятелю в видеосалон. Днем давали на прокат кассеты, поздним вечером крутили иностранные фильмы. Ия пошла работать в продуктовый ларек.

По дороге на почту Федор Петрович встретил знакомого инженера:

— Илья, ты почему не фабрике?

— Сократили — уже месяц без работы. Вам разве Алексей не рассказывал? Фабрику купили швейцарцы. У них свои технологии, свои рецепты...

Федор Петрович вернулся домой, положил в папку оплаченные квитанции, опустился на диван. Миша принес шахматы, стал расставлять фигуры. Федор Петрович погладил внука по голове:

— Пообедай, потом поиграем.

Подбежала Даша с учебником физики.

— Дашуня, погоди, я немного полежу.

Скорая ехала пятьдесят минут...

Железная дорога и шахматы возвратились на антресоли.

Миша поселился в комнате Федора Петровича. В дедушкином шкафу он нашел художественные альбомы, рассказы о природе... Какие могут быть домашние задания, если рядом такие книги! С первыми находками он прибежал к маме.

— Ты мне лучше решенные примеры покажи и дневник без троек, — говорила Ия Федоровна. — Алла Васильевна жалуется: на уроках в окно смотришь, библиотечный учебник белками изрисовал!

Ия прятала от сына альбомы, Миша стал читать с фонариком под одеялом.

Пятнадцатый день рождения Даша хотела отметить в «Макдоналдсе».

— Где? — переспросила Ия.

— В новом ресторане.

— Испеку торт — позовешь подружек, прекрасно посидим дома.

— Сама дома сиди! — Даша хлопнула дверью.

Даша мечтала о кожаной куртке с серебристыми заклепками и ремнем с блестящей пряжкой, как у Ани из их класса.

Миша нарисовал сестре хохлатого снегиря на ветке рябины, Ия вручила дочери белую блузку и справочник для поступающих в вузы. Алексей протянул Даше большой пакет. В нем оказалась красная кожанка в заклепках с высоким воротником! (Ради дочкиной обновки Алексей продал коллекцию марок.)

В обеденный перерыв Ия несла в квартиру сумку с продуктами. У почтовых ящиков она увидела длинноволосого парня и знакомую красную куртку.

— Уже по подъездам обжимаешься! Живо домой!

Ия схватила дочь за руку. Даша упиралась — рукав кожанки порвался по шву.

— Оставь ты Дашку, возраст у нее такой, — говорил Алексей.

— Ты ничего не понимаешь! — кричала Ия.

— Можно мне на дискотеку? Девочки ждут... — попросила Ию Даша через месяц.

— Сперва в институт поступи!

Даша перелезла на соседский балкон и убежала на танцы. Ия заставила мужа балкон застеклить.

У Миши начало падать зрение.

— Он опять забыл дома очки, — сокрушалась Ия.

— Его в школе глистой очкастой дразнят, — вырвалось у Алексея.

Ия Федоровна побежала в школу и устроила скандал, досталось и учителям, и одноклассникам сына. Мальчика прозвали «слепощарая плакса» и «мамина глиста».

— Еще раз придешь в школу — меня больше не увидишь, — услышала Ия от Миши.

В десятом классе Даша забеременела.

— Идиотка! Всю жизнь себе испортила, — плакала Ия.

— Что теперь-то кричать, — говорил Алексей.

— Это ты, ты ее распустил!

Появилась Яна. Стены комнаты Даши и Яны Миша превратил в волшебный лес. В раскидистом дубе за круглой дверкой жил белый заяц. В гости к нему спешил ежик с яблоком на спине, из дупла выпрыгивала пушистая белка в розовом платье.

Во время прогулок с Яной Даша оставляла каталоги косметики в парикмахерских, пиццериях, павильонах, киосках.

— Куда ты ребенка таскаешь! — выговаривала дочери Ия Федоровна.

— Скоро мы от тебя съедем — не переживай!

Даша обучилась наращивать ногти и ресницы, сняла однушку и стала работать на дому.

В выпускном классе Ия Федоровна сказала сыну:

— Мишенька, не волнуйся, с Маргаритой Петровной из приемной комиссии лесотехнического я договорилась.

— Я буду поступать в архитектурный.

— Объясни ты ему: веселые картинки — не профессия! — требовала Ия Федоровна от мужа.

— И правда, Мишка, получишь диплом, а рисовать ты и так умеешь, — сказал Алексей.

В лесотехническом институте Миша продержался три курса. Со второго захода ему удалось поступить в архитектурный. Учеба требовала расходов: карандаши, краски, кисти, холсты... Миша устроился в цирк рисовать шаржи.

— Почему так медленно?! — кричали мамочки. — У нас очередь в буфете подходит!

— Я хочу собачку из шарика! — канючили дети.

Через месяц в цирке нашли более расторопного художника.

Миша стал расклеивать объявления, если не успевал, просил отца.

— Доучился бы в лесотехническом, — вздыхала Ия Федоровна.

По рекомендации преподавателя Мишу пригласили расписать стены и потолки в загородном доме. Хозяйка требовала нарисовать на потолке спальни белокурого Амура на облачке, а в ванной — выходящую из морской пены Афродиту. Миша изобразил восход солнца и подводный мир:

— Посмотрите, так гораздо лучше.

У дамы было много друзей. Оформлять дома Мишу больше не звали. Иногда он выставлял свои картины в парке. Около них мало кто останавливался.

С одиннадцатилетней Яной и пятимесячной Олей вернулась к родителям Даша. Олиного отца переводили в Нижний Новгород.

— Пакуй чемоданы, на Волгу переезжаем! — объявил Марк Даше.

— Яну посреди года в новую школу устраивать...

— Зачем ее дергать, пусть у твоей мамы живет.

— Я матери дочь не оставляю! — сказала Даша.

В Нижний Новгород Марк уехал один.

...Ия Федоровна поднималась по лестнице. Мимо нее в равных джинсах пролетела Яна.

Ия Федоровна зашла в комнату Миши. Он спал за столом у мигающего огонька монитора. Ия Федоровна накрыла сына пледом, забрала грязную посуду и банки от энергетика.

На кухне четырехлетняя Оля смотрела мультики в телефоне, у открытой форточки курила Даша. Ия Федоровна начала мыть посуду:

— Ты хоть при ребенке не кури...

— Мам, не лезь, а!..

— Видела, в чем Яна ушла?

— В одежде.

— Олечка, отложи телефон, — попросила Ия Федоровна, — я тебе сейчас кашу разогрею.

— Отстань от меня! — крикнула Оля.

— Мишенькой своим займись, целыми днями в компьютер играет, — сказала Даша.

— Не наговаривай на брата! Он по интернету работает.

— Да, и на твою пенсию живет.

Ия Федоровна убрала посуду в сервант. У стенки в двухлитровой банке стояли их с мужем побелевшие от времени фигурки.

На кухне делать было больше нечего. Ия Федоровна пошла в свою комнату. У кресла стояла гитара.

Три года назад Алексей нашел этот измученный инструмент, подклеил корпус, заменил струны. Алексей брал гитару, Ия откидывалась на спинку кресла и закрывала глаза...

Уже полгода гитара молчала.

Ия Федоровна вытащила из коробки стопку квитанций. Так, семнадцатая квартира — хозяйин гадившей в подъезде овчарки. Шестнадцатая квартира вечно сдается. Снимавшие квартиру студенты затопили кухню Ии Федоровны. Она полмесяца названивала хозяину, пока он не заставил жильцов побелить потолок. Двадцать первая квартира — наглый парень, кидавший окурки в герань на лестничной клетке. Сколько раз Ия Федоровна просила не убивать цветок! После очередной стычки с соседом на ее двери появлялась надпись: «ДУРА».

Ия Федоровна смяла платежки соседей и порвала их на мелкие кусочки.

«Через неделю начнется капитальный ремонт, потом Сазонов что-нибудь вытворит, — думала Ия Федоровна, — а там и зима недалеко...»

Ия Федоровна стерла пыль с гитары. Ей послышался голос мужа:

— Ну, ничего... ничего, будет, будет...

10 октября 2020 года

МЕТР ВОСЕМНАДЦАТЬ

Таня снова встала на цыпочки, но так и не смогла дотянуться до кнопки звонка. Номер квартиры был четыре, кнопка из ярко-зеленой превратилась в грязно-травяную. Почему метр восемнадцать так мало для человека? «А вот если бы таракан был метр восемнадцать?» — подумала Таня и поежилась.

Она стояла на улице — семь красных светофоров. Сколько это в минутах, она не считала, да и запуталась бы, если бы начала считать. На ее первое Первое сентября папа обещал подарить часы: белый циферблат, большие цифры с хитрыми завитушками и три золотые стрелочки. Эти часы стояли в самом

центре на второй полке в часовом магазине на углу Малышева и Вайнера. Они с папой заходили туда дважды, и один раз Таня даже их примеряла. Папа помог застегнуть кожаный ремешок в пупырышках, и Тане показалось, что ей на руку прилетели мыльные пузырьки.

В июле, когда Таня с папой возвращались с рынка, папа спросил, чего она хочет. Только папа мог Таню об этом спросить. Мама всегда сама решала, чего хочет Таня, а бабушке было некогда: бабушка смотрела сериалы, разговаривала по телефону с тетей Клавой и каждый вторник на весь день уходила в собес.

— Я хочу домик для Барби, с большой кухней, холодильником с двумя дверцами и едой на каждой полке, а сбоку бутылки с газировкой и вишневый сок.

— Но у тебя же нет Барби.

— Зачем она мне! Я буду жить в этом домике сама! Я ниже Пети, Наташи и даже Гали, а она вообще только в садик пошла, а мне уже в школу.

— Дай-ка я измерю тебя, ты определенно подросла.

Папа поставил ведро с картошкой на тротуар, положил одну руку Тане голову, другую на землю. (Мама говорила, что у Тани слабые руки, поэтому с рынка Таня несла только красную корзинку с тремя десятками яиц. Она любила переключать их в гудящий холодильник «Мир». Холодильник не хотел открываться, и Таня двумя руками тянула на себя похожую на крючок ручку. Таня загадывала: ни одно яйцо не треснуло, значит, все будет хорошо. И если «все было хорошо», довольная хлопала железной дверцей.)

— Ровно метр восемнадцать, ты подросла на три сантиметра. Для молодой барышни это вполне достойно.

— Метр восемнадцать — это достойно, — повторила Таня.

Раньше папа раз в месяц по воскресеньям делал зарубки на двери, проводил по линейке черточку, и они вместе с Таней вычисляли, насколько она подросла. Но потом мама сказала, что Танины с папой художества все портят, и дверь покрасили.

— Слушай, а может, ты хочешь часы, а, Тыква?

— Я не тыква, я вишенка, — пробурчала Таня. «Какая я ему тыква!»

— Представь, как элегантно на твоей руке будут смотреться часы, будешь всегда знать время и никада не опоздаешь.

— Э-ле-ган-тно, — повторила Таня. Это слово ей очень понравилось, и старая мечта выскочила у нее из головы. — Хорошо, папа, берем часы. Только чтоб обязательно тикали!

А в августе... В августе мама плакала.

Таню поселили у тети Клавы. Тетя Клава и Танина бабушка учились вместе в школе. У тети Клавы не было телевизора, только книги на стенке. Она жила с кошкой, спала на старом ободранном коричневом диване с вмятиной по центру. Таня спала на двух стульях. Она хотела, как кошка, свернуться калачиком, но только больно упала. На третий день приехала Танина бабушка с зеленой соседской раскладушкой.

— Как ты ее довезла, эту огромную раскладушку? — не могла понять Таня.

Тетя Клава жила на другом конце города.

— Легко, Танечка.

В семь утра тетя Клава шла на кухню — варить бульон. Для Тани этот бульон был как месяц без мультиков. Маслянистая жижа с утонувшими макаронами и запахом старых колготок. Таня обреченно водила ложкой по этому «грязному морю», зажимала нос и ела. Она знала — другого не дадут.

После завтрака тетя Клава вручала Тане тряпочку (кусочек старой наволочки с ромашками) и начиналась уборка. Тетя Клава мыла пол, а Таня залезала на стул и протирала пожелтевшую фотографию, с которой улыбалась молодая тетя Клава в перчатках и шляпке. Затем Таня бралась за учебники по физике. Она с трудом одолела это непонятное слово. Таня доставала книжку, гладила ее тряпочкой, нюхала корешок. Тетя Клава заметила Танин интерес к физике и очень обрадовалась, рассказывала что-то про силу тока, напряжение и говорила Тане даже не думать совать пальцы в розетку. Таня слушала одним ухом. Она была не трехлетняя дурочка и уже на своем пальчике знала — играть с розеткой нельзя.

Как-то во время уборки Таня нашла коричневую книгу с корешком, пахнущим тайной. На ней крупно золотыми буквами было написано: «М. ГОРЬ-КИЙ. ДЕТ-СТВО». Тетя Клава хотела читать про Ньютона, но Таня всегда просила про Алешу. Она садилась на диван и закрывала глаза. Что там будет дальше? Таня увидела дедушку с рыжей бородой. Он с прутьями шел на Алешу. Бабушка заслонила собой мальчика, а этот дед сбил ее с ног. Таня стянула с дивана покрывало и спряталась в него с головой.

А вдруг этот страшный дедушка придет со своими прутьями к ней? Вдруг ему наябедничают, что Таня сломала у тети Клавы блюдо, а дома разбила лампу? Тетя Клава читала дальше. Дедушка положил Алеше на подушку пряничного козла и яблоко и поцеловал мальчика в лоб. Таня закрыла лоб руками. Нет, этот дед ее не поцелует! Дедушка Каширин сказал, что его самого в детстве так били и обижали, что Господь Бог глядел и плакал. «Может, этот дедушка не такой уж и страшный?» — подумала Таня.

По вечерам Таня с тетей Клавой пили чай с малиновым вареньем и «Дарницким» хлебом. Из углов выползали тараканы. Таня не боялась тараканов, они просто были ей противны: мерзкие усики и вообще — фу. Первой Таня запускала на кухню кошку тети Клавы — Касю. Имя у кошки было редкое, как шоколадные конфеты в вазочке в серванте. Вот Тань только в их группе в садике было три, и воспитательницы звали ее «Таня маленькая». Конечно, метр восемнадцать! Кася ловила своими белыми лапками тараканов и ела, и только когда путь был расчищен, Таня садилась за стол.

Через две недели Таню забрала бабушка. По дороге домой она раз сто повторяла:

— Только ничего не спрашивай у мамы, только ничего не спрашивай у мамы...

— Тогда ответь мне ты: что происходит? Почему зеркала завешены белыми простынями? — спросила Таня, зайдя в квартиру.

— Так было надо.

— Кому надо? — не поняла Таня. — И где папа?

— Папы нет, — сказала бабушка и отвернулась.

— Я вижу, что нет. Я спрашиваю, когда он приедет?

Бабушка не ответила, только включила сериал на полную громкость.

Таня знала — папа уехал в Среднеуральск строить высокие дома. Она как-то спросила: «Зачем в Среднеуральске высокие дома? Их у нас в городе мало. А наш город больше — я знаю». Папа ответил: «Чтобы маленьким не было грустно». Таня согласилась. Грустить она, как и папа, не любила. Он уезжал недели на две, а возвращался со «сникерсом» и баночкой газировки. Открывать газировку Таня пока боялась, а может, ей просто нравилось, что эту баночку ей открывает папа. Начинались мультики, Таня пила газировку и ела «сникерс». Но в этот раз все будет по-другому. Приедет папа, они пойдут в магазин,

и тетенька в белой кофте протянет ей часы. Нельзя же идти в школу без часов!

Мама уходила очень рано, а приходила, когда зажигались фонари. По вечерам она молча сидела в темноте на кухне. Таня испугалась, что мама разучилась говорить, она трясла маму за локоть: «Поговори, поговори со мной, мамочка!» Мама, не поднимая головы, бормотала, будто через стену: «Да, да». Тане казалось, что из мамы улетел солнечный зайчик.

От августа остался последний лист на отрывном календаре в коридоре. Мама включила свет, вытащила из пакета белую блузку и синюю юбку:

— Пойдешь завтра в этом в школу, бабушка проводит. Только цветов не купила...

Таня сказала:

— Ну, у нас есть герань.

Мама улыбнулась.

— А кто меня сфотографирует? — спросила Таня.

— Я попрошу кого-нибудь, маму Наташи или Пети. Ложись, завтра разбужу рано, — сказала мама и поцеловала Таню в лоб.

Почему мамины губы перестали пахнуть земляникой?

Линейка начиналась в восемь утра, прийти сказали к семи со-рока. Школа была в двух светофорах от Таниного дома. Первый этаж к новому учебному году выкрасили в фиолетовый цвет, а три верхних остались оранжевыми, как и сорок лет назад. Школьный двор украшал бюст Ленина, но директриса уверяла родителей, что это временно.

В шесть утра мама разбудила Таню и убежала на работу. После того, как закрыли ее НИИ приборостроения, мама научилась покупать, менять, продавать и улыбаться покупателям, а по вечерам мыть подъезды.

Таня стояла в коридоре в белых колготках, синей юбке и белой блузке, косу она заплела себе сама. Бабушка копошилась на кухне. Таня ковыряла пальцем обивку входной двери. Выпала какая-то черная вата, Таня запихнула ее обратно.

— Бабушка, идем!

— Нельзя же с пустыми руками, Танечка! Давай вашей Марье Петровне хоть котлетки принесем и пирожки с капустой. Надо было вчера приготовить селедку под шубой, — суежилась бабушка.

Хлопнула дверь.

— Танечка, Танечка, ну подожди!

На линейке все дети были с цветами. Таня с бабушкой стояли в сторонке. Мама рыжей девочки вытащила из букета три астры: белую, розовую и фиолетовую — протянула Тане: «Беги к ребятам!» Бабушка благодарила женщину и пыталась запихнуть ей в сумку пакет с пирожками.

Линейка кончилась, и первоклашек повели в столовую. Таня смотрела на мигавшую белую лампу на потолке и ела подгоревшую сосиску в тесте.

После праздничного завтрака дети и родители отправились в двенадцатый кабинет. Наташин папа щелкал «мельницей» и перед каждым кадром повторял дочери: «Посмотри на меня и помаше». Петина мама бегала вокруг сына с видеокамерой. Мальчик отворачивался и корчил рожи. Марья Петровна водила родителей по классу, показывала разрисованные парты и полинявшие шторы. Родители быстро разбежались. Танина бабушка ушла еще раньше — в девять утра повторяли «Секрет тропиканки». Уходя, бабушка погладила Таню по голове и сказала:

— Ничего, я тоже училась в школе.

Таня села за последнюю парту у окна. В глаза било солнце, яркое и теплое. Марья Петровна задала нарисовать свой дом и тех, кто в нем живет, и пошла по рядам раздавать белые листки. Класс зашелестел. Танин листочек пах ветром.

Марья Петровна увидела Танины руки и решила, что она ела под партой конфеты. На указательном пальце у Тани была родинка, похожая на семечко. Таня объясняла, что сегодня, кроме сосиски в тесте, ничего не ела. Марья Петровна не поверила. Она строго сказала: «Это тебе не детский сад!» — и отправила Таню мыть руки. (Потом Таня старалась прятать руку с родинкой от Марьи Петровны.) «Ну и ладно, — подумала Таня, — зато сегодня вернется папа. Он не пропустит мое первое Первое сентября!» Папа приедет, возьмет ее за руку, и они отправятся в магазин за часами с белым циферблатом, золотыми стрелочками и черным кожаным ремешком в пупырышках.

После уроков многих встречали бабушки, пришли даже два дедушки и Петина мама, она специально отпросилась с работы и всем об этом рассказывала. Таню никто не встречал, но это ее не расстроило. Она решительно шла к магазину часов — ждать папу. По дороге Таня столкнулась с бабушкой.

— Где ты была, Танечка? Я тебя ищу, ищу.

— Мне нужно идти, нужно идти, — не унималась Таня.

— Куда идти? Дом в другой стороне!
— К папе, в часовой магазин.
— Звонили с папиной работы. Папа сегодня не вернется, Танечка.

В часовой магазин Таня ходила каждый день после школы. Папа никогда ее не обманывал. Он приедет и купит часы с золотыми стрелочками, ведь он обещал. Часы уже три месяца стояли на полке — они тоже ждали папу. Таня три раза подряд приносила с рынка яйца без единой трещинки. Значит, все будет хорошо — трижды все будет хорошо. Во дворе к Тане подходили бабушки, причитали, охали. Она убежала. Что им всем от нее надо? Пусть себе охают в другом месте!

Таня сказала маме:

- Папа скоро приедет и купит мне часы.
- Приедет и купит, — повторила мама за Таней.

Первого ноября выпал снег. Пока Таня шла в школу, у нее замерз нос и околели ноги. Мама наказала Тане надеть серую в грязно-коричневых кружках шубу, под нее зеленую шерстяную кофту в цветочек, на голову косынку, а сверху кроличью шапку с помпоном. Таня ненавидела шубу, тяжелую, холодную и некрасивую. Теперь все ходили в ярких пуховиках. В их классе шубу еще носила Рита. Ритины косички напоминали огрызки карандашей. Почему Рита не соберет волосы в хвост? Но Ритина бабушка считала: девочка должна быть с косичками, а кроме бабушки о Рите думать было некому.

Таня еле высидела математику. Марья Петровна вызывала к доске — решать примеры и задачи — по рядам. Пока учительница выбирала новую жертву, Таня незаметно пересаживалась с одного ряда на другой. Седьмого октября Таня простояла у доски пол-урока, но так и не смогла сосчитать, сколько мешков картошки отгрузили в магазин. Марья Петровна жужжала: «Думай, думай! В домашнем задании была похожая задача. Кто за тебя решал? Ты списала?!» У Тани потекли слезы, она выбежала из класса. Как тут думать, когда тебе без конца жужжат в ухо! Сегодня Марья Петровна вызвала Таню к доске, но на Танино счастье прозвенел звонок — последний урок был закончен.

Таня нацепила колючую кофту, косынку, шапку и невыносимую шубу. Она пошла, как обычно, в часовой магазин. Когда Таня приходила с папой, тетенька в белой кофте ей улыбалась, в сентябре продавщица косилась на нее, а теперь, посмотрев

на Таню, как на жвачку под партой, продолжала раскрашивать ногти в ярко-красный цвет или листать журнал про звезд.

Сегодня тетенька стояла у стеллажа, расставляла часы на второй полке. Таниных часов с белым циферблатом, золотыми стрелочками и кожаным ремешком в пупырышках не было.

— Где мои часы, где?!

— Купили.

— Кто, кто купил? Папа?! — и, не дождавшись ответа, Таня вылетела из магазина.

Утром из-за шубы, кофты, косынки Таня опаздывала, поэтому дверь просто захлопнула, а ключи остались висеть на крючке в коридоре. Из подъезда, как назло, никто не выходил. Таня простояла на улице уже целых семь красных светофоров.

Она снова встала на цыпочки, но так и не смогла дотянуться до кнопки звонка. Конечно, метр восемнадцать! Таня скинула с плеч рюкзак и встала на него сапогами. Наконец-то вредный учебник по математике ей пригодился. Какие-то один-два сантиметра — и все!

Дверь подъезда открылась. Таня еле успела отскочить. На пороге стояла мама. Мама что-то говорила, но Таня уже прыгала через ступеньки — быстрее увидеть папу.

Папиных ботинок в коридоре не было. Может, он спешил и не разулся? Таня проверила все комнаты, шкафы, туалет (папа и раньше играл с ней в прятки), заглянула под кровать — нашла фантик от приклеивающихся к зубам ирисок «Золотой ключик» и зеленый носок с дыркой на большом пальце.

На кухне бабушка пила чай, на блюде лежал нетронутый торт «Полянка».

— Где папа?! Он должен быть здесь! — Таня трясла маму за рукав. — Почему ты никогда мне ничего не говоришь!

— Папа приходил, но его срочно вызвали в Камышлов.

— Ты врешь! Ты опять врешь! Я метр восемнадцать, но понимаю...

Бабушка резко засобиралась к тете Клаве.

— Папа купил тебе «Полянку» и вот... — мама протянула Тане бордовую коробочку с серебряным бантиком.

В нарядной коробочке лежали ТАНИНЫ часы. Таня поднесла часы к уху. Идут!

— Давай я тебе помогу, — мама застегнула кожаный ремешок, и Тане показалось, что ей на руку сели мыльные пузырьки.

— Папа не мог уйти, не увидев меня. Мама...

— Таня, ты же знаешь папу. Он не даст Камышлову грустить без высоких домов. Какие метр восемнадцать? Ты определенно подросла. Надо сделать зарубку на двери.

Мама открыла один кухонный ящик, потом другой, но ничего не достала. Она опустила на корточки перед Таней.

— Тыква, я тебя очень люблю.

— Мапочка, ты что? Я тебя тоже, тоже! Поставь чайник. Будем чай пить с тортом.

Мама посадила Таню на колени.

— Все будет хорошо, Таня, я тебе обещаю.

— Я знаю, мамочка, я три раза подряд приносила яйца целыми, даже без малюсенькой трещинки, я это внутри себя загадала. Только ты бабушке не говори, что это я с торта все грибочки съела.

Мама засмеялась.

Потом они долго сидели на кухне молча, и слышно было, как тикают часы на Таниной ручке.

16 апреля 2020 года

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ

На летней веранде итальянского ресторана «Олива» в мягком, глубоком кожаном кресле расположился Юрий Олегович Сорин. Его крашенные темно-русые волосы были гладко зачесаны, у маленьких карих глаз раскинулись веточки морщин. Худой официант с жилистой шеей принес бокал белого сухого вина и овощной салат. «Явно за тридцать — и все еще с подносом», — подумал Юрий Олегович. Он пригубил вино, расстегнул пиджак и ворот рубашки.

Сорин всегда устраивался за одним и тем же столиком. Рядом, обняв ладошками щечки, под плеск воды о чем-то мечтал кудрявый ангелок. Ангелок на фонтане напоминал Юрию Олеговичу сына Ванечку. К тому же с любимого места не было видно прохожих и пыльной дороги.

На противоположной стороне улицы за литой черной оградой рос ясень. Его ветви-щупальца метались в разные стороны, близкая осень разъедала листья ржавчиной. Под ясенем, подложив небольшую подушку, сидела на ограде Софья Андреевна.

Она ежилась в обтягивающей когда-то бордовой футболке, темные хлопковые штаны скрывали отекавшие ноги. Слева от нее висел прозрачный пакет с двумя желтыми половичками, у ног стояли матерчатая сумка на колесиках, картонная коробка и ведро с букетиками. За цветами Софья Андреевна по утрам, накормив Илюшу, ездила в лесопарк. В воде под резинками склонились ромашки, иван-чай, колокольчики. На картонной коробке ждали своего покупателя красные лаковые босоножки с открытым носом. Вблизи были видны черные полоски по бокам, кожа на правом каблуке свернулась гармошкой.

Красные босоножки Соне сорок три года назад подарил Егоса. Соня работала в буфете для персонала аэропорта. Брала ночные смены, чтобы уйти до прихода отца.

Она с детства ненавидела субботу и воскресенье — в выходные отец проверял дневник. Попадало даже за четверку: «Молодец! Дворники стране нужны».

Мама Сони Любовь Тимофеевна разносила почту. Вечерами она шила или вязала. Соне нравилось за ней наблюдать.

— Что зря смотреть, бери крючок, — говорила мать.

Серебристый крючок вылетал из Сониных рук. Девочка поднимала его и стучала по столу. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

— Слышишь? Прямо как барабанная палочка!

— Не стучи — отец отдыхает, — Любовь Тимофеевна забирала у дочери вязание. — Эх, Соня, Соня...

В седьмом классе Соне выставили тройки за четверть по физике и геометрии. Отец требовал дневник. Соня закрылась в ванной. Отец колотил в дверь:

— Вышла сейчас же!

— Я моюсь.

Зашумела вода.

— Уже помылась!

Снаружи стукнула задвижка, погас свет. Соня слышала, как говорила мать:

— Как ты сейчас можешь читать! Она же там в темноте.

— Вязала — вяжи дальше! Дура! — рявкал отец, и становилось тихо.

Соня вертела в руках круглую коробку зубного порошка, проводила на мятном песке дорожки, похожие на следы самолета: «Вырасту, стану стюардессой и улечу».

Мать выпустила ее после двух ночей:

— Только задремал. Не шуми.

Школу Соня окончила без троек. Отец повел ее сдавать документы на экономический:

— Еще аттестат забудешь!

Первым экзаменом была алгебра. У аудитории роились абитуриенты, кто-то прятал шпаргалки, кто-то продолжал зубрить учебник. Соня пошла в приемную комиссию и забрала документы.

Набор на курсы бортпроводников уже был завершен. Соне посоветовали подойти в феврале и подтянуть английский. Отцу Соня сказала, что не поступила, но будет заниматься с репетитором, а пока поработает буфетчицей. Отец фыркнул: «Вся в мать!» — и месяц с ней не разговаривал.

Буфетчицы ходили в мешковатых темных платьях и серых передниках. Любовь Тимофеевна подогнала дочке платье по фигуре, обшила передник широким белоснежным кружевом. Ночью посетителей было немного. Иногда за столик у стены садился пилот. Глаза у него были добрые, но грустные. Когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки: маленькая у уголков губ и большая — от кончика носа до подбородка. Пилот брал чай с лимоном, двумя кубиками сахара и салат «Витаминный». Соня слышала от девочек: пилот женат, зовут его Егор. Второго сентября он вдруг попросил:

— Посиди со мной немного...

— Нам не положено.

— Извините, просто домой не хочется.

— Если только чуть-чуть, — Соня поскользнулась на мокром полу, пилот ее подхватил. Как же шла ему темно-синяя с золотыми нашивками форма! Соня покраснела:

— У вас руки теплые.

— Есть такое дело, — улыбнулся пилот. — Мы ведь еще не знакомы — Егор Журавлев.

— Соня, Софья Столбова. А вы с парашютом прыгали?

— Прыгал.

— Страшно?

— Сперва всегда страшно, — пилот вложил в Сонину руку деревянный флакончик. — Спасибо тебе, Соня Столбова.

Внутри светло-коричневого флакончика прятались духи «Болгарская роза». Соня раз по пять в день вытаскивала маленький стеклянный пузырек и подносила к носу — внутрь проникал

сладкий, манящий аромат. Утром после смены она леглась на диван и смотрела, как солнечное масло катается в ладошке.

Егор Журавлев стал заходить в буфет чаще. Соня встречала его после рейсов. Четырнадцатого сентября Егор пригласил ее в парк на аттракционы. Они подошли к кассе.

— На чем поедем? — спросил Егор.

— На чертовом колесе! Мы ведь на первом этаже живем, со двора все слышно и балкона нет.

Колесо обозрения поднималось над землей. Соня глядела в прямоугольное окошко кабинки:

— Дома серые и крыши серые, а люди на чайные ложки похожи.

Егор засмеялся:

— Вот придумала: люди — чайные ложки!

— Отучусь на курсах бортпроводников и тоже летать буду.

— Зачем ждать, летим на выходные в Москву, погуляем.

— В Москву...

Журавлев вытащил из-под куртки красные лаковые босоножки:

— Мы к ним в «Польской моде» сумочку тебе купим.

— Это очень дорого, я не могу...

— Не мне же в этих туфельках танцевать!

— Послушай, это... А твоя жена?

Журавлев убрал руку с Сониных плеч. Чертовое колесо начинало третий круг.

— Мой старший брат Витя тоже был летчиком. Двенадцатого мая Витя с невестой возвращался из цирка. Я в цирк с ними просился — не взяли. Они решили дворами скосить. У Маши сумку выхватили. Витя за парнями погнался, у одного нож был... Мать Машу как родную любила, так она с нами и осталась. В шестьдесят восьмом поженились — девять лет живем, детей нет. Соня, я с тобой хочу новую жизнь начать.

— Новую жизнь? Я... — чертовое колесо остановилось, Соня выскочила из кабинки.

Вечером на открытом окне появились гладиолусы и красные лаковые босоножки.

Они стали встречаться на квартире друга Егора. В конце октября Соня в голубой комбинашке, обшитой тем же кружевом, что и ее рабочий передник, на краю дивана теребила цепочку

светильника. Похожий на большой пузырь плафон несколько раз загорался и гас.

— Соня, что за детский сад! — не выдержал Журавлев.

— Егоша, у нас семья будет.

Егор надел пиджак:

— У меня есть семья.

— А как же новая жизнь... с нами?..

— Жизнь одна, Сонечка. Приберись тут и дверь захлопни.

Золотистая цепочка в мелких шариках осталась у Сони в кулаке.

Больше Егор Журавлев к ней в буфет не заходил.

В декабре отмечали шестидесятилетие отца. Дома спиртного не хватило. Мать кинулась в ближайший ларек. Проводили гостей. Через несколько часов юбиляра забрала неотложка. Из больницы отца увезли на кладбище.

Вскоре скрывать интересное положение Сони уже было нельзя.

— Улетел журавль, — вздохнула Любовь Тимофеевна, — хорошо, хоть отец этого не увидел. Ладно, выкарабкаемся как-нибудь.

Соню перевели за кассу в столовую. В начале апреля две хохотушки стюардессы придвинули к кассе поднос с пирожным «Наполеон», безе, компотом и чаем. На плече большеглазой брюнетки висела красная кожаная сумочка.

— Егорушка подарил, новую жизнь со мной начать хочет. Сколько с нас?

— Пятьдесят шесть копеек, — машинально ответила Соня.

Словно молотком ударило в низ живота, тупая боль сдавила поясницу. Вызвали скорую...

Было одно из первых дежурств Юрия Сорина.

— Давайте позвоним Николаю Петровичу, — советовала акушерка.

— Это ни к чему. Справлюсь сам!

Новорожденный не кричал. Утром мамочкам принесли малышей — всем, кроме Сони. Она с трудом дошла до ординаторской.

— У вас мальчик — кило шестьсот... — начал Сорин.

— Я хочу видеть сына.

— Не стоит. Ребенок тяжелый, долго не проживет. Вам нужно...

— Хочу видеть сына, — повторила Соня.

— Зачем? Он не сможет даже сидеть. Вы — молодая женщина, подумайте.

— Отведите меня к сыну.

Через стекло Соня смотрела на Илюшу. Он лежал в прозрачной капсуле на белой пеленке с голубыми перышками. Ее птенчик. Ножки-спичечки, розовые пальчики.

— Это он за нас мучается, — говорила Любовь Тимофеевна.

Соня возила Илюшу к докторам наук, месяцами лежала с ним в больницах, через знакомых доставала лекарства, три раза в неделю к ним ходила массажистка. У Илюши окрепли ручки. Он ловил мячик, со всей силы кидал его и смеялся. Соня водила сына по пластмассовым лечебным коврикам. Коврики кололи ножки.

— Не-а, ма-ма! Не ка-чу!

— Пожалуйста, Илюша, до двери и обратно, а потом будем лепить собачку из пластилина.

Когда Илюше было шесть, Соня свалилась с ангиной. Заразился и мальчик, несколько дней держалась температура под сорок. С тех пор Илюша сидел в подушках, а чаще лежал на диване. В комнату перенесли телевизор. Илюша любил мультики и передачи о животных.

В начале девяностых начали задерживать зарплату. Летом Соня предлагала журналы про звезд, сад и огород в электричках, нередко приходилось бегать через весь поезд от контролеров. Осенью она продавала жареные семечки в газетных стаканчиках недалеко от школ, на остановках. Ее гоняли бойкие торговки и милиционеры. Зимой Софья с блестящими прыгающими шариками стояла у цирка и кукольного театра...

Во сне ушла Любовь Тимофеевна. После смерти матери Софья Андреевна работала на полставки на раздаче. В две тысячи пятнадцатом ей исполнилось пятьдесят пять. На юбилей ей вручили полторы тысячи рублей, семь белых хризантем и два желтых половичка — для туалета и ванной. Заведующая произнесла теплые слова и представила рыжую девочку:

— Отдыхайте спокойно. Вот ваша смена.

...Дежурства быстро утомили Юрия Сорина. Он стал ассистентом на кафедре акушерства и гинекологии. Часто заходил в институтскую библиотеку — в художественном отделе работала дочь проректора Наташа.

— Совсем перестал читать, только учебники по акушерству и научные статьи. Может, посоветуете что-нибудь для души?

— «Записки юного врача» Булгакова, рассказы Чехова, — предложила Наталья.

— Пожалуй, начну с Чехова.

Вернув очередную книгу, Юрий сказал:

— Я вам в Горьком закладку оставил.

В сером томе лежали билеты в театр.

Спустя полгода они поженились. Юрий Олегович защитил кандидатскую, через восемь лет докторскую, консультировал в больнице. Росли дочери — Марина и Оля. Утром его ждала отглаженная рубашка, вечером — сытный ужин.

Жена хотела вернуться на работу.

— Зачем тебе это? Ты здесь нужна мне и дочерям. Да, я статью написал, на досуге поищи опечатки, — говорил Юрий.

Наталья осела дома. Марина поступила в юридический, Оля окончила девять классов, вышел на пенсию тесть.

На лестничной площадке пахло выпечкой.

— Минут через двадцать тебе накрою. Последний корж на Олюсин день рождения в духовке, — сказала Наталья вошедшему на кухню мужу.

Юрий Олегович окунул палец в шоколадный крем:

— Ум-м... Ты мой доклад посмотрела?

— Вычитаю к пятнице.

— Конференция пятого, а не в пятницу.

— Подожди, только доделаю торт...

— Нельзя было купить в магазине?!

— Там совсем другое.

— Олин день рождения отметим в ресторане — ешь свои коржи сама.

Юрий стал задерживаться на работе, часто ездил в командировки. После очередной командировки он к жене не вернулся. Через три года Сорин женился на своей студентке, у них родился Ванечка.

...Юрий Олегович отдыхал в мягком, глубоком кожаном кресле на летней веранде итальянского ресторана «Олива». Десять лет он руководил клиникой репродуктивной медицины «Новая жизнь». На днях клиника переехала в новое здание. Юрий Олегович обживал тридцатиметровый кабинет с овальным

столом из красного дерева. На стенах в золотых рамках висели его дипломы и грамоты, за спиной — портрет президента. Его сын тоже станет врачом, и образование он получит в Америке. Только бы не прогуливал занятия с репетиторами!..

Софья Андреевна начала собираться, нужно было зайти в аптеку за лекарствами себе и Илюше. После аптеки у нее останется рублей восемьсот, их с сыном пенсии через восемь дней. Еще она хотела купить Илюше его любимое шоколадное мороженое. Поникшие букеты Софья Андреевна забирала домой вместе с половичками и красными босоножками.

Парнишка в черных очках направил на нее телефон.

— Не надо меня снимать, возьми букетик для мамы — всего пятьдесят рублей, — сказала Софья Андреевна.

— А босоножки сколько?

— За триста отдам, но их мерить надо.

— Я на карточку сброшу, номер скажите.

— Карточки только на автобус и в продуктовый.

— С пяти тысяч сдадите?

— Куда там...

Парнишка вытащил из сумки на поясе красную бумажку:

— Потанцуйте в босоножках.

— Шутишь, что ли? Я сорок лет назад танцевала, вон ноги какие стали — в резиновых шлепках хожу.

— Станцуете — пять тысяч ваши.

Софья Андреевна хотела прогнать мальчишку, но вспомнила про аптеку, мороженое, восемь дней до пенсии, про ортопедическую подушку, которую присмотрела для Илюши. Она сбросила фиолетовые шлепки. Парнишка что-то говорил в телефон. Ступни стали грузными и широкими. Очень давно она бегала в босоножках к Егосе. После разговора о ребенке Софья его больше не видела, говорили, он с женой переехал в Магнитогорск. Софья Андреевна кое-как всунула ноги в босоножки. Лицо покраснело, ступни пытались высвободиться из неудобной обуви. Софья Андреевна шагнула, оступилась и села на асфальт. К ногам прилетела красная бумажка.

Проходившая мимо женщина помогла Софье Андреевне встать.

Парнишка уже сидел на летней веранде ресторана «Олива».

— Ванечка, как английский? — спросил Юрий Олегович.

— Устал, — Ваня подозвал официанта. — Пиццу с креветками и мохито.

— Безалкогольный, — уточнил Юрий Олегович и поднял бокал. — За твои успехи!

Софья Андреевна подарила женщине букетик:

— Не переживайте, со мной все хорошо.

Она оперлась на ограду. Колотилось сердце. Сейчас сосчитаю до десяти и пойду.

На плечо села божья коровка, прогулялась по руке и взмахнула крылышками. Лети на небо, красавица! Тучи скрывали солнце. Господи, помоги этому мальчику и нас с Илюшей не оставь.

Софья Андреевна спрятала босоножки и покатила тележку к аптеке.

10 сентября 2020 года

ПО ДЕЛАМ

У Кати в Москве было два неотложных дела: увидеть «Черный квадрат» Малевича и Ленина в мавзолее. Успеть все это нужно сегодня — в свой день рождения. Майя собиралась стать культурологом, и планов на Москву у нее было больше.

Катин преподаватель истории медицины Владимир Ильич Боронец любил проводить семинары в музее медицинского университета и сам напоминал музейный экспонат. Седая козлиная бородка, глянцева голова — ну чем не Ленин? И такой догошный! Трижды заставлял переделывать доклад про Авиценну!

— За каждую редакцию вы получаете по баллу, итога «удовлетворительно», — щедро оценил Катины труды Владимир Ильич.

«Если положить его в мавзолей, интересно, люди заметят подмену или нет?» — думала Катя.

Очередь к вождю пролетариата тянулась от метро «Охотный Ряд». Мавзолей закрывался через полтора часа, а к Ленину нужно попасть во что бы то ни стало! Сестры аккуратно обошли немецких туристов и уткнулись в стену из китайцев.

— Вытаскивай солнечные очки — сойдем за иностранцев, — скомандовала Катя. На ней всегда были черные очки — не на глазах, так на голове вместо ободка.

— Я их в номере забыла. Дай свои.

Естественно! Кто бы сомневался. А я ей раз пять напоминала! С Майей надо все брать в двойном размере и потом таскать на себе.

На спине у Майи висел обшитый пайетками рюкзачок. Воду, ветровку и зонтик Майя в гостиничном номере сунула старшей сестре.

— Эй, хоть что-нибудь себе возьми! — возмутилась Катя.

— Мне же тяжело и места нет.

Ну конечно! Сегодня рано утром Кате, чтобы не было пере-
веса, пришлось нацепить на себя полчемодана, а Майка раз-
гуливала по аэропорту в синей футболке и легкой джинсовке. В самолете Катя сбросила в пакет куртку, серую жилетку, кофту, водолазку, но в двух футболках тоже было некомфортно.

— Тогда смотри на брусчатку, — сказала Катя.

— Я же ничего не увижу!

— Да стой уже, как стоишь!

— А Ленин будет в кепке и с вытянутой рукой?

— Да, и еще скажет: «Здравствуйте, товарищи!»

Майя бросила сестре рюкзачок и направилась в кремлевскую усыпальницу. Пока Катя на пропускном пункте открывала рюкзаки, вперед пролезла иностранная туристка.

Полумрак мавзолея и запах вечности мешали сравнивать Ленина с Боронцом, а тут еще иностранка принялась рыться в сумке. Охранники яростно замахали руками. Иностранка пыталась изобразить пальцами очки. Блюстители порядка не поняли ее жестов — близорукую даму, а заодно и Катю вывели из мавзолея.

У выхода стояла Майя:

— Как он тебе? Я думала, он будет мертвый, но живой.

— Как он мне?! Он что, мой парень? Лежит себе и лежит.

— Завтра снова к Ленину ходим.

— Без меня!

— А в Исторический музей когда? Там есть подушка, на ней умер Александр Второй, и еще...

— У нас дела — «Черный квадрат»!

В залах Третьяковки на Крымском Валу было прохладно. Катя вытащила из рюкзака печенье, подошла к Майе:

— Будешь?

Майя сосредоточенно изучала полотна Кандинского.

Женщина в голубой униформе трясла красным веером:

— Здесь не едят!

«Еще и обмахивается! Я и так продрогла!» — разозлилась Катя.

— Где тут у вас «Черный квадрат»?

— Девочки, вокруг столько замечательных полотен!

— Мне нужен только он!

— На реставрации, приходите в октябре.

Ага, ждите! Могли объявление вывесить: «“Черного квадрата” — нет». Зря на них время потратила!

— Мы из Екатеринбурга, — сказала Майя.

Это обязательно всей Москве сообщать?!

— Пошли отсюда, музей плохой.

— Я только в четырех залах была.

— Что тут смотреть! Я тебе лучше нарисую.

— Девушки из Екатеринбурга, тише, тише! — зашикала дама в униформе.

— У тебя каракули, а здесь шедевры двадцатого столетия, — заявила Майя.

Каракули! Для уроков ИЗО Катя творила под копирку, но учительница заметила предательские черные следы. Тогда Катя освоила новую технику: обводила картинку на чистый лист через стекло. За черезоконную живопись Катя получала пятерки, но «Черный квадрат» стал самым ценным ее шедевром!

В киоск на Вайнера привезли Бритни Спирс. Катя гонялась за Бритни уже целый месяц, но ей предлагали Ротару или Наталью Орейро. Кассеты вот-вот раскупят, а денег нет! Катя вставила в рамку черный картон:

— Баба Оля, я «Черный квадрат» купила, нам в школе рекомендовали. Только у меня все деньги кончились.

— Учись, учись, Катенька, — бабушка протянула ей сторулевку.

Через час Катя вставила в магнитофон заветную кассету. Ура, она потанцует под Бритни!

— Катя, иди вытирать посуду! — позвала мама.

Катя убирала в шкаф сухие тарелки. На кухню влетела Майка с намотанной на руку коричневой лентой:

— Смотрите, мой баслетик!

Катя склеила пострадавшую магнитную ленту и карандашом запихнула в кассету, но звук был такой, что лучше не слушать.

...Катя уже попила кофе, получила букет поздравлений в социальных сетях, купила магниты.

Майя под аудиогид изучала картины Пиросмани:

- Ты знаешь, он художник-самоучка!
- Пошли по Москве-реке прокатимся.
- Я хотела еще раз все обойти.
- Может, ты вообще здесь поселишься!

Подскочила дама в униформе:

- Я думаю, кто тут шумит? А это опять Екатеринбург.
- Мы уходим! — Катя тянула сестру к выходу.
- А сувениры?!

Катя скучала на ступеньках музея. Подбежала Майя:

- Там значок с влюбленными Шагала!
- Так купи.

Майя чего-то ждала. Катя протянула сестре двести рублей, Майя не уходила.

- Сколько?
- Пятьсот.
- Тебе папа дал две тысячи!
- Их жалко тратить.

Железная логика!

- Хочешь — покупай на свои.
- Дай мне хотя бы еще пятьдесят.

Возле станции «Кропоткинская» пенсионерки с мегафонами зазывали на речную прогулку.

— Почем билет? — спросила Катя у самой крикливой бабушки в оранжевой панаме.

- Взрослый тысячу, детский восемьсот, круг — сорок минут.
- Пошли дальше.

— Соберете группу из десяти человек — прокатитесь за шестьсот!

Где я ей в Москве десять человек наберу?

— Мы подумаем.

На двери экскурсионного киоска висело объявление: «Взрослый — 700, детский — 500».

Перед входом Катя приказала сестре:

— Ссутулься и сделай лицо поглупее.

— Моей сестре детский билет продадите? Ей вчера четырнадцать исполнилось, — спросила Катя сидевшую за столом женщину в черном жилете.

Если честно, Майе в сентябре исполнялось семнадцать.

— Большая у вас девочка...

— Хорошо кормим, — нашлась Катя.

— У девочки есть паспорт или свидетельство о рождении?

— Мы не гуляем по городу с комплектом документов.

Женщина в черном жилете сверилась с бумагой:

— Взрослый билет с одиннадцати лет.

— Нам ваша река не подходит!

На улице Катя спросила:

— Хочешь, вернемся за билетами?

— Нет, давай где-нибудь поедим.

В «Монастырской кухне» напротив Храма Христа Спасителя они взяли пирожки с картошкой и чай.

У Кати затрещал телефон:

— Да, мам, отмечаем, сидим с Майей в шикарном ресторане, на Кремль смотрим, вечером наберу, десерт несут.

— Зачем ты?

— А что говорить?

Майя понюхала пирожок:

— Помнишь, ты картошку в рыбок превращала — два глазка, хвост и плавники из красной кожуры, а большой нож у нас злой акулой был? Ты рыбок в коричневой миске от акулы прятала.

— Да, ты сырую картошку покусала и меня мама ругала! Ладно, пойдем в ГУМ. Нельзя же мне без торта.

Сто пятьдесят рублей Катя выложила за Майин поход в исторический туалет ГУМа:

— Ты там все сфоткай.

— Кать, а что фоткать?

Витрины «Гастронома № 1» ломились от тортов — ничего особенного, кроме цен. Катя решила сходить в ресторан на территории гостиницы.

Часы на Спасской башне проббили двенадцать раз, на шпиле загорелась красная звезда.

— В честь твоего дня рождения, Катя!

— Я думала, только на Новый год часы двенадцать бьют.

— Почему тут так красиво?!

— Поехали, через час последний автобус в гостиницу.

У станции метро «Лесопарковая» к ним подсел мужчина в шортах, с бутылкой пива:

— Приезжие?

— По делам, — кратко ответила Катя.

— Катя, а если автобус не придет? Темно и до гостиницы далеко.

— Автобус не придет! — весело крикнул мужчина.

Подъехал микроавтобус гостиницы «Звезда».

— Бежим! — скомандовала Катя.

На входе в ресторан «СССР» посетителей встречал бюст Ленина.

— А мы вас сегодня видели! — обрадовалась Майя основателю партии большевиков.

В «СССР» было прокурено и проедено. К Катиным балеткам мчался рыжий таракан.

— Я сыта, — сказала Катя.

В номере Майя протянула сестре красную коробочку:

— С днем рождения!

В бархатной коробочке лежали сережки-гвоздики в форме листочков.

— Спасибо. Я из-за тебя гвоздики ношу. Прыгнула мне на колени и к себе сережку потянула, ты же все блестящее любишь! Мне ухо потом зашивали.

— Я же маленькая была!

— Два года и три месяца.

— Какая ты! Могла бы что-то хорошее вспомнить.

— Хорошее? Я тебе на Новый год телефон подарила. Месяц без выходных работала. Ты крикнула: «Забирай его себе!»

— Мне было неудобно, что ты так потратилась.

— Зачем тогда в магазине к нему подводить? Я всю новогоднюю ночь проревела.

— Тот телефон сразу был проблемный...

— А предпоследний?

— Его просто украли.

— Всё у тебя так.

— Ты... Ты нашу поездку планировала и гостиницу непонятно где выбрала! Ванна в трещинах, от шкафа створка отваливается, в ресторане тараканы, в кулере воды нет! Вот мы с мамой в прошлом году на Невском жили!

— И езжай с мамой, да с кем угодно, только не со мной!

— Мы же по твоим делам приехали!

— Какие дела? Сама весь год про Москву твердила.

Катя облокотилась на подоконник. Подошла Майя:

— Хочешь змеяшечку?

Она скатала двух червячков из шоколадного батончика. Большая змеяшечка досталась Кате.

— Смотри, ветки деревьев на ветру вальсируют, а черный пакет возле урны переворачивается — брейк-данс танцует, — сказала Майя.

— Знаешь, я как-то пришла из школы, баба Оля качала коляску на балконе, ты хныкала. Конечно, нарядили в черную шапку с желтыми завязками! Я взяла тебя на руки — ты мне улыбнулась. Бабушка спросила: «Не боишься Майю на руки брать?» Почему я должна бояться? Ты же моя сестра.

— А ты моя, — Майя протянула Кате мизинец.

По дороге летела «девятка», из машины неслась песня Бритни Спирс «Упс!.. Ай дид ит эгейн».

17 октября 2020 года

САВЕЛИЙ КУЗЬМИЧ

Савелий Кузьмич ходил в идеально отглаженном молочного-белом халате. Оборудование у него всегда было исправно, спиртовки наполнены, реактивы приготовлены, пробирки в штативах. От его рук пахло лавандой. Он тридцать два года работал лаборантом на кафедре химии и фармации. Студенты не знали, как его зовут. Говорили «вы» или «помогите». На экзаменах у него всякий раз возникали неотложные вопросы. Он пытался увести преподавателя к себе в каморку, а если не получалось, извиняясь за беспокойство, излагал свою проблему, как бы ненароком загораживая студентов.

Староста курса сказала:

— Он с Ястребовым вместе учился.

Внешне они были одного возраста. Но почему один лаборант, а другой профессор?

Студенты приходили к Савелию Кузьмичу делать опыты, лабораторные, курсовые. Он мягко улыбался:

— Что случилось? Давай-ка посмотрим.

Смотрели по два часа и по три. Забегали дипломники с других кафедр — он никому не отказывал.

Однажды из каморки Савелия Кузьмича вышел молодой очкарик с тараканьими усами.

— Он бы не оставил лаборантскую... — забеспокоилась Юля из триста четвертой группы.

Студенты разыскали заведующего кафедрой.

— Ушел на пенсию, — на ходу ответил Василий Петрович.

Савелий Кузьмич жил в однокомнатной квартире на улице Бажова. Он вставал в шесть утра, делал зарядку, пил сладкий чай с бутербродом. Потом собирался, спускался с пятого этажа, и в руках его скапливался ворох фантиков, листовок и чеков. Каждый день Савелий Кузьмич проходил мимо бронзового Жукова. У сурового полководца всегда лежали цветы. Дорога занимала час зимой, осенью и весной — минут пятьдесят. На работе он был за полчаса до начала занятий. В институте Савелия Кузьмича ждали. Пузырьки из темного и светлого стекла приветливо поднимали круглые шляпки, мерные цилиндры, колбы и пробирки, перламутрово переливаясь, наклоняли длинные шеи, фарфоровая ступка с пестиком мелодично выводили: «Там-м-м».

Вечером Савелия Кузьмича тоже ждали. На балконе в зеленом пятилитровом тазу жили маргаритки — красные, белые, розовые пушистые шайбочки с желтой сердцевинкой. Год назад по соседству с маргаритками поселились три горшка с темно-бордовыми розами. Ястребову подарили огромный букет, он простоял в ведре четыре дня и перекочевал в урну. У Савелия Кузьмича черенки проросли.

Савелий Кузьмич возвращался после восьми, вешал пиджак в шкаф.

Тридцать шесть лет назад на месте этого шкафа стояла детская кроватка. В ней спала его Маргаритка. У девочки в пять месяцев начали резаться зубы. Рита плакала, почти не ела, не могла заснуть. Савелий часами качал малышку, пел ей: «Капитан, капитан, улыбнитесь!» — и еще много веселых песен. Если Маргаритка продолжала плакать, Савелий Кузьмич зажигал зеленую лампу — на голубой стене появлялась собачка, потом кролик, они говорили стихами и танцевали. За друзьями гонялся злой крокодил, но никого не мог поймать. Голодный хищник уползал, жалобно скуля. Девочка смеялась.

Лет с двух Маргаритка просила:

— Подними меня высоко!

Савелий сажал дочь на закорки. Она прикрывала ему ладошками глаза и спрашивала:

— Кто там?

— Моя Маргаритка.

— А исчо?

— Папа.

— Неси нас быстрее!

Маргаритка у Савелия и Людмилы родилась в конце четвертого курса.

Савелий был отличником. Сокурсники шутили:

— Вон идет будущий академик!

(Многим учеба давалась не так легко. Вася Ястребов поступил в медицинский со второй попытки, год он работал санитаром. Савелий звал его в кино или кататься на лыжах — Вася отказывался. Он целыми днями зубрил, но все равно иногда хватал тройки. Тогда Вася поселялся в читальном зале, чтобы пересдать на «хорошо» и «отлично».)

Людмила приехала из Серова. Худенькая, небольшого роста, она всегда зябла. На занятиях Люда садилась рядом с Савелием. Прядь рыжих волос опускалась в его халат.

На лице и кистях рук Люды играли веснушки. Девушка прятала руки под длинными рукавами, а лицо закрашивала тональным кремом «Балет».

— Глупая, тебя солнышко поцеловало! — смеялся Савелий.

Он любил считать рябиновые конопушки на Людином лице:

— Сегодня сто двенадцать.

На лекциях Савелий рисовал лисичек, чуть вытянутое лицо с волнистыми волосами...

В начале ноября Люда сказала, что ждет ребенка:

— Пока срок позволяет, нужно торопиться...

— Куда торопиться? — не понял Савелий.

— Я для себя пожить хочу. И так всю школу с братьями возилась.

— Будем рожать.

— Тебе легко говорить. Я где — в общежитии с малышом жить должна?!

— Пока поживем с мамой. Она с маленьким поможет.

Савелий привел невесту в их с матерью однушку. Теперь Елена Тимофеевна спала за занавеской на кресле у окна.

Савелий подрабатывал грузчиком на овощебазе, по ночам писал Люде конспекты, решал ее контрольные. Из-за пропусков его не допустили к экзаменам. Потом пришла повестка из военкомата.

Мать писала ему, что Маргаритка прыгала в садике на новогодней елке в белом платьице и шапочке с ушками, как у кро-

лика, уже начала выговаривать букву «р», у нее прекрасный голосок, нужно будет отдать девочку в музыкальную школу и, как Савелий вернется, обязательно купить пианино.

Люда работала участковым врачом:

— Все каблукы истоптала! Вредные старухи с давлением! Лишь бы врача вызвать! Толку ноль, а мне бегай!

— Подожди, я отучусь, буду дежурства брать, — сказал Савелий, придя из армии.

— Я и так слишком долго ждала!

Савелий устроился водителем на овощебазу:

— Новый директор премию выдал. Держи на сапоги, — Савелий протянул жене деньги.

— Щедрый старик!

— Почему старик? Ему около сорока.

— У-у... — протянула Люда.

Василий Ястребов предложил Савелию пойти в родной институт лаборантом на кафедру химии и фармации, где он сам уже год работал ассистентом.

— Никчемный! Лаборанту три копейки платят! Я думала, ты перспективный! — кричала Люда.

— Тише, Маргаритку разбудишь. Я останусь на овощебазе и возьму полставки в институте.

Люда начала задерживаться по вечерам.

— Не много ли ты тратишь? Савушка так тяжело работает, — встревожилась Елена Тимофеевна, увидев очередную обновку невестки.

— Не разорится ваш Савушка! У коллеги по дешевке взяла.

В ушах у Люды заискрились золотые рубиновые цветки.

— А... на работе подарили, — ответила она на вопрос мужа.

Через пару дней Савелий вернулся из института — вещей Маргаритки и Людмилы не было.

— Люда сказала: «Я больше в этом клоповнике жить не намерена!» — развела руками Елена Тимофеевна.

Людмила подала на алименты, видется с Маргариткой запрещала.

Савелий ждал дочь у садика, потом у дверей школы — с игрушкой, книгой или шоколадным зайцем. Во втором классе дочка посмотрела на него и прошла мимо.

— Маргаритка, куда ты летишь, стой!

— Ты плохой, мне мама все рассказала!

— Что тебе сказала Люда?

— Ты хотел, чтобы меня не было! — крикнула девочка.

Нового мужа Людмилы перевели в Нижний Тагил.

Через восемь лет Рита приехала поступать в медицинский. Елены Тимофеевны уже не было.

— Маргаритка, ты слабо готова по химии и биологии, — сказал Савелий.

— Папочка, ну ты же работаешь в институте...

— Я буду заниматься с тобой каждый день.

— Пап, мне бы знать, какой попадется билет, я нужные вопросы выучу, — сказала Маргаритка.

— Маргаритка, это нечестно.

В институт Рита не поступила.

— Нужен лаборант на кафедру биологии. Поработаешь годик, предметы подтянешь, — предложил Савелий.

— Нет уж, спасибо! — Рита собирала вещи. — В наш педколледж пойду! Дай денег на дорогу.

Савелий не видел дочь семнадцать лет.

...В отпуске Савелий Кузьмич собрался навести порядок на антресолях. В дверь позвонили — на пороге с чемоданом стояла Маргаритка в обтягивающих джинсах и короткой футболке.

— Пап, я с тобой поживу. Бабка-соседка конфорку открыла и забыла. В квартире капитальный ремонт нужен. Мать на даче сидит. Я из школы ушла, дети дикие, родители придирками замучили.

В кухне на раскладушке Савелий Кузьмич думал под грохот холодильника: «Маргаритке нужно было учиться здесь... Я мог попросить...»

Рита познакомилась с охранником Тимуром из торгового центра. Савелий Кузьмич гулял, пока на улице не отключали фонари. В конце лета, стараясь не шуметь, он открыл дверь.

Из комнаты вышла дочь:

— Папа, у нас с Тимой будет ребенок.

— Хорошо, — сказал Савелий Кузьмич.

— Мы здесь вчетвером не уместимся. Он меня бросит! Папочка, помоги! Переезжай к соседке с третьего этажа. Думаешь, она просто так к нам таскается то со сломанным феном, то с пирогом с картошкой?

Савелий Кузьмич поселился в своей каморке в лаборатории. В шесть он говорил охраннику: «Хорошего вечера», — а потом возвращался через запасной выход.

Двадцать шестого сентября перед сном Савелий Кузьмич вспомнил, что не полил цветы. Он зашел на кафедру, включил свет.

— Пошел вон! — закричал Ястребов с дивана.

Молодая аспирантка прикрылась халатом.

Больше в лаборантской не пахло лавандой.

В конце ноября Юля села на лавочку — завязать ботинок. Над литой черной урной склонился высокий седой мужчина, он вытаскивал алюминиевые банки и складывал в пакет. Заметив Юлю, он быстро ушел.

Юля осталась сидеть на лавочке: «Нет, не показалось...» В начале сентября лаборант помог ей с заданием по определению температуры плавления камфары. От его рук пахло лавандой. «А ведь я даже не знаю, как его зовут», — поняла студентка.

Если в доме произошло историческое событие, жил или бывал известный человек, на здание крепят памятную доску. Савелий Кузьмич всегда останавливался возле них.

На серой двери слева в самом конце коридора второго этажа медицинского института нет таблички: «Здесь с 1987 по 2019 год работал Савелий Кузьмич Игнатов». Пузырьки с порошками приветливо не поднимают круглые шляпки, мерные цилиндры, колбы и пробирки, перламутрово переливаясь, не наклоняют длинные шеи, мелодично не здороваются ступка. Для опытов не хватает реактивов, не работает вытяжка. Никто не отвлекает преподавателей на экзамене. Студенты не забегают в лаборантскую с просьбой: «Пожалуйста, помогите!»...

23 июня 2020 года

СМЕТАНА

Утром Николай Юрьевич объявил:

— Теперь записываем клиентов круглосуточно. Красить, стричь будете выезжать на дом и в офисы. В декабре нельзяпускать женщин! Елена, скачайте программу, работать сможете и после работы.

— Подождите, я не...

- Виталик все сделает.
- Мне не спать, что ли? — спросила директора Лена.
- Премию обсудим.

Лена работала администратором в салоне «Идеал».

Посетителей встречала пальма в фиолетовой мишуре. Верхние листья растения стали серо-коричневыми. На голубых стенах мигали огоньки: зеленый, синий, красный, зеленый, синий, красный... Разноцветные шарики отражались в ноутбуке. Подошел Виталик (он окончил экспресс-курсы программирования и парикмахерского искусства):

- Давай телефон.
- Лена протянула мобильник.
- Как ты с этим ходишь?!
- Что не так?
- Модель пятилетней давности.

Это был телефон мужа. Вадим купил себе новый. Он таксовал и с помощью телефона находил клиентов, прокладывал маршрут и отслеживал пробки. Лена по телефону разговаривала.

Виталик водил пальцем по экрану.

- Все нормально?
- Да. Так, смотри, вкладку вывел на экран. Это кто такой лохматый?

— Сын.

— Нда... Будешь обзванивать всех, кто записался после шести, — сказал, уходя, Виталик.

Лене пришла эсэмэска: «Вы пользуетесь мобильным банком». Затем прилетела следующая: «Ваш баланс 5512 рублей», а через секунду: «Списание 5000 рублей». «Это что, шутка?» — не поняла Лена. Она проверила — на карте осталось пятьсот двенадцать рублей.

Лена побежала в банк. Под накинутый наспех пуховик забирался ветер. Рабочие в оранжевых жилетах посыпали тротуар песком с каменной крошкой. В глаз попала песчинка. На пороге банка Лена поскользнулась, но успела схватиться за ручку.

У табло стояла девушка в белой блузке.

- У меня что-то с картой! — закричала Лена.
- Минутку, — девушка-консультант перешла за компьютер.
- Какая-то ошибка...
- Назовите кодовое слово.
- «Сережа» — это мой сын, — зачем-то пояснила Лена.

— У вас в телефоне вирусная программа. Со счета списано пять тысяч. Карту я заблокировала. Через неделю будет готова новая.

— Подождите! А мне что делать?!

— Смотреть, что скачиваете, — сказала девушка. — Можете обратиться в полицию. Набегаются, денег все равно не вернете. Еще легко отделались — у одной клиентки вчера пятьдесят тысяч сняли.

— У меня было пять...

Мысленно Лена деньги уже потратила. Завтра у Вадима день рождения, нужно купить бритву и продукты.

Вадим платил за коммуналку и чинил машину. Когда Лена мыла посуду, он убавлял напор воды до размера шнурка и советовал:

— Воду нагревай на плите — нечего горячую лить. Стирай после одиннадцати — ночью электричество в два раза дешевле.

Сказать мужу про карту Лена не решилась. Почему с ней происходит всякая ерунда? На прошлой неделе купила банку кофе и оставила в магазине, вчера перепутала пятьдесят вторую маршрутку с пятьдесят четвертой...

На работе Лена налетела на Виталика:

— Из-за твоего вируса пять тысяч украли! Верни деньги!

— Говорил: телефон — дрянь. Сама виновата!

— Я пойду к Николаю Юрьевичу!

— Далеко пойдешь, он улетел в Дубай! — усмехнулся Виталик.

Деньги Лене одолжила Оксана, специалист по моделированию ногтей:

— Отдашь с аванса.

Аванс — три тысячи — выдавали тридцатого, через семь дней. Хуже не придумаешь — в минусе перед Новым годом!

Лена старалась откладывать, но в начале месяца простудился Сережа. Из поликлиники они зашли в аптеку. В пакет с лекарствами ушел весь аванс. Мальчик увидел разноцветных мармеладных мишек:

— Купи! Купи!

— Сережик, витаминки стоят пятьсот рублей.

— Мам, мне же только попробовать!

Через неделю у мальчика порвался комбинезон.

От Вадима Лена услышала:

— Сгорел аккумулятор!

Лена забрала Сережу из садика.

— Мам, я у Деда Мороза машину на пультике попрошу. Напишем ему письмо?

— Да...

В торговом центре Лена выкупила бритву. Она сняла с Сережи шапочку, посадила мальчика в тележку. На день рождения нужно было приготовить курицу, «Цезарь», купить торт. Лена наполняла тележку продуктами с желтыми ценниками.

Они подъезжали к кассе. Сережа хватал с полок шоколадки.

— Сережа, не надо! У нас дома суп, — Лена забирала у сына сладости.

— Отдай! Дома не кусно!

В кассу была очередь. За ними стояла бабушка в болотном пальто. В ее зеленой корзинке лежали сметана и батон.

— Проходите вперед, — сказала Лена.

— Спасибо, дорогая.

Бабушка подала на кассе карточку и чек:

— Я правильно поняла: у вас по карточке сметана за рубль?

— Чек нужно зарегистрировать. У вас есть телефон? — спросила кассирша.

— У меня «нокия»... — бабушка вытащила из кармана вязаную варежку, в ней лежал черный кнопочный телефон.

— Без мобильного приложения за полную стоимость — сто три рубля.

— Тогда один батон, — бабушка считала мелочь.

— Я оплачу, — сказала Лена.

— Доченька, ты что?!

— Пожалуйста, возьмите сметану.

Сережа дернул Лену за рукав:

— Мам, почему бабушка плачет? Мама, а почему ты плачешь, из-за шоколадок?

— Береги маму, — сказала бабушка.

Сережа первым выбежал на улицу. Вокруг фонаря летали снежинки. Мальчик изо всех дунил на него.

— Горло простудишь! — закричала Лена.

— Я подую на большой одуванчик, и Дед Мороз принесет всем бабушкам сметану!

На Серезин нос села снежинка. Лена поцеловала сына и по-дула на желтый фонарь:

— Для тебя Дед Мороз приготовит самые вкусные конфеты!

28 мая 2020 года

СТРАУС

Дверь второго подъезда серой пятиэтажки покрылась коркой старых объявлений. Три окна на первом этаже закрывали пожелтевшие газеты. В квартиру Степана Егоровича Зубова проникала лишь узкая полоска света.

Степан Егорович выходил из дома два раза в неделю, в десять утра, выбрасывал мусор, затем по понедельникам шел за картошкой в овощной ларек. По пятницам он направлялся в продуктовый через дорогу. В магазине Степан Егорович вытаскивал из пластмассового футляра лупу и долго разглядывал витрину. Он брал макароны, масло, концентрированное молоко, чай и белый хлеб, в уме рассчитывал нужную сумму и неторопливо выкладывал на тарелочку перед продавщицей купюры и монеты, потом так же медленно прятал покупки в сумку. Продавщица в синем переднике, скучая, тарабанила ногтями по прилавку.

Скрестив за спиной руки, Зубов шел по центру тротуара, будто ему всегда горел зеленый свет. Мамочки с колясками и ребятишки на велосипедах часто не успевали объехать Степана Егоровича, и на его локтях появлялись синяки.

Пахло осенью. На еще зеленой траве голуби клевали мягкие перезрелые яблоки. Красные листья, словно снегири, садились на ветки деревьев. Зубов этого не видел, его голова клонилась к асфальту. Проходим он напоминал большую уставшую птицу. Во дворе его так и звали — страус.

Дома Степан Егорович варил в трехлитровой кастрюле картошку или макароны. В воде плавали белые островки пены и прозрачные масляные капельки. Картошка разваривалась, макароны прилипали ко дну. Воду Степан Егорович не сливал и всю неделю ел то ли суп, то ли гарнир.

Отрывной календарь на стене застыл на двадцать пятом июня. Степан Егорович вытащил из розеток шнуры от телевизора, телефона и радиоприемника. На диване под подушкой лежал паспорт

и конверт с деньгами, на стуле висел темно-синий костюм, белая рубашка, носки, под стулом ждали почти новые черные туфли.

Зубов побрел в ванную. Пена для бритья сковала лицо. Степан Егорович провел станком по колкой щетине — по щеке поползла красная дорожка. Что с того? Зубов продолжал бриться.

Побрившись, он надел висевшие на стуле вещи, сунул ноги в туфли, приоткрыл входную дверь, потом вернулся в комнату, лег на диван и закрыл глаза.

Что-то мягкое и теплое прыгнуло на грудь, шершавый язык зализывал ранку на щеке:

— Опять ты! Брысь! Брысь отсюда!

Пришлось сесть, кошка замурчала и стала тереться о ногу:

— Пошла вон!

Кошка прыгнула на подоконник и принялась царапать желтые газеты.

...Серую голубоглазую кошку принесла Галина Петровна.

— Зачем ты ее притащила? — процедил Степан Егорович.

— Это Ляпа. Теперь она будет с нами.

— Дурацкое имя! — фыркнул Зубов.

— Ты ее полюбишь! Смотри, какая ласковая, и воротничок белый!

По утрам Зубов с надеждой спрашивал:

— Твоя кошка еще не сдохла?

— Ляпа будет жить долго, — говорила Галина Петровна.

За последний год Галина Петровна несколько раз ушивала одежду, второго февраля в автобусе она упала в обморок.

— Ну что? Что сказал врач? — допытывался Степан Егорович.

— Все хорошо... просто устала. Назначили физиопроцедуры.

— Я тебе давно говорил: уходи из детского сада, хватит уже.

— Ты прав, Степа, — пора отдохнуть.

В шесть тридцать Галина Петровна выходила из дома.

— В такую рань?! Ты на работу позже вставала!

— Очередь...

— Давай пойду с тобой, — предлагал Степан Егорович.

— Нет, ты лежи! Я сырники пожарила, встанешь — поешь.

Галина Петровна через весь город ехала на автобусе к длинному белому зданию. На обратном пути она выходила за остановку до дома, ноги сами вели к детскому саду. За зеленым забором было непривычно тихо — в этот час ребятишки обедали.

На качелях кто-то оставил оранжевую шапочку с помпоном. «Света, наверное. То варежку, то шарф потеряет, — вздыхала Галина Петровна. — И горка вся в песке. Почистить бы надо...»

У садика ее находил Степан Егорович:

— Конечно, где тебе еще быть!

Они под руку шли к дому. По дороге Галина Петровна заглядывала в продуктовый. Сделав покупки, она оставляла продавщице на тарелочке две конфеты:

— Вам и вашей дочке.

Ждавший на улице Степан Егорович выхватывал у жены пакет:

— Опять набрала лишнего! Никуда тебя отпускать нельзя!

...Они были знакомы с первого класса. Двенадцатого сентября директриса завела в их кабинет худенькую девочку в белом фартуке, хоть день был совсем не праздничный. Галю Юрьеву посадили за вторую парту к Степе Зубову.

После уроков Галя получала учебники. Коричневый портфель надулся и не застегивался.

Степа решал в библиотеке домашку по арифметике.

— Поможешь? — попросила Галя.

Степа переложил несколько книг к себе в портфель:

— Теперь закроется.

— Ты чего тут сидишь?

— Дома дед придирается и мелкая Лизка кричит.

— Мы с мамой в воскресенье на поезде приехали. Маме здесь комнату дали. Только бабушка скучать будет... Ничего, я ее на каникулах навещу.

— Ты Галя или Валя?

— Галя. А бабушка меня Гасей зовет, — Галя хлопнула Степу по плечу. — Теперь ты галя!

— Не считово! Мы не играли! — крикнул Степа.

Галя засмеялась и побежала на улицу.

— Эй, а учебники?! — кинулся за ней Степа.

От остановки отходил троллейбус.

— Мой... Не успела, — расстроилась девочка.

— А ты где живешь?

— На «семерке» три остановки, прямо до светофора и налево.

— Мне по пути. Пешком через парк быстрее.

Парк был усыпан листвой, по дорожке шли утки.

— Голодные, из воды вылезли. Мне тоже кушать хочется, — сказала Галя.

Степа вытащил из портфеля два ломтика хлеба:

— Вот, держи.

Галя улыбнулась:

— Сейчас сделаю изобилие!

Девочка раскладывала маленькие кусочки хлеба на хрустящие лодочки листьев.

— Что ты делаешь?!

— Пусть утки из осенних тарелок покушают. А это тебе, — Галя протянула Степе корочку. — И мне немного осталось.

— Всё раздала...

— Зато я со всеми поделилась.

Галя со Степой всегда возвращались домой через парк.

Спустя год после школы сыграли свадьбу. Степа выучился на бухгалтера, устроился на завод, Галя, окончив педучилище, работала воспитателем в детском саду.

В заводской столовой отмечали юбилей главного бухгалтера. На торжество Галя надела приталенное синее платье, на шею повязала шелковый голубой платок. Заводчане журили Степана:

— Такую красоту от нас прятал! — и наперебой приглашали Галю танцевать.

Зубов сидел у стены, часто выходил курить.

В очередной раз услышав: «Галочка, у вас и платок под цвет глаз», — он сказал жене:

— Ты как хочешь, а я уйду.

Степан шагал быстро, Галя на каблуках семенила за ним:

— Что случилось? Такой хороший вечер...

— Ты не забыла, что замужем? — буркнул Зубов и побежал вперед.

Через три дня Степан позвонил жене на работу, попросил не задерживаться. Он ждал ее у детской площадки, в кармане лежали билеты в филармонию на фортепианный концерт Чайковского, которого так любила Галя. Жена все не выходила — Степан решил ее поторопить.

В коридоре детского сада Галя разговаривала с высоким мужчиной:

— Алексей Иванович, Оля на этой неделе три раза опоздала на завтрак. Это не дело. Прошу вас...

— Галина Петровна, честное слово, больше мы вас расстраивать будем.

Степан выскочил на улицу, бросил билеты в урну. Подошла Галя:

— Степа, куда мы пойдем?

— Домой! А ты что хотела? — проворчал Зубов.

Галя взяла его под руку:

— Домой так домой.

Знакомые звали их на природу, дни рождения, новоселья, праздновать Новый год... Зубов обычно отвечал: «неважно себя чувствую», «затеяли ремонт», «уже теща пригласила», «к нам родственники приезжают».

Галина ходила по врачам, сдавала анализы, медики говорили, что она здорова, но забеременеть не получалось.

...Степан сидел перед экраном телевизора.

— Степа, послушай... — начала Галя.

— Галя, программа «Время» идет!

Галина выключила телевизор.

— Я была в доме ребенка. Там девочка... Она тебе понравится.

— Какая еще девочка?!

— Анечка, давай ее заберем.

— О чем ты! У нас половина цехов не работает. В стране черт-те что происходит!

— Всегда что-то происходит.

— Галя, нам уже поздно...

— Ты ее даже не видел.

— Не видел и не собираюсь!

— Нам лучше расстаться, — тихо сказала Галя.

Степан схватил ее за руку:

— Гася, я решил: завтра идем к твоей Ане.

С вечера шел дождь, наутро землю подморозило. В летних туфлях Степан поскользнулся — сломал ногу. Поход в дом ребенка пришлось отложить. Через месяц они узнали: Аню удочерила другая бездетная пара.

...В последние дни Галина Петровна не вставала, на ее груди спала Ляпа.

— К чему здесь эта кошка, — ворчал Степан Егорович.

— Пусть лежит, пусть.

— Гася, нужно поесть.

— Степа, посиди со мной. Помнишь, я в десятом классе на каникулы к бабушке ездила? Ты встречал меня потом на вокзале. Снежинки падали большие, как перышки, и на ветру переплетались. Я тебя в окошко увидела, начала махать... — Галина Петровна закашлялась.

— Гася, попей воды, — Степан Егорович поднес к губам жены чашку.

— Степа...

— Я виноват...

— Степа, ты бежал ко мне, а у тебя шапка слетела.

После похорон Зубов сидел в большой комнате. Со стены на него смотрел маленький светлый домик с коричневой крышей. У этого домика они гуляли с Гасей, когда отдыхали в санатории. Музей Лермонтова был закрыт на ремонт.

— Ничего, Гась, еще в Пятигорске будем и к Лермонтову ходим, — говорил Степан.

...Солнце било в глаза, непрошенные лучи проникали в домик на сувенирной тарелке. Зубов вытащил из-под телевизора пачку газет и синей изолянтной заклеил оконные стекла.

В спальне что-то яростно скреблось. Чертова кошка! Он совершенно забыл о ней. Прежде Галя напоминала:

— Ты покормил Ляпу?

Степан Егорович нехотя подбрасывал кошке корм.

Зубов распахнул дверь спальни — кошка понеслась в коридор, громко зашуршала в лотке, перевернула пустую миску, начала мяукать. Сколько от нее шума! Зубов поставил миску на место, положил немного сухого корма. Пусть уже уgomонится.

Зубов лег — кошка прыгнула на него, уткнулась мокрым носом в шею. Степан Егорович скинул надоедливое животное. Кошка принялась мыться, затем опять подобралась к дивану. Зубов запустил в нее тапком — кошка увернулась, залезла на окно и стала драть когтями газеты.

— Гадкая! Не смей!

Кошка не обращала внимания на крик Зубова: она усаживалась на стол, выцепляла лапой макароны из тарелки, лакала воду из чашки, оккупировала подушку Степана Егоровича.

Зубов вышвыривал кошку в подъезд, выбрасывал на улицу, но как только он открывал входную дверь, дурацкая Ляпа проскальзывала в квартиру.

Ну ничего! В доме за продуктовым — ветеринарная клиника. Больше это животное ему докучать не будет! Ляпа отчаянно царапалась.

— Мерзавка! — прошипел Зубов.

Низко опустив голову, Зубов брел по улице, под ногами хрустели листья. Из сумки Степана Егоровича выглядывала серая мордочка.

— Ляпа! Ляпа! Моя Ляпа! — закричала девочка в зеленой куртке.

— Не мешай, отойди, — буркнул Зубов.

— Вы зачем Ляпу в сумку спрятали? А где тетя Галя? Я у бабушки была на каникулах, меня мама неделю назад забрала. У бабушки хорошо, только комары все ноги искушали. А сейчас я маме помогаю. Она тут, в продуктовом работает.

— Девочка...

— Я Надя. А я вас знаю, вы муж тети Гали, она нам с мамой всегда конфеты оставляет — большие, вафельные, я их на несколько раз делю. Давайте Ляпу вытащим! Ей в сумке гулять неудобно.

Зубов поставил сумку на тротуар. На руках у девочки Ляпа замурлыкала.

«Так даже лучше», — подумал Степан Егорович и сделал несколько шагов к дому.

— Дедушка, вы куда?

— Кошка твоя, забирай!

— Как это — забирай? Я Ляпу в коробке нашла у мусорного контейнера. Не у того, где ножка ржавая, а там, где крышки нет. Грустная она была и глаза голубые. Хотела домой забрать — мама не разрешила. Говорит, у нее аллергия на животных. А я думаю...

— Девочка, помолчи! — не выдержал Зубов.

— Все говорят «помолчи»... В садике, в школе теперь, мама постоянно. А сама врушка. Нет у нее никакой аллергии! Она в ветеринарной клинике по вечерам полы моет, и я с ней...

— Вот и носи кошку в клинику, — Зубов подошел к подъезду.

— Зачем? Я вижу — она здоровая. Тетя Галя говорила — кошка для вас. Вы ее гладить и кормить будете. Вон она какая голодная, — кошка замурлыкала. — Мы же ее в честь вас с тетей

Галей назвали — Га-ля и Сте-па — вот Ляпа и получилась. Здорово я придумала?

Степан Егорович зашел в квартиру, Надя прошмыгнула за ним:

— Так что, мы Ляпу кормить будем? А почему вы окна заклеили? Темно же!

— У меня ничего нет... — Степан Егорович опустил на стул.

Надя вытащила из кармана куртки завернутую в салфетку булочку:

— Сейчас сделаю изобилие! — она протянула большой кусок Степану Егоровичу. — Ешьте! Она вкусная, с корицей! И Ляпе хватит, и мне.

— Посиди здесь, — Зубов вышел из комнаты.

Кошка принялась драть старые газеты.

— Правильно, Ляпа! Я тебе помогу, — Надя побежала к подоконнику.

— Стой, ты можешь упасть! Сам эти дурацкие газеты сорву! Мы с тобой чай попьем, а потом в магазин ходим, — сказал Степан Егорович.

Серая комната наполнилась солнцем.

10 ноября 2020 года

ШАРЛОТКА

Сантехник надевал бахилы. Его коричневые ботинки выцвели, нос правого ботинка словно покусала собака. На зеленом линолеуме успела образоваться темная лужица. «Такую обувь вылавливают из болота», — подумала Вера Валентиновна. Она стояла в голубом платье в пол:

— Нельзя ли как-то побыстрее?

— Секундочка, минуточка, — сантехник спешил в ванную, из кармана спецовки выпал разводной ключ.

Он нормально разговаривать умеет? Вечно все из рук валится!

— Смеситель куплен три месяца назад. Две с половиной тысячи. И что?! Я вас четвертый раз вызываю! — раздраженно сказала Вера Валентиновна.

— Смеситель хороший, немецкий, пять лет гарантии. Установлен неважно.

— Вы, вы же и устанавливали! Забыли?

— Я...

— Почините, наконец! Чтобы мы с вами больше не встречались.

— Я же вам бесплатно делаю, по гарантии.

— Еще бы я платила за вашу некомпетентность! — Вера Валентиновна вышла из ванной.

Что-то с треском упало. Неужели плитка? «У него недостатков больше, чем мошек в городе!» — подумала Вера Валентиновна.

— Хозяйка, не переживайте, все цело.

Легко сказать — не переживайте! Через два часа придет Евгений Дмитриевич, этнограф, член академии наук, автор множества книг и научных статей. Евгений Дмитриевич был дядей Павла, мужа ее Тани. На новогодних каникулах Вера Валентиновна гостила у дочери в Петербурге. Евгения Дмитриевича ей тогда увидеть не удалось.

— В Лондоне лекции читает, — сказала Таня.

Сегодня они познакомятся. Евгений Дмитриевич прилетел в Тюмень на три дня — возглавить жюри фестиваля документального кино о малых народах Севера. В восемь он будет у нее.

Для гостя Вера Валентиновна составила культурную программу. Она представляла, как после осмотра костей мамонта в краеведческом музее подведет знаменитого ученого к витрине с серебряными монетами царской чеканки и как бы случайно укажет на надпись: «Найдены в 2007 году учениками школы № 5 (г. Тюмень) под руководством Кочкиной В. В.». Но это завтра. Сегодня за ужином Вера Валентиновна расскажет академику историю своей семьи...

Евгений Дмитриевич пойдет мыть руки, а у нее кран течет! Что он подумает о ней, о Татьяне?

— Починили?! — крикнула Вера Валентиновна в ванную.

— В процессе, делается.

— Поторопитесь!

Кухню наполнил аромат корицы. Подоспела шарлотка. Вера Валентиновна осторожно достала из духовки пышный пирог с розочками из красных яблок. Вот бы Таня удивилась!

Обычно Вера Валентиновна готовила рис, гречку или овощи на пару. Ее бывший муж Егор работал поваром-бригадиром под Нижневартовском. Приезжая с вахты, он пек пироги с красной рыбой, шоколадные торты, рулеты с повидлом... Таня ждала папу и готовила тарелку.

Егор рассказывал:

— Вместо десяти упаковок крабовых палочек отправили десять килограммов! Пришлось крабовое меню составлять...

Таня хохотала и просила:

— Расскажи еще!

Вера Валентиновна говорила:

— Идите смеяться на кухню!

Ей нужно было проверять рабочие тетради, контурные карты, составлять план работы кружка «Юный следопыт»...

Семь лет назад Егор собирался на вахту. Вера Валентиновна опаздывала, прощаться с мужем не было времени. Вечером она вернулась из школы. В салфетнице лежала записка: «Подал на развод. На квартиру не претендую».

Вера познакомилась с Егором на горячих источниках. Она только получила диплом географа.

— Я мечтаю всю Европу объехать! Хорошо бы мир, но нужно с чего-то начинать.

— Начнем с моря! — сказал Егор.

После свадьбы муж купил дачу в Верхнем Бору. За семнадцать лет брака дальше пяти соток супруги вместе не выезжали.

Таня окончила школу и уехала учиться в Петербург. Вера Валентиновна завтракала и обедала в столовой, а вечером пила кефир.

В кухню заглянул сантехник в мокрой спецовке.

— Сделали, наконец?!

— Почти, чуть-чуть. Мне бы еще тряпку, хозяйка...

В дверь позвонили.

— Евгений Дмитриевич? Так рано! — в коридоре терся сантехник. — Что стоите?

— Так, затереть нужно...

Вера Валентиновна кинула ему полотенце:

— Идите в ванную!

Она поправила прическу и пошла открывать:

— Евгений Дмитриевич, я так рада вас видеть! Проходите, проходите! Я вам столько должна рассказать...

— Меня ждет такси. Нужно срочно лететь в Москву, — академик протянул Вере Валентиновне конверт.

— Что это?

— Билеты. Татьяна говорила, вы фестивалем интересуетесь.

— Спасибо. Я шарлотку испекла...

— Вера Константиновна, не переживайте, в самолете кормят.

— Валентиновна.

— Точно! Вера Константиновна в Магнитогорске, — академик нажал на серую кнопку лифта.

Вера Валентиновна вертела в руках конверт. Из ванной вышел сантехник.

— Готово?

— Вроде...

— Шарлотку будете?

— С удовольствием. Я обычно дошик ем. Самый вкусный — говяжий. А с кетчупом! Если совсем голодный, сухим начинаю хрустеть. У меня сын в том году женился в Свердловске...

— В Екатеринбурге.

— Да. Отмечали в подвальчике, там такой шашлык — объедение! Мы с матерью Антона десять лет назад разошлись.

— Садитесь за стол, — сказала Вера Валентиновна.

— Красивое там метро! Я на всех станциях выходил. На «Ботанической» потолок в серо-желтых ромбиках, как улей, и светится. Но мне больше «Гагаринская» понравилась, блестящая и бесконечная.

— «Космонавтов».

— Тоже видели?

— С детьми на экскурсию ездила.

Вера Валентиновна положила на тарелки шарлотку:

— Ну как?

— Свежо... — сантехник закашлялся.

Она попробовала кусочек и тут же выплюнула на салфетку:

— Издеваетесь? Это несъедобно!

Вера Валентиновна пекла первый раз. В рецепте было написано: добавить разрыхлитель, соду. Она добавила для верности в двойном размере.

— Не расстраивайтесь! У нас кошка в подъезде с удовольствием съест.

— Кошка! Весь двор его расхваливает, а мне смеситель установить не может! Я буду на вас жаловаться в управляющую компанию!

— Вера Валентиновна, как же издеваюсь? Я... я же со смесителем, чтоб вас увидеть...

— Что?..

— Вы мне маму напомнили, она строгая была, но справедливая, и глаза зеленые.

— Маму?!

— Вера Валентиновна, вы очень красивая и молодая. Вы такая... А я... У вас на кухне занавески короткие. Вы в шесть тридцать на термометр смотрите, чайник ставите, он дышит тепло и свистит. Халатик у вас розовый, и голубой есть. Я сажусь на скамейку, газету беру, в окно ваше смотрю. Четвертое слева. Один раз уснул, правда. Тогда на Котельщиков ночью трубу прорвало. В среду вас в шесть тридцать на кухне не было. Я забеспокоился, хотел заглянуть насчет смесителя. Меня вызвали — на Харьковской старушка с пятого этажа соседней затопила... Я вас потом на улице в черных очках видел.

В среду у Веры Валентиновны был день рождения. С утра ей пришли смс-поздравления от банков и магазинов. В социальных сетях она не регистрировалась, там никто о ее празднике не напоминал. В учительской висел список дней рождения учителей, но в начале августа в школе был только сторож.

Вера Валентиновна пошла к станкостроительному заводу. За высокими елками прятался памятник погибшим заводчанам-фронтавикам, который проектировал ее отец — начальник экспериментального цеха. О троих фронтавиках вспомнили, когда памятник был уже готов. Их фамилии отец вбивал вручную. В детстве они вместе приходили сюда.

Вера Валентиновна положила под золотую звезду две белые гвоздики, подняла шишку. В вазе на столе шишка была двенадцатой.

Вечером позвонила Таня. Дочь поздравила ее и сообщила, что приезжает Евгений Дмитриевич.

— Я сейчас все сделаю, вы меня больше не увидите, — сказал сантехник.

Он ушел в ванную. Вера Валентиновна сидела за столом.

— Теперь на века. Я дверь захлопну.

— Подождите! Еще на кухне смеситель подтекает...

— Вера Валентиновна, я вам все, все почию!

— Можно просто Вера...

— Александр.

30 мая 2020 года

Дом престарелых

Птичий хохот, солнца звон.
Прибыл поезд на перрон,
А другой с перрона убыл.
Я растягиваю губы,
Чтобы не пустились в пляс:
Убыл, прибыл... Ведь про нас.
Мельтешится мир вовне.
Видим сквозь дыру в стене
В обрамлении стекла:
Зажурчала, потекла,
Удлинила день весна.
Нам-то что за дело? На
Подоконнике облезлом,
Сгорбившись — с утра залезла —
Сею-вею дней песок.
Как пичужка — скок-поскок! —
Жизнь стремится неудержимо
Бег свой.
Мимо...
Мимо...
Мимо.

***

Двусмысленный шепот мая,
Удушливый дух сирени...
И щурится фавн, играя
Беду на своей свирели.

Над шляпами темных сосен
Мелькают зарницы лица.
Свирелевый звон несносен.
Молчи... уже пусть случится.

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»).

***

Ходят по полю туманы,
Ставят нам силки, капканы.
Доставай-ка из кармана
Свой шаманский оберег.

Беспокойно и тревожно
Тени рыщут. Невозможно
Скрыться. Так что осторожно
Пробирайся, человек.

На русалку обернешься
Да за лешего запнешься,
Вдруг заплачешь, засмеешься —
Защекочут ведьмаки.

Травы хлещут, словно бритва.
Что же сердце так щемит-то?
И горячая молитва —
крепость дружеской руки.

***

Запущен. В часах песочных
Вшит обратный отсчет.
В срок, до выдоха точный,
Их кто-то перевернет.

Будет сыпаться вечность
Ровно наоборот.
К старту, назад: за плечи
И головой вперед.

***

Птичка певчая не знает,
Что за ноты вылетают —
И резвятся, и порхают —
Из расправленной души.

Не меня ли окликает?
Не меня ли тормошит?

Растекается по венам
Тенорок самозабвенный.
К переменам непременно!

Незаметно, постепенно
Будет сад весной расшит.

***

А ночь лампадку солнца загасила.
Белугой бы завьть, да неудобно.
А в сочно-ржавой плоти апельсина
Две косточки висят внутриутробно.

***

Узор судьбы неряшливый с изнанки.
Неопытная, видно, мастерица...
Все вглядываюсь в синь на полустанке.
И ожидание все длится, длится, длится...

Пылит вагон по ветке параллельной?
В депо стажер-диспетчер перегнал?
Пока еще задержка не смертельна:
Надежда на осмысленный финал.

Услышу ли гудок локомотива?
Прожектора слепящий желтый сноп
Увижу ли? Стою я сиротливо
На полустанке, на кресте дорог.

***

Сочится везение березовым соком,
Уже иссякает... А как вы хотели?
Кто шрам иссекает в березовом теле,
Тому это выйдет, конечно же, боком.
Хотя... лишь на шрамах возводится храм.

Пока паруса выгибаются ветром —
Не важно, что северный, главное — дует! —
В затяжку докуривай жизнь-сигарету,
Спеша, задыхаясь, танцуя, рискуя.
И демонам жертвы даруй, и богам.

...Да бросьте. Советы просыпьте в кисет
И жгите по мере охоты курить.
На глади воды отражения нет.
А, значит, я выбрал зачем-то «не быть».

***

...Утихло вечное ха-ха:
«И где тут мысль? “поэзия” суха!
Сюжет размыт и даже узок!
И ум кипит с “поэтовых” нагрузок!»
Но Музыка — орудие стиха...
И сдался ты.....
Клони свое вниманье:
Не важно тут любое содержанье,
И холоден его утробный жар.
Не отразить тебе заранье
Гармонии удар!

***

Звездой вырваны глаза.
И гуще мирозданье,
Что разум хлещет, как лоза,
Врезает Господа рыданье.
Рази, залунная гроза,
Немое тело!
И мысль насилуй оголтело,
И ритмы гни.
Уродуй стих, не виждь и легкости предела,
И будь верлибр,
Согнув и рифм-калибр,
И музыкальный свой поэтолект.
Я не о том... вон звезды, как цунами,
Неистошимое, кажется, зовут меня
В свои глубины.
Расточен нерв
У моей веры в инобытие
До острия
Засмертия грядущего,

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»).

До вечного устремления
В бесконечное,
До вихрей эона.
Иначе говоря — воплощений моей души
На незримых гранях Вселенной.
Незримых с Земли.
Но если...
Если я ошибаюсь,
И моя вера,
Словно агиасма — вымысел,
А звезды — яз,
Коварная иллюзия в угоду червям,
Даже узел фатума
Иль союз жизнелюбия,
То зачем,
Зачем, о блещут горные маяки
И тянут мою душу в эту чудную
Суводь?

Уже январь. И ночью огневой
Загубят льды поэта наудачу.
Вон чей-то вой
Учуял скучную задачу.
Хрустят кусты у Чусовой.
И глубже бездны я рыбащу.

***

Идет гроза. Зеваючи, июнь
Кому поэзию бормочет?
Здесь оргия.
И все пьяны. Куда ни плюнь:
У всех июнь, как девочка, хохочет.

***

«Остановись! — гремели мысли —
Земное ли унижит эту высь?»,
Но Муза здесь. И с нею мы зависли —
В Вселенную, в глаза ее впились.

***

Вот умер я. Затем из ниоткуда
Утянет главная звезда
И скажут там сухое: «М-да...

Такой талант, такое чудо,
 А все в итоге ерунда
 И посвящения кому-то Туда-сюда.
 Иную ль выберем планету
 И поубавим тягу эту
 Язык туманить иногда?
 Или поэзия чужда
 И вовсе гения в нем нету,
 Его удел — терять года?..
 Сольем ли в Лету, господа?»

.....

.....

***

О, Мысль! Тебе мое посланье
 И гнев его, коварная, Тебе...
 «Забудь! забудь! — вопила Ты в мольбе, —
 Не Истина — изъян я!
 Довольно ты свою надежду длил
 И, кланяясь иному,
 Так мною дорожил...
 Голодный червь среди могил!
 Оставь меня! И, следуя земному,
 Живи, как все». И я Тебя забыл...
 Тобою, Мысль, я не живу... Но жил!
 И жадно сеял
 За горние поля.
 Трещало все! Ты, ум испепеля,
 Таилась там — в Поэзии. Лелеял
 И мял язык, в тумане созидал,
 Никем не понят —
 Смеялись все: «И он утонет,
 Убьет его убогий идеал,
 Иль быт разбудит,
 И в норме жизнь его хмельная будет!
 Оставит он пустое ремесло».
 Глупцы. Наитье Нас несло
 С Тобою, Мысль, в неясные им дали,
 Нас Господа крыло
 Хранило. И Мы знали
 Ту Бездну вязкую, где властвует Засмерть!
 И Хаос жнет, свою питая мать...
 Вселенную? О, нет! Средь безымянных Ядер
 Она — дитя и дерть!

И шире эта рама,
Пураны лгут! Не греет шалиграма!
И нем к сему распятый Иисус,
Ничтожна сила Змия,
И слеп Пань-гу, и глух Иеремия,
И глубже я в историю вопьюсь
Да срежу суефатум:
Раздавлен Бэл, его балует Атум,
И высмеян упорный Илион,
Слаба Мелухха,
И Адду мертв, у Ваки сухо,
И человек в Ганзире закален,
То ядами снуют сады Дильмуна,
Ицамна ли дурманит Мэ туман,
Кончает все Туата Де Дананн —
Невежество их вечно юно!
С Тобою, Мысль, наитьем обуян,
Я изумел лишь домыслы землян...
Иные что же?
Мы ведали: невыразимы речи их,
Полны идей уверенно густых
И, кажется, они дороже...
Увы! И там и там одно и то же!
Религия везде изроет путь,
Не обойдешь! Утянут ямы,
Схоронят тут —
Призреючи уветом загрызут,
А души, что упрямы,
И расчленият, не жалуя ничуть.
Вот умер ты. И вновь родился где-нибудь
Иль ждешь сего — уже заочно выгнут,
Уже испил целебного ручья —
Врагом постигнут.
И в этот миг исключена ничья —
Твои объята руля
И деятель живой в тебе затух,
Увяз познания слух.
Жужжат они — злосуетные улья!
Такой исход безвыходен ужель
И хищно присен?
Смиранным быть, упрямитесь вотще ль,
Алкая закулисин?
Нет! Лютая дуэль...
Здесь Мысль нужна, Ее всезвучный голос!

О, Милая, Ты за меня боролась
И, зрея клич,
Взрывала чуждый ужас,
Меня бежал его лжемудрый бич!
Но я не смог Наш Промысел достичь
И утерять, в недоуменьи рушась,
Безокий Наш Маяк...
Мне горестно! Я шел Ему навстречу,
Рукою щупал мрак
И тшил найти предтечу,
Но без Тебя... себя, как жертву, мечу
И следую никак!
Изранен я... наивному в отмщенье
Тупик готов!
И мой удел таков:
Безумием кощен я И не живу... Но в памяти тая
Наитья смуту,
Но чуж зов взаимообития,
С Тобою, Мысль, навеки буду —
Я не забыл. И не забуду.
Пускай смердит богов галиматья...
Не сдамся их тугому блуду!
Долой Содом
И дым его ковчега...
Мы сами — Бог. И звенья берега,
Что в Хаосе свивается кольцом...
Вселенная? О, нет! Незримое в Ином
Иль Истина, — ее библиотека...
Мы сами к ней придем.

***

М. Изотовой

Куда идти? я вырван из земного
Узилища! И, между звезд скользя,
Найду ли то, что выразить нельзя
За смертью снова?
Как тихо здесь! Вот Господа стезя
Мне втайне брезжет:
Ее развеян след...
Религия! твой вероимный скрежет
К нему лукаво вопиет —
Ты, криво свой врезая рупос
И высь молитвами изрыв,
Напрасно вечные утехи будишь

И соблазняешь дух
Загробием! Иль в гуриях до гроба
Не быть того рабом,
Чей образ с ревностью подарен?
Наукой ли не истребить
Разбои вымысла святого
И не посеять в нас с уключенных трибун
Светоученый хаос,
Не вытянуть ли ко Вселенной ключ
Из разума — всезнающей утробы,
Где мысль чужая злобствует?.. Увы,
Не веруя в Него, свой вымысел дарует!
Я знаю гулы этих близнецов,
Взлеянных в единой колыбели
Во имя истин хилых,
Обманутым слугою;
Он — логос им. Он сила голосам,
Чья проповедь пьянит; записан
Его пуризм в незыблемую вязь
И языком двуликим в аксиому сужен
Для слуг покамест нерожденных!
Пусть тянутся к логичному рулю
Да сызнова в Элизий
Ползут. Иль, язву спелую лобзая,
Возносят лад слепой!
Но волен я: безволие земное
Мой руль не изогнет
Той жизнью праведной; я против
Него иную ополчил
И выбрал путь, во тьму нахлынув, —
Отныне мертв:
За Истиной я следую впотьмах.
Но тьма не ослепит!
Мне лживый свет не нужен —
При свете ум всегда обезоружен,
Незримо им сожжен!
Я Тьмою жив. Я в ней вооружен.
И все Иное вижу,
В ней Эзия слышна.
И вашей лжи на ложе Тьмы я не услышу,
Нет! музыки сильнее Тишина —
Шальная муза для изгоя,
Чей будит зов: она
Так оглушительна!... ..

И речи хищные троих
Ее пугает эхо,
Зане бессилен их гипноз
В обители беззвучной.
Тут холодно; изгою сладок холод —
Стихия дум,
Где бытие познает ум,
Детьми всезнанья не заколот,
Не высушен их призрачным теплом.
Куда идти? Я, гениям ослушен,
В поэзии себя разубедил —
Мне тягостен ее напевный опыт
Иль симфор лязг за рифмою горячей,
Что возле зеркала течет
И красит смысл изящному навстречу!
Поэзия... Таи свою боязнь
У яви Тьмы увязнуть
И вить несвязный узел
Познания под нею, слово
Им буйственно ломать,
И, звук казнив, непонятой излиться
На остов искони двойной,
И, за руку свою назло всему цепляясь,
Тем самым Господом идти
В пустынный Абсолют!... ..

ГЕЛИКОН

Могу ли я стоять здесь, у подножия Великого Геликона, и ожидать ее... Что я скажу ей, когда наши глаза сольются в едином взгляде? Разве достоин я даже мечтой коснуться грядущего и вообразить, что она меня выберет?.. Но вот он я: дрожащий от неизвестности, как листы на ветвях этого дуба от сонного зефира... Геликон! Как чудесен Твой лик... Как хотел бы я описать эти волны, лобзающие Твой мыс иль фрезии и лантаны, коими Ты усеян! Как хотел бы я вторить Твоим соловьям, упиваться мощью своего голоса, дарованного Тобой, Великий Геликон! Но как ничтожен я желать того дара, коим зиждут... Невыразимое!.. Так скуден я в словах! нелеп в выражениях... Если б Ты знал, как тягостен мой удел мечтателя!.. Как бьются во мне беззвучные мысли и гонят пустые слова, крадущиеся в своем

ненасытном желании их выразить! Дико и неуклюже... Я вижу его — гонца Авроры — и не могу воспеть его величие, коснуться недосягаемой выси!.. Я бы спросил у Солнца про нее — бескрайнюю высь, что утонула в тайнах!.. Геликон! Я не устану благодарить Тебя за эту возможность стоять рядом с ними — мечтателями! Как пылают их взоры, устремленные в густую сень Твоего леса, как трепещут они от скорой встречи с судьбою своей! И я один из них... Гели...

— Идут! Они идут, смотрите!

— Ох ты, боже мой, как много рыжих, я в раю!

— Надеюсь, вон та ко мне, что в белом...

— А мне черная нравится, такая сочная, жаль, не мы собираем их!..

— Спокойнее, друзья, на всех нас хватит, имеем терпение...

— Согласен с ним, а то ведем себя, словно девственники на оргии, проявите стойкость...

— Смотри, как томно шагают, боже... Я готов сам кинуться в это женское блаженство!

— Эй, друг, может, поменяемся если что? Шучу, шучу!..

— Они все идеальны...

— Но моя идеальнее будет, зависть вас сожрет...

— Думаю, она и тебя сожрет, потому что одной всегда мало, ха-ха!.. А ты, кстати, что молчишь, юнец? Совсем дар речи потерял при виде таких богинь? Да, тебе подобное и не с...

Невесомы, словно воздух... Разливаются, плывут над лилеями, изящно им бережливы... Геликон! Могу ли я стоять здесь, взирая на Твою красоту? Твоих дочерей?.. Как они смущены! Робеют, клоня золото своих ресниц, при виде нас... Иные из них, будто сами звезды — грациозны! играют своими локонами, не зная суеты... Геликон! Я благодарю Тебя за это, мы все благодарим Тебя!.. Таем в узах судьбы! Великой Судьбы!.. Еще мгновение! И рядом... я слышу громы сердец с обеих сторон... я вижу это взаимное ликование в глазах каждого и каждой!.. Ах! Какое нежное и легкое благоухание реет вокруг сего мига! Они собирают нас, Геликон, смогу ли я удержать свой ум от забывья, не впасть в обмо...

— Ты готов стать моим?..

— Ты готов быть моим навеки?..

— Ты готов принять свою судьбу?..

— Ты готов довериться мне?..

- Ты готов отдать мне себя?..
- Ты готов изменить свою жизнь?..
- Ты готов идти рядом со мной?..
- Ты готов стать другим?..
- Ты готов узнать меня?..
- Ты готов понять мою сущность?..
- Ты готов следовать нашей взаим...

Кто же... я не понимаю... их всего одиннадцать. Великий Геликон! Неужели я не достоин быть выбранным? Здесь больше никого нет, они все сделали свой выбор...

- Конечно!
- Еще бы!
- Готов и не только!
- Для тебя все что угодно, дорогая!
- Со всеми тайнами я твой!
- С тобой я готов на все!
- Я готов летать с тобой, милая!
- Меняй меня, родная!
- Всю и немедленно!
- С самого твоего присутствия!
- Я весь твой, надеюсь, как и ты вся м...

Они... я вижу нечто странное, Геликон, они сло...

- Тогда поцелуй меня!
- Целуй меня скорее!
- Обожги же мои губы поцелуем!
- Поцелуй меня в знак своей преданности!
- Подтверди это горячим поцелуем!
- Докажи это своим поцелуем!
- Скрепи наш союз поцелуем!
- Даруй мне свой поцелуй!
- Поцелуй скажет больше твоих слов!
- Целуй меня как можно дольше!
- Поцелуй меня со всей своей стр...

Я вижу холод... и ненависть! Эти страстные, крайне знойные лобзания, как... Остановитесь, друзья! Неужели вы не видите их глаз, не чувствуете их чуждые кас...

— Здравствуй.

...ания. Разве об этом вы мечтали? Такой образ оберегали в своих снах? Алкалы таких... Суккубов?! Вы покоряетесь им, как дети! Это не Му...

— Ты прав. Они — не Музы. Пожалуйста, давай отойдем от них... вон к тому делониксу. Я, как и ты, не хочу все это видеть.

— Я... Здравствуй. Я совсем не заметил тебя. Кто ты?..

— Ты знаешь, кто я. Пойдем, прошу...

Она не похожа на... Боже, что они сделали с ними, Геликон? Словно подчинили вожделием... А она, такая чистая, я не увидел в ее глазах того отвращения, той жуткой вяз...

— Делоникс. Иль Хвост Феникса. Огнезарен и могуч!.. Мое любимое дерево на Геликоне, мой спутник ожидания... Я часами, иногда и сутками сидела под его кроной — утопала в звездах и грезила, ждала те... Ты меня слушаешь?..

— Я... Да, прости, пожалуйста. Не могу оторваться от сего зрелища, не понимаю, кто они...

— Они — их пороки. Гетеры, суккубы, менады... У них много имен. Но их не существует. Это иллюзия Геликона, его... Если можно так выразиться, даяние нуждающимся. Милостыня в угоду истинной потребности мечтателя.

— Иллюзия? Пороки? Не существует? Но ведь они такие настоящие... Их поцелуи, взаимные объятия...

— Они видят и получают то, о чем всегда мечтали. Вязнут в своих пороках, не замечая ничего другого.

Любая «пара»... взгляни вот на тех, что неистово срывают с себя одеяния: для них, то есть для него, есть только его порок. Он не зрит иные «пары»: его мир замкнулся. И когда иллюзии выходили из леса, каждый мечтатель с упоением смотрел только на свою, на ту, что в итоге и подошла к нему. Остальные были ему противны или вовсе размыты на фоне «идеала». Они существуют лишь в их воображении... Но они чувствуют то, что всегда, предосознанно и глубоко желали. И физически, словно это настоящие девы. В действительности же они лобзают воздух... Геликон дал им такой шанс.

— Но почему я тоже вижу их?

— Ты видишь все. И знаешь все. Ты единственный Поэт здесь.

— Я... я...

Она... это она. Моя Муза, теперь я чувствую, она пришла ко мне... Господи, Геликон, что я должен ей гово...

— Я слышу твои мысли. Прекрасно слышу. Неважно, что ты скажешь. Просто говори со мной...

— Я... твои глаза и мои... наш взгляд — красноречивее любых слов. Я алею, не могу сдержаться от такого смущения... А что ты разумела под «видишь и знаешь все»?

— То, что ты видишь и знаешь все. Например, сейчас видишь и знаешь все их пороки, четко и ясно, во всех... нагих деталях. Такое недоступно ни одному живому существу во Вселенной. Ты помнишь, что птицы умолкли сразу же, как появились иллюзии, а деревья сложили свои листья? Даже теплый зефир взмыл куда-то в горы. Иссох весь океан... Ладно, последние я приукрасила, но деревья и птицы — в них есть часть Поэта: они не видят их, но чувствуют нечисть...

— Да, и солнце... Тогда оно словно выгорело, закатилось в тусклые облака, а сейчас блещет прямо в нас!.. И небо, безупречно чистая высь. Смотри! Соловьи, эти шустрые вестники благозвучия, так и скользят по ветвям! Целая дюжина над твоей головой!.. И листья, они вновь распустились...

— Теперь я вынуждена алеть... Да, они любят нас — Муз...

— Что такое? Почему ты плачешь?..

— Я не... не плачу вовсе — некая искра радости и только... Если б ты знал, как долго я ждала тебя. Как мучилась, когда мучился ты. Мы связаны с тобой с того самого момента...

— Какого момента?

— Того... Ты Поэт. Ты мученик глагола. Ты знаешь и видишь все, дотягиваешься до невыразимого, но не можешь обречь его, дабы нырнуть в спуд Вселенной. Поэтому я пришла к тебе. Поэтому я была рождена в один день с тобою. Когда рождается Поэт — рождается и его Муза. Но один Геликон может знать время их первой встречи...

— Я... С каждым твоим словом... Есть ли название сему состоянию... Но ты его чувствуешь, я знаю... Как же зовут тебя?

— Я безымянна. Как и все Музы... И, возможно, я последняя из них... Опять приукрасила, но так хочется в это верить... Всегда хочется верить, что ты — единственная во всей истории... Что именно на твоём веку произойдет нечто великое и чудесное, невиданное предшественникам. Поэты, Истинные Поэты, все — Пророки. Они рождаются раз в сто, а то и пятьсот лет... Значит, и Музы тоже. Это правда.

— Я... Пожалуйста, расскажи еще что-нибудь...

— Ты воистину смущен... Хорошо, видишь делоникс? Он так же стар, как сам Геликон. Деревья, наверное, самые древние живые организмы, самые мудрые... Если бы можно было с ним поговорить! Вообрази: он видел всех Поэтов! он видел всех Муз! Это невероятно... Может, когда-нибудь нам удастся изучить его язык и... прости меня, я тоже теряюсь в своей неловкости... Смотри: иллюзии уже покинули своих хозяев иль следуют за ними сквозь когти Морфея... Спустя часы они очнутся и вновь почувют свою «блаженную» участь. И ведь они счастливы! Но не знают, что все это иллюзорно. И никогда не узнают — их порок ревностно хранит врата истины. Крайне ревностно... Я совсем забыла, что нужно кончить ритуал... традиция Муз...

— Как его заканчивают?..

— Могу ли я стать твоей Музой отныне и до самой твоей смерти... И после твоей смерти, в омутах и вихрях инобытия, следовать за тобой в образе незримого и зримого духа, не отступая даже тогда, когда твою и мою память изогнет ярмо перерождений, помогать тебе всеми своими силами, учиться вместе с тобой и найти грани нашей необъятной Вселенной, дабы узреть истину и обрамить ее невыразимое?.. Половина мною сказанного... Про инобытие и перерождения — мои... грезы. Я верю, что это наша первая жизнь, что смерть — начало инорождения на другой планете, что звезды — не жуткий яз, но горние маяки, влекущие в чудную суводь Вселенной. Именно туда, где мы начнем собирать части Великой Истины... Я чувствую — ты тоже иногда думал об этом... Прости, заговорила совсем, надо вспомнить заключение предложенной клятвы... ах! Точно, я уже всю ее сказала, но все же краткое повторение главного: могу ли я стать твоей Музой отныне?..

— Могу ли я стать твоим Поэтом?..

— Что такое, почему ты плачешь?

— Я не... Некая искра радости — и только. Ты... чувствуешь ее? мою невыразимую благодарность той незримой Силе, что связала нас... Я... Пожалуйста, спроси еще раз!

— Могу ли я стать твоей Музой отныне?..

— Да. Будь моей Музой!..

— Протяни свою руку, мой Поэт, почувствуй тепло моей ладони, чтобы получить Благословение Великого Геликона!..

СПУД

А. Пяткову

Вот умер я. И реют тугие они: манеры и рауты смерти. А разум иль то, что звучно вопиется здесь разумом... Изящное слово, мудрое орудие эмоций для описания грациозных подвигов — здешних деяний... А разум сужен до безумия. Ха! И ближе хлад, и горечь... Нет! То тягостная речь, секущая язык... Его азы... Язык, о рычаг для обрамления мыслей, деющий их слаще... Даже гуще своим тонным давлением! Вот умер я. И брезжит ино...

— Он будто кайфует с этого! Ну ниче, шас я сотру эту ухмылку с твоей рожи, полудохлая мразь!.. Игорь, дай мне ствол. Другой! Магнум давай... Шесть, шикарно. Весь барабан в тебя всажу, сука, и гляну, какой ты улыбчивый без башки.

— Да он не дышит уже, Миш, это типа спазм... Валишь пора отсюда. Смитом район на хер разбудишь.

— Насрать мне! Это мой город! Никто, слышишь, никто не смеет нам перечить! И эта паскуда оступилась, сломала гребаную ступеньку в нашей золотой лестнице... Отойди, Игорь, и береги уши. Короче, парни, я шас громко порадую свое эго, а потом, как мы и обещали этому ублюдку, — расчлените его и закопаете по разным лесам, рекам, мне по хер в общем, куда все это уйдет — лишь бы поглубже... Завтра у нас важный день, а в такие важные дни я не люблю знать, что одно из дел закончено не так, как мне хотелось... Теперь все прикрыли свои ушки!..

И выстрел, словно зарница, путеводит в иное никуда. Второй. И ярче ноет забвение, балуя память. Три. Минует эта астрей, на кою я желал. И светит ее нимб — ах! — Присному вослед! Четы...

— Проснись! Все пропустишь.

— А? Что, что такое?.. Я... спал?

— Вот именно. Смотри: он уже начинает...

— Я приветствую вас, друзья! Мое волнение, даже трепет, не позволяют мне в полной мере владеть своей речью, но я стараюсь... Стараюсь оказать наши взаимные усилия! Я вижу, как вы изумляетесь храму, как зрите его витальные зигзаги иль колонны. Я сам, признаюсь, не могу оторвать глаз от великой графемы... Энигма — так принято называть нечто загадочное, влекущее... если не Истину, то ключ к ней... Друзья! Как долго мы искали то, что отражалось в мифах, что донине презиралось нашими

современниками! Но вот оно! Вот оно — древнее и могучее, возмущившее само время своей стойкостью, своим вызовом саму Вселенную!.. Как, спросите вы, удалось нам отрыть спустя столько лет — тщетных в неусыпном желании лет — такое присное чудо? Вот он, ответчу я, мой великий друг, наш, не побоюсь сего слова, Пророк и Зиждитель истории! Вот он, полусонный и усталый, гнавший прочь любой отдых, любую низменную шалость в угоду поиска... поиска Истины. Лишь ему она благоволит... лишь пред ним разверзлись самумы и указали на чаемый путь... И я верю, друзья, верю, что и вы не случайны здесь — вместе мы явим эту суть... суть космическую, вечнотайную! Вместе мы восполним чашу бытия, разбитую жутким пороком!.. Я вижу, что нас стало больше! Новые лица, рискнувшие ступить рядом с нами, приявшие волю своей души... Я извиняюсь, друзья, что длю нашу драгоценную жажду изучения сего манускрипта... Их тысячи, десятки тысяч в этом храме, но мы, как бы не алкали всезнания, пока смогли полусчесть лишь один... Перед чтением того содержимого в нем, что далось нашему Пророку, я посмею добавить иную мысль... Их язык, язык древних, чем-то схожий с нашим, был неким единовуком... Звуки — именно так я могу описать свое впечатление от первой встречи с тем, что вы услышите далее... Их думы, скользящие сквозь звуки неясных нам слов, возможно, сольются с нашей душой... станут доступны ей... Когда-нибудь, возможно, мы станем их достойны... Итак! Это единственная на сегодня запись древних, фрагменты коей мы можем услышать в сей миг. Ривалеясны яки рѳсплавь, лѳтая на огонь. Се — сколѳта, лѳкий яс иль затыль, несмѳсно улазная... Али рѳдрая бѳльница да безѳй огу́рный... Се — дрѳвие, жалѳщами ез и со́ние, а́че со́нмище близу́ уло́га. Иль чи́щенина и шѳоборт... яснѳнный этѳв, я́ве чпаг во ѳ́пе! Се — здѳтель, деѳщий во́роп... Демиург в осьмой гѳрнице, отдѳлу я́дный логосу. А́кси...

— Останови церемонию! Это не просьба.

— ...иос у... Что? Как... Как вы попали сюда?

— Никто не должен выйти отсюда, смотрите за этим... Молчи и слушай меня внимательно, маркионит.

— Как вы попали сюда? Вы не достойны даже тенью своей касаться этого храма!

— Еще одно слово — и я вырежу твой хульный язык, клянись... Так-то лучше. Не выношу предательного эха, что вторит отступникам... Архонт недоволен вами. Крайне недоволен.

Вы, словно язва, влияете на девственные умы, пытаетесь ораболепить целый этнос. Внушить этой наивной толпе, — боже, как много юных среди вас! — что Бог — глупое и ничтожное существо, подвластное хаосу и смерти... Что Он — одна из уймы Душ, шествующих по Вселенной. Сиречь — такой же, как и те, кто отдается великому поиску какой-то там истины!.. Но мы были снисходительны к вам, пока вы не нашли это место, не взмыли своей гордыней к эфиру... Этот храм, старик, не что иное, как усыпальница. Мастаба твоих древних. Они отреклись от Бога, дерзнули постичь Его всемогущий опыт, но были свергнуты Им туда... Глупцы... Вы все окажетесь у низшего порога, коему имя — Эреб! Лишь муки отерзают ваше гнилое нутро и вывернут душу. Навеки... Разве этого вы алкаете?

— Я раб божий, я сожалею о том, что пришел сюда!

— Я виноват! Прости меня, о всемогущий Господь!

— Я не ведал, что делаю! Я прошу прощения у Всевышнего!

— Прости нас, прости, прости, Великий Создатель! Прости, прости, прости...

— Довольно! Бог простит каждого из вас... Даже тебя, старик, хоть ты и пользовался этим...

— Ты безумец! Убери свои фанатичные руки от древних писаний...

— Я предупреждал тебя, иссохшая падаль... Вырезать ему язык! Если будет сопротивляться — лишите глаз... Так-то лучше. Даже тебя, старик, простит наш Великий Создатель, когда ты покаешься пред ним через Архонта... Но твой Пророк... Где ваш бывший лжепророк?

— Вот он!

— Он здесь!

— Здесь, здесь, вот он, вон, вон там...

— Чудно. Он не достоин прощения Господа. Он не достоин жить среди нас, дабы служить Господу.

— Оставьте его! Его вера в Бога куда глубже вашей! Вы никогда не сможете понять то, что понял он! Это вы отреклись от истинной веры! Вы идете против Господа!

— Мы? Мы, о женщина лжепророка?! Это мы идем против Всемогущего? Мы попираем Его милосердие наукою древних и дурманим ею наших детей? Мы? Как смеешь ты унижать Бога подобной мыслью!.. Но он прощает тебя. Он милостив к бестолковому гневу... И беспощаден к той прочной наглости,

коя увила вашу семью... Посему вы недостойны прощения! Сегодня же голова твоего мужа будет венцом главных врат, а ты... Будешь стоять прямо над нею — нагая и сгорбленная! Склонившись в молитве своему великому божку... И каждый, каждый из вас сможет очиститься, унизив ее достоинство! достоинство Эреба!.. Очистить свой путь к Великому Создателю!.. А вы чего ждете? Вы слышали приказ: убить лжепророка и сжечь храм. Выполняйте...

И боли нет, она увязла где-то... Вдоль омота ино... и брезжит инобытие! Вот умер я. Снова. И рвутся нейросети: то вялый узел, ко... Как? Нейро... Здесь не было сего сло...

— ...иус, А́тиус, Атиус! Очнись, прошу тебя... Это я, твоя Селия! Ты здесь! Ты со мной!

— Я... я умер... Древний храм, я был убит ими...

— Храм? Умер? Нет, ты еще жив... Видения, Леос шлет тебе видения!

— Кто... Я... Где? Где я? Я ничего не вижу, свет... Слишком яркий свет...

— Не смотри на него, отвернись. Он ослепит тебя... Так лучше? Осторожнее, за тобою обрыв... Что ты видел?

— Я... не помню, я умер. Умирал. Снова и снова... Я... Где мы? Кто ты такая? Ты не похожа на тех существ... Я не помню... Но ты другая... Кто?

— Атиус, прошу, вернись ко мне! Прости его, Леос! Он не был готов к твоим откровениям! Прощу тебя, верни его, еще не время!..

— Леос... я помню его. Наша звезда, это ее свет! Так близко... Наш Бог, это наш Бог здесь, в этом месте... Ты — Селия, моя Селия, мы леосианцы... Кажется, я вернулся к тебе... но почему, почему Леос так близко?..

— Атиус, слава Леосу, ты в сознании! У нас почти не осталось времени... Мы сольемся с Леосом, он одарит нас своей милостью! Мы станем едины с ним! Мы станем звездами в его сердце, мы инородимся!.. Прощу, обними меня...

— Я чувствую его, Селия... но где... Где все леосианцы? Нас были тысячи!

— Я увела тебя на эту гору, нашу любимую гору... чтобы мы первыми коснулись Леоса, чтобы их шум не мешал нам в эти последние мгновения... Они там, снизу! Прощу тебя, обними меня сильнее...

— Селия, моя Селия! Как жарко... Неужели мы умрем? Погибнем, будто растения, будто ветхие леса в грозу... огнистую грозу... Леос... Наш Бог, он сожжет нас...

— Бог? Я не знаю этого слова... Не говори так, прошу тебя... Мы сольемся с ним, станем звездами, и он позволит нам возродиться вновь на иной планете... Каждое поколение леосианцев ждет этот священный миг... Мы достойны быть ближе к нашему Леосу! Он милостив к нам! Он выбрал нас!.. Атиус, мой любимый Атиус! Он совсем близко, я... прошу тебя, поцелуй меня! Я молила его, чтобы он выбрал единую планету для нас!..

— Иная планета... Селия, моя любимая... Я вспоминаю... Мы с тобою, я здесь уже...

— Он близко! совсем близко... Мы достойны, он сливается с нами, прошу, не отпускай меня, мой Ати...

— Слава Омису! Слава Вечному Омису-демиургу!.. Смотрите, смотрите все на моего наследника! Омис благословил мою династию! Как долго я его ждал!

— Слава Омису!

— Слава могучей династии Иа́рхов!

— Слава новому Иарху!

— Слава новорожденному наследнику!

— Слава, слава, слава, слава...

— Благодарю! благодарю вас, мои верные воины! Пейте, наслаждайтесь девами! Утробьте животы! Я дарую вам неделю заслуженного отдыха! Нет, две недели!.. Несите еще бочки! Больше победной амброзии в эти дни!..

— Какое имя ты дашь своему сыну, о Великий Дидаскал?

— Чудесный вопрос, сестра! Я думаю назвать его в честь...

— Не спеши.

— Что?.. Что такое?..

— Я не позволю невинному чаду прильнуть к твоей... великой династии!.. Ты чудовище, брат, я не позволю ему стать тобой! Ты, о достославный властитель... Ты ослепил свою жену и запер ее в голодной псарне, свою бедную и любимую жену, коя не могла родить тебе наследника! Все, все твои дочери были насиллованы тобою за то, что они — дочери! И он... новорожденный Иарх — плод, выношенный одной из них! Как... Как ты можешь сидеть здесь, чествуя своих предков, веруя в праведность своих жутких деяний! Ты не достоин носить имя Иарха... Ты убил нашего отца в его постели, ты сжег нашу мать, когда она пыталась

бежать от своего безумного сына! Я молчала... тайно рыдая все эти годы, не смея выйти к нашему народу, чтобы поведать ему твою ложь!.. Ты грозился убить меня самым изящным образом, если я выдам тебя... Мне больше нечего терять...

— Ты пьяна, дура... Ты... Оставь его в покое!..

— Покой лишь в смерти.

— Ты... Ты не посмеешь! Остановите ее! Остановите эту пьяную шлюху!.. Почему вы не слушаетесь своего правителя? Она лжет, она пьяна, идиоты!.. Ты... Опустим кинжал, молю тебя! Это мой сын, сестра...

— Не посмею? Ну так смотри!..

— Молю тебя, это мой долгожда...

И глубже острее... И плач беззвучен. И рой надмысленный иссяк. И боли нет уж в сем повторе!.. Вот умер я. Снова. Снова! То гнев ее! Ее, кою не мог я узреть в омуте новой жизни!.. То путь, то перепутье близ пустых зеркал... То хлынул ее печальный голос: «Покой лишь в смерти». Хлынул своим лезвием, минув мое право жить здесь... Могу ли я корить ее, это незримое существо, чужая любовь, отравленную здешней жизнью? Могу ли я ведать свой фатум иль мут его, могущий изогнуть мою колею... Колею... Здесь не было сего слова... Ты, о чей голос был полон Истины, пустила меня дальше... Я благодарен тебе, я вновь жду встречи с тобою!.. Покой лишь в сме...

— Пап, ты слышишь меня, пап?..

— Я... да, кажется... Зеркало, это я в нем? Как я стар...

— Мы уж думали — все, усоп в своем небытии, дед.

— Леона, угомонись. И принеси воды... Пап, как ты чувствуешь себя?

— Странно. Я словно возродился из ниоткуда, но... Боже, как я стар здесь... Ты мой сын? Что это за планета?

— Ну, началось...

— Леона! Дай сюда кружку... Пап, выпей... Да, я твой сын — Рóмас. Это моя дочь — Леона, твоя внучка. Остальные родственники в пути... Планета Люнтéза, пап, единственная планета в этой галактике. Ты не помнишь?..

— Нет... В пути? Какие родственники в пути? У воды иной вкус, что вы дали мне?..

— Вода с нейрокатализаторами. Они поддерживают активность твоего мозга, пап... Это твое изобретение, ты спас им столько жизней! Подарил людям желанное бессмертие... Но ты

умираешь, твои клетки были крайне изношены к моменту его создания... Родственники, узнав о критическом уровне твоего состояния, ринулись со всех континентов к тебе, завтра должны приехать... Пап, я не хочу потерять тебя...

— Нейро... Вот откуда это слово... Ромас, Леона, вы так молоды... Вы, я помню... Я знаю вас!.. Я начинаю понимать сей повтор... Не плачь, прошу тебя, сын. Я умру лишь здесь... Ты сказал: изношенные клетки... Сколько же лет я прожил в этой жизни?

— Сто тридцать три, пап... В девяносто два тебе удалось победить смерть для других, но не для себя...

— Какая долгая жизнь... Увы, я совсем не помню ее... Победить смерть! Как сказано! Зачем я сделал сие для этой планеты? И сколько... Сколько тебе лет, сын?

— Ты, как и все мы, боялся смерти... Не хотел быть прахом, словно наши предки. Желал превзойти наш тленный организм, доказать всем, что старость — болезнь, и у тебя вышло, пап... Ты создал то, что позволило обновляться нашим клеткам постоянно! Ты ввел ювенальную стадию для человечества!.. Мне было семьдесят четыре, я один из первых принял твою формулу, и она вернула мое блаженное состояние юности, клетки не отвергли ее — стали еще сильнее, чем были в апогее своей зрелости! я был хилым стариком, пап! сейчас мне сто пятнадцать, Леоне — девяносто три, благодаря твоей милости мы всегда останемся юными, никогда не будем болеть!.. Пап, не умирай, прошу тебя, придумай что-нибудь...

— Боялся смерти... Я умирал столько раз, что нахожу в ней покой... Ты сказал, что я подарил вам бессмертие. Но смерть — она... Ромас, сын мой, не плачь, прошу тебя. Смерть... Она лишь начало. Устье иных жизней... Я уже умер здесь. Я жду инорождения там — в глубине нашей Вселенной! Я был гостем на этой планете, Лютнеше... Но я должен следовать дальше — к чему-то, чего я не помню...

— Как хотел бы я верить в это, папа!.. Верить, что ты будешь жить и после смерти! Что ты возродишься в иной галактике... Я бы искал тебя там! Я бы обязательно нашел тебя, слышишь? Мы почти готовы освоить космос... Папа, скажи, что это правда, скажи мне, чтобы я верил!..

— Это правда, сын. Я... я... я...

— Что? Что такое?.. Тебе тяжело дышать? Леона! Во...

И снова вырван... Снова мертв! И рею в нечто. Есть ли память, часть моей тусклой памяти в сем вихре ожидания? Ромас, мой сын с Лютезы, ты не слышишь меня, но... Если б ты знал, как нежна смерть... Как много я познаю именно в ней! Покой... И хаос инорождения! Если б знал ты, что бессмертие в смерти! О, мой Ромас, ты бы убивал себя, дабы родиться там вновь и вновь — в бездонной и неоглядной Вселенной!.. Ты высил бы свою Душу, следуя ис... Душу... Откуда сие слово? Как многого я не знаю! Или не помню... Смерть балует мою память, мнет ее во имя забвения... Но я вижу, вижу эти вторы, сулящие познание... Однажды я достигну их единс...

— ...дишь что-нибудь? Видишь?.. Ты уснул там, что ли?

— Нет, я не... Почему он не фильтрует? Нечем дышать, помоги...

— Стой. Наклони голову чуть вправо... Право я сказал! Вот так. Готово. Просто выкручиваешь мощность на максимум. Делай это всегда, если идешь на подобную прогулку.

— Спасибо. Прогулку... Так ты это называешь? Откуда здесь вообще такие бури? Нам обещали легкий бриз...

— Сразу видно, что это первое твое задание. Никто из диспетчеров и понятия не имеет о погоде в таких местах. Они дальше своего мониторчика и кривых графиков на нем... Короче, верь только своему опыту и своим глазам. Ну и мне, разумеется. Что опять?

— Чертов песок в глотке и глазах... Могу я вернуться на корабль, чтобы умыться?

— Не можешь. Терпи, малыш. То ли еще будет... Скажи спасибо, что жизнь перестает быть скучной... Вернемся не ранее двух, я хочу сегодня обойти эту часть — радар участился, значит, мы близко. Пока не найдем источник жизни на этой планете, питайся и умывайся песочком, для нас он безвреден и полон минералов, хе-хе.

— Я даже рук своих не вижу... Какая тут может быть жизнь с такими условиями?

— Радар не врет... И кто из нас экзобиолог? Даже в наших пустынях полно живности... А бури здесь нечасто, я думаю. Левый спутник дурит, судя по тамошним взрывам. Заметил, когда подлетали.

— Сколько ты уже работаешь зачинателем?.. Как чешется лицо. Ах! Этот песок точно не опасен? Почему мы не надели защитную униформу?

— Не опасен. Неделию назад мои дроны взяли пробу... Броня, малыш, только для особых случаев полного неведения ситуации. И весит она раз в десять больше той, что сейчас на тебе... А работаю с самого начала проекта. Все, что ты видел в детстве на картинках, я исследовал вживую.

— И как много планет ты исследовал? Нашел жизнь хоть на одной?

— Шесть, не считая этой. Жизнь может и была на пяти из них, но мы ее не нашли — атмосферы оказывались убийственными для детального поиска... Все, кстати, помечались умниками из центра как «умеренно благоприятные к органической жизни»! Но давно уж это было, с новым оборудованием я бы вернулся на них — а вдруг...

— Ты сказал: шесть. Что с шестой?

— Все сложно. Я не хочу об этом вспоминать, мальчик. Могу лишь намекнуть на «Долину Низариса».

— Это история про трех зачинателей, что сошли с ума на Низарисе? Они, кажется, увидели нечто похожее на алый свет, вошли в него и начали убивать себя, вопя на непонятном языке... Неужели это была твоя группа?

— Именно. И я единственный, кто шел последним, поэтому успел противиться жуткому наваждению света... Если бы ты знал, в каком состоянии я покидал эту планету, как тряслись мои руки, когда я заводил шаттл... Какие сны мне снятся до сих пор!

— Я... Я сочувствую тебе, Нэй. Я и представить не могу тот ужас, который ты пере... Что смешного?

— Я просто изумляюсь твоей наивности! Думал, что не осталось больше таких, что все уж знают правду про эту байку. Нет, Низарис-то был. И алый свет был. И даже непонятный язык с самоубийством... Ха-ха-ха! Только свет из фонарика, остальное — из нашего похмелья. Устали мы шариться по планетам впустую и выдумали этот бред. Дополнение к оригинальной версии еще веселее: алый свет настолько ярок, что блещет не хуже звезд. Обыватели до сих пор верят и боятся по ночам на небо смотреть. Ну надо же, ха-ха!

— Знаешь, космос — не тема для таких шуток. Особенно, когда только начинаешь его изуч... Берегись, сверху!..

— Что, что это было?

— Птица! Или похожее на нее. Я сбил ее! Я сбил ее! Под твоей ногой. Вот она! Вот она!

— Пти... Да тут есть жизнь, малыш! Жизнь! Даже не верится. Спусти столько тщетных экспедиций... Новичкам и вправду везет. Хорошо, что буря стихла, иначе унесло бы... Что за существо, ты знаешь? Вполне симпатичное...

— Нет, откуда мне знать? Мы первые, кто ее только что нашел... Возвращаемся с ней на корабль?

— погоди... Ты вырубил ее или убил? Каким режимом стрелял?

— Первым... Убил, каже...

И снова. Раз за разом ты, о зиждущая сила инобытия, играешь моей тягой сеять думы в смерть! Кем... Кем я был здесь? Птицею или насекомым? Я теряюсь в них... Я выжжен той бурей, что давит мою память и глушит ее тайны! И как... Как, рыщущий в этих удолиях — в отрывках моего былого исхода, я сумею? Сумею постичь даже след... Свой след у размытого перепутья... И моя Душа... Я... Я и есть Душа! Я вижу некое... Невыразимое струится здесь — возле очередной... Она была последней, последней для моего инорождения, я помню! О, суетная смерть, как заботлива ты, игрива среди своих владений! И гостеприимна... Благодарю, благодарю тебя!.. Но позволь, позволь моей памяти не утонуть в грядущих жизнях! Оставь ей здешний знак, оставь хотя бы тень постигнутого мной символа, одного из мириад твоих симво...

— Как ты и хотела: зимняя ночь и клиф.

— Ох... Как приятно вынырнуть из бездны ожидания сюда! Будто и не умирал здесь... Звезды... Мои вечные спутники! И снег, словно их зеркало, усиливает жажду... А почему я не могу пошевелиться?

— Я поражаюсь тебе... И как ты выносила такого, дорогая?

— Столкни его уже. И продолжим...

— Жена! Моя жена здесь, кою любил я больше этой жизни... Я помню... Ты заказала убить меня, но за что?..

— Ты можешь заткнуться хотя бы сейчас и принять смерть как мужчина?

— Все равно не помню! Что ж, видимо, в другой раз... Но такая смерть, пожалуй — лучшая из предыдущих: скала с неимоверной высотой и лед — родные узоры у подножия, да... Я буду ждать ее снова! Спасибо тебе, жена моя. И тебе, ее влажнитель...

— Дай пистолет, я его пристрелю!

— Он растерян. И замерз до изнеможения. Не нужно поддаваться эмоциям, милая. Иначе это не будет несчастным случаем.

А нас ждет еще столько наслаждений, живем-то один раз. Позволь, я согрею твои сердитые губы... Что здесь смешного, безумец?

— Забавно, что обитатели любой планеты... Замкнуты в знаниях, полученных на ней! Простите за рваную мысль, что вылилась смехом — продолжайте, продолжайте лобызаться!

— Кажется, мороз дошел и до мозга. Суровый горный воздух не щадит тех, кто ходит голым во сне, хе-хе... Пойду помогу твоему бывшему мужу избавиться от этой экстремальной привычки. Но сначала еще один поцелуй!..

— Не утруждайся! Я почти дополз до края!.. Итак! Да будет цветущ ваш союз! Да будет полна жгучих иллюзий ваша здешняя жизнь, коя нежится в сем оазе самоуверенности! коя топит слабые Души — уносит их в погреба Эреба! Иль как там по-вашему... На дно текущего блаженства, ха-ха! Навеки. Дольше, чем навеки. Вечность лишь миг, даже терция!.. Будьте счастливы, мои временные спутники одной из планет! Свидимся на этом же месте в следующие разы — следующие вторы после каждой иной жизни! До встречи...

— Уже скоро?

— Еще немного. Вон за тем холмом... Ты спал, когда я пришла за тобой.

— Да, всю ночь мучали кошмары, такие настоящие... Ближе к утру удалось уснуть, но я выспался, правда.

— Кошмары? Я не знала, корю свою навязчивость...

— Не волнуйся, мне они часто снятся... Но это ерунда, честно. Хотя ты меня так заинтриговала своим неизвестным растением — думаю, это тоже повлияло!

— Ах, вот оно как... Ну что ж, стоит мне реже посвящать тебя в свои открытия...

— Я же шучу, Дея. Мне интересно только с тобой, разве не видишь? Наши сверстники, как бы это помягче...

— Они другие, просто другие... И спасибо тебе, мне тоже интересно только с тобой. Ты будто не отсюда, как и я... Нет, все мы не отсюда, я много об этом думала, но они, наши сверстники — думают, что отсюда... Ох, как противно осознавать, что моя речь обездолена красотой подлинной мысли, но ты понял меня...

— Конечно понял! Я хочу сказать тебе...

— Смотри, вот оно!.. Такое величественное... Пойдем, пойдем скорее, ты должен прикоснуться к нему, постоять под его кроной... Я нашла этого гиганта неделю назад, случайно, когда

гуляла чуть дальше наших привычных троп. Облазила все книги с деревьями, кустами, да всеми растениями, но нигде не нашла похожего. Кажется, никто не знает о нем... Откуда взялось ты в сем грязном мире, о мудрое и неизвестное нам дерево?! И сколько уже живешь тут... А может... Может, мы станем теми, кто открыл его первым! Я никому не говорила о нем, никому, кроме тебя. Хотела разделить эту находку только с тобой... Ты чувствуешь, чувствуешь нечто иное? Ту приятную дрожь в руке... Оно такое нежное, правда? А его цветы на ветвях... Глаза словно сливаются с этой красотой и зреют Вселе...

— Я... я... Это Делоникс. Хвост Феникса. Я знал е...

— Этис, что с тобой, Этис?.. Очнись!.. Очнись!..

— ...слышу, я слышу. Все хорошо со мной... А почему лежу? Ты повалила меня, чтобы поцеловать?..

— Ты говорил непонятные слова, будто знал это дерево... Что ты говорил?

— Я... Нет, я впервые его вижу.

— Ты так быстро их произнес — я не успела запомнить! Потом упал... Ты не ушибся? Точно ничего не помнишь?

— Нет, вообще не помню, но голова ноет... Похоже, что ушибся.

— Ты пролежал так несколько минут... Я уже хотела звать на помощь...

— Помоги встать, все кружится... Спасибо.

— Пойдем ко мне домой, ладно? Мама обещала вкусный ужин, и она посмотрит твой ушиб. Это я виновата, что мы сюда пришли, прости меня...

— Как ты можешь винить себя! Я рад, что ты показала мне это место! Оно такое чудесное и тайное! Оно... Я хотел сказать тебе что-то важное, но забыл... С удовольствием пойду, если можно, я давно уже не был у тебя. Мне лучше, спасибо, Дея, я могу идти... Может, вспомню по дороге что-нибудь... Но мы же вернемся, будем приходить сюда? Сокроем его от всех? Я ошутил себя таким... Нездешним рядом с ним, будто мы одни с тобой во всей Вселенной, будто оно укрывает нас от... Прости, веду себя, как ребенок...

— Я понимаю тебя, Этис... Я понимаю тебя! И чувствую то же самое... Вернемся! Мы обязательно вернемся к нему... Сокроем от всех, ты сказал... Я согласна! Пусть это место будет нашей тайной...

***

Подвей поверх тощих осинок,
Тревогой сшита пустота.
К тиши болотной за трясиной
Швартуется душа.

Моя на жар, твоя — в простуду
Над глубиною в снежный март.
Раздетая разорванная почва
Пустила роту клятв в обряд.

Прольется на ночь свет,
И запоет в зарнице.
У тени пестрых лент
Ты вспомнишь про меня.

Осень шагнет в зенит,
Куда бледнеют птицы.
Воздастся в лике дня
Вся скорбь и красота.

***

Ноябрь красный, льется снег,
Как медь течет тугая стужа.
Приходит желтый волос снов,
Плюется в чайник талой лужей.

Я слышу треск ночных дроздов.
Слышу, как мнется большой город.
И как журчат с моих ресниц
Туман, и дождь, и крик просторов.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Н. В. Коляды). Живет и работает в Екатеринбурге.

***

Усну, и снова зреет свет
Рыжей вуалью в стеклах дома.
Разлука рвется через верх,
Что нету сил задвинуть шторы.
В бессилье таинств, в пыли дней
Кладу глаза в понурый блеск я.
И мотыльком кружит мой разум
Вокруг того, чему нет места.

Проснусь, смирюсь, и нет печали,
И за окном тает зима.
Усну, раскаюсь и проплачу:
«Лети отсюда, жизнь моя».

***

Где грела поцелуем пальцы
Срывается с пазур душа.
Летит, парит вокруг скитальцев,
Стучит восторгами дитя.

О свет, о ветер, о себя.

Просит пургу о толще снега
Упрятать страх следов неверных,
Чтобы послушать незаметно,
Как поют с рельсов поезда,
Как прорезают красной нитью
Морозный вечер декабря.

***

Костлявой рукой окрестил черный ворон.
Моя ли ты смерть или воля моя?
Моргни синим глазом, поведи строгой бровью,
Серой сажей сточись, чтоб построить меня.

***

До свиданья, зобное солнце.
Сохнет кожа под льда одеялом.
Мне не жалко с тобой расставаться,
Обернувшись подснежником алым.

Отпусти меня в небо с птицами,
Отпусти подышать морями.
Мне хотелось с тобой проститься,
Льется время воды слезами.

Отпусти меня спичкой сожженной
В белом блюде болтать ногами,
Отпусти меня кровью с кожи
И оставь мне тропу следами.

***

Как совершенна тишина,
И как томится бледной ленью
Твоя любовь, что так тесна,
Что дышит вспышкой предпоследней.

***

Горечь серого дня,
Чувства, как лоскутки.
Тусклый свет фонаря
Вставить в иглы свои —
Вышить пестрый узор,
Вышить новую жизнь
Без житейских свор.
Не прерывайся, нить.

***

В лилово-синюю линию горизонта
С оранжевым отсветом и дымком
Ночь проглянула осенней прохладой,
Не застучали и не поймали — тайком.

Пока люди видели сны о далеком,
Перламутровом и лазурно-прекрасном,
Осенняя ночь покрыла желтой краской
Листву и землю застелила ковром.

***

Смерти нет, есть только осень —
Ноябрьская морозная тишина.
Когда и жизнь совсем не сносна,
Но безмятежной радости полна.

Когда в душе ты мертвой птицей
Воскреснешь фениксом в весне.
И расцветешь любовью к жизни —
И вновь погибнешь в ноябре.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Екатеринбурге.

***

Снег хрустит карамелью,
С неба — россыпь звезд
Падает и каруселью
Обратно кружит в небосвод.
В окна стучится холод
Белой акварелью,
Рисует седые узоры,
Сплетает из них ожерелье.

***

Бесчувственная осень
Колосится золотистым.
Пестрая листвы россыпь
С отливом пшеницы.

Прохлада поздней ночи
Угольно-пепельной птицей
Ворвется между прочим
И останется в моей темнице.

***

Медовое дыхание ветра —
Бархатцев желтый рой.
Переливы дневного света
Льются тенью на ладонь.

И на скамейке в сквере
Под жужжание трамвая
С надеждой в лучшее верить,
Радость в жизнь вплетая.

***

То ли алые листья, то ли плоды — неужели любила?
Сколько раз тебя благодарил, дай припомню, рябина,
Твою горечь на вкус глупость пробовать в лето,
А теперь не боюсь — подморожена, зрела,
И осталось на два глотка — видишь, мелом
Осыпаются облака
Белым-белым.

***

И. К.

Когда уже поверишь, что когда-то все равно умрешь,
Что жизнь конечна, вечно лишь небытие,
Ресницы тронешь — взглядом — что еще не ведают ее
И вдруг поймешь — мое
Дыхание
Становится
Другим,
Настолько близким и еще мне не знакомым,
Что согласишься и вести, и быть ведомым,
И плакать, и смеяться с ним.

***

[мягко мя] Полюби ветерком по весне
Трогай челки атлас и затылком ладонь бархати
И без боли до боли в груди обними
Дай надумать уста сухими губами

***

Об

Этот страх все же чуточку страшный,
Хотя столько уже прошло,
И желанье причины неясной,
Что сведет нас — с ума не светло.

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»).

Мы, оставшись невинны, остались
 В тишине недосказанной.
 Не случилось, не случилось,
 Ушло, расплескалось,
 Словно не было
 Или замерло
 И стоит, прислонившись к стене за углом.

***

Под утро накрошило, казалось, на смех курам
 На краях тротуаров лежать понуро
 Ан-нет, смотри, белеет и будто в ус не дует,
 Глаза до боли щурит, между ресниц балует,
 Конечно, ненадолго,
 Но даст бог, не последний...
 Предутренней,
 Туманной,
 Убого —
 Бледной.

***

с. г.

Будто кончилась командировка
 Рассвело и давно разошлись
 На столе недопитою стопкой
 Глаз мозолит нетронутый лист
 Но ошибке уже не случиться
 Время вышло пора возвращаться
 Только что-то тревожит и мучит
 И вокруг никого
 Кому в этом признаться

Самоубытцы...

Са́мо/не са́мо
 Надо терпеть, а они не сумели,
 Надо родиться и пригодиться,
 Но не пришлось, не смогли, не запели,
 И вот теперь в тридевять энном царстве
 Гладят асфальт или мучают звезды
 ...
 «Дюоспикинглиш? — дюю, но слабо»
 Шутки и грезы...
 И слезы.

***

Это тоже пройдет, но пока не уходит
Сколько долго кольцо не крути
По-над пылью обочин дороги
Над туманом реки

Все пройдет, — лишь ребенок посмотрит
Претворяя собой новый день
И вернется — ворсинкой тревоги
На морщинах ладони
Притворяющей дверь

Все ушло, — промолчит прохожий
Меж сугробов травы возвращаясь назад
Ничего не уходит, — прошепчет Боже
Задувая пепел в глаза

Ты

В обрывках снов,
В мерцании огня —
Все это ты, все это я.
Под игом января,
В остатке пустоты —
Все это ты, все это ты.

Быть

Вы поверьте: не сложно
Быть всегда настоящим
В этом мире иллюзий, явлений.

Живя представлениями,
Строить мнения об истинности
Своего осведомления
И постановке бытия.

Отголоски

Я вновь лежу одна, и свет на потолке,
Мерцающий, как лампочки гирлянды,
Проходит сквозь меня. И снова налегке
Бредет мой ум во мраке непроглядном.

Осенний поздний час. Движение ветвей.
По окнам бьет неутомимый ветер.
А желтые листья, как руки матерей,
Смягчают боль, подаренную детям.

Обнимет и меня оранжевый и дикий
Напев ночной глухого фонаря.
Закрыв глаза, я вновь увижу лики
Людей, давно не любящих меня.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Ю. В. Казарина, 6 курс). Живет и работает в Екатеринбурге.

***

Читать меня вы не трудитесь:
Не тронет взор чертежных игл души.
Недвижных нет. Безверием рушим
Наш век. Его то спесь,
Взращенная в тиши,
Внушенная другим —
Унылым веком.

Во ржи

Жизнь.
Отрекаясь от лжи,
Я себя нахожу в словах.
На моих губах
Расцветает улыбка рассвета.
Я — лето.
Ты — все, что есть где-то
На горизонте.

Я всегда была будто на фронте:
С винтовкой у счастья стою,
В бою
За свободу и боль твою,
И стреляю.
Или, может быть, за свою?

Жизнь.
Принимать тебя —
Словно бежать во ржи.
Жизнь.
Держи руку мою,
Не спеши.
Жизнь.
Хоть чуть-чуть обожди.
Я тебя понимаю.

Прохожие

А все эти прохожие так похожи
На моих людей из прошлого.
И холод бьет по коже.
Он когда-нибудь точно
Нас
Убьет.

Жаворонок

Я влюбленный жаворонок,
Трясущийся у огня.
В краях незнакомых
Мне не застать тебя.
Улечу на восток,
Оторвусь от привычной стаи.

Я хотела увидеть себя,
А увидела только печали.

***

И вместо знакомых лиц — размытые пятна.
Дождь пролил свой гнев, тобой растворимый в ночи.
Мы — славные дети созвездий, невиданных ране.
В огромную жизнь выбирать рождены к ней ключи.

«ОДНО ЛИШЬ МГНОВЕНИЕ»

Наша жизнь — это череда различных моментов и мгновений, которые заставляют нас вострепнуться — в хорошем или плохом смысле. Жить — это прекрасно особенно тогда, когда ценишь эти моменты.

Момент быстрого забега. Момент сладкого чувства свободы. Моменты, моменты... Так скоротечны, но так захватывающие в плен твою память и сердце!

Даже мой человек любит такие моменты. Каждый листопад он собирается в леса, где его каштановая рыжесть сливается с деревьями. Его зычный, громкий голос всегда слышен за версту, особенно тогда, когда начинается запал охоты. Я и мои друзья ведем его.

Казалось бы, зачем такому рыжему великану нужны мы? Да, и правда, он умен и силен, его руки... Вы бы видели, что он создает руками! Он творит чудеса с обычным деревом: разные игрушки для его малышей необычных форм и завитков, наши дома он построил из дерева, его большой дом, который упирается острой крышей в самые облака и разрывает их, тоже сделан его руками!

Но вот когда речь заходит об охоте... Он слеп, подобно новорожденному щенку. Ни след взять, ни догнать — ничего! И вот тут мы нужны ему больше всего, даже больше охраны нашей территории.

Мы очень часто ходили за птицей к большой воде, окольцованной высоким камышом. За этими камышами всегда слышно кряканье да кваканье разной живности. Каждый раз, когда мы приходим туда, наш человек меняется на глазах: из доброго талантливого великана он превращается в тихого хищника, который грамотно ведет свою стаю. Сначала он шипит на нас, заставляя ждать, а когда раздается громогласное «БАХ!», разрешает искать подбитую птицу. Мы не спорим, ведь это глупо: только работая в стае, мы способны чего-то добиться.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Ю. В. Казарина, 2 курс).

Даже момент поиска птицы будоражит что-то внутри, заставляет внутренности скручиваться от предвкушения, от самого момента поиска. Ведь это не так просто! Вода омывает птицу, смывая любые запахи, оставляя лишь тоненький металлический шлейф.

Но вот до сих пор более всего мне запомнился момент погони, момент настоящей охоты! Помню, пару раз мы бежали за косым. Человек спустил нас с поводков и легким бегом шел за нами. Мы петляли, преследуя зайца, подгоняя звонким лаем. Эх... Это было так захватывающе и пьяняще! Я летел впереди всех, почти не чувствовал земли под лапами, чувствуя только запахи добычи. Ведомый старыми инстинктами, я несея вперед и вперед, не обращая внимания на сбившееся дыхание, на неровность и податливость лесной земли, изрытой корнями деревьев и растений. Посторонние запахи даже не касались моего чуткого носа. Есть только я, бег и добыча.

Громоподобное «БАХ!», как и всегда, вырвало из мыслей. Заяц подпрыгнул и резко упал. «Вот он — мой шанс!..» — пронеслось в моей голове, вместе с гулом в ушах.

Подлетев, я впился зубами в густой, но мягкий мех, встряхнув зверьку, но не разрывая его. Заяц, как та игрушка, что у нас дома, дергался из стороны в сторону, пока я его тряса. Стоило мне замереть, как и его тушка тоже безвольно замирала у меня в пасти.

Меня нагнали другие и попытались тоже на зуб попробовать пойманного косоного, но выкрик человека заставил нас отступить от добычи, оставив ее лежать на земле. Только после этого осознаешь, как приятно гудят ноги, как приятно задыхаться от стремительного бега...

Правда, сейчас... Я стал слаб и стар, и с каждым новым листопадом бегал все медленнее. Но наш рыжий великан продолжал меня брать с собой, хоть я уже бежал рядом с ним, помогая строить бесполокый молодой. Каждый раз он начинал с беспокойством смотреть на меня, когда я отставал или поскользнулся на влажной земле, и тогда в его глазах проскальзывала тяжелая печаль и тоска... Видимо, он тоже скучает по тем моментам нашей быстрой охоты...

***

А сумрак тянется так долго.
Деревьев стройные тела
Плывут во взоре напряженном,
Не успокаивая сна.

Багряный отблеск. Свет заката.
И буйство страха... Тишина.
Весь мир погряз, и осознанье
Пугает больше бытия.

***

А душа надела белый саван
В эту ночь.
Звери бесятся, кричат,
Что сил не мочь.
Снова птицу отдали сове.
Не помочь.

Ох, и пела же
Эта ночь.

***

Стынет колодец в иссохшем лесу,
Там, где уж птицы умолкли.
Слышны ли тихие нотки печали
Иль плач уцелевшей наяды?

***

И снова сдавило грудь.
И снова заходишься кашлем.
Как трудно дышать, ведь весь воздух
Пронизан удушливой сажей.
Вздыхаешь, и дрожь пробирает
Все твое уставшее тело...

...

Все снова пропало в забвенье.

***

Чувства осели на дно.
В окнах снова темно.
Словно небесный свет
Выпил меня до дна.
Почему вокруг пустота?

Портретные зарисовки

Прокуренный душный воздух.
Давящий на легкие дым.
И хриплый, но слышимый голос
Сознание вздернет, злодей.
Внимание поглотив,
Заставит взглянуть по-иному:
История, проза, стихи,
И мир, и реальность, и слово!

***

Дыханье в руках.
Изящный изгиб.
Красивые полные бедра.
Вкусные па,
А легкости их
Завидует даже Кармаго.

РЕКА ТЩЕРТЬ

Летит через всю кухню лепесток вишни и приземляется мне на темя мокрым поцелуем. Лепесток вишни — все, что я хочу узнавать, не хочу узнавать ничьих рук, что это? — Веревка? Ножницы?

Белый поцелуй лежит у меня на лбу.

Белые поцелуи падают в воду и плывут по Тщерти, и какая-то женщина, стирающая белье, злится, стряхивает их, а они всё плывут и плывут, и женщина несет домой белье в лепестках, со вздохом поднимает тяжелую плетеную корзину. Шумит электричка за рекой. Куда-то кого-то везет. Кто-то кого-то убил, «А» упало, «Б» пропало, кто остался, выйди вон! И выходит вон донце плетеной корзины, и белье выпадает в песок, женщина ругается, поминает черта, потом боязливо крестится, обратив взгляд к облупленному, как пасхальное яичко, куполу сельского храма. Впрочем, разве это рана? — думает она и возвращается к реке перестирывать. Вода черна, и никаких белых поцелуев уже нет на ее поверхности. Женщина глядится в воду. Она красива — рябиновые губы, большие черные глаза, острое, не вполне русское лицо. Длинная прядка выскользывает из-под платка, касается воды, и из-под воды кто-то несильно, но ощутимо дергает женщину за волосы. Она улыбается, как будто ничего не произошло, прилаживает донце к корзине, с особой осторожностью укладывает белье и идет, как лебедь плывет, мимо сельпо, мимо станции, даже не плывет, а почти летит — не колышется длинный бушлат, не задевает дороги. Дома ждет мужчина по имени Хаврон, она умывает его доброе круглое лицо, чистит принесенную им шучку, развешивает белье, играет с сыном. Сына зовут Шуруп. С Хавроном они ладят хорошо. Шуруп любит блесны, крючки и удочку. Украшает ими занавески, деловито прячет под кровать, закапывает в саду в качестве кладов и секретов. Пропажа

---

* Студентка ЕГТИ (мастерская Н. В. Коляды). Стихи и проза публиковались в журналах «Дружба народов», «Кольцо А», «Огни Кузбасса» и др.

нескольких блесен не тревожит Хаврона. Он не умеет считать. Он ест ущицу из тарелки, особо крупные куски рыбы вынимая руками, пока женщина снимает с занавесок блесны и крючки.

А потом у них рождается дочь.

Женщина переносит роды тяжело, но в их уютном местечке под названием Санта-фе-де-Пэгэтэ находится чудесным образом, как игла в стоге сена, древняя повитуха. Она соглашается принять роды, но с условием — дочь должны назвать Анастасией. Как великую маленькую княжну, расстрелянную в восемнадцатом году. Повитуха дарит Хаврону икону с изображением царской семьи. Тот три дня спустя роняет ее в прорубь и очень плачет ежевечерне, и жена приносит ему в постель желтые горошки валерьянки на блюде, и Хаврон кается, кается, кается, но некому услышать его — повитуха ушла в скит за тридцать земель, тропы занесло, осталось только имя.

Впрочем, гордое слово «Анастасия» скоро превращается в нарядное, но простоватое «Настасья», в пряничное «Настена», в совсем лубочное «Ася». Ася боится рыб. С опаской заглядывает в прорубь. Пугается ночью висящих в сенах щук, нанизанных через жабры на ивовые прутья.

Хаврон носит женщину на руках, а детей катает на плетеных санках. Больше всего на свете он любит жену.

А их дочка любит больше всего на свете эскалаторы и сгущенку.

Но никогда не узнает, что это такое.

— Черепаха, ты куда?

— Глупая черепаха. Ты куда ползешь? Пятнадцать лет уже, а мозгов никаких. Ну, иди сюда, я тебя наставлю на путь истинный.

С трудом согнувшись, поднимаю черепаху и разворачиваю на сто восемьдесят.

— Кусаешься? А-а...

Я живу в коробке. Черепаха живет в коробке. В моей черепной коробке. Она там шуршит лапками с ноготочками, жует одуванчиковые листья, гадит (куда без этого?).

Раньше черепаха жила в углу, впадала на четыре-пять месяцев в зимнюю спячку, залезая под холодильник. Я не тормозил ее. Она сама просыпалась на майские. К первым одуванчикам. Но однажды в углу стало пусто, из чего я сделал вывод, что чере-

паха сменила место жительства и теперь обитает в моей черепной коробке.

Жена больше меня любила черепаху. Я думал, что они умрут в один день, и жену похоронят с черепахой на груди. Но Варвару тщательно, как тесто для пиццы, раскатали трехосным грузовиком без номеров на переходе у дома. Дочь не приехала на похороны. Ей было девятнадцать. Она была влюблена.

И мы с черепахой стали жить в коробке без Варюшки. Сначала черепахе было пять лет. Потом шесть. Потом у меня нашли язву. Я лежал в больнице полтора месяца. Я звонил дочери. Я думал, черепаху положат мне в гроб, если она не придет!

Но черепаха справилась без Аси. Она залезла в ящик с овощами, съела две с половиной луковицы и погрузилась в свой тоскливый ежегодный анабиоз.

Когда я упал в обморок, это она разбудила меня цокотом ноготков по линолеуму. Она в свойственной ей неспешной манере ползала вокруг моей головы, своей траекторией многожды повторяя контуры несуществующего нимба.

Уже заселившись в мою голову, она еще несколько раз спасала меня. Начиная отчаянно скрестись и упираться всеми четырьмя лапами, когда я пытался перейти дорогу на красный. Съедала за меня просроченные котлеты. Охотилась, словно на мух, на тоскливые мысли, держала их острыми маленькими зубами.

Когда пришло время, мы с черепахой подняли (не без труда) трубку доисторического дискового телефона. Я взял блокнот, где был записан номер дочери, и с ужасом понял, что все это время мы с черепахой жили в абсолютной темноте. Электричество отключили за неуплату, а я не заметил? Страницы блокнота были сухими, шершавыми, теплыми, но я не мог прочесть номера. Я нащупал на стене выключатель. Стало светлее, как будто в колодец спустили фонарик на веревке. Глаза не хотели различать цвета. Так уже было когда-то, давно. Я пошел в комнату, выдвинул все ящики комода и в одном из них, среди россыпи пуговиц и помятых фотографий (Гера Дождилов, 3 «Б» класс, детский сад «Елочка», «Совет да любовь!»), кораблестроительное бюро «Лазурит»), нашел свои старые черепашии очки, а еще нашел много непонятного: круглое гладкое, квадратное мягкое, длинное пластичное, кривое пыльное. Но мне было уже все равно. Неинтересно. Я надел очки. Набрал номер дочери и сказал ей, что она должна приехать, что пуговицы в комод, наверное, красивые,

что там еще лежит мамино свадебное платье, что каждый вечер меня обуревают странная тоска, что я хочу жевать одуванчики, что я, мне кажется, заболел, что нам с черепахой надоела коробка и мы с удовольствием освободим ее для новых жильцов. Потом я лег на панцирную кровать, накрылся пуховым одеялом, и даже черепаха в голове затихла. Мы ждали.

Ася приехала на следующий день, помыла мне голову (я не вставал с кровати), протерла мне лицо влажными салфетками, включила старенькую электроплиту, нагрела воды, сварила бульон. Она пришла к кровати с ковшиком и столовой мельхиоровой ложкой.

Черепаха, разве Ася хочет, чтоб я сдох? Ася Рукавицевна, Ася-Кудряша, которую я целовал в картофельный носик, которую катал в большом туристическом рюкзаке, которой прощал все? Нет, Ася не хочет, чтоб ты сдох.

— Жри. Жри, — повторяла, впихивая мне в рот мельхиоровую ложку с бульоном. Ложка скребла по зубам. Мне было грустно, что Ася стала похожей на мою мать. Я долго изживал мать в себе, прогонял, ругал, журил. Это не помогло.

Тогда Ася покормила меня, как кормила в детстве своих лупоглазых кукол — поводила ложкой у моего лица, почмокала, спросила, понравился ли мне обед. Я кивнул. Я принял правила игры.

Ася нашла в шкафу красивый, но потрепанный костюм (последний раз я надевал его на свадьбу с Варварой). Она разрешила пиджак на спине и помогла мне вдеть руки в рукава. Штаны пришлось подвязать бельевой веревкой — слишком я исхудал. Ася причесала меня. Убрала в комод черепаховые очки. Да, в комод было еще свадебное Варварино платье. В чем хоронили Варвару? Забыл. Хотел спросить, не смог. Клонило в сон.

Ася облегченно выдохнула, позвонила в ритуальную службу, обругала дисковый телефон, села на табуретку и стала ждать.

Приехали люди, завернули меня в черный мешок и отнесли в машину. Все люди выдали каталог гробов, и она ткнула пальчиком в уродливый ящик под названием «Светлый ангел». На соседней странице был изображен «Темный ангел», отличавшийся от «Светлого» только большим черным крестом на крышке.

Ася заплатила людям, вылила остатки бульона в унитаз, сбегала в ближайший хозмаг за шваброй и чистящими средствами и начала прибираться в коробке. Она нашла в комод бутылку

водки и отдала ее соседу сверху, чтобы тот вынес комод на помойку. Кресла и диван Ася пощадила. Ковер с узорами выбила во дворе. К концу дня нашла покупателя, согласившегося забрать холодильник «Бирюса» с пятого этажа. Здоровый дядька в наколках поднял холодильник, и Ася обнаружила под ним засохшую тушку черепахи.

Черепаха умерла во сне, как и я.

***

...И остается лишь *diminuendo*
Единственной асфальтовой дороги.
/Когда приложишь раковину к уху,
Там не бывает моря, но моторы
Шумят исправно, /соглашаясь с кем-то,
Что лето будет долгим и пологим;
Отец и сын от яблочного духа
Отстирывают клетчатые шторы.

/Когда волна споткнется о волну же,
Случится пена. А когда споткнется
Дорога об дорогу, в этом месте —
Да, в этом месте будет перекресток./
Отец и сын так неуклюжи, ну же, —
В чужом саду они — первопроходцы:
Люцерновые листья масти крести,
Подсолнух человеческого роста...

/По ком шумят шестерки и семерки,
Прносятся пятнашки и девятки?
О сколько лет (и зим) чужой тревоги.../
Сын говорит: в киоске у больницы
Есть шоколадка в золотой обертке.
Но дело — нет, совсем не в шоколадке.
/Единственной асфальтовой дороге
В ракушке не живется и не спится./

***

Они приносят скороговорочку,
А если проще — водку с курагой.
Кирпичный жар, танцующий чечетку,
Все ближе подбирается к желудку,
Но выше — нет, и к сердцу ни ногой.

Мы выпиваем в скороговорode,
В котором я болею и живу.
И почему-то повелось в народе:
Чтоб закусить, по грядкам щиплют люди
Скорогорепы горькую ботву.
Когда сочтутся корешки с вершками,
Земля с травой, а не наоборот,
Я перестану гнить в компостной яме,
Усердно слушать сказанное ими,
Усердно пить, пока не проберет.
Когда споткнется эта речь хромая
Скороговорным привкусом во рту,
Я лягу спать, покрепче прижимая
Себя к себе, как ватку спиртовую
Плаксивый школьник прижимал к манти.
Я упаду в поземную кроватьку,
Как землеройка, крыса или крот.
Пускай от страха делается шатко,
Пускай приносят скорогороводку —
Я не открою скороговорот.

***

Совру, сказав: в деревне хорошо.
На деле — дрянь: бесцветно и дождливо.
Черемуха, побитая паршой,
Поганый куст, ублюбочная слива.

Ко мне не едут, в гости не зовут,
Порой расскажет кто-то посторонний:
Собака носом тычется в траву,
Опять мышей, мышей осенних роет.

Живи, собака, ласково, легко.
Подольше моего — лет тридцать-сорок.
Выпрашивай у местных молоко —
Скажу за тайну, есть у них и творог.

Урман таков, что глаз не соберешь.
Ну, разве что корзинку волчьих ягод.
И только жизнь запаслива, как еж:
Ее хватает неизменно на год.

Вода в копытце пахнет молоком —
Нет, обманула, — прелестью суглинка.
Когда умру, пусть блеклым тростником
Шуршит подольше рыжая скотинка.

Хвост колесом, а уши начеку.
Сопит и роет, шарится во мраке.
Вода всегда подобна молоку,
А человек... А человек — собаке.

***

Вода течет налево и направо
Лежачий камень в озере абрау
А вот змея прокладывает путь
Вдоль берега блестящим черным телом
В зените солнце делается белым
Я наблюдаю не тревожь забудь
*

Должанский пляж советские турбазы
Взгляд снизу вверх на высохшие вязы
Взгляд на былинку на велосипед
Лежим в тени на общем полотенце
Мы савроматы мы переселенцы
Тень уползает наступает свет
*

Аб-ра-у и а-на-па и дол-жан-ка
Три клавиши задеты случайно
А мы нашли внутри фортепиано
Кусочек мыла треснутую банку
И обнимались посреди таймлайна
Пока тепло светло обетованно
*

Мы откопали несколько иголок
Булавок шпудлек пуговиц и кнопок
Берет из фетра клетчатый осенний
И ты вздохнул как древний археолог
Вздыхает после месяца раскопок
Устав от хлама от перечислений
*

Вот комнаты — матрешка в ней матрешка
И в ней матрешка — сталинская трешка
Утратившая зрение и слух
Псише трюмо зовите антиквара

Пусть этажерке уготовит кару
 А мы не здесь мы — люлех палех лух
 *

Мы — верхний ландех странная считалка
 В печной трубе измученная галка
 Заканчивает свой земной полет
 В село вливает человек на лодке
 Чтоб отобрать у нашей черноплодки
 Ее гнилой последний черноплод
 *

Земля наутро становилась пухом
 Я объясняла засыпавшим мухам
 Вы не умрете это лишь зима
 Безумные собаки ночью выли
 Я просыпалась кажется в могиле
 Но не могла утешиться сама
 *

Пускай от неба войлок оторвется
 Ты не умрешь ты спишь внутри колодца
 Пока вода сосет осевший сруб
 Не называйся этим мерзким словом
 То слово пахнет поминальным пловом
 Ты поняла о чем я — словом труп
 *

А я вчера видала у колонки
 Старушку двухсотлетнюю святую
 Просвирку вынимает из платочка
 Сует под нос какие-то иконки
 Мне на погосте — маленькую тую
 Ты посади как время будет дочка
 *

У нас в избушке семеро по лавкам
 Мы трясавицам лихоманкам навкам
 Выносим в сени выпить и поесть
 Они привыкнут к человечесьей пище
 Мы гончаково кромы беклемищи
 Мостовка суздаь мы уже не здесь

Пример словоупотребления

У нас ничего не случается всеу.
 Ржавеет лопата. Наверно, к весне —
 Приметил сосед по фамилии Зуев,
 Показывал мне. А кому, как не мне?

Еще притворялся, что видит узоры
На чайнике черном, что там изнутри
Леса и моря, города и озера.
Трещит не приемник — поют снегири.

Под вечер в метель снегирей выключали,
Катился к весне котелок со стола,
А выпуск газеты дветьшипечальный
Вздымал еле-еле два мятых крыла.
Сворачивал Зуев прокуренный ватник,
Ворочался, кашлял, кряхтел: не могу.

Наверно, к весне почерневший оршатник
Стоит за окном по колено в снегу.

***

— Поведай честно мне отец
А как ты борешься со хтонью?
— Я ем на завтрак холодец
И вытираю рот ладонью
Развоплощенность ног свиных
В тугих желеистых волокнах
Мне помогает о живых
И мертвых думать как об окнах
Открытых и закрытых в мир
Из некоторых окон дует
Здесь каждый — гость и пассажир
Земных/подземных сабантуев
О холодцы чужих могил
О эти окна в черных ставнях
— Отец я предал и забыл
Слова стихов своих недавних
Пейзаж без края и конца
К стеклу оконному приколот
— Нет ни отца ни холодца
Здесь существует только холод

***

Дождь перешел в снег,
Возле твоих век.
Кутает человек
Зябкое в шерстяное.

Снег проливным дождем
Выпал минувшим днем,
Чтобы подать со льдом,
То, что еще живое.

Небом вода сыта,
Видимо, сто из ста
— Осени красота
Подана на второе...

***

Неправильное направление
Со скоростью «О, Боже мой».
Под иступленное моление
В строке, как ты — насквозь чужой,
В десятибалльное скольжение
Наводит глянec гробовой...

***

Снежный день — непременно знаковый,
От шекотки пространство корчится,
Мы с тобою не одинаковы,
И война никогда не кончится.

---

*Родилась в Хабаровске. Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Окончила Художественное училище и Педагогический институт в Екатеринбурге. Автор книг «Ангел лета» (2012) и «Открыть окно» (2016).

Словно люлька, гнездо на дереве,
Для щегленка готова каша.
Мы напасти, шутя, примерили
И сегодня не видим разницы:

Между фразой — «Цвети гортензией»,
И ответом — «Останься с именем».
День сегодняшний без претензии,
От того, что стал просто инеем...

***

День закусил удила,
Времени — мало.
Осень с повинной пришла
Не напугала.

Ветки рябины — дугой,
Гроздь пылают.
Стала осина другой,
Чаще рыдает.

Пупик у ягод — крестом.
Каждый Христовый.
Ночью стучится в твой дом
Дождик бедовый.

***

Ну, что с небес возьмешь,
Дождит вторые сутки.
Горбушку отщипнешь
И бросишь серой утке.

Пока летит кусок,
Передерутся чайки.
И мы с тобой, дружок,
Для Бога — попрошайки.

***

Всё на земле земное,
Капли сроднились с глиной.
Дождь то поет, то ноет
Провинциально, чинно.

Чувство его утробно,
Больно о зонт ушибся.
Слог под дождем загробный,
Словно тебя лишился.

***

У твоего причала
Дождик играл в песок.
Тихо, спокойно стало,
Словно проснулся Бог.

В метаморфозе ломкой
Мрак обряжался в свет.
Нет на луне поэмки,
Листьев опавших нет.

Камни не тонут в море
Ясности и Дождей.
Осень. Ненастье кормит
Маревом голубей.

У твоего причала
Крайний куличик мой.
Нежности не хватало
Осени неземной.

***

Небо плывет в стекло
Не оставляя след.
Мягко и глубоко
Взгляд проникает в свет.
Гаснет синичий день,
Крылья легли, как ткань.
Красною стала тень
Там, где дерзит герань.

***

Ты — мой маяк, а я лишь судно в море...
Ты каждый день мне помогаешь плыть.
Ты — счастье, что пришло внезапно,
Ты — человек, который научил меня любить...

***

Пока бьются наши сердца, давай жить!
Не потратив ни минуты на грусть и печали.
Тебе плохо? Я с тобой, потерпи.
Боль пройдет, слышишь? Я тебе обещаю...

***

Люди,
как звезды.
Горят — потухают...
Люди горят,
Как пламя в ночи.
Холод порой
Им зажечься
Мешает.
Помни,
Главное в людях —
Тепло их души...

***

Рождение. Боль. Смерть.
Рождение. Боль. Тьма.
Прошу, не сдавайся. Верь!
Пусть в небе светит луна.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Ю. В. Казарина, 1 курсе). Живет в Североуральске.

Желание жить впредь.
Желание жить сейчас.
И цель: обойти смерть...
Желание жить — она.

Идти. Вперед. До конца.
Идти. Вперед. Через боль.
Верить в алые паруса,
Быть той самой, странной Ассоль...

Улыбаться. Молиться. Любить.
Хранить солнце внутри себя...
Так ее научила жизнь,
Так ее научил Аллах.

***

Армения. Азербайджан. Война.
Оружие, страх и боль.
В сердцах людей живет Сатана.
Человечность убита в ноль...

Миром правят деньги и власть.
Каждый хочет стать королем...
Только чтобы на трон попасть,
Нужно выстрелить в чей-то дом...

Крик детей, холодный подвал.
Сын-солдат ушел на войну.
Он на ушко маме сказал:
«Родная, не плачь, я скоро приду...»

Льется кровь невинных людей,
Но конфликт не решит война.
Миром правит злоба людей.
Каждый горечи выпьет до дна...

Проще выстрелить в спину врага,
Чем решить все мирным путем.
Ведь сегодня война — игра.
Проигравшие выйдут вон...

Каждая женщина — чья-то мать...
Каждый солдат — это чей-то сын...
Дети растут, зачем воевать?
Брось оружие! Подари миру мир!

***

Когда не нужно будет
Уходить.
Когда не нужно будет
Расставаться.
Ты будешь мне на ушко
Говорить
О том, как любишь
И не хочешь просыпаться.

А ночью тихой,
Не давая спать,
Я буду при свечах
Писать стихи.
Ты будешь
Каждую секунду
Ждать
И говорить с любовью:
«Спать иди».

Ты будешь слушать
Строки из стиха.
Ты будешь слушать
Громкий смех и плач.
И каждый день
Спокойно,
Без греха,
Мы будем ждать,
Когда придет палач...

Я буду счастлива
С тобою
Умереть.
Я буду счастлива
С тобой
Растить детей.

Я буду счастлива
С тобой
Сейчас и впредь.
Я разделю с тобой
Всю жизнь...
И даже смерть...

***

Ягода волчья застынет на языке,
Щебет и крик заключая в одном глотке.

Долгий огонь загорается без угля,
Воздух между зубами холоден, как земля.

Что-то удержит сердце над пропастью немоты,
Где были ягоды, стали расти цветы.

Пламя течет, словно в ветре растет трава
И отравляет только твои слова.

***

Легкими вспышками тянется темнота,
Теплой рекой отплывают пустые чернила.
В воздухе снежного света слепая черта
Прячет глаза, но дыхание очертила.

Так не хватает зимой одного вещества,
Вроде прозрачной листвы в очертаниях ветра,
Вроде течения темного, как слова.
Нет утешенья в тепле, и не надо света.

***

В деревьях дождем обратится
Явившийся в воздухе ропот:
Из рук вылетают синицы,
А лето как будто Европа.

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Екатеринбурге.

Возьми эту горькую ноту
В сады отраженного света,
Где нам отвечают погоды
Словами далекого лета,

Где прячутся в тени колонны,
И разные звуки синхронны.

***

И глаза больные дымом
Видят белое пятно
В темноте неощутимо
Снов открытое окно

Мне казалось это птицы
Проживают тишину
Напишу внизу страницы
Про неяркую луну

Чтоб в большом гнезде нагретом
Пустотой и высотой
Разбудил скворец простой
Воздух лиственного лета

И глаза больные светом

***

В плену чужого словоряда
Все те же грубые черты,
Что у листвы пустого сада,
Когда под кроной темноты
Приводит в скудный планетарий
Времен непевчих соловей
И немерцающих огней
Вручает трепетный гербарий.

Большого неба словарю
Отдать слетевший лист — едва
Обнять, о чем я говорю,
Когда не говорят слова.

***

Как дым, сознавая угрозу
Тяжелой песочной травы,
Земля поддается гипнозу,
Сводящему долгие швы.

Ты видишь в последнем смиренье
Создание смежных миров,
Созвучие воли деревьев
И воли незрячих ветров.

***

Загляни в опустевший скворечник —
Словно эхо, клубится тепло,
Словно дом осыпается внешний,
Оставляя сплошное стекло.

Там электрик воздушного тока
По тарелкам налетит кипятком,
И в ушах отопления рокот
Или чайника острый свисток.

***

Все буквы гнездятся в пустыне
И звуки земле отдают,
Слетелись к прозрачной рябине
И тишь бесконечную пьют.

Ты слышишь: любимое имя
Прозрачной травой шелестит,
Осколок миражного дыма
Спрессован в неслышимый стих,

И сердца тревожного мимо
Неверный осколок летит.

***

Дерево смотрит в зеркало окна.
Мы смотрим в окно, как в зеркало.

То, что для нас метафора,
Для предмета — сама жизнь.

Так слово, сказанное человеком,
Вспоминает само себя.

***

Стихи о воде отражают лицо
Пишущего-читающего.

Так небо смотрит на землю
После дождя.

Так мы смотрим на небо
И узнаем себя.

***

Бросают в траву, как в могилу,
Остатки от ягод
Синицы.

И двое качелей
Летят вразной,
Словно колокола немые.

***

Стрелки часов образуют птицу,
Между хвостом и крылом
Вечернее солнце,

Клюв торопится выбрать мгновение
В желтеющих листьях,

Пока птица не превратилась
В закрытый цветок.

***

Во влажном воздухе заката,
Предчувствуя ночи прохладу,
Желание идти куда-то
Подобно старому обряду.
Идти, боясь теней в кустах.
Идти, ища внутри покой.
Идти, испытывая страх,
Тянуть все мысли за собой.
Потом, одно мгновение,
И лавка эта, и фонарь,
И ветра дуновение
Для мрачных мыслей,
Твой алтарь.

***

По крышам теплым и сирени
С уже увядшими листьями
Ползут заманчивые тени,
Целуя черными устами.
Лаская медленно верхушки,
Вплетаясь в неба вышину,
Касаясь краешка подушки,
Не нарушают тишину.
И вот, касаясь моих век,
Последняя родная тень
Мне шепчет, словно человек:
«Спи сладко, завтра новый день».

***

Люблю я ночи, что светлей
Любых унылых серых дней.
Люблю, когда все звезды в небе
Ласкают нежным светом белым.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). С 2015 г. живет и учится в Екатеринбурге.

Люблю сентябрьскую тишь,
Когда все сутками молчишь.
Люблю овеянное сердце
Печалью осени конца.
Люблю я песнь, того гонца,
Того шуршащего листа,
Упавшего последним наземь,
Раздавленного ночью зим.

***

Я не была здесь много лет.
Родные лица, старше только.
А в огороде полный цвет.
На мне цветастая футболка.

Вот вечер, и готова банька,
Дверей скрипучие засовы.
И на рассвете ну-ка встань-ка,
Петух кричит, что день уж новый.
Медлительней гораздо суета,
И в радость тебе каждое движенье.
Яснее мыслей я не знала никогда,
Чем это благостное вдохновение.

***

Улыбка завладела губами,
Мои глаза закрыты,
Все мысли текут сами,
Ища замысел скрытый.

Зачем человеку нужно,
Окунать себя в лед и пламя.
Отречься от сердца — чуждо.
Запечатывать слезы в память.

Притворяться, как будто слеп,
Видя мелочи жизни радость.
Охранять свой прижизненный склеп,
Проявляя до боли жадность.

***

Если вырвут с корнем,
Значит, для новой жизни.
Если оставят в земле,
Придется готовиться к зиме
И пытаться протянуть до весны.
Ни страха перед будущим,
Ни жалости к прошлому.
Надо быть к себе строже.
Я — сорняк. И вы тоже.

***

И вроде не птицы, но свили гнездо,
Недоумеваю настолько, что открыт рот.
Он хочет знать меня «от» и «до»,
А я его только «от».

***

Открываю фотоальбом,
Со страниц на меня смотрит малышка с горящими глазами.
Думаю, куда она делась?
Родители ее сильно любили и точно бы не продали,
Да и зубы у нее кривые, цыгане бы не купили.
А у меня зубы такие же, только глаза не горят.
Все говорят, что это я там на фотокарточках,
Не знаю, тут снизу подписано: «наша ласточка».
Разве так можно сказать про меня?

***

Ты живешь, мальчик, очень глупо,
Всем подряд давая надежду,
Оставляя за собой кучу трупов
Девушек без одежды.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Екатеринбурге.

***

Чтение стихов — это хочешь не хочешь перформанс.
Я хочу, а ты нет.
Ты словно вырвался из повседневности, все вокруг такие
яркие,
А ты так скучно одет,
Джинсы и серая футболка, на мне желтые колготки,
и я читаю стихи,
А ты хлопаешь.
Глазами, смущенно смотришь и улыбаешься,
А все — в ладоши.

***

Я скучаю по бесконечным
Разговорам по телефону,
Я не знаю, сколько лет этой песне
И этому магнитофону,
Я считаю, что если ты принял решение —
Оно априори верное.
Друзья, не бросайте нож на пол,
А то я суеверная.

***

Я простыла, кашляю, тебе все равно,
Потому что ты беспечен и молод,
А я пью сухое коробочное вино,
И курю на балконе голая в холод.
Где-то там на веревке белье сохнет,
Я готовлю овсянку, это мой быт.
Можешь выстрелить, если рука не дрогнет,
Но я-то знаю — она дрожит.
Я не верю в черно-белые полосы,
Не верю, что тебе на меня плевать,
А он любит, как пахнут мои волосы,
Когда ложится в мою кровать.

***

Я осень чувствую по звуку —
То не мучение, но мука,
Как гулкий голос тех времен,
Где под дождем протянешь руку,
И на полшага, на полслуха
Горчит на пашне чернозем.

***

Еще не глубоки снега, и на исходе
Простых осенних дней река не глубока,
Все вымыто в доме и видно, как по сходням
Спускаются по небу облака.

Но в небе так светло, что кажется, метели
Прошли еще вчера, и дома — почему —
Мне слышится с утра восьмой, Корелли.
И видно за окном,
Как стынут берега в речном дыму.

***

Вот и все, что останется: запах.
Вспомнишь: липу срубили в мороз.
Потому-то и хочется плакать,
Потому-то и не сбылось.

...Отчего же все детство учили
И страшили букварь наяву
Не про Ивдель, про небо в Тагиле,
Что-то там про Коломну, Москву?

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»). Живет и работает в Березовском Свердловской области.

Так и помню, чего не изведал.
В рваном ватнике кто-то сказал,
Показал за окно: это липа.
А я и не знал.

***

Но неожиданно выпадет снег,
И на море со всех сторон
Та же быль, что и в той стране,
Где однажды всегда Харон.

Где случайно, забыв про слог
Перепутаешь Ивдель в Ирбит,
Не найдя полноправных слов,
Где с утра подходящий Аид.

А очнешься, и по весне
Безуслышно звучит тоска.
Но оглянешься — падает снег
И уже не видать берега.

Это жизнь, это смерти остов,
Это ветер летит с похорон,
Это рек, это силпых мостов
Перестук, перевоз, перезвон.

***

Когда осеннею порою
Бредешь по сумраку один,
Качаясь чумной стороною
Кривых заборов и рябин,
Раздавишь ягоды ногой,
О Воскресении не зная.
И в горле чувствуешь не ком —
Земля стоит родная.

***

Окраины летом пусты,
Проснешься и глянешь — сегодня.
И тянется до темноты
Осеннего лета господня

Дождливая глушь и тоска
Размытого времени года.
И нет под рукою песка,
Нет камня, чтоб вычеркнуть воду.
Когда бы ни эта тоска,
Ни глушь, что случится с тобою,
Когда от дверного звонка
Потянет вечерней судьбою.

Когда бы ни это окно,
Где тянется августом лето.

...А ночью проснешься и вновь
На взгляд не услышишь ответа.

***

Так и навсегда запомню снегом
Этот старый дом. Когда вернусь
В этот старый дом, как будто не был.
Каждый раз, увижу наяву
Крест. И снег, черней чем белый.

А потом я всех переживу.

***

Этой осени теплые дни
Так бессмысленно чем-то похожи,
Безнадежней, бездумнее, строже
Летних дней, что не знают они.
Тех дождей по неведомым дням
Вне жилья, бытия и покоя.
Не умрешь, а подставишь любое,
И сойдется судьба по краям.

Только синее и голубое.

***

Так дом мой пуст, так садом полон лист,
Что если присмотреться к очертаньям,
То можно разглядеть, как тянет вниз
По уплывающей пульсации дыханья,

Где долгий день отчетливое эхо
Плетется вдоль разбитой мостовой,
А снег идет, а бог уже уехал
И машет сиротливою рукой.

Е. А.

Деревьев пустота
Зияет за окном,
И не спросив креста,
В раскрытый входит дом.

И проступает в нем
Реки усталой дно
И птичий гололед.
Оглянешься в окно —
А снег уже идет...

***

Черной веткой качнуть и уйти,
Не давая вперед обещанья
Возвращаться и помнить прощанье,
Разбирать этот хлипкий мотив.

С придорожного глянешь холма,
И потянет незрячей прохладой
Из дождливого в сумерках сада.
Обернешься и скажешь: зима.

НЕЧАЕВ

Нечаев был первым гармонистом в поселке. С такой фамилией да не петь! Еще и имя родители дали: Владимир. Потому случалось всякое. Бывало, объявят по радио: песню будет петь Владимир Нечаев. Бабы переполошатся, им делать-то нечего, видно, вот они ходят и говорят: Нечаев пел по радио. И сколько раз им не втемяшивали, что другой это Нечаев, певец известный, без гармонии который, все они свое. А Володька и рад тому. Но то было давно, а если взглянуть куда поближе, то все дело состояло в том, что второго гармониста в поселке не было. И стал Нечаев первым.

Играл он, это действительно, а вот пел... Но тут главное — когда пел. А пел он, когда все напьются. Похороны, свадьбы, Первомай, дни рожденья («Тоже выдумали», — ворчали старухи) — везде звали Нечаева. А жил он рядом с кладбищем — из окна сосны кладбищенские видел.

Справят поминки — все чин-чином, все как надо. А потом напьются. Тут и Нечаев со своей гармонью. Сидит, лады перебирает. А потом ни с того ни с сего затянет:

— На Дону, на Дону,

Звезды смотрят в глубину...

Раз он так, два раза. А бабы — они, известное дело, меньше пьют, ну, а если лишка хватят...

Ну вот они и начнут:

— На Пышме, на Пышме,

Вовка приставал ко мне...

А Вовка уж сам пьяный, начнет хватать все подряд, все слова, что подвернутся, ну и пойдет черт-те что.

А как разойдутся все, жена ему сразу:

— Чего костюм не сымаешь? Их двадцать у тебя, что ли?

А Нечаев сидит, ухом не ведет.

— А он сидит, сидит, — недовольно доскажет жена.

Нечаев того и ждет. Гармонь на плечи, да заведет, подходя к жене:

— В рубахе нарядной,

К своей ненаглядной.

А рубаха-то пропотела вся. А ненаглядная-то как даст ему по шее! Ну, он сразу осядет на пол, гармонь сбросит да заплачет. Сидит так до ночи, а супруга ходит туда-сюда, тарелки, кружки носит, скатерть собирает, сервантом, судником гремит. А Нечаев сидит на полу.

Ну, а к ночи уж дело другое. А утром жена его разбудит да спросит так ласково:

— Продрал пьяные шары-то?

— Продрал, — честно ответит Нечаев.

А свадьбы раньше в школьной столовой правили. А еще чурку здоровую привозили, и топором ее мужики — и так и эдак, кто сумеет, значит. А пока кто сидит за столом, кто пляшет, Нечаев знай себе наигрывает, а потом как пойдет в пляс да все к невесте — в ту сторону пробирается и напевает:

— Зацветает в поле лен! — Хоть льна у нас отродясь не сажали. Кукурузу — это бывало, а льна не бывало. Но что Нечаеву до того, он по ладам раскинется да заведет:

— Ходит по полю девчонка,

Та, в чьи косы я влюблен!

Вечер настает, а свадьба дальше знай себе гуляет! Но Нечаева супруга домой волокет. Да она и сама того. Ну, это ладно — бабы, они двужильные. Их такое не берет.

Нечаев дома-то падет на стул, посидит так, а потом зачнет:

— В рубахе нарядной,

К своей ненаглядной!

Ясно, какая нарядная рубаха после свадьбы, ну же-на его, конечно, по шее... Но то было давно. А если ближе, то свадьбы-то в столовой уже не справляют — теперь в городе всё.

— Поехали на свадьбу, — говорит, значит, супружница.

— Не поеду. Возня одна с этим городом, — отвечает Нечаев.

— Ну что мне, одной езжать?

— А ты не ездь. Запрещаю! Вот! — кажет он ей кулак.

А супруге того и надо. И не едут они никуда.

Но что до свадеб! Хоронят-то на своем кладбище. И у Нечаева потом сидят — горюют, вспоминают, выпивают. Пирог едят, кутью ложками хватают. А там, глядишь, уже и пойдет ни с того ни с сего:

— На Дону, на Дону,

Звезды смотрят в глубину.

Про Пышму только никто не запеваает нынче. Ну, да не беда! Много на свете песен и грустных, и веселых есть.

А вечером супруга-то ходит, чашки-ложки со стола собирает. Дом в порядок приводит, значит. А Нечаев — раз — возьмет гармонию. Два — встанет. Три — запоеет, да еще как!

— В рубахе нарядной...

— Постыдился бы уж, на рубаху посмотри свою, хоть бы костюм надел, — ворчит жена.

Но Нечаев не таков! Не таков Володька Нечаев!

— К своей ненаглядной, — подходит он к супруге.

И что тут сделать? Та его по шее, конечно же. Но то было давно. А о том, что сейчас, и говорить не стоит...

БРАТЬЯ

— Пашка! — кричит с утра один из братьев. А другой выйдет в одних трусах на улицу и в ответ:

- Сашка!
- Айда купаться!
- Айда!

«Чего орете с самого утра?» — кричат недовольные старухи. А братьям хоть и за сорок, но дела до того им никакого нет. Сашка, битюг здоровый, вылезает в окно прямо на доски, лежащие здесь невесть с каких времен. Тут же у дома напяливает он на себя брюки, на ходу застегивает их, а майка уже на нем. Пашке же всего этого не нужно — он как был в трусах, так в них и топает на реку. Даже дом не запирает.

- Ты бы хоть майку одел, — говорит ему старший.
- Я загораю, — отвечает младший. И хлопает себя по тощей, впалой груди.

А потом уже Пашка спрашивает:

- Чего майку-то одел?
- Живот берегу, — отвечает Пашка. И хлопает себя по толстому, вздрагивающему животу.

Ходили они на реку с ранней весны до поздней осени. Зимой же братья жили в городе сторожами. А летом плотничали.

- Таких и в городе нету, — хвалился Пашка.

И добавлял для веса:

- Знаю. Бывал.

А Сашка головой поддакивает. Мол, верно все.

Работа летом у них не переводилась. С города наезжать стали в последнее время. Помрет где-нибудь старуха, ну, например, Дарья Дмитриевна, тьфу-тьфу-тьфу, конечно. Дом дети ли, внуки ли спродадут. А житель новый для начала избу порушит и новую задумает ставить. А братья тут как тут.

- А не пьяницы вы? — спрашивает у них.
- Нет, — мотают головами оба брата. — Ни вжисть, — добавляет Пашка.
- А что строили? — спрашивает недоверчивый новосел.
- В Кижях знаете церковь?
- Ну, знаю, — протянет городской.

Братья смекнут, что ни за ухом, ни за носом ничего этот не знает, ну и бьют обухом:

— Мы строили, — да так скромно скажут, да еще улыбнутся, что как тут не поверить? Новосел-то, чтоб не опростоволоситься говорит, ухмыляется, правда, немножко, монах такой:

— Это хорошо. Молодцы. Вот вы, значит, какие.

А если нерусский какой насчет дома в поселок завернет, то и тут братья себя не теряют.

— Да что ты, не веришь нам? — вопрошают оба брата после долгого разговора.

— Верю. Верю, — отвечает нерусский.

Но братья-то знают, что не верит.

— Да мы с тобой тыщу лет вместе. Мы ж одна кровь!

Нерусский, конечно, не понимает, что к чему. Ну, а братья дают с плеча:

— Да татарская орда ж была! А потом Советский Союз. Мы ж родня!

Работу им после таких заявлений, конечно же, дают. Но бывало и так, что вроде лето на дворе, а негде работать.

Ну, братья вон что выдумали: в выходные к нам на реку приезжают с города рыбачить. Сидят по берегам, значит. Рыбку ловят. Особенно много этих самых, со спиннингами, спиннингами и спиннингами. Кто как зовет. Слово-то нерусское. Выдумал же какой-то дурак! Ну, братья, знай себе, взяли да бросили канат поперек реки.

Кидают городские блесну, а она — зацепится. Тянут-тянут, вытянуть не могут. Ну, леска, глядишь, обрывается. А братьям того и надо. Соберут они в понедельник богатство рыболовное и довольные топают домой. А потом в город едут — на рынок продавать. А что не спродадут, то свои купят. Теперь у нас в поселке чуть ли не у каждого есть блесны. Даже старухи покупают. Одна, правда, взяла да и с какой-то дури над колыбелью правнуковой повесила. Правнук проснулся, ну и, ясное дело, потянулся к игрушке, да как заорет!

— Чуть палец не отрезали, — рассказывала незадачливая прабабка, — я ее в церковь снесла, к батюшке. Ну ее эту лясну.

А поп наш сам заядлый рыбак, ему того и надо.

Летом в самое разжаркое время сидят вечером старухи на лавочке у кого-нибудь, а тут жена к Сашке придет, каждый раз новая. Старухи сразу головы к Сашкиному дому.

— Смотри, целуются.

— В самом деле, целуются.

— Да в не самом деле, а точно, — щегольнет кто-нибудь из них. А потом забудут они про Сашку, и пойдет у них разговор о «пацалуях». Но старухи Сашку не осуждают. Понимают, что жену-то найти легко, а вот собутыльника, да еще понимающего, — то сложно.

А к Пашке никто не приезжает. Потому ходит он на реку один с утра. И днем. И вечером. Сашка-то занят. Но то не часто бывает.

Зато каждый год в самое разжаркое время — на месяц да на половину следующего — приезжает гостить к матери старший лейтенант Хохлов. Не всегда он старший лейтенант, но в этом году такой вот, — три звездочки на погонах.

— Женился хоть? — спрашивает мать.

— Нет, — отвечает старлей.

— А мы с бабами на скамейку выйдем вечером. А к Сашке жена пожалует. И целуются они! Вот завел бы себе жену, тоже бы целовался.

Проснется вечером Хохлов. Слышит — мать что-то делает. Встать бы, на кухню пойти к ней. А потом подумает: чего мать тревожить? И лежит дальше, в окно смотрит.

Видит: выходит на улицу в телогрейке один из братьев да как закричит:

— Пашка!

А другой выскочит на улицу в одних брюках и в ответ:

— Сашка!

— Айда посидим!

— Айда!

Сидят они на дровах у Сашкиного дома. Стоит тихий говор. Тлеют огоньки сигарет, как свет вечерний. Иногда кто-то вдалеке, как будто бы за рекой, затынет песню. Ее подхватят. Неумело, пьяными голосами тянется она — то затихает, то нарастает. А Хохлов смотрит на братьев — те поутихли. Сидят. Молчат. И тоскливо на душе становится у старлея. И думает он тогда

о стране, в которой слагают заунывные песни, о бесконечных лесах, полях, дорогах, о всех необратимых, неохватываемых просторах, что не могут выдумать ничего лучше себя.

Тянется душный вечер. Тянется песня. Уже как будто сама, будто ведут ее трава, деревья. А за ней — другая, третья. И нет этой муке конца, как и бесконечным проселкам, остывающим к ночи.

Замолчит песня. И снова слышно, как старается на кухне мать. И тихо-тихо разговаривают братья. А потом как засмеются — звонко, переливчато, кашляя от табачного дыма. А он, невидимый в августовской теми, уходит вверх.

Смотрит старлей в окно, и так ему хорошо, что чуть не плачет. И хочется, чтобы не кончалось все это, и длилось, длилось, длилось...

***

Над водой ходит та же вода,
Небо — та же река наизнанку,
И зимуют в ней звезды-подранки,
Прирученные голосом льда.
Страшен он, обращенный в себя,
Словно невозвращенное эхо.
И река покрывается снегом,
И стоит заметной изба
С одиноким, как Бог, человеком.

***

И стою перед небом, куда бы под ним не пошел,
И какую бы муку себе не сыскали бы руки.
Там, в саду предо мной, заплетает гудение пчел
В шепот ласковых трав и в свечение глаз близоруких
Тот, кто эти глаза всяким утром целует в рассвет,
А незрячим птенцам отсыпает не сытного хлеба,
А несытного слова, в котором ни времени нет,
Ни смертей, окромя той одной, что просторна, как небо.

***

Иной косе на две не расплетаться.
Льняное небо, ссученное в нить,
Веретено да прялка — все богатство,
И что той жизни — только прясть и шить
Из луговой пылающей кудели,
Иссохшей от невыплаканных слез,
Из перьев птиц, которые не пели
Обещанного. А оно сбылось,
И дом стоит, по четвергу обмытый,
Белеют в окнах голоса свечи
На убывание, и рушники пошиты

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»).

Для тех, кто в дом приходит и молчит
И жадно смотрит в сердце нараспашку,
Где скачет, вертится веретено —
Бессмертно, чтоб хватило на рубашку,
В которой к смерти выйти не грешно.

***

Весной из окна можно выйти в сиреневый цвет,
Уткнуться в него, но не плотью, излюбленной тленом,
А тем невесомым, которому имени нет,
Что губы целует, но сходит с них неизреченным.
И тем — обнаженным, не знающим кожи и слез,
Взыскующим света, как страждущий хлеба над хлебом,
Почти не дышать над цветеньем сиреневых кос,
Из них выплетая хлопчатое белое небо.

***

По жженому хлебу земли,
По каждой моченой корке,
Мы зиму сжигать вели
На марговские задворки,
И с радостью неумной
Прощались с постылой стужей,
Как будто была никчемной,
Как будто была ненужной.
Снег таял на скатах крыши,
На ветлах грачи кричали,
На зиму смерть стала ближе,
Но это весне прощали.

***

С годами обмельчала тишина.
И ты, все глубже погружаясь в слово,
Осознаешь, что речь всего одна
И у нее нет образа иного,
Чем Бог.
Так у воды нет дна —
Есть дно реки, есть у слезы щека,
И в них вода бессмертна и бездонна.
Ты думал, что на разных языках
С ней говоришь, но вот язык исконно
Один.

Так света луч впотьмах —
Есть темь колодца, есть ночная тьма,
И это свет, и не отречь от света
Глагола, коим тьма изречена.
Ты слышать стал, как говорит об этом
Она сама.
С годами истончилась тишина.

***

Коротких снов непойманное имя
Больной окликнет, и его мольба
Тотчас достигнет той, что с ним незримо
Уже лежит. Но и ее волшба
Неизлечима миром, где слепые,
Мы трогаем себя, как вещество,
А умершие, будто бы живые
Колядовать приходят в Рождество.
И говорят — вот мы. Мы тоже были,
Мы то, что с вами было и прошло,
Мы то, что с вами будет. И бессильно
Не дышат на замерзшее стекло.

***

По усопшему плачут. Ушел — говорят — родимый,
И он встает и идет, касаясь живых плечом,
Легонько так — мол, вы тут не забудьте мое имя,
А я не забуду ваше. И забывает всё.
И идет мимо тех, кто забыты и кто забыли,
И видит, как тут просторно, как смерть им всем широка,
А назад обернуться — оставшиеся бы вместились
На острие у свечки, горящей в его в руках.
Но разве он обернется? Когда так сады прелестны,
И можно сидеть под яблоней и есть с нее семена,
И слушать их рост в себе, и корни пуская в бездну,
Слышать, как кто-то рядом помнит всех по именам.
Тот, кто к нам обернулся.

***

От краюхи отщипнешь —
Горько, а под водку сладко.
Все у смертного возьмешь,
Кроме смерти. За оградкой
Для покойника стакан

Мужики накрыли хлебом,
И среди них ни жив, ни пьян,
Он сидит. Глядит на небо,
Улыбаясь — Благодать —
Глиняной несьютой тверди
Все безжалостно отдать.
Все, кроме бессмертной смерти.

***

С добрым утром, матушка моя.
Ты жива, а знать и я. И славно.
Значит, подождет еще земля,
Хоть ты и хлопчешь неустанно,
Каждый час взирая — как тут я...
Под твоей настойчивой рукой
Не устал еще? Ее не сбросил?
И готов к тому, что упокой
Заколотит дом мой в эту осень
Деревянной строганной доской?

ОДИНОЧЕСТВО

Геннадий Андреевич не спал уже несколько минут, но до сих пор с трудом сознавал, где находится. Он смотрел на потолочную плитку, на серо-голубое небо через щели в жалюзи. Боками и бедрами чувствовал твердые края стульев, на которых лежал, укрытый жилетом.

Пора было подниматься, выключить будильник, спуститься из конференц-зала вниз, на вахту. Заварить кружечку кофе, между делом заполнить журнал передачи смены, может, поболтать со сменщиком. Но было как-то тягуче и туманно, лениво, но уже бессонно.

К тому же воскресенье. В воскресенье в медицинском центре, кроме сторожей, утром принимающих смену, никого не ждали. Можно было полежать еще часов до семи утра, даже до половины восьмого.

У Геннадия Андреевича затекла нога, внутри нее серебрилась и искрила боль. Геннадий Андреевич приподнялся, убрал жилет и начал разминать ногу. Скоро боль успокоилась. Бока, онемевшие от твердости стульев, остыли и перестали ныть.

Выключив будильник, Геннадий Андреевич закрыл зал и спустился на вахту. Сменщик Сергей ел нектарины, поглядывая то на камеры видеонаблюдения, то в свой ноутбук.

— Доброе утро, — сказал Геннадий Андреевич. — Ну, как у нас всё?

— Доброе. Да спокойно вроде.

— Чайник-то горячий?

— Ага.

— Кофейку, что ли, бахнуть...

Выкинув косточки, Сергей вытер руки и сказал:

— Вы, Геннадий Андреевич, сегодня пораньше идите. Я жду смену.

---

* Студент ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Ю. В. Казарина, 2 курс). Живет и работает в Екатеринбурге.

— Ага, хорошо. — Геннадий Андреевич залил пару ложек кофе кипятком, отхлебнул, приговаривая: «Хорошо-то как, господи», — и шурясь в окно на несколько кустов туи, забывшись, сказал неожиданно сам для себя: «Наверное, к детям сегодня поедем с супругой...»

Геннадий Андреевич так и стоял несколько секунд, улыбаясь, пока за горло не схватила тяжелая, густая боль, угрожающая хлынуть слезами. Каждое утро он вновь и вновь вспоминал, что супруги уже нет в живых.

— А... — неопределенно ответил Сергей.

Геннадий Андреевич как будто отяжелел. Отхлебнул еще кофе, уже не приговаривая. Вспомнил про таблетки. Налил в чистую кружку воды и запил.

Вообще, после операции ему полагалось много ходить, регулярные небольшие нагрузки для сердца, отказаться от вина или водки, хотя про последнее врач так и сказал:

— Грамм пятьдесят — восемьдесят в день можно, даже нужно для сосудов, но я же вас знаю... Вам все мало: после первой сразу вторая, и пошло-поехало...

Но даже на поминках и в мыслях не было опрокинуть хоть рюмку. Только после, когда гости разошлись, прибрав с собой недоеденные пироги, Геннадий Андреевич сел за кухонный стол, поставил перед собой бутылку водки и пил до самой полуночи.

В остальном Геннадий Андреевич придерживался рекомендаций врача. Супруга заставляла его ходить по шесть-семь километров в день, делать гимнастику и дыхательные упражнения, заниматься огородом.

Выпив таблетки и держа в руке уже кружку кофе, Геннадий Андреевич глядел на несколько кустов туи за окном, и именно они напомнили ему о проданной даче и том, что сейчас было бы самое время собирать картошку.

Зря он продал дачу — он и сам это понимал. И инструменты свои зря продал, и косилку, и бетономеситель, и мангал, который сам когда-то сварил из железных листов, и много чего другого. Зря он тогда ни сына не послушал, ни свояченицу, никого не послушал, уперся в свое: продам этот дом к чертовой матери и все, и точка.

И продал. Да что уж теперь говорить...

Геннадий Андреевич отхлебнул и отошел от окна. Подневольница тела — душа — просила хотя бы короткого разговора.

— Сереж, не знаешь, что у меня с телефоном?

— Что?

— Да всю ночь заряжался, а зарядка на двадцати процентах. Аккумулятор, может, сдох?

— А телефону сколько лет?

— Да слушай. Лет шесть, наверное, — Геннадий Андреевич покрутил в руках свой смартфон, подаренный когда-то сыном, и добавил: — а может и пять, хрен знает.

— Гнездо, наверное, расшаталось. Может, зарядник плохой стал. Может, у батареи ресурс просто вышел. Не знаю, Геннадий Андреич, смотреть надо.

Геннадий Андреевич подумал.

— У меня недалеко от дома мастерская есть, надо будет зайти сегодня, посмотреть.

Сергей ничего не ответил, и Геннадий Андреевич, еще немного постояв, отошел заполнять журнал. Бестолковый разговор. Геннадий Андреевич и так все это знал: и гнездо в телефоне расшатано, и заряд телефон не держит, и «тупит» иногда. Уже менять пора на какой-нибудь посовременней. Но от человеческого голоса вроде и легче стало.

Передавать по смене особенно было нечего: тревожную кнопку проверили, камеры видеонаблюдения работают исправно, из нарушителей территории только местные дворовые коты да иногда белки. Геннадий Андреевич расписался напротив времени сдачи смены — восемь утра, — хотя еще только доходило семь, в два больших глотка допил уже теплый кофе, собрал в сумку пустые пластиковые контейнеры из-под еды, оделся и попрощался с Сергеем.

Геннадий Андреевич сидел на трамвайной остановке, сложив на колени пустые руки. Против него на остановке сидела пьяная девушка и все никак не могла завязать шнурки на кроссовках. Она наклонялась к обуви, но неверные пальцы никак не захватывали шнурки, и она то бросала свою затею, то принималась вновь. То расправляла плечи, то сутулилась. Геннадий Андреевич недолго наблюдал за ней: скоро ее забрал трамвай, в котором она наконец успокоила свое бедное тело на сиденье. Геннадий Андреевич вновь смотрел на свои пустые руки. Ему вспомнился день, когда его хватил инфаркт.

Он тогда рубил дрова во дворе. Быстро вошел в темп: взял поленья, поставил на чурку, разрубил, убрал, снова поленья,

снова на чурку... Удары были четкие, труд похож был на песню, и тут удар прямо в грудь. Геннадий Андреевич выронил колун, взялся за сердце рукой, припал к земле.

Схватило и сжало, и ничего не вспоминалось: диафильмом не скользнула жизнь перед глазами, не было перед глазами ни детей, ни супруги, одна какая-то глупая, но совершенно ясная мысль: «Ни хрена я так теплицу и не сделал».

Благо, супруга не растерялась, и Геннадия Андреевича спасли, зашунтировали, подлечили в санатории, но теплицу он так и не поставил из-за какого-то своего суеверия.

На остановке его ждал трамвай 23 маршрута с раскрытым ртом, вбирая в свое нутро холодный воздух. Геннадий Андреевич хотел зайти, но что-то неведомое удержало его на скамейке до самого отъезда трамвая.

Домой не хотелось...

Геннадий Андреевич все-таки поднялся и пошел в сторону Шарташского лесопарка. Хотелось не хотелось, но домой было необходимо. Если прикинуть, думал Геннадий Андреевич, то через лесопарк как раз километров семь, что, в целом, укладывается в дневную норму по ходьбе.

Не сказать, что Геннадий Андреевич не любил пешие прогулки, на которые его силком выпихивала ныне покойная супруга. Скорее он был по другой части: полжизни отработал экспедитором, следом водителем, но уже в такси, а затем, после инфаркта, его списали, да так и прибился сторожем. Геннадий Андреевич не особенно представлял, чем занимается человек во время пешей прогулки. Тем более в одиночестве.

С супругой гулять было гораздо интереснее, хотя большей частью и молчали. Поначалу бродили вокруг деревни по полям и перелескам, когда надоело, супруга придумала маршрут в городе, половиной как раз в Шарташском лесопарке, половиной в районе, где жили. Так и ходили.

Умиравший без зарядки телефон завибрировал в холодной пустоте кармана. Геннадий Андреевич достал его и увидел уведомление из WhatsApp: «Доброе утро и хорошего дня!» И картинка с котом в шляпе и блестками. Это Татьяна из Челябинска. С тех пор, как сын купил ей смартфон, она постоянно присылала Геннадию Андреевичу различные пожелания, цитаты на картинках вроде «Счастье — это не состояние тела, счастье — это состояние души», пожелания доброго утра, на которые в последнее

время Геннадий Андреевич совсем перестал отвечать, отчего ему было немного совестно перед сестрой.

Геннадий Андреевич посмотрел картинку, улыбнулся и вышел в список чатов. Телефон беспощадно долго загружался, тогда как и загружать особо было нечего: в списке чатов осталось шесть человек, ровно как и в жизни Геннадия Андреевича. Кроме покойной супруги. Ни чат, ни номер ее он не удалил.

Последнее сообщение от нее пришло шестого августа в два часа после полудня. На него Геннадий Андреевич так и не ответил из-за какого-то своего суеверия. Он заходит иногда и перечитывает всю переписку, сохранившуюся в телефоне, которой уже лет пять или шесть, в которой супруга еще жива и не знает, какие их ждут несчастья.

Список чатов наконец загрузился. Список оставшихся без ответа сообщений на давно треснувшем экране, на сломанном телефоне. Геннадий Андреевич убрал его в тепло: нагрудный левый карман.

Продребезжал пустой трамвай в сторону города. На конечной остановке бродяга хотел сигаретнуть, но Геннадию Андреевичу нечего было предложить: врач запретил курить.

— Может, хоть пару рубликов найдется? На проезд не хватает.

Но и мелочи не нашлось. Геннадий Андреевич никогда не давал мужикам на опохмелку. Хотя никакой злости и презрения к ним не испытывал, даже к соседским пьяницам, которые лет двенадцать тому назад сломали лавку у его подъезда, за которую до сих пор извиняются. Супруга запальчиво тогда выскочила на улицу со сковородой и грозилась поубивать их всех к чертовой матери.

Может, это и странно, может, это и «русская душа», но что двенадцать лет назад, что по сей день соседские пьяницы все те же и совсем не меняются. Все так же ищут на опохмел утром и ждут восьми утра, когда начнут продавать шкалики. Лица у них такие же грязные, опухшие, поддатые. Двенадцать лет за один день, тогда как Геннадий Андреевич успел сменить две работы, пережить инфаркт, похоронить жену, продать дачу.

Даже постарел, но это не точно. Во всяком случае, только болячки и таблетки напоминают о старости, ноющие суставы да тяжелая голова по утрам. И внучка иногда говорит, что «деда колючий».

Она смешная — и, подумав о ней, перешагивая железнодорожные рельсы, Геннадий Андреевич решил, что вечером, пускай и один, но в гости к сыну поедет.

Она смешная, но плаксивая. Когда ей исполнилось шесть и Геннадий Андреевич учил играть ее в шахматы, она мучилась и рыдала, и никак не могла понять, почему конь ходит не прямо, а буквой Г, для чего нужна рокировка и как вообще рокироваться. Но все равно, когда Геннадий Андреевич с супругой приходили в гости к сыну, в первую очередь лезла к деду с шахматной доской.

Но сейчас она вряд ли начнет доставать шахматами — Игорь, сын Геннадия Андреевича, купил ей щенка самоедской лайки, и они вдвоем держат весь дом на ушах.

Геннадий Андреевич улыбался и даже засмеялся, когда входил в лесопарк. После трамваев, машин, трассы стало загадочно и тихо. Руки в карманах порядком озябли. В глубоких бороздах таился белесый хрустящий лед. Вдалеке беспокойно лаяли псы.

Некая светлая радость обнажала лес. Воробьи чирикали и бесновались с ветки на ветку, засакивая иногда на невысокие березы, легким птичьим крылом стряхивая с них листья. Ветер молчал, но иногда подкрадывался за воротник или в карманы. Где-то кричала синица, но так и не получала ответа.

Хотелось недолго и просто плакать.

Геннадий Андреевич немного ускорился, хотя колени уже поламывало. Идти до озера было откровенно скучно. Ничего не вспоминалось, ни о чем не думалось. Сами мысли как-то исчезли из головы, и Геннадий Андреевич никак не мог ухватиться хоть за одну, основательно ее продумать, как-то проговорить с собой. Ничего кроме механического движения вперед и какого-то комка жалости и сожаления, что решил на эту дорогу.

Бессмысленно, казалось ему, быть вот так ранним утром в лесу. Среди этих птиц, молчаливых деревьев, этой холодной проклятой осени, когда не хочется ни возвращаться домой, ни оставаться на работе, быть нигде и сразу же везде и во всем. Быть вот так соглядатаем себя самого, своих движений, своих рук и ног; своих ботинок, которые забыл протереть с вечера, пальцев, которые от холода с трудом сгибаются, вот так, наконец, единственным человеком в лесу.

Но вдалеке, на небольшом каменистом полуострове, словно в кадре из фильма, стоял рыбак. Иногда он одергивал удочку,

поднимал ее, оглядывал пустую блесну, размашисто забрасывал обратно. Геннадий Андреевич хотел было подойти к нему, спросить о рыболовных успехах, но человек вряд ли искал в озере улова.

Пройдя дальше, Геннадий Андреевич остановился и смотрел на тихие волны, бьющиеся о мягкий, мшистый берег. Одним взглядом сложно охватить все озеро — солнечная улыбка ослепляет, дрожит на воде. Как бы охватить взглядом всю жизнь за раз, одной длинной панорамой событий и чувств, как бы незначай.

Далекий берег, бездонное двойное небо, двойное солнце только нагоняли тоску и подбивали ком в горле хлынуть слезами. Геннадий Андреевич еще раз попытался объять озеро взглядом и заторопился домой, куда из-за замерзшего тела уже тянуло, но еще не хотелось.

***

Геннадий Андреевич не спал уже несколько минут, но до сих пор с трудом сознавал, где находится. Он смотрел на потолочную плитку, которая местами по углам отклеилась, на незаконные тревожные сумерки через щель в шторах. Телом чувствовал жар одеяла, боками и бедрами ноющую боль.

— Ирин...

Подушка рядом с ним была пуста и не смята. От нее пахло свежестырированным бельем. На полу лежал телефон, зарядившийся на двадцать процентов.

Геннадий Андреевич приподнялся, опустил ступни на холодный ковер. Голова до сих пор была тяжелая, сознание словно загущенное, сонливое, а как он добрался домой после озера, не может вспомнить. Предметы вокруг были темны. Телевизор с опущенным на экран уголком салфетки. Под ним, друг на друге, видеомагнитофон и dvd-плеер, кассеты и диски в коробках. Стародавний сервант с сервизами и книгами, фотографиями родственников, внуков, супруги. На столе, укрытом скатертью, стояла миска с фруктами, к которым уже давно никто не прикасался, и они засохли. На одном из двух кресел спал кот.

Геннадий Андреевич сидел, сложив пустые руки на колени. Комната навалилась на него, сбившись в одно нечто необъяс-

нимое, невыразимое. Хотелось скорее уйти, но даже не из квартиры, а как-то из себя, как-то отделиться от этой обстановки.

Через некоторое время Геннадий Андреевич заправил постель, побрился, чтобы не быть колючим, надел чистые вещи, выпил кружку кофе и пошел в супермаркет. Там его встретило тепло переполненных товарами полок. Геннадий Андреевич набрал весовых конфет, немного кешью в мешочек, несколько пакетиков сока и один киндер.

Из широкого окна супермаркета виднелся новый жилой комплекс, высившийся двадцатипятиэтажной стеной с гирляндами светлых окон, простой архитектурой, в котором дети взяли квартиру в ипотеку.

Геннадий Андреевич, пока шел к ним, хоть и не хотел вспоминать сегодняшнее утро, но оно все равно цеплялось за память замерзшими пальцами. Холод сковал его лицо и уши, а от озера до дома он едва ли не бежал, не обращая внимания уже ни на лай собак, ни на боль в коленях, ни на дворников или случайных прохожих. Подлая осень совсем застала его врасплох, ветер хищно набегал за воротник и в карманы, подгонял и только раздражал.

С великим терпением он добрался до квартиры, запер за собой дверь, не раздеваясь сел на заправленную постель и впервые за несколько месяцев бессмысленно и просто заплакал. Из-за холода, злости, обиды, безвыходной замкнутости стен, старых обоев, серванта с сервизами и ковра над постелью. Из-за проданной машины, дачи, из-за того, что он еще жив, а она уже нет.

Даже кот, немного посмотрев на сторбленного, сидящего на краю постели Геннадия Андреевича, помолчал и ушел. Внутри Геннадия Андреевича падало небо, рушились города, под ветром ломались спины деревьев, а сам он молчал, смотря на свои пустые ладони.

Пока лифт поднимался на двадцать первый этаж, Геннадий Андреевич читал рекламные объявления на стенде и старался не думать, что с каждой секундой пустота под лифтом угрожающе растет. Ему было немного волнительно — с детьми он не виделся уже около месяца.

В квартире жарко пахло пирогами и пельменями. Лена встретила его радостно и ласково. Она крикнула в гостиную:

— Аня! Иди деда встречай!

Первым из гостиной выбежал щенок Дарик, а за ним Анечка. Она бросилась на шею Геннадию Андреевичу и повисла. Дарик толкался и тоже лез обниматься.

— Да подожди ты! Господи! Сейчас и до тебя дойдем, — Геннадий Андреевич игриво оттолкнул собаку, но Дарик скулил и подвывал. — Ну, привет. Как у тебя дела?

— Хорошо, деда. Что принес?

— Ой, Аня, — сказала Лена, с заботой оглядывая свой «детский сад», — тебе лишь бы конфеты лопать.

— Да вот, держи.

Но не успела Анечка принять пакет, как в него засунул свой любопытный нос Дарик, от чего Анечка бросилась в гостиную вместе с пакетом, а Дарик за ней. Как будто опомнившись, он развернулся и побежал обратно к Геннадию Андреевичу.

— Привет, Бабарик! У-ух! Тяжелый стал! — собака приступом пыталась уронить Геннадия Андреевича, все скулила и суетилась. — Сколько ему уже?

— Полгода как. Пятнадцать килограмм весит. Пойдем на кухню, пап, — Лена сразу, как вышла замуж за Игоря, стала называть Геннадия Андреевича отцом. — Тебе чай или кофе?

— Я бы кофейку бахнул, — Геннадий Андреевич наконец отбилась от собаки и разулся. — Поставь чайник, я с Анечкой посижу.

— Ага, пельмени все равно пока варятся.

— А, Лен. Игорь-то еще не пришел?

— Написал, через минут двадцать будет. Как обычно.

— Рано я, значит.

— Да нет, пап, нормально.

Геннадий Андреевич с Дариком зашли в гостиную, где Анечка уже распаковывала киндер. Дарик сразу по-хозяйски запрыгнул на диван и возвысился над небольшим беспорядком, «улыбаясь», словно гордясь сам собой. Всюду валялись фломастеры, раскраски. На телевизоре был включен YouTube с мультфильмом про некую леди Баг.

— Деда, будешь? — Анечка протянула Геннадию Андреевичу половинку шоколадного яйца.

— Нет, ешь, дорогая.

Дарик тут же освоился и попытался забрать половинку.

— Ой, Дарик-то, а Дарик!

— Деда, да ему лишь бы съесть что-нибудь. Он вчера у мамы половинку картофеля забрал, а еще, знаешь...

Дарик лег на колени Геннадию Андреевичу и явно наслаждался излишним вниманием и поглаживанием за ушком. Анечка тараторила так быстро, что Геннадий Андреевич не успевал даже спрашивать. Она рассказала и про садик, и про воспитатель, и про девочек, и как она уже хочет в школу, и многое-многое, но в шахматы играть не просила: видно, совсем забыла и про обучающую книжку, которую ей когда-то подарил Геннадий Андреевич. Впрочем, он и сам, сидя в гостиной, одной рукой глядя собаку, забыл про всякие шахматы.

Было шумно и радостно, но вдруг Дарик замер, наострил уши. В его взгляде читалась мысль. Даже Анечка удивилась и замолчала. Дарик неожиданно бросился к входной двери, зацокал когтями по паркету, и тут же несколько раз громко прощелкнул замок.

Игорь пришел. Его встретили все вместе. Первый, конечно же, Дарик, затем Анечка.

— Привет всем! Лен, возьми сумку. Здорово, пап!

— Привет, Игорь. Ну, как ты?

Мужчины пожали руки. Дарик встал на задние лапы, уперевшись передними в Игоря, и просился обниматься.

— Ну, привет, Облачко! Ух! Ну-ка! Нигде сегодня не напакостил?

— В гостиной два раза нагадил, — раздраженно сказала Лена.

Игорь снимал верхнюю одежду и обувь.

— Лен, ладно тебе, — вмешался Геннадий Андреевич. — Они до года все такие. Ему потом стыдно станет гадить, начнет терпеть.

— Во-о-о-т, пап, я ей то же самое говорю.

— А я говорю продать эту собаку. Стыдно ему будет, ага! Ладно. Мой руки, Игорь, и пошли к столу. Аня, ты тоже иди собирай игрушки и мой руки.

Анечка убежала. Дарик за ней. Геннадий Андреевич помыл руки на кухне, а Игорь в ванной, и под шум воды он крикнул неосторожно:

— У нас в офисе еще двоих на карантин закрыли. У обоих ковид, у одного сорок процентов поражения, второй температурит. Походу, вообще всех на удаленку переведут.

Лена размешивала в мисочке уксус с водой и не видела, как Геннадия Андреевича передернуло. Его лицо болезненно напрыглось, и он смотрел на накрытый стол и тарелки. Не хватало одной рядом с ним.

— Деда, смотри, — прибежали Анечка с Дариком. У Анечки в руках была аппликация в виде гербария из кленовых листьев и веточки рябины с ягодами.

— Да, дорогая. Красиво как.

— Это я для тебя сделала.

— Спасибо, дорогая.

— Аня! — прикрикнула Лена. — Ты помыла руки?

— Да ма-ма! Смотри, я сама собирала, а вот этот...

— Бегом в ванную!

Геннадий Андреевич улыбался, но аппликация в руках подрагивала. Дарик постоял, посмотрел на него и убежал за Анечкой.

Скоро все собрались за столом. Отужинали домашними пельменями, которые Анечка разламывала и съедала только начинку, а тесто незаметно отдавала Дарику, за что Лена ее ругала. Игорь смеялся и обстоятельно разговаривал с отцом о работе, машинах, что свою уже зашкурил и собирается красить. Геннадий Андреевич убеждал его, что лучше снять покрасочный бокс, нежели застилать стены гаража клеенкой и красить, — пыль все равно попадет под краску, даже если застелить и потолок. Просидели так долго, — Анечка с Дариком убежали играть в комнату, а пирог в духовке уже доходил, но Геннадий Андреевич с сыном так и разговаривали о ценах на краску, запчастях для ходовки, что где стучит...

Лена скучала, прибирала со стола и не вмешивалась в мужской разговор, хотя и пустое место рядом с папой напоминало о желании поговорить на не связанные с машинами темы. Скоро она достала пирог, дала ему отстояться и порезала. За чаем она спросила:

— Ты, пап, отдыхаешь завтра?

— Да, а что?

— Да мы тут с Игорем по грибы собрались, поедешь с нами?

— Конечно, поехали.

— Только без этой собаки.

В коридоре когти зацокали о паркет. Появился Дарик и, улыбаясь, выжидающе смотрел. Но ответа не дождался и убежал к Анечке.

— Поехали, а во сколько?

— Да, думаю, выспимся, пока раскочаемся, поедим, соберемся. Часов в одиннадцать, наверное.

— Ну, — добавил Игорь, — я там в гараж съезжу, инструмент выложу, и погнали.

Геннадий Андреевич внутренне радовался, но ответил сдержанно.

— Вот и хорошо. Позвоните... А... Игорь, не знаешь, что у меня с телефоном?

— Что?

— Да вот, не заряжается ни хрена, все на двадцати процентах держится, — Геннадий Андреевич достал из нагрудного кармана жилета телефон и протянул Игорю.

Тот повертел его в руках, подумал и встал из стола.

— Сейчас приду.

— Ты куда? — спросила Лена, но ответа не получила: Игорь вышел из кухни. Она обратилась к отцу: — А что у тебя с ним? Вообще не заряжается?

— Да не знаю. Время, походу, пришло. Забыл сегодня в мастерскую зайти.

— Купил бы новый. Они дешевые сейчас. Ну, или в кредит.

— Не хочу я кредиты. Хоть в петлю полезу, но кредит больше ни за что не возьму.

— Да брось, че говоришь такое!

Вернулся Игорь с двумя телефонами и зарядником.

— Во. Держи, — он протянул отцу телефон, — я себе новый купил. Я не говорил тебе? Где он?

— Аня там Ютуб смотрит, — сказала Лена.

— Че он такой здоровый-то? — спросил Геннадий Андреевич, осматривая телефон со всех сторон. — Натурально лопата, куда мне такой?

— В смысле? Фильмы смотреть. Да и привыкнешь, я тоже сначала плевался, что такие здоровые делают, а ходил полгода и привык.

Геннадий Андреевич с недоверием и тихой радостью осматривал подарок. Куда ему такой большой экран? Фильмы можно и на телевизоре посмотреть. В WhatsApp он все равно никому не пишет, страницы в «Одноклассниках» у него нет. Звонить и с маленького можно, а этот даже в карман не поместится.

— Вот попробуешь и поймешь, — сказал Игорь, быстро нажимая что-то в телефоне. — Сейчас, я тебе аккаунты синхронизирую, у тебя все фотки и контакты сразу здесь будут.

Геннадий Андреевич хотел, но не стал вдаваться в подробности. Он отдал Игорю уже свой новый телефон, а сам принялся тихо ждать. Ему было тепло и хорошо. Не хотелось допивать чай и уходить, но время приближалось к позднему: Анечке пора было укладываться спать.

Лена положила Геннадию Андреевичу пельменей в пластиковый контейнер, несколько кусков пирога обернула пергаментной бумагой и затянула шпагатом. В прихожей расставались недолго и весело. Анечка тараторила. Дарик лез обниматься. Лена обещала позвонить к одиннадцати. Игорь нахваливал телефон. Геннадий Андреевич все пытался насмотреться на них, словно вновь они расстанутся надолго. Он улыбался Анечке: она ни разу не сказала, что деда колючий, а аппликацию сложил в файл и обещал беречь, как сокровище.

Но когда за ним захлопнулась входная дверь квартиры детей, он вновь остался один. В свежей чистоте подъезда, быстроте лифта, пустота под которым с каждым этажом неумолимо сокращалась; холоде улицы, переполненности придомовой стоянки. Геннадий Андреевич стоял у подъезда, держа в руках пакет с едой и аппликацией, и хотел вернуться, но не к детям, а куда-то в другое место, о котором и сам ничего не знал, но в которое его тянула беспощадная густая боль в горле. Туда, где все было бы хоть немного иначе, туда, где либо она еще жива, либо он уже мертв.

СВЕТ ЖИЗНИ

Чтобы не возвращаться в контору раньше двух часов дня и не заниматься унылыми делами вроде подшивания бумаг, Михаил все обеденное время проводил в кафе неподалеку от офиса. Делал скромный заказ — чашку зеленого чая, садился в дальнем углу зала и читал фантастику.

Таким нескучным образом он обедал последние несколько лет. Точно сказать даже сам Михаил не сможет, если только крепко задумается, переберет, разложит стародавние события своей жизни и вздохнет неуверенно и с легким сомнением:

— Лет шесть, наверное... Или пять... Да...

Сегодня был «Пикник на обочине», спокойный эмпбиент из колонок, легкий снегопад за окном. Не читалось. Хотелось прикорнуть на часик-другой, и совсем уж не возвращаться в контору, бюрократию, канцелярию, а поехать домой, в тихий приют. К своей кошке, телевизору, дивану.

Зазвенели китайские колокольчики у двери. Михаил одернулся. Поднял взгляд и увидел вошедших, румяных от холода мужчину и женщину. Она не заметила Михаила. Мужчина окинул взглядом пустые столики и повел ее к одному из них, в дальнем углу.

У Михаила что-то дрогнуло в груди, оборвалось, треснуло где-то возле легких. И мягкий, кошачий профиль лица, и пышные рыже-каштановые волосы, и строгая осанка, и звонкий смех, — это была она, которая однажды своим исчезновением обещала больше не возвращаться.

Михаил опустил взгляд обратно на страницу. Он уже не различал ни слов, ни смысла, ни значения.

Впервые он встретил ее может четыре, а может и три года назад. Михаил и сам затруднится сказать точно. Встретил на главпочтамте, откуда каждое утро отправлял письма из конторы. Она была новым оператором в третьем окне. Белая блузка, приталенный синий жакет с бейджилом, — Ольга Дмитриевна, — потерянный взгляд, неловкость рук. Она нервничала, часто ошибалась, работала нерасторопно, чем задерживала очередь, вроде и понимающую, но рассерженную, за что девушка постоянно получала громкий нагоняй от администратора.

Однажды случилось, что в очереди перед Михаилом стояла дотошная пожилая женщина, и пререкания Ольги с ней до того измучили девушку, что когда она, не поднимая глаз, приняла у Михаила пачку писем, он заметил на ее тонких и частых ресницах слезы.

Михаила это проняло до дрожи в висках. Ему хотелось сказать нечто ободрительное, успокаивающее и нежное.

Михаил корил себя за то, что ограничился простым:

— До свидания. Всего доброго.

И что всегда ограничивался с ней простой вежливостью и, как ни старался, не мог завести разговор на отвлеченные от работы темы. Он видел ее каждое утро. Она не замечала Михаила. Она вообще редко поднимала взгляд выше экрана монитора.

Однажды Ольга зарегистрировала несколько писем и неожиданно хихикнула. Михаил заглянул на ее рабочий стол. Ничего предосудительного и смешного он не увидел.

— Там что-то не так с письмами?

— Да нет... Нет.

Девушка, прикрыв ладонью рот, смеялась. Михаил глядел на нее испытующе. Она наконец успокоилась и протянула Михаилу три письма.

— Смотрите.

Михаил осмотрел их. Все в порядке. Он сам проверял их сегодня. Отправитель, адресат, индексы — все написано разборчиво и четко.

— Так что с ними? Не пойму.

— Да вы получателей смотрите!

И Михаил, перелистывая письма одно за другим, тоже засмеялся.

— И правда! Зайкова, Галкина, Волкова!

— Вы их, наверное, в зоопарк отправляете!

— Да нет, — сказал Михаил полусерьезно, не поняв шутки, — это исполнительные листы. Хотя я не удивлюсь, если дальше будет какой-нибудь Медведев или Лосев.

Девушка ловко, по-женски убрала волосы за ухо, взяла следующее письмо. Она неожиданно захохотала и вновь, прикрыв ладонью рот, свободной рукой протянула Михаилу письмо.

Получателем была некая Лисица.

Они смеялись, переглядывались, порозовели, удивляясь неожиданному совпадению, чем вызвали возмущение и негодование очереди.

Успокоившись, Ольга закончила работу и, отдавая чеки и списки, девушка сказала:

— До завтра! Только без зоопарка!

— Конечно! Досвидания всегодоброго, — пропел Михаил.

Он думал о ее смехе весь день.

На следующее утро Михаил занял очередь в ее окно. И на следующее. И так впредь до введения электронной очереди месяца через два, а может и все четыре. Михаил и сам затруднился бы сказать точно.

Утренняя рутина в конторе, перекрестки, лица, машины, почта — все вокруг окрасилось для Михаила смыслом, нежно-

стью, — оператором Ольгой из третьего окна, девушкой с ласковым прищуром и лучиками морщинок по краям смеющихся глаз.

Хотелось жить. Вечером — чтобы скорее наступило утро, а утром — чтобы оно никогда не кончалось. Хотелось быть с Ольгой, знать ее, стать частью ее, что называется жизни, разделить с ней что-то свое, свои переживания, мысли, рассуждения. Но чем больше Михаил увлекался ею, тем меньше находил нужных слов для встречи, надеялся, что судьба сама все рассудит, стоит только подождать.

Рассудила сама Ольга.

— Встретишь меня после работы? — однажды спросила она. — Погуляем.

— Да, конечно. Я не против, — спокойно ответил Михаил, хотя в душе ликовал, и весь остаток рабочего дня провел в волнении.

То было, кажется, поздней осенью. Было зябко, ветрено, тревожно. В парке было пустынно, в желтых кругах фонарей неопределенно тоскливо. С тополей ручьями стекали листья. Селезни и утки вылезли из пруда на берег и спали, уверенно стоя на одной лапе. Набегал ветер и забирался под воротник.

Ольга сама взяла Михаила под локоть. Она много и без умолку говорила.

Тогда она спросила впервые:

— Ты никогда не думал уехать?

— Куда, например?

— А на юг!

— Делать там нечего. Работы нет, жарко, а море надоеет уже через неделю.

— Да ну тебя! Везде есть работа, и юг — это не только море, Крым и так далее!

— Чем тебе Екатеринбург не угодил?

— Да не знаю. Устала я. Каждый день одно и то же. Те же лица по утрам в трамвае, те же бабки на почте, те же курьеры, та же ругань, администратор моя сумасшедшая, которой вечно что-нибудь не нравится, та же рутина к вечеру, когда всем неожиданно нужно отправить по сорок писем! Занимают очередь сразу в четыре окна и бегают туда-сюда! Нагрузки, зарплаты — да много чего! И так каждый день, Миша. Каждый.

— Да уж, — попытожил Михаил.

— Прости... Устала за день. — Ольга подумала и добавила: — У меня есть тетка. Под Ростовом в деревне живет. У нее там и дом свой, и сад, и огород... А вишня какая там! Она мне фотографию присылала, знаешь, сколько она собрала вишни в этом году?

— Сколько?

— Два тазика! Полных! А еще сливы, черешня, персики.

Михаил невольно засмеялся.

— А что? Что смешного? Живешь постоянно в тепле, а не в этом подлом климате, то дождь, то снег! Сам держишь и дом, и сад, сам картошку копаешь, сам все для себя делаешь. Вот это я понимаю жизнь, а не вот это все!

— Ты идеализируешь.

— А если... — голос Ольги неожиданно оборвался на полуслове. Она притихла и ни о юге, ни о вишне больше не заговаривала.

Михаил не придавал значения ее словам. Но ночью, измученный бессонницей, постоянным переворачиванием подушки холодной стороной вверх, он все-таки задумался: а как это? Бросить работу, квартиру, кошку, знакомых и уехать, надеясь, что где-то там теплее и лучше, что там жизнь иначе, чем здесь. Променять обжитое на неизвестное.

За этими мыслями на Михаила накатила сон, в котором он ничего не видел.

По утрам Михаил отдавал Ольге письма на отправку, а вечером встречал после работы. По субботам ходили в кино, или ужинали в кафе, или заказывали еду на дом. Ольга оставалась у Михаила на ночь, но съезжаться или говорить, даже полутонами намекать о серьезных, близких отношениях и, боже упаси, о браке, Михаил не решался, а Ольге было, видимо, все равно. Иногда, просыпаясь в тревожной предрассветной тишине и полубождая Ольгу, Михаил задумывался.

Он никогда не покидал Екатеринбурга. За почти тридцать лет не видел живую ни Красной площади, ни Исаакиевского собора, даже в соседний Челябинск не было нужды ездить, а тут Ростов, юг... Да кто там и что там, когда здесь все свое, родное, и работа, и квартира, вклад в банке, кошка, знакомые... Для чего сниматься с привычного ради неизвестного?

Холодало. Выпавшим снегом зима вошла в свои пределы, основалась и не собиралась смягчаться, отступить. Перекрестки со временем закисло в грязной снежной каше, химикатах. Люди

поскальзывались, спотыкаясь о свои надежды. Немилосердное уральское небо день за днем остывало, обесцвечивалось, обрушивалось серой тяжестью на дома, черные, голые деревья, подлые, скользкие тротуары. Город замерзал, индевел, но со временем все привыкли к стонущим сквознякам неплотно закрывающихся дверей троллейбусов.

Ольга чахла. Ее охватила спонтанная идея, обернувшаяся вскоре планом навсегда променять мерзлую уральскую почву на жирный южный чернозем. Казалось бы, сущий пустяк: дотянуть до апреля и уехать к тетке в деревню под Ростовом.

Но когда она выдала Михаилу свой план, он задал последовательно-логичный вопрос:

— Почему не сейчас? Уволься, получи неиспользованные отпускные, аванс, и езжай?

Ольга осадилась, нахмурилась и ответила нерешительно:

— Не сейчас. Сейчас не время.

— Оль, — продолжал Михаил, — скажи, разве за полгода что-то изменится? Я не могу удерживать тебя силой. Хочешь — езжай. Но что случится апрелем?

Ольга вздыхала. Она сказала тихо:

— Я не могу одна.

— А я не могу поехать с тобой. Это безрассудно.

— Почему?

— Потому что там для меня ничего нет. Ты разве не понимаешь, что это ребячество? Что ты хочешь найти на своем юге?

— Что хочу! — вспыхнула Ольга. — А здесь что? Работа два через два, каждый день одно и то же, письма, письма, письма! А сам-то что улыбаешься? Думаешь, я не знаю, как у тебя в конторе? Те же посиделки на кухне до десяти, сплетни, тот же поганый запах кофе на весь офис, «здравствуйте», «доброе утро», «согласовано», «согласуйте», «а вы мне доки на отправку согласовали?» Бумажки, конверты, марки — как меня все это! Не жизнь это, а не знаю что...

Ольга сидела на краю расправленного дивана. Она мяла край простыни, глядела куда-то в линолеум. Михаил помолчал немного и спросил:

— А что тогда жизнь?

Ольга грубо отерла ладонями щеки. Она ответила. Михаил не был удивлен.

— Свой дом и сад.

Тяжелое молчание разрешал только свист ветра в прикрытой форточке.

Ольга, опершись о край дивана, неуклюже поднялась. Она отошла к окну. Пальцами отодвинула занавески. В законной тишине машины иногда шуршали колесами. От форточки дуло. Ольга вернулась на диван.

— И что? Так будет всегда?

— Что всегда?

— Ну, знаешь... Одноцветно как-то. Все повторяется, все механично настолько, что кажется, будто жизнь проходит быстрее, чем есть на самом деле. Ты не замечал? Мы делаем миллионы одних и тех же действий, а мозг просто пропускает их мимо сознания. Делаем то же, думаем о том же. Ни люди, ни увлечения, ни даже секс — ничего не приносит удовольствия. А город, он как будто сдавливает. Дома, улицы, бесконечные балконы, бесконечные коридоры людей в трамваях, троллейбусах, эти консервные банки несчастных маршруток, бесконечные пробки утром в центр, вечером из центра. Монотонно... Словно берешь из одной пачки письмо, клеишь марки, ставишь печать — и в другую пачку, и по новой. А их сотни. Их тысячи. А ты сам ничтожный какой-то в этой огромной, мировой суете.

Дослушав, Михаил приподнялся.

— Оль, тебе всего двадцать два. Учись, живи, люби, ошибайся. Ты ведь сама создаешь свою жизнь. Для чего эти сказки, будто где-то лучше?

В комнате было темно. Ольга обернулась к Михаилу.

— А ты создал? Тебе двадцать восемь, у тебя ни образования, ни карьеры, и работаешь ты курьером в какой-то конторке, и спишь ты на жалком диване, а не на нормальной кровати.

Михаил не ответил. Он лег обратно. Ольга легла рядом, его не касаясь. Молчали.

— Прости, Миш... — Ольга приобняла его и поцеловала в плечо. — Глупости все это.

И мысль, тревожащая бесконечную, однообразную карусель рабочих будней, как показалось Михаилу, отступила от Ольги.

Но в первых числах марта, как обычно придя на почту, в третьем окне он увидел не Ольгу, а незнакомую женщину.

Ольга исчезла просто. Разбирая жизнь, как говорится, по полочкам, Михаил не сможет точно описать чувства, когда Ольга перестала отвечать на звонки и заблокировала его в WhatsApp.

То была скорее глубокая неопределенная меланхолия. Мир казался пустым в своей необъятной бессмысленности.

Каждый день возвращаться в бледную квартиру в одно и то же время, ночью засыпать на остывающем от сквозняка диване в черном кубе комнаты с тусклым, крохотно-зеленым индикатором зарядки телефона. По утрам заглядывать в одну и ту же булочную и покупать багет с сыром и чесноком, в обед пить зеленый чай в кафе недалеко от офиса...

Жить подобно инерционной машинке, попутно размышляя о вечной жизни и китайской лапше на ужин. Развозить документы и письма по организациям. Никогда более не видеть и не вспоминать мягкого кошачьего профиля девушки-оператора из третьего окна.

Весна проступила черемуховым цветом только к концу апреля. Сугробы давно иссякли и растаяли, уступая место в грязных палисадниках одуванчикам и траве. За низкими оградами все так же по-зимнему плакали лебеди, вырезанные из автомобильных шин, а рядом с ними, в клумбах из тех же шин пробивались цветы. Но птицы и дети пели уже как-то особенно радостно, по-летнему. По-летнему же завывал бродяга-ветер на задворках супермаркетов, по-летнему плыли облака.

Даже свою меланхолию Михаил ощущал иначе, тоже как-то по-летнему. Хотелось жить, улыбаться прохожим, улыбаться начальнику, улыбаться своей кошке, которая в ответ чихала и фыркала. Улыбаться и прикрывать этой улыбкой, словно позолоченной маской, череп, неопределенное смятение, безнадежность.

Ольга появилась неожиданно, прямо под первомайские каникулы, когда Михаил просыпался в девять и ложился в девять и из дому выходил только за продуктами. Она появилась тройным неловким стуком костяшек тонких пальцев о входную дверь.

То было, кажется, под вечер, когда Михаил дремал в кресле, прижав ладонь к виску и уронив книжку на пол.

Он поднялся разбито, неуклюже, ожидая рекламных агентов, свидетелей Иеговы и прочих несчастий.

— Оля?

Она была в тонком летнем платье, с пустыми руками, смятенным взглядом.

— Привет. Я тут это...

Молчали.

— Тут это... Зайду?

— Конечно.

Михаил пропустил ее в коридор. Отер ладонями сонное лицо. Ольга стояла, перебирая пальцами подол платья.

— Не будешь проходить?

— Да нет, я ненадолго. Я так. Это. Попрощаться.

Михаил отошел к проходу на кухню и сел на пуфик. Он скрестил пальцы в замок.

— Я думал, ты еще в марте уехала.

— Да нет. Нет, я просто уволилась. Надоело.

Молчали.

— У тебя, кстати, ничего не изменилось. Где твоя кошка?

— Гуляет где-то.

— Зеркало так же не протираешь.

— Забыл как-то.

— Пора бы. Вон, следы от моей помады еще остались.

Молчали. Не разжимая рук, Михаил потирал большими пальцами друг о друга.

— Я думал, ты уже уехала.

— Да нет. Я собиралась. Ну, в смысле, вещи там... С духом собиралась.

— Уезжаешь?

— Да... Подумала, некрасиво будет уезжать, не попрощавшись.

— Некрасиво было исчезать.

Она не ответила.

— Ну так все? Теперь точно?

— Да... Внизу такси, скоро поезд... Представляешь, кстати, столько ненужных вещей выкинула! С собой взяла только...

Она замолчала, видя, что Михаил ее не слушает, а только глядит на свои пальцы. Сухожилия на его кистях напрягались и сжимались.

— Ладно, Миш. Мне пора.

— Да, поезд скоро, говоришь.

— Обниматься не будем?

— Нет. Точно уезжаешь?

— Да.

— Ну! — Михаил поднял голову. Театрально развел руками. — Все когда-то уходят.

— Ладно. Может, увидимся когда-нибудь.

— Да что уж там... Хорошей дороги.

— Ты тоже сильно не хворай.

Ольга ушла. Михаил закрыл дверь и еще некоторое время стоял, прислушиваясь, как лифт поднимается на его этаж, затем спускается. В коридоре все еще пахло ее духами. Подойдя к окну, он увидел, как Ольга садится в машину и уезжает. Михаил сел обратно в кресло. Поднял книгу и положил на журнальный столик. Михаил смотрел на линолеум. Внутри него все тревожно молчало, и сам он, в сущности, еще не до конца осознал, что произошло. Была Ольга, и вот ее уже нет. Как сон, как ветер, как мгновение.

Кричали вороны. На сквозняке было хорошо, свежо. Иногда заносило запахом черемухи.

Порывистым движением Михаил взял телефон. Снова уронил книгу. Вызвал такси до вокзала. Быстро встал. В глазах потемнело. В висках набатом забилося сердце. Накинул на себя какую-то одежду, валяющуюся на незаправленном диване. Выбежал из квартиры, хлопнув дверью, не закрыв ее на ключ.

А дальше все как в тумане, в сплошной неразгаданной тьме... Салон такси, дрожь в груди, пропускной пункт на вокзале, толпы, чемоданы, электронное табло. Симферополь, Анапа, Ростов...

На перроне сутолока. Кто-то плачет, кто-то смеется, кто-то курит и прячет бутылку в наплечную сумку. Лица, лица, лица... Посадка заканчивается, а знакомого милого кошачьего профиля так и не видно. Значит, ошибся перроном. Какая малость, глупость. Пойти обратно, но нет. Ольга!

Он подскочил к ней. Вырвал билет из руки. Порвал его. Вырвал чемодан из руки.

— Нет!

Она обняла его. Заплакала. Колени подкашивались, не держали ее легкое тело в легком летнем платье.

— Не едешь... не едешь... Давай подождем, я соберусь, я куплю нам билеты, я соберу вещи, я отдам кошку, я продам квартиру, я сделаю все, что хочешь, я не останусь здесь без тебя. Уедем, уедем вместе, но не сейчас, подожди немного, подожди. Ну, что ты плачешь, ничего, ничего. Уедем... уедем и все.

Вагоны закрылись. Свисток. Буфера оглушительно хлопнули. Поезд тронулся. Провожающие плакали, махали. Кто-то шел, догоняя уходящий поезд.

У Ольги опустились руки. Пальцы разжались. Она прошептала:

— Бывает же. Как в кино.

— Да. Бывает...

Кошка чихнула и фыркнула. Михаил оглянулся на нее. Он сидел в кресле, которое теперь казалось ему убогим и маленьким.

Он просидел, не двигаясь, до полуночи, пока не начал замерзать на сквозняке. Город уже спал и видел сон о завтрашнем зное, счастье и ненастьях. Не закрывая форточки, Михаил лег в одежде на диван, кое-как укрылся простыней и пледом и тоже уснул.

А дальше все как во сне. Три или четыре года. Михаил и сам не скажет точно, но скажет, что все эти года словно свернулись в точку, сжались в один день. Словно их не было. Словно вообще ничего не было. Из детского сада сразу в кафе недалеко от офиса.

Зал заполнялся. Пора было уходить. Михаил закрыл книгу, не оставив закладку на недочитанной странице. Бросил в сумку к документам. Михаил подошел к вешалке. Надел пальто. Как бы невзначай оглянулся на знакомый профиль в углу. Девушка накручивала спагетти на вилку. Улыбалась.

А может, — подумал Михаил, — все это и было. Но настолько давно, что и вспоминать стыдно.

Михаил вышел. Его никто не заметил.

***

Мяты и донника не пожалеть —
Сон обнадежить...
Или достроить уже эту клеть,
Слово встревожить?
Отгородиться, ослабить силки,
Вымотать душу
И притулиться к исходу строки
Уши имущим.

***

...Ты в него не веришь,
Права жить не даешь,
А оно живет,
По ночам не спит и в себя поет,
И не чувствует этот гнет.

***

Сосуд гудебный, где твоя
Молчаньем скованная сила,
С которой прежде выносила
Я эту щедрость бытия?

***

Если случалось, что ветер неистовый
Переиначил твое естество,
Свода ночного холодными искрами
Правились прописи до одного.
Правились прописи, истины присные
Сердцу зачем-то дороже всего.

---

* Слушатель семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»).
Живет и работает в Екатеринбурге.

***

То ты рыдаешь с высот валуна
В пенные заводи руки роняя:
Жизнь обещаньям своим не верна,
Не доверяй им.
То ты поешь, раз уж норов таков,
Тысячей скрипочек на перекатах,
Выйдя из воли крутых берегов,
Жажду движенья в разливе запрятав,
Или поймав отраженье звезды,
Бег замедляя, коль нету нужды
Мчатся близ зарослей ивы, ракиты, —
В море земною судьбой перелитой...
Став Афродитой...

***

Путь не ведает, что он — путь,
Даль не помнит пути прямые.
Но однажды их кто-нибудь,
Вдруг, представит себе впервые
И зажжется, увидев цель,
Изначально мечтать охочий.
Новым годом лелея ель,
Где по рельсам стучит обходчик.

***

В квадрате выверенном сада,
Что мне — с собой?
Что мне — с собой
Под этой ветвью винограда,
Вступившей с ветром в ближний бой,
Где вчуже видится желанье
Коснуться, пригубить, прогнать,
И искушенье расстояньем,
Пока еще не пройден путь...
Но это чудное вниманье
К малейшей малости окрест
И восхищенье мирозданьем,
И будущему предстоянье
В цвету всевидящих берест...

***

Ближний свет — насущное, дорога,
Дальний — всё, чем заслонилась мгла,
Всё, на чем от спутницы двурогой
Патина всеведенья легла.
Сумрачные дали бытованья,
Ваши ли мне снятся голоса,
Или это предсуществованье
В слове обретает адреса?
Ближний... Дальний... Сны и откровенья...
Босиком по высохшей стерне...
И однажды, как благословенье,
Встречный свет увидеть в пелене.

***

Увязнет небо в облаках,
Дождю доверится река,
И тайн ловцы небесных — сети —
Дождутся снова рыбака.
И время, чуждым междометий,
Зацепит зреньем боковым
Кого-то так, чтоб не заметил,
Остался б только невредим.

***

Просто спать — не складывать слова,
Подгоняя их одно к другому,
Призывая чад к родному дому,
Загодя, в преддверье Рождества.
Просто спать и чувствовать щекой
Холодок от вмятинки в подушке,
За чужой строкой лететь послушно,
Принимая вечность и покой.

***

Стынуть у обочины,
Ветками звеня,
До тепла охочему
Не желать огня,
Для души отдушину
Не искать в ночи,

Воробьиной дюжине
Не кричать: молчи, —
И земли по имени
Отроду не звать,
В грозное полымя
Небо подпирать.

***

Запечатай уста золотым сургучом,
Где за каждым плечом громады:
То ли суша уже, то ли воды еще
И начал непочатые клады.
И когда — этот голос: и явь, и сон, —
Отвлечен, невесом, прозрачен,
Чтоб идти на него, будто с ним разлучен
Поневоле и переиначен,
Ты не спросишь, по силам ли это родство,
Если время проходит тобой сквозь него.

***

Вращайся, сонм неспешных дум,
Взвихри пространство силовое,
И, оседая, наобум
Прелейся в слово.
Так призывают облака
Над нивой, жаждою распятой,
Так тянется к руке рука
За помощью и за расплатой.

***

...Не о том, что — поле, овраг, река,
Не к тому, что — времени разворот,
И — звучит чуть слышно издалика,
А пойдешь на звук, и совсем замрет.
А живой воде — всех и вся жалеть,
Самой малой впадинке дань нести.
Не найти следа, под ногою твердь,
И почти пуста, а она — цвести...

***

Оплавля горячей стопой
Желтый лист и суглинок литой,
Ты бредешь вдоль дорог на восток,
Ничего не случится,
Разве только, — ночной мотылек
Или — птица...
И еще... полуночные сны
Изнемогших от зноя растений —
Те, что призрачной влаги полны...
Так предчувствуют стихотворенье,
Отрываясь от текста сосны.

***

Мать Земля, младенец я,
В поисках твоей руки
Расползаюсь по холмам
И иду на дно реки.
Ты, страдальная Земля,
Кормишь травы и цветы,
Поишь нити ковыля,
Носишь древние дубы.
Что тебе еще одна?
Мои корни укрепи.
Милая, душа моя,
Помоги мне возрасти.

***

Все, что нужно, — скрипучий стул,
Компьютер и включенный свет.
За стеклопакетом — шум,
Он белый, как первый снег.

Протяжно стонет стена.
Ребенок кричит, как бес.
Кто-то коснулся клавиши —
Она издала ре-диез.

В такие минуты, когда
Душа похожа на соль,
Глухо, как старый рояль,
Мир издает бемоль.

---

* Студентка ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», мастерская Н. В. Коляды, 1 курс). Живет и работает в Екатеринбурге.

***

Ваши пальцы, как дерево, сморщены
И уже не работают правильно.
Ваши руки устало сложены —
Вы уже ничего не меняете.

Вы не слышите больше слов
И не видите дальше носа.
Вы пыhtите, как паровоз,
И коптите, как папироса.

Но и мне немного осталось:
Седой волос среди кудрей.
Ваша неблагодарная старость
Когда-нибудь станет моей.

***

То кровь или листва во мне шумит,
Во тьме сухой и твердой скорлупы?
В ней так тепло. Она мой верный щит
От грязи окружающей земли.

Во тьме надежной, жесткой скорлупы
Все безопасно и угрозы нет.
Ни пыли, ни рокочущей толпы
И ни намека на влекущий свет.

Но я расту. Я упираюсь в потолок.
Я бьюсь в оковах маленькой тюрьмы,
И с каждым днем я вижу, как росток,
Как я освобождаюсь ото тьмы.

***

Мы не властны над умами
Так, как властен Он над нами.

Крест на каменных ногах
Прячет равнодушный взгляд.

По груди струится стежка:
Подожди еще немножко.

Как в пустой иконостас,
Я смотрю вглубь ваших глаз.

***

Вместо дыхания — слова,
И я живу, едва дыша,
Все потому, что выдыхать
Их права не имею я.

Ведь каждый день, пока жива,
Идут, идут, идут счета
За то, что ценные слова
Впустую, зря вдыхаю я.

О, кто бы мне помог сперва!
Кругом вода, одна вода.
Держу дыханье при себе...
Но не дышать так трудно мне.

***

Вы учили меня вальсировать,
Поздравляли меня под сиренью,
Мы читали вдвоем Шекспира
И ходили в кино в воскресенье.

После вас я часто терялась
И блуждала в сплетении улиц.
Мы пели дуэтом романсы,
Где ни слова про поцелуи.

Вы меня не сумели помиловать
И для вас все осталось, как было.
Но теперь я умею вальсировать,
И теперь я читала Шекспира.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ПОНЕДЕЛЬНИК

Это случилось в понедельник. Как и все понедельники, этот возник в расписании внезапно, словно кто-то не особо заботливый постарался уместить между воскресеньем и вторником скопившиеся за несколько миллионов лет часы. И Человек, потирая глаза поздно вечером, с удивлением обнаружил новый день недели. Как будто до него все человечество жило, переходя с воскресенья на вторник и со вторника на субботу, и только

при нем, специально для того, чтобы его помучить, все поменяли.

Не то что бы его жизнь была так плоха. Как и многие, человек отучился в школе одиннадцать классов. Закончил ее с обычным, ничем не отличающимся аттестатом, поступил в вуз — окончил его с синим, ничем не примечательным дипломом, устроился на серую, ничем не замечательную работу, чтобы получать белую, ничем не выделяющуюся зарплату, которой было достаточно, чтобы покрывать расходы его небольшой, ничем не интересной семьи.

Но все-таки это случилось в понедельник. Странно: за всю свою длинную, насыщенную всякими «не» жизнь человек даже не предположил, что такое может с ним произойти. Не то что бы он вообще хоть раз озаботил себя такой вещью, как предположения, доверяясь графику, врачам и глубоко правдивым статьям из интернета. Жизнь всегда казалась ему простой и понятной, поэтому задаваться вопросами было ни к чему.

Конечно, как и всякие дети, человек задавал вопросы родителям, когда пришло время. Именно пришло — родитель сам подошел к маленькому, растрепанному человеку, который слюнявил свой палец, и сказал: «Можешь задать мне вопросы». Эта фраза так удивила и испугала человека своей неожиданностью, что тот не смог ничего сказать. С тех пор он так никогда вопросов и не задал. Учителя думали, что он очень умный, раз никогда не уточняет непонятные ему места, не подозревая, что человек просто не умел. Видя вопросительный знак, он щурился и, чиркая в учебнике или тетради, превращал его в жирный восклицательный знак, более понятный, чем эта змеиная шея с точкой внизу.

Восклицания были ему понятнее, они добавляли его речи веса, мощи, уверенности. Он словно вырастал над собой, становясь значительней, властней: менеджером среднего звена или, в особо праздничные и громкие дни, старшего.

К большему он и не стремился.

Но все-таки это случилось. Интереснейшее недоразумение, которое он предчувствовал еще в душный вечер воскресенья, потирая глаза и смотря на календарь. Что-то внутри него заворчалось, заскреблось, стиснуло легкие, прикалывая их к позвоночнику, но он, не умеющий задаваться вопросами, не обратил на это внимания и лег спать.

А на утро понедельника он умер. Вот так просто — проснулся и умер. Сосуд, долгое время терпевший соседа-грубияна тромба, не выдержал и, собрав всю свою сосудистую гордость в один желудочек, оторвал его. И тут человек проснулся. Ровно в шесть тридцать, как велело его расписание. Он повел плечами, почесал левую ногу, зевнул и пошел на кухню, следуя распорядку своей обычной жизни. Он спокойно позавтракал, поцеловал в щеку свою ничем не выделяющуюся жену и ничем не выдающегося сына, который поморщился от поцелуя — не потому, что тот был холодным. Холодным он был всегда. Просто сын был в таком возрасте, когда любая ласка со стороны родителя воспринимается как личное оскорбление, предательство и покушение на честное имя. Поэтому человек даже не удивился. Он оделся и пошел на работу.

В транспорте ему наступили на ногу, но он не заметил этого. Дело было не в том, что он мертв — в четкий распорядок его жизни не втискивались споры и ссоры.

На работе он, как и прежде, задержался. Он всегда задерживался — из-за своей тактичности он работал за всех, а из-за неумения задавать вопросы работал вдвое больше за себя. Его не удивляло, что он не хотел есть и пить. Его единственным спутником во время работы всегда был только кофе — не дорогой и не дешевый. Так, обычный, наполовину растворимый, наполовину молотый. Кофе придавал ему сил и наполнял желудок.

Но вот его жену удивило, когда он в час ночи сел на кровати, серыми глазами смотря на простые серо-зеленые обои. Она спросила у него, все ли в порядке, и этот вопрос заставил его оцепенеть, как и все прочие вопросы. Человек мотнул головой и лег на подушку, закрыв глаза. Уснул ли он? Нет. Но ему казалось, что да, потому что задаться вопросом «а плюю ли я?» он не мог. Зато он знал наверняка, что по его обычному распорядку он должен в это время спать. А раз он должен, значит, спит. Никаких сомнений в этом быть не может.

Так человек прожил еще неделю. Ел, когда надо, спал, когда надо, просыпался, когда надо, и не замечал, что в груди нет ритмичного биения живого, налитого темной кровью сердца, что нет тихой, едва различимой пульсации в ушах и венах, что он весь — остановился.

Но случился случай. И опять в понедельник. Кто-то положил на ступени в метро резиновый коврик, чтобы ноги не сколь-

зили. Коврик тонкий — полсантиметра в высоту, но и их было достаточно, чтобы человек, привыкший к определенной высоте ступеньки, не рассчитал и потерял равновесие. Его нога вывернулась назад, что-то в колене хрустнуло, и он, врезаясь в прямоугольные ступени, упал вниз. Если бы не проходящие мимо люди, он бы так и остался в оцепенении и ужасе лежать на холодном и мокром полу, но его подняли, вызвали скорую и погрузили в машину.

В больнице, как и всякому больному, ему начали мерить температуру, но градусник упорно молчал, то не показывая температуру вообще, то фиксируя совсем уж маленькие цифры. Когда и ртутный, и электронный градусник показали свою бесполезность, человеку было решено измерить давление, которое опять не удалось определить. Врач, по старинке приложивший стетоскоп к запястью человека, долго и тревожно вслушивался в тишину. Просидев над рукой человека минуту, врач сорвал стетоскоп и выбежал за дверь, приведя за собой коллегу — невролога. Невролог посветил в глаз человека, постучал его молоточком по целому колену и, не дождавсь реакции, нахмурился.

Человек безучастно смотрел, как два врача перешептывались о чем-то важном. Это не волновало его — единственной мыслью, которая тревожила человека, была та, которая твердила о безнадежном опоздании на работу и грядущем выговоре.

В кабинет набилось еще пятеро врачей, крутивших человека, заглядывавших ему в уши, в рот, в нос, пытавшихся нащупать его пульс или проверить дыхание. Когда с осмотром было покончено, врач, меривший ему давление, вышел вперед и, как бы извиняясь, опустил взгляд, неловко разглаживая складки на белом медицинском халате.

— Вы... Как бы это сказать... По всем показателям вы мертвы, — стыдливо сообщил он.

Человек глупо захлопал глазами, пощупал грудь, остановил руку там, где должно быть сердце. Пульса не было. Человек в непонимании захлопал глазами, его губы сложились в трубочку, а изо рта пытался выйти первый в его жизни вопрос: «как?». Но привычка взяла верх, и ни один звук не покинул его уже давно мертвой груди. Человек упал на холодный кафель и замер, как и полагается всякому порядочному трупу. Его сознание потухло, глаза, и при жизни не выражавшие ничего, остекленели. Лицо его поблекло, как старая вырезка из газеты.

***

Никогда ни о чем не жалею:
Ухожу — и однажды уйду
По осенним холодным аллеям,
По осеннему тонкому льду,

По разлукам, по горечи звонкой,
По печали, что плачет и ждет,
Стану просто соседской девчонкой...
И другая однажды придет.

Завладеет, заполнит, залечит
В сердце трещины и пустоту.
И далёко я буду...

Мне легче
Станет только когда я уйду.

И Вселенная станет иною,
И дыхание станет ровней.
И она тебе станет судьбою —
Только ты обо мне не жалеи.

***

Дай тобой наглядеться мне, осень!
Дай заплакать у всех на виду!
Неба просишь, а, может быть, просеешь —
Мне на радость, тебе — на беду.

Дай напиться холодным туманом,
Как обманом, остыть, охладеть...
Дай тобой, как любовью, быть пьяной,
Только так, чтобы не умереть.

---

* Студентка ЕГТИ (мастерская Ю. В. Казарина, 1 курс). Живет в Екатеринбурге, работает в научно-исследовательском институте по основной специальности (химия).

А умру — ну, так что ж? Похоронят!
Кто поплачет, а кто помолчит...
И в величественном перезвоне
Прямо к Богу душа полетит.

***

Тишина. Одиночество. Полночь.
Спрятать боль за бессмыслицей фраз —
Спрятать суть обнаженную...

Помнишь,
Как все было? Тогда, не сейчас.

А сейчас — только боль и разлука,
Только полночь — полна и черна.
Только бездны разверзшейся мука
И беспомощность только одна...

***

Будут песни и будет любовь,
Будет то, чему быть непременно.
Будешь ты!
Но чего же ты ждешь?
Будь, пожалуйста, будь неизменно!

Чтобы ночь разлетелась в куски
От нахлынувшей мякоти чувства!
Чтобы не было больше тоски,
От которой мучительно грустно.

Будешь ты — будет всё!
Если боль —
Не страшусь даже боли кромешной!
Ведь любовь — это хлеб, это соль,
Ведь любить — это так неизбежно.

***

О тебе лишь молюсь и плачу
И не помню в мольбе горячей,
Как ушел ты однажды ночью —
Ты ушел, не простившись, молча...

Нет, не вспомню обиды жгучей —
Помолюсь в тишине я лучше:
Чтобы все в твоей жизни было,
Чтоб другая тебя любила,

Чтоб у вас не болели дети —
Нет их лучше на целом свете!
Так что если устанешь, милый,
Вспомни, как я тебя любила.

***

Руки ко мне положи на плечи.
Знаешь, любимый, и правда легче

Так вот, с твоими руками вместе.
Вместе умрем, а потом — воскреснем!

И будем жить в самом лучшем мире,
И наконец-то — в своей квартире.

***

Молчи, молчи! За гранью смысла
Все, что случилось. Уезжай!
Неловко тишина повисла.
Гремит на улице трамвай.

Воркуют голуби. Теплеет.
Конец апреля — скоро май...
Прошу, молю тебя: скорее
Как можно дальше уезжай!

Чтоб нас разъяли расстоянья,
Пространство, время и дожди...
Но говоришь ты: «До свиданья!»
И я шепчу: «Не уходи!»

***

Себе кажусь порой пылинкой малой,
Затерянной, бездомной и усталой.
Так ничего, по сути, не сказала,
А жизнь наполовину пробежала.

Мое существование — ничтожно:
Я — только точка, как это возможно?
Жить так легко, но вместе с тем так сложно:
Что — истина, скажи мне, а что — ложно?

Но вдруг среди этой суеты беспечной
Находишь то, что ощущаешь Вечным,
Святым и абсолютно Безупречным!
Не жаль тогда и жизни быстротечной.

***

В объятьях твоих, словно птичка,
Затихну и не встрепенусь.
Пусть мне до сих пор непривычно,
Тебя я уже не боюсь!

Тебе я сумела поверить —
Твоим осторожным рукам.
И то, что никак не измерить,
Тебе лишь, любимый, отдам.

Татьяна Шорохова*

День прошел, как и вообще-то
проходят дни, я убил, я тихо сгубил
его своим примитивным и робким
способом жить...

(Г. Гессе «Стенной волк»)

Все как обычно, — дети, кухня,
В ночь — тетради, где мечты детские,
Длинные, звонкие, как слово — «ухнем»,
Выпрыгнувшие из окон с двойными сетками.
Скачут мячиками. Ревут. Целуются.
А ты опять — наедине с мыслями —
Темными, черными... Не рифмуется
Новая жизнь со шами кислыми...
Детей поднимешь, вытянешь, вытащишь —
Сама останешься птицей в клетке
С тоскливыми песнями и гастритами —
Такая вот Сирин на голой ветке...

***

Обычный день — это пауза между сном,
Где ломаной линией прячется ирреальность быта,
Это бумага, чей шелест тебе знаком,
Это история, где правит чужая тебе Аэлита.

Обычный день — это дожди, дожди —
Сиреневый, яблочный — всякий, какой захочешь,
Это фраза: «Сегодня меня не жди!»,
Это тоненькая мембрана потухшей ночи.

Обычный день — это рыжий ученый кот,
Что от черного родился таким вот рыжим,
Книги читает, гекзаметром песни поет
И мохнатую лапой себя за ушами лижет.

---

* Слушатель творческого семинара ЕГТИ (специальность «Литературное творчество»).

Обычный день — это тот, что придумал ты сам,
Большой ли, маленький, примеренный к утренним снам...

***

Азбука Морзе — тире, точка, тире...
Тире — это день, а точки, конечно, ночью.
Потом все путается, сбивается, как в старой игре.
Тире — это ночь, которую не увидеть воочью.

Одни лишь сны... Ты маленькая. Шитик. Портфель
С большою пуговицей вместо застежки.
В речке — камушки... Городище... Ель...
Кошка Зухра... Доверчивые ладошки...

Все мешается: ямб, хорей. Дактиль целуется с амфибрахием.
Строки не складываются в колыбель.
Ложка, наполненная жженым сахаром...
Папа встает. Падает. Скомканная постель...

Азбука Морзе — тире, точка, тире,
Что не поймешь, какое число на дворе...

***

Пенелопа — тело твое,
Остров Итака, ночами тоскующий.
Одиссей — душа, что отправилась в путь
От него по дорогам...
Снова Мойры прядут свое —
Сциллой, Харибдой сон указующий
В подземелье Аидово, где в тине по грудь
Мы меж отрогами
Скал, ущелий и стен идем и идем,
Захлебываемся, корчимся в нечисти...
Время — часами, сутками, бессмысленным днем —
Стонем и мечемся...
Мечтаем о лете...

Троянским конем на рассвете,
Кораблем ли, триерой, водой из сосуда,
Одиссей, ты выведешь нас отсюда?

***

Эхо...
Заблудившимся эхом брожу по стене,
Натыкаясь на шкаф, телевизор и домик для кошек,
Отгоняя от стрелок часов заблудившихся мошек
И купаясь в бокале, каком-то пьянящем вине,
Засыпая под мехом
Эхом...

Эхом...
Дерзновенно решусь и коснусь вышины,
А потом от нее к зеркалам и окну, что мешают, скрывают
Просто жизнь, ту любовь, те сердца, что опять обещают,
Ведь в моих волосах — цвет твоей седины...
Надрывается смехом
Эхо...

Эхо...
От окна до тебя половина, полсотни шагов,
Но уже не дойти, только выдохом, эхом коснуться...
С этой болью привычно смириться, склониться, согнуться.
Белым пухом взлететь. Старый опыт не нов.
Буду вечной потехой —
Эхом...

***

Вода сегодня умерла
На дне глубокого колодца.
Она дышала и жила
Недавно. Под давлением солнца
Она шептала тот напев,
Что ручейком когда-то знала.
Вода страдала здесь за всех
И умирала, умирала...

И мохом покрывался сруб,
И журавель ведро пустое
Ронял из почерневших губ.

И обрывалось золотое...

***

Шагнуть —
Себя пере-шагнуть.
Ступить —
Себя пере-ступить.
Пере-болеть,
Пере-бороть.
И мир в муку пере-молоть,
Где старятся отец и мать...

Недо-любить,
Недо-понять...

***

Ветки тополя
Тянутся в зимнее небо.
Крест на луне.

***

Красною нитью по белому полю черчу
Линию жизни своей.
Разве так важно, когда я навек замолчу:
Просто дорога светлей.

Просто шиповник дождик белесый польет...

Литературно-художественное издание

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ 2020

Драматургия, поэзия, проза

Редактор *Екатерина Филатова*
Верстка *Екатерины Жилиной*

Издательство «ТХТ»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Подписано в печать 10.01.2021.
Бумага офсетная. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,15
Тираж 100 экз.